

ы ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТА

Джон Рональд Руэл
ТОЛКИЕН

*Хоббит,
или Туда и обратно*
Избранные произведения

ы ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТА

Джон
Рональд
Руэл
ТОЛКИЕН

Хоббит,
или Туда
и обратно
Небывшая история

Шаги гоблинов

•

Хоббит, или Туда и обратно

•

Кузнец из Большого Вуттона

•

Фермер Джайлс из Хэма

•

Приключения Тома Бомбадила

•

Возвращение Беорхтнота

•

Избранные письма

•

Тайный порок

•

Лист Ниггла

ДЖОН
РОНАЛЬД
РУЭЛ

ТОЛКИЕН

*Хоббит, или
Туда и обратно*

Избранные произведения

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2002

УДК 820
ББК 84(4 Вел)
Т 52

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Т 52 **Толкиен Дж. Р. Р.**
Хоббит, или Туда и обратно: Избранные произведения / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, СПб: Terra Fantastica, 2002. — 608 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5-7921-0494-8 (TF)

ISBN 5-04-009107-9 (Эксмо)

УДК 820
ББК 84(4 Вел)

ISBN 5-7921-0494-8
ISBN 5-04-009107-9

© Перевод. Д. Афиногенов, Т. Велимеев,
К. Королев, А. Лактионов, Ю. Соколов,
В. Тихомиров, Г. Усова, 2002
© Составление. А. Лактионов, 2002
© Внутреннее оформление.
TERRA FANTASTICA, 2002
© Оформление переплета.
ООО «Издательство «Эксмо», 2002

ШАГИ ГОБЛИНОВ

Мне вновь туда пора,
Где, разгоняя мрак,
Волшебные фонарики сверкают,
Где шелестит трава,
Кольшется листва
И птахи меж деревьями порхают.
Жужжат в ночи жуки
И выются мотыльки,
К огням чудесным издали влекомы.
Вот лепрехун извлек
Свой колдовской рожок:
Шагают по лесной дороге гномы.

О! мерцанье фонарей!
О! круженье светляков!
О! прозрачных, нежных крыльев трепетанье!
О! как легок каждый шаг —
легко, звонок каждый шаг!
О! как сладко прикоснуться к тайне!
Крадусь за ними вслед.

Вожатый — лунный свет
Манит, с пути мне не давая сбиться.
Чу! Сладостный напев
Звучит в тени дерев,
Где ручеек проворный серебрится.
Но нет, мне не успеть,
Фигур не разглядеть —
Исчезли за ближайшим поворотом.
Куда же вы, друзья?
На сердце у меня
Тоскливо так, признаться, отчего-то.

О! тропа в лесной глуши!
О! мгновенье волшебства!
О! продлить его, продлить — да только нечем!
О! как звонок каждый шаг —
звонок, легок каждый шаг!
О! как жаль, что мимолетна встреча!

**ХОББИТ,
ИЛИ
ТУДА И ОБРАТНО**

Перевод Кирилла Королева

*Стихи в переводе
Владимира Тихомирова*

Глава 1

НЕЖДАННОЕ УГОЩЕНИЕ

В земле была нора, а в норе жил хоббит. Нора была вовсе не грязная и совсем не сырая; не копошились в ней черви, не лепились по стенам слизняки, нет — в норе было сухо и тепло, пахло приятно, имелось там на что присесть и что покушать, — словом, нора принадлежала хоббиту, а стало быть, само собой, была уютной во всех отношениях.

Входная дверь в нору, круглая, точно люк, со сверкающей медной ручкой посередине, была выкрашена в зеленый цвет. Открывалась она в просторный и длинный коридор, похожий на пещеру, но чистый и ничуть не задымленный; в нем стояли стулья, пол устлала ковры, стены, обшитые деревянными панелями, оснащены были великим множеством крючков для плащей и шляп — этот хоббит просто обо-жал принимать гостей. Коридор, изгибаясь, проходил в глубине холма — или Кручи, как называли холм на много миль окрест. По обеим сторонам ко-

ридора в два ряда тянулись маленькие круглые дверцы, за которыми скрывались самые разные помещения, так что лазать наверх или спускаться вниз хоббиту не приходилось: спальни, ванны, погреба и кладовые (их было не перечесть), кухни, трапезные, гардеробные (в норе имелась особая комната, целиком отведенная под одежду) — все находилось рядом, в любую комнату можно было попасть из того же самого коридора. Лучшие покои располагались по левую руку, если стоять спиной ко входу, и только в них были окна, глубоко посаженные круглые оконца, выходившие в сад, за которым полого скатывались к реке луга.

Этот хоббит был весьма зажиточным, а фамилия его была Торбинс. Торбинсы обитали на Круче невесть с каких пор, и все их очень даже уважали — не только потому, что они славились своим богатством, но и потому, что в роду у них не было сумасбродов и ни с кем из Торбинсов никогда ничего не приключалось. И всякий мог заранее догадаться, что ответит какой-нибудь Торбинс на тот или иной вопрос. Однако наша история — о том, как один из Торбинсов засумасбродил и, сам не зная почему, начал говорить и делать вещи поистине невероятные. Пожалуй, после этого он потерял уважение соседей, зато приобрел... — впрочем, вы скоро узнаете, приобрел ли он хоть что-нибудь.

Матушкой нашего хоббита... Да, кстати, а кто такие хоббиты? Ведь сегодня хоббиты встречаются весьма редко и старательно избегают Громадин (такое прозвище они дали людям), поэтому не мешает, наверно, их описать, хотя бы в общих чертах. Это маленькие существа, ростом взрослому человеку по пояс. Но они — не гномы: хоббиты будут пониже, да и бород отродясь не имели. Волшебством они не занимаются, зато умеют в мгновение ока скрыться,

если поблизости появятся Громадины, топочущие будто слоны. Хоббиты предрасположены к полноте, носят одежду ярких цветов, предпочитая в основном желтый и зеленый; ходят они босиком — башмаки им не нужны, ибо кожа у них на ступнях крепче сапожной подошвы, а стопы сверху покрыты густой рыжеватой шерсткой, согревающей в холода; пальцы у хоббитов длинные и чуткие, лица добродушные, и смеются они от души (в особенности поевши, а едят они часто и помногу). Ну вот, теперь вы знаете о хоббитах достаточно, и я могу продолжить.

Как я уже сказал, матушкой нашего хоббита, Бильбо Торбинса, была знаменитая Белладонна Тук, одна из трех дочерей хоббитана Тука, жившего в Приречье, за маленькой речушкой, что течет у подножия Кручи. Соседи поговаривали, что давным-давно один из предков Старого Тука женился на эльфийке. Это, конечно, полная нелепица, но все же в Туках имелось что-то такое, совсем не хоббитовское, и время от времени родичи Туков, а то и они сами, находили приключения на свою голову. Иногда кое-кто из них исчезал неизвестно куда, а оставшиеся, когда их принимались расспрашивать, упорно отмалчивались, притворяясь, будто они ни о чем таком — ни сном ни духом... В общем, Туков, хоть они и были богаче, в Хоббитании уважали меньше, чем Торбинсов.

По счастью, Белладонна Тук вовремя вышла замуж за господина Банго Торбинса, и приключения обошли ее стороной. Банго, отец Бильбо, отрыл для жены (частью на деньги из ее приданого) такую роскошную нору, с которой не шли ни в какое сравнение все прочие, будь то на Круче, в Исторбинке или в Приречье. В этой норе они жили до конца дней своих. Может быть, Бильбо Торбинс, единственный отпрыск досточтимой Белладонны, на вид — точная

копия своего добродушного и покладистого отца, унаследовал от матери эту самую Туковскую особенность, которая ждала лишь подходящего времени, чтобы проявиться во всей красе. Однако... Бильбо благополучно вырос, стал уважаемым хоббитом в расцвете сил (ему было уже под пятьдесят), а подходящее время все не наступало. И лишь когда стало казаться, что господин Торбинс так и просидит в своей норе до скончания дней, произошло знаменательное событие.

По некой случайности, как-то тихим утром — в те времена шума было меньше, зелени больше, а хоббиты множились и процветали, — Бильбо Торбинс, плотно подзакусив, стоял у двери своего обиталища, покуривая длинную деревянную трубку, почти упиравшуюся чубуком в его стопы, шерстка на которых была аккуратно расчесана. И тут он увидел Гэндальфа. О, этот Гэндальф! Когда бы вам довелось услышать о нем хотя бы четверть того, что слышал я (а я слышал лишь малую толику из того, что можно было услышать), вы бы сразу поняли — вас ждет поистине замечательная история. Повсюду, где ни побывал Гэндальф, повсюду о нем рассказывали самые невероятные небылицы. В Хоббитании же он не показывался с тех пор, как умер его друг Старый Тук, и нынешнее поколение хоббитов почти забыло, каков он из себя. Ведь Гэндальф покинул Кручу и удалился в неведомые края, за Приречье, еще в ту пору, когда они были сущими несмышленишками.

Ни о чем худом не помышлявший Бильбо добродушно наблюдал за странно одетым стариком. На Гэндальфе был длинный серый плащ с серебристым шарфом и высокая, остроконечная, слегка потрепанная голубая шляпа. Дополняли наряд огромные черные башмаки. В руке старик сжимал посох.

— Доброе утро, — поздоровался Бильбо. Ведь утро и вправду было лучше некуда — сияло солнце, на дворе зеленела травка.

Гэндальф пристально поглядел на хоббита, погладил свою длинную и пушистую седую бороду и сдвинул кустистые брови, выдававшиеся из-под широких полей шляпы.

— И что же это означает? — осведомился он. — Желаешь ли ты доброго утра мне или хочешь сказать, что оно было добрым до моего появления? Или намекаешь, что у тебя все в порядке и ты не прочь поболтать?

— И то, и другое, и третье, — отозвался Бильбо. — Присаживайтесь, господин хороший. В такое утро просто грех не выкурить трубочку на свежем воздухе. У меня отличный табачок. Угощайтесь. Спешить некуда, целый день впереди, — Бильбо уселся на лавочку, скрестил ноги и выпустил замечательное кольцо дыма. Ветерок подхватил его и повлек в сторону Приречья.

— Спасибо за приглашение, — сказал Гэндальф. — Но мне некогда заниматься пустяками. Я должен найти того, кто согласится отправиться со мной навстречу приключениям. К сожалению, покамест никто не соглашается.

— Нашли где искать, в наших-то краях! Тут народ тихий, мирный... Лично мне приключения совсем ни к чему, есть в них что-то такое тревожное, неудобное... Жаль, что вы опоздали к завтраку. Знал бы я, что вы придете, я бы вас попочтевал на славу.

Бильбо выпустил кольцо дыма больше предыдущего, засунул палец за подтяжки и принялся просматривать утреннюю почту, притворяясь, будто незнакомец его вовсе не интересует. Этот старик настораживал; господину Торбинсу больше всего хотелось, чтобы незваный гость поскорее убрался

восвояси. Но тот стоял себе, опершись на посох, и молча глядел на хоббита. Бильбо начал сердиться.

— Доброе утро! — сказал он. — Нам приключения ни к чему. Прогуляйтесь в Приречье, может, там кто согласится.

Уж, кажется, яснее некуда — разговор окончен. Но упрямый старик никак не желал уходить.

— Что за прелесть твое «доброе утро», — промолвил он. — Теперь оно означает, что ты жаждешь от меня избавиться, и покуда этого не случится, утро не станет по-настоящему добрым.

— Вовсе нет, господин хороший, вовсе нет! Простите, я не уверен, что знаю ваше имя...

— Да неужели, господин хороший? А вот я твое имя знаю прекрасно, Бильбо Торбинс, да и мое тебе известно, хотя ты и не помнишь, что оно мое. Я — Гэндальф, а Гэндальф — это я! Подумать только, до чего я дожил — доброутренничаю у дверей с сыном Белладонны Тук! Ни дать ни взять бродячий торговец!

— Гэндальф? Погодите, погодите... Это не тот ли чародей Гэндальф, подаривший Старому Туку изумрудные запонки? Да не простые, а волшебные: застегнул — так все, уже не расцепишь, как ни бейся, пока нужного слова не молвишь. Тот самый Гэндальф, мастер устраивать огненные потехи? Как же, как же, я это помню! — Старый Тук обыкновенно зывал Гэндальфа в Хоббитанию ближе к солнцевороту. И Гэндальф всякий раз откликнулся на его просьбу и тешил хоббитов фейерверками, от которых ночью становилось светло как днем. Это было замечательно! Шутихи в сумерках взлетали в небо и распускались там желтыми лилиями, рдяными маками, белоснежными цветками ракутника... — Вот чудеса! Вы — тот самый Гэндальф, из-за которого столько хоббитов бросило дом и отправилось не-

весть куда! Говорят, вы их зазвали в гости к эльфам — по деревьям ползать, на лодках поплавать... Знатно вы тогда всех перебаламутили небылицами своими складными. Драконы там да гоблины, принцессы спасенные, воины бесстрашные... Покорно благодарим, нам такого не надо. Прошу, конечно, прощения, но я и не думал, что вы еще живы.

— А что мне сделается? — усмехнулся маг. — Я рад, что ты вспомнил меня. Во всяком случае, мои фейерверки. Все лучше, чем ничего. Уважая память твоего деда Старого Тука и твоей матушки Белладонны, я дарю тебе то, о чем ты просил.

— Так ведь я, уж простите великодушно, ничего не просил.

— Разве? Ты уже дважды просил у меня прощения. Так вот, я тебе его и дарю. Скажу откровенно, я забрел в эту даль только ради тебя. Пойдем со мной. Это приключение обещает быть занятным для меня и полезным для тебя — и весьма выгодным. Соглашайся, мой милый.

— Извините! Не надо мне никаких приключений, благодарствую! Только не сегодня! Доброе утро! Пожалуйста, приходите к чаю... Милости просим! Завтра. Да, приходите завтра. Всего хорошего. — С этими словами хоббит поспешно юркнул за круглую зеленую дверь. Правда, он тут же пожалел о своей поспешности. Невежливо все-таки. А с чародеями, сами понимаете, лучше пообходительнее: не ровен час, разгневаются.

— И зачем я пригласил его к чаю? — сокрушено спросил сам себя господин Торбинс, направляясь в кладовку. Он позавтракал совсем недавно, однако чувствовал, что ему просто необходимо перекусить — так сказать, зажевать испуг.

А Гэндальф, отсмеявшись, подошел к двери и концом посоха начертил на ней странный знак. После

чего повернулся и зашагал прочь. Между тем Бильбо, доедая второй пирог, мало-помалу успокаивался и уже мысленно поздравлял себя с тем, как ловко избавился от страшного приключения.

К следующему утру хоббит — такой уж он был легкомысленный — почти позабыл о Гэндальфе. Обыкновенно все важные дела, которые нужно было сделать, он записывал на особую дощечку. Если бы накануне его не перепугали до полусмерти, он, должно быть, записал бы что-нибудь вроде: «Гэндальф, чай, среда». А так — Бильбо настолько разволновался, что начисто забыл о своей полезной привычке.

Наступило время пить чай. Тут дверной колокольчик яростно затрещал, и Бильбо вспомнил! Он поставил котелок на огонь, достал вторую чашку с блюдцем, выложил на тарелку еще два пирога и побежал к двери.

«Прощу прощения, что заставил ждать» — вот что он собирался сказать Гэндальфу.

Но оказалось, что пришел вовсе не Гэндальф. С порога на Бильбо пристально глядел гном! В темно-зеленом плаще с капюшоном, с седой бородой, заправленной под золотой пояс. Едва дверь отворилась, гном ринулся вовнутрь, будто за ним гнались.

Кинув плащ на ближайший крючок, он низко поклонился и произнес:

— Двалин, к вашим услугам. — Глаза у него были необыкновенно ясные.

— Бильбо Торбинс, к вашим, — отвечивал хоббит, слишком изумленный, чтобы задавать какие-либо вопросы. Установилось молчание. Когда молчать дольше стало неудобно, Бильбо сказал: — Я как раз собирался пить чай. Пожалуйста, присоединяйтесь. — Пусть чай уже успел остыть, но радушие, как известно, прежде всего. И то сказать: как поступили бы вы, явись к вам в гости незванный гном и

повесь он, ничего не объясняя, свой плащ в вашей прихожей?

За столом они просидели недолго. Оба только-только принялись за третий пирог, когда колокольчик зазвонил громче прежнего.

— Прощу прощения, — извинился хоббит и поспешил к двери.

«Наконец-то вы пришли» — собирался сказать он Гэндальфу. Но это опять был не Гэндальф. На пороге стоял умудренный годами почтенный гном с белой бородой и в алом плаще. Подобно первому, он без спроса ввалился в прихожую, едва дверь распахнулась.

— Вижу, потихоньку подтягиваются, — произнес он, заметив темно-зеленый плащ Двалина. Повесив на крючок свой, гном приложил руку к груди и представился: — Балин, к вашим услугам.

— Очень рад, — ответил Бильбо со вздохом. Разумеется, вздыхать было не очень-то вежливо, но его поразили слова Балина «потихоньку подтягиваются». Хоббит любил гостей, но предпочитал приглашать к себе в дом добрых знакомых, а вовсе не подозрительных личностей с улицы. Внезапно хоббиту в голову пришла ужасная мысль: сейчас гномы съедят все пироги, и ему ничегошеньки не останется. Увы, никуда не денешься — хозяин должен потчевать гостей так, чтобы они ушли довольными... — Проходите, — выдавил он. — Выпейте с нами чаю.

— Если вас не затруднит моя просьба, сударь, — откликнулся Балин, — мне бы лучше пива. Впрочем, против пирогов я ничего не имею. Особенно если они с тмином.

— Сколько угодно, — Бильбо сам изумился своему ответу. Он направился в погреб и до краев наполнил пивом пинтовую кружку, потом заглянул в

кладовку и прихватил два чудесных пирога с тмином, которые собственноручно испек себе на вечер.

Балин и Двалин, сидя в зале, болтали как закадычные друзья (по правде сказать, они были братьями). Бильбо поставил на стол пиво и тарелку с пирогами, и тут колокольчик прозвонил дважды подряд.

«Теперь-то уж наверняка Гэндальф», — подумал Бильбо, подбегая к двери. Однако он вновь обманулся в своих ожиданиях. Едва дверь отворилась, в прихожую впрыгнули два гнома — оба в голубых плащах, подпоясанных серебряными кушаками. Бороды у них были цвета соломы, в руках они держали мешки с инструментами и лопаты. Бильбо решил ничему не удивляться.

— Чем могу быть полезен, добрые господа? — спросил он.

— Кили, к вашим услугам, — сказал один гном.

— И Фили, — прибавил второй. Оба сняли плащи и поклонились.

— Очень приятно. Бильбо Торбинс. — Хоббит наконец-то вспомнил о хороших манерах.

— Я вижу, Балин и Двалин уже здесь, — проговорил Кили. — Компания собирается.

«Компания? — мысленно повторил господин Торбинс. — Ох, что-то мне это совсем не нравится. Пожалуй, стоит посидеть в уголке, чего-нибудь выпить и поразмыслить».

Едва он приложился к кружке — четверо гномов тем временем, рассевшись вокруг стола, говорили о рудниках и о золоте, о схватках с гоблинами и о драконах, и о чем-то еще, совершенно непонятном простому хоббиту, о чем-то явно приключенистом, — колокольчик залился снова, да так звонко, будто его пытался оторвать какой-нибудь негодный хоббитенок.

— Похоже, сразу четверо, — заметил Фили. — Ну да, мы же видели их по дороге.

Бедный хоббит выбежал в прихожую и сел прямо на пол, обхватив голову руками. Да что же это такое? Неужели они все останутся на обед? Колокольчик затрещал снова, еще громче, и Бильбо пошел открывать. Гостей оказалось не четверо, а пятеро. Стоило лишь приоткрыть дверь, как все очутились внутри. Друг за другом они кланялись и произносили: «К вашим услугам». Новоприбывших гномов звали Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин. Вскоре два малиновых плаща, серый, коричневый и белый уже висели на крючках, а хозяйева плащом направились в залу. И в самом деле компания. Кто заказал эль, кто — портер, кто — кофе, и все в один голос потребовали пирогов. Некоторое время хоббит был очень занят.

К очагу поставили большой кувшин с кофе; пироги с тмином кончились, и гномы принялись за лепешки с маслом. И тут раздался громкий стук. Кто-то грубо колотил палкой — бум-бум-бум! — по чудесной зеленой двери.

Бильбо разозлился и вместе с тем окончательно запутался — такого бестолкового дня у него еще не бывало. Он побежал открывать. Когда дверь распахнулась, в прихожую, устроив кучу малу, ввалились четверо гномов. А на пороге, опираясь на свой неизменный посох, стоял довольный Гэндальф. На двери красовалась глубокая вмятина, однако знак, начертанный магом накануне, чудесным образом исчез.

— Осторожнее, господин Торбинс, — укорил чародей. — Да полно, ты ли это, Бильбо? Сперва держишь друзей на пороге, а потом без предупреждения отпираешь... Позволь представить тебе Бифура, Бофура, Бомбура и, конечно, Торина.

— К вашим услугам, — хором произнесли Бифур, Бофур и Бомбур, став рядом.

Гномы повесили на свободные крючки два желтых плаща, светло-зеленый и небесно-голубой с длинной серебряной кисточкой. Последний плащ принадлежал Торину, очень важному гному, который был не кем иным, как великим Торинем Дубовым Щитом собственной персоной. Торин явно гневался — должно быть, из-за того, что вошел в дом столь неподобающим образом, да еще оказался в самом низу, под Бифуром, Бофуром и толстяком Бомбуром. Поначалу он хранил мрачное молчание, но когда господин Торбинс в сотый раз извинился, Торин сменил гнев на милость, пробормотал: «Забудем об этом», — и перестал хмуриться.

— Все в сборе, — сказал Гэндальф, бросив взгляд на плащи на крючках. — Веселая подобралась компания! Надеюсь, опоздавшие голодными не останутся? Что там у нас есть? Чай? Нет, благодарю. Мне, пожалуй, немного красного вина.

— И мне тоже, — поддержал Торин.

— А мне малиновый джем и яблочный пирог, — прибавил Бифур.

— А мне сладкий пирог с сыром, — заказал Бофур.

— А мне пирог со свиной и салат, — заявил Бомбур.

— А нам еще пирогов, эля и кофе! — закричали остальные гномы.

Бильбо поплелся в кладовку.

— Будь добр, прихвати еще пару яиц! — крикнул ему вслед Гэндальф. — И не забудь холодного цыпленка и солений всяких!

«Похоже, он знает содержимое моих кладовых не хуже меня самого!» — подумал окончательно сбитый с толку господин Торбинс. Неужели это и

есть то приключение, о котором говорил чародей? Собирая и ставя на подносы бутылки и блюда, стаканы и тарелки, столовые приборы и еду, хоббит запарился, его лицо побагровело от беготни. Наконец он рассердился.

— Что за противный народ эти гномы! — громко сказал он. — Нет чтобы помочь!

И тут дверь в кладовку распахнулась. На пороге появились Балин с Двалином, Фили и Кили. Не успел хоббит ахнуть, как они вырвали у него из рук подносы и помчались обратно в залу, прихватив по дороге два маленьких столика из прихожей — так, на всякий случай.

Гэндальф уселся во главе стола в окружении тринадцати гномов, а Бильбо примостился на табуретке у очага. Он грыз печенье (как ни странно, весь его аппетит куда-то исчез) и притворялся, довольно безуспешно, что происходящее ему не в диковинку, что он давно к такому привык. Гномы ели и ели, говорили и говорили, а время шло. Наконец они отвалились от стола. Бильбо встал, чтобы собрать тарелки.

— Полагаю, вы отужинаете со мной? — осведомился он самым вежливым тоном, на какой только был способен.

— Конечно, — отозвался Торин. — О деле можно потолковать и вечером, а сейчас неплохо бы музыку послушать... Ну-ка, раз-два!

Сам он остался сидеть за столом и продолжал о чем-то беседовать с Гэндальфом, а остальные гномы дружно вскочили. Соорудив из грязной посуды высокие колонны, каждая из которых была увенчана бутылкой, они устремились с ними на кухню, а бедный хоббит бегал вокруг, испуганно попискивая: «Пожалуйста, осторожнее! Не беспокойтесь, я сам!» Потешаясь над ним, гномы запели:

*Бей посуду! Бей стекло!
Бей тарелки и бутылки!
Бильбо Торбинсу назло
Гни ножи, уродуй вилки!
Мы весь дом — кверху дном,
Стол, скамейки, табуретки!
А потом каждый гном
Швырь ему в постель обеды!
По горшку да кочергой!
Где моя большая палка?
Палки нет — лупи ногой,
Ведь не наше, нам не жалко!
Бильбо Торбинсу назло...
Эй, полегче — тут стекло!*

Конечно, ничего столь ужасного они не учинили; пока несчастный хоббит вертелся, как угорь, посреди кухни, пытаюсь разглядеть, что же, собственно, происходит, вся посуда была вымыта и расставлена по полкам в целости и сохранности, и все это было сделано в мгновение ока. Потом все вернулись в залу и увидели, что Торин, положив ноги на каминную решетку, сидит с трубкой во рту. Он выпускал толстые кольца дыма, которые разбежались по комнате, какое куда — по желанию Торина: ползли вверх по камину, забирались за часы на полке, прятались под стол или просто кружили под потолком; но передвигались они слишком медленно, чтобы ускользнуть от Гэндальфа. Пых! — чародей пыхнул своей коротенькой глиняной трубочкой, выпустил колечко дыма, и оно прошмыгнуло сквозь все Ториновы кольца. Затем позеленело, вернулось к магу и затрепетало над его головой. А так как он был уже весь в кольцах дыма, то вид имел какой-то нездешний, даже колдовской. Бильбо стоял и смотрел как зачарованный — ему тоже нравилось пускать кольца; и вдру-

он покраснел, вспомнив, что еще вчера гордился своими жалкими колечками.

— Теперь музыка, — заявил Торин. — Несите инструменты.

Гномы побежали в прихожую. Кили и Фили порылись в своих мешках и достали маленькие скрипки; Дори, Нори и Ори извлекли из-под плащей флейты; Бомбур прикатил барабан; Бифур и Бофур вернулись с кларнетами, которые, видимо, оставили там же, в прихожей, вместе с дорожными посохами. Двалин и Балин произнесли хором: «Извините, я мигом». А Торин, повернувшись к ним, попросил: «Тогда принесите и мне». Они принесли две виолы, каждая размерами с гнома, и Торинову арфу, завернутую в зеленую ткань. Это была чудесная золотая арфа; едва Торин тронул ее струны, зазвучала музыка, неожиданно столь прекрасная, что Бильбо забыл обо всем на свете и будто очутился в диковинных землях под неведомым светилом, далеко-далеко от Приречья и от своей драгоценной Торбы-на-Круче.

Снаружи уже наступили сумерки, а гномы все играли и играли, и на стене в такт музыке раскачивалась бородатая тень Гэндальфа.

Стало совсем темно, огонь в очаге погас, а гномы продолжали играть. И вдруг запели — один начал, вскоре к нему присоединились и остальные; так пели их предки в своих пещерах. Вот что пели гномы (если, конечно, стихи без музыки можно назвать песней):

*Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад —
Сокровища лежат горой!
И деды наши, и отцы*

Там колдовали, кузнецы,
И той порой под той Горой
Будто звенели бубенцы.
Каменья в рукоять меча
Вправляли, свет в них заключа, —
Эльфийский князь глядел, дивясь,
На меч, горящий, как свеча.
Годился звездный — для колец,
Огонь драконий — на венец,
А лунный свет — в любой предмет,
И в сети свет ловил мудрец.
Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад —
Сокровища лежат горой!
Там, в глубине, вдали от всех,
Звучали арфы, песни, смех —
Ни человек, ни эльф вовек
Не ведали о песнях тех...
Взгудели сосны на ветру,
Взгудели ветры на юру,
Огонь был ал, и бор пылал,
Подобно жаркому костру.
Гудит над городом набат,
И горожане вверх глядят:
Летит дракон, порушит он
Дома и башни — все подряд.
Гора дымится, каждый гном
Шаги услышал, будто гром:
Пришел дракон — погубит он
Весь род и наш захватит дом!
Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад —
Сокровища лежат горой!

Пока гномы пели, хоббиту чудилось, будто в него исподволь вливается любовь к прекрасным вещам, рукотворным или сотворенным чародейством, яростная и ревнивая любовь, вечная мука гномьих сердец. И внезапно в нем пробудилась унаследованная от Туков тяга к странствиям, и он возжелал отправиться в путь вместе с гномами, захотел увидеть воочию Великие Горы, услышать шелест сосен и грохот водопадов, спускаться в пещеры, носить вместо дубинки меч... Бильбо посмотрел в окно. Над темным лесом сверкали звезды, напомнившие хоббиту самоцветные камни гномов. Вдруг в лесу взметнулось пламя — наверно, кто-то разжег костер, — и Бильбо подумалось, что это дракон, который летит сюда, чтобы спалить Кручу. Он вздрогнул и вновь стал самим собой — прежним господином Торбинсом из Торбы-на-Круче. (Должно быть, вы уже догадались, что Бильбо только притворялся обыкновенным хоббитом — и перед другими, и перед собой: на самом-то деле всякие небылицы, вроде тех, что приносил в Хоббитанию Гэндальф, были ему куда милее житейских забот да повседневных хлопот.)

Он поднялся. Вообще-то радушному хозяину следовало принести лампу — а внутренний голос упорно советовал уйти из комнаты, якобы за лампой, и больше не возвращаться, пока гномы не уберутся восвояси. В конце концов, можно спрятаться в погребе за пивными бочонками... Неожиданно Бильбо осознал, что музыка стихла и что все гномы внимательно глядят на него, а их глаза светятся во мраке.

— Куда вы собрались? — спросил Торин таким тоном, словно разгадал намерения хоббита.

— Как насчет света? — просительно промолвил Бильбо.

— Нам нравится темнота! — загалдели гномы.
— Темные дела надо делать в темноте. Самое время, покамест не рассвело.

— Как скажете, — Бильбо торопливо сел. Но поскольку садился он наугад, то промахнулся и вместо стула уселся на каминную решетку. Раздался грохот, на пол упали кочерга и совок.

— Тсс! — прошипел Гэндальф. — Пусть говорит Торин.

И Торин начал:

— Гэндальф, гномы и господин Торбинс! Мы собрались в доме нашего хорошего друга и соратника, весьма выдающегося во всех отношениях и неустрашимого хоббита — да не выпадет никогда шерсть на его стопах! Да славятся его вино и эль! — Он перевел дух, видимо, ожидая от Бильбо слов благодарности, но эти сомнительные любезности совершенно лишили хоббита дара речи. Тщетно прождав некоторое время, Торин продолжил: — Мы встретились, дабы обсудить наши намерения и решить, каковы будут наши дальнейшие действия. Уже скоро, еще до наступления дня, нам предстоит отправиться в долгий путь. Весьма вероятно, из этого путешествия некоторые из нас могут вовсе не вернуться; некоторые — или даже все мы, кроме, разумеется, нашего старинного друга и советчика, искусного чародея Гэндальфа. Цель наша, полагаю, хорошо всем известна. Но для досточтимого господина Торбинса и для молодых гномов — скажем, для Фили и Кили, думаю, они на меня не обидятся — нужно, пожалуй, кое-что пояснить, хотя бы вкратце...

В этих словах был весь Торин. Если его не прерывали, он мог продолжать в том же духе до тех пор, пока хватало дыхания, умудряясь не сказать ровным счетом ничего нового. Но сейчас Торина грубо перебили. Бедняга Бильбо не выдержал. Фраза «мо-

жем не вернуться» доконала хоббита. Внутри него зародился вопль, который очень скоро вырвался наружу — как вырывается гудок из трубы паровоза. Гномы дружно вскочили и забарабанили кулаками по столу. Гэндальф поднял посох, на конце которого вспыхнул голубой огонек, и все увидели, что хоббит стоит на коленях на коврике перед очагом и дрожит с головы до ног. Едва узрев огонек на конце посоха, Бильбо повалился навзничь с криком: «Молния! Молния!» Попытки привести хоббита в чувство оказались безуспешными. Тогда гномы отнесли господина Торбинса в гостиную, положили на диван и поставили рядом стакан с водой, а сами вернулись к своим темным делам.

— Разволновался, бедолага, — проговорил Гэндальф, когда все снова расселись за столом. — С ним такое случается, но он и вправду один из лучших. Свиреп, как разъяренный дракон.

Если вы когда-нибудь видели разъяренного дракона, то уже догадались, что маг слегка преувеличил. Если говорить прямо, такого сравнения не заслуживал и прапрадед Старого Тука, Быкобор, который отличался столь высоким для хоббита ростом, что мог без посторонней помощи взобраться даже на лошадь. В битве на Зеленых полях Быкобор в одиночку пробился сквозь ряды гоблинов с горы Грэм и снес дубинкой голову их предводителю Голфимбулу. Пролетев сотню ярдов по воздуху, голова Голфимбула упала наземь и закатилась в кроличью нору. Так была одержана победа и — изобретена игра в гольф.

Между тем пугливый потомок Быкобора понемногу оправился, попил водички и осторожно подобрался к двери в залу. Там говорили о нем.

— Ха! — произнес Глоин (тон гнома выражал крайнее презрение). — Ты думаешь, он справится?

Вольно Гэндальфу рассуждать о его свирепости, но одного такого вопля будет достаточно, чтобы разбудить дракона и погубить всех нас. По-моему, вопил он от испуга, а вовсе не от радости. Когда бы не твоя метка на двери, Гэндальф, я бы решил, что мы ошиблись домом. Едва я увидел этого толстого чудилу, меня начали одолевать сомнения. Он больше похож на бакалейщика, чем на добытчика.

Тут господин Торбинс приоткрыл дверь и проскользнул в залу. Тяга к странствиям, унаследованная от Туков, взяла верх. Он понял вдруг, что прекрасно обойдется без мягкой постели и второго завтрака, если только его и впрямь будут считать свирепым, как дракон. А на «толстого чудилу» он обиделся и рассердился.

Потом Бильбо не раз жалел о своем решении и твердил себе: «Какой же ты глупец, мой милый! Ну зачем ты туда полез?» Но это было потом.

— Прощу прощения, — с достоинством сказал он. — Я нечаянно подслушал вашу беседу... Честно говоря, не понимаю, о чем вы толкуете, о каких таких добытчиках, но со мной у вас и вправду вышла промашка. Я вам докажу. Свою дверь я всего неделю как покрасил, нету на ней никаких меток, и вы явно попали не туда. Едва завидев ваши нездешние физиономии, я засомневался... Ну да ладно. Расскажите, что от меня требуется, и я попробую это сделать, пусть даже мне придется дойти до восточных пределов и сразиться с дикими червооборотнями в Крайней Пустыне. Мой прапрапрадед Быкобор...

— Давай оставим его в покое, — перебил Глоин. — Что толку ворошить минувшее? Я говорил про тебя. Что же до метки на двери, она была, смею тебя уверить. И знаешь, какая? Она означала: «Опытный добытчик ищет хорошую работу, с разумной степенью риска и солидным вознаграждением». Если

тебя смущает словечко «добытчик», можно выразиться иначе — скажем, «охотник за сокровищами», что одно и то же. И вообще, мы пришли сюда по совету Гэндальфа, это он нам рассказал о тебе: мол, в среду некий добытчик устраивает чаепитие и готов потолковать насчет работы.

— Разумеется, метка была, — вмешался маг. — Я сам ее оставил, по одной простой причине. Вы просили подобрать четырнадцатого участника вашего похода, и я выбрал господина Торбинса. Пусть только кто-нибудь попробует сказать, что я выбрал не того! Тогда вас останется тринадцать и никакой помощи от меня вы больше не дождетесь. Уж лучше сразу возвращайтесь в свои пещеры!

Он так сурово поглядел на Глоина, что тот вжался в стул, а когда Бильбо открыл было рот, маг повернулся к нему и грозно нахмурил брови. Хоббит столь поспешно захлопнул рот, что у него клацнули зубы.

— Вот и хорошо. Хватит споров. Господина Торбинса выбрал я, и вам придется этим удовлетвориться. Если я говорю, что он — добытчик, значит, так и есть, или будет, в скором времени. В господине Торбинсе скрыто гораздо больше, чем кажется, больше, чем догадывается он сам. Вполне возможно, вы доживете до того дня, когда станете благодарить меня. А теперь... Бильбо, малыш, принеси лампу. Нам понадобится свет.

Когда хоббит принес лампу с красным абажуром, маг расстелил на столе пергамент.

— Торин, эту карту рисовал твой дед Трор. Это план Горы.

— Какой нам от нее прок? — разочарованно пробурчал Торин. — Я и без того превосходно помню Гору и ее окрестности. И прекрасно знаю, где находится Лихолесье и где лежит Гиблая Пустошь, на которой рождаются драконы.

— Если мы доберемся до Горы, — прибавил Балин, — дракон найдется сам собой, безо всякой карты.

— Вы кое-что пропустили, — сказал Гэндальф. — В подземелье под Горой ведет тайный ход. Видите эту руну, с западной стороны? На нее еще указывает вытянутый палец. Так вот, она обозначает тайный ход, ведущий в Нижние Палаты. (Любезный читатель, взгляни на карту на следующей странице — ты найдешь на этой карте одиночную руну у самой Горы.)

— Может, когда-то он и был тайным, — возразил Торин, — но проклятый Смог наверняка давным-давно разыскал его. Ведь он живет под Горой много лет.

— Может, и так, но этот проход не для него.

— Почему?

— Да потому, что дракон слишком велик! Руны гласят: «Дверь пяти футов высотой, и трое в ряд могут пройти в нее». Смог не сумел бы проникнуть в такую лазейку, даже когда был моложе, а ведь за последнее время он изрядно растолстел — в пищу у него недостатка не было: подгорные гномы, люди из Дола...

— А по-моему, нора просто громадная, — пискнул Бильбо, бывавший только в хоббитовых норах. Ему стало настолько любопытно, что он совсем забыл о своем намерении держать рот на замке. Но простим его; в конце концов, он был всего лишь маленьким хоббитом, обожавшим всякие карты — в гостиную у него, к примеру, висела карта окрестностей Кручи, на которой красным цветом были обозначены излюбленные тропинки для прогулок. — Правда, я не понял, почему проход — тайный? Дверь на то и дверь, чтобы ее замечали издали.

— Двери бывают разные, — отозвался Гэндальф. — Чтобы найти эту, нам придется потру-

диться. Судя по карте, она в глаза вовсе не бросается и отыскать ее сможет лишь тот, кто знает, что она там есть. Насколько мне известно, у гномов принято таким вот образом прятать от посторонних глаз тайные двери. Я прав, Торин?

— Безусловно, — ответил тот.

— Кроме того, — продолжал Гэндальф, — я забыл упомянуть о ключе, который прилагается к карте. Такой маленький, но весьма любопытный ключик. Вот он. — Маг протянул Торину серебряный ключ с причудливой бородкой. — Храни его как зеницу ока.

— Разумеется. — Торин повесил ключ на цепочку и спрятал под куртку. — Пожалуй, у нас появилась надежда. Ты принес хорошие вести, чародей. Так далеко мы и не задумывали. Думали крадучись пробираться на восток до самого Долгого озера. А там — как повезет. Опасности подстерегают на каждом шагу...

— Можешь поверить, они начнутся за порогом этого дома, — вставил Гэндальф.

— Оттуда можно отправиться вверх по течению Бегущей, — Торин пропустил мимо ушей слова мага, — до развалин Дола, так назывался город, стоявший в древние времена в тени Горы. Но идти напрямик через Парадные Врата было бы сущим безумием. Из них, минуя громадный утес с южного склона Горы, вытекает река, и оттуда же теперь выбирается дракон. Если Смог не изменил своим привычкам — а с какой стати ему их менять? — то вылезает он из пещеры слишком уж, по-моему, часто.

— Соваться в Парадные Врата и вправду безумие, — поддержал Торина Гэндальф. — Тут не обойтись без отважного воина или даже без героя. Я пытался разыскать хотя бы одного, но воины заняты междоусобными распрями в дальних краях, а герои в окрестностях Хоббитании — птицы редкие. Острых клинков в здешних краях днем с огнем не

сыщешь, топорами тут только деревья рубят, а на щитах детишек качают — или котлы ими накрывают. Драконы же здесь отродясь не водились, для хоббитов они — страшная сказка, невидаль да небыль. Словом, по всему выходило, что братъ придется не удаляю, а сметкой да хитростью. И тут мне очень кстати вспомнилась потайная дверь, и я догадался — нужен нам пролаза, да такой, чтоб в любую щель протиснулся! И вот вам господин Бильбо Торбинс, замечательный лазейник и добытчик по призванию. Так что довольно пустых разговоров, займемся лучше делом.

— Быть может, послушаем добытчика по призванию? — Торин отвесил Бильбо церемонный и одновременно издевательский поклон.

— Я сперва хотел бы узнать побольше, — пробормотал тот. Мысли его путались, однако жажда странствий по-прежнему звала в путь. — Ну, насчет дракона и насчет всего остального — как он там оказался, о каком кладе речь, и вообще...

— Что «вообще»? — передразнил Торин. — Карта перед вами, смотрите, господин добытчик. Разве вы не слышали наших песен? Разве мы не толкуем обо всем этом уже битый час?

— Все равно, мне хотелось бы знать побольше. — Бильбо напустил на себя деловой вид (какой обычно приберегал для тех соседей, которые пытались занять у него денег), прилагая все усилия, чтобы произвести впечатление умудренного житейским опытом знатока своего дела, в полном соответствии с похвалами Гэндальфа. — А еще я хотел бы уточнить, велик ли риск, сколько нам потребуется времени и денег и каким будет мое вознаграждение. — «Иными словами, — прибавил он мысленно, — какой мне от всего этого будет прок и вернусь ли я домой живым?»

— Извольте, — буркнул Торин. — Давным-давно, при моем деде Троре, гномов изгнали с дальнего севера, и они со всем своим скарбом перебрались под эту самую Гору, нарисованную на карте. Точнее сказать, вернулись домой — ведь гномы обитали под Горой с незапамятных времен, еще при Траине Старом, моем далеком предке. Они принялись копать и строить, расширили прежние пещеры, прорубили под Горой новые ходы — и наткнулись, должно быть, на золотые жилы и россыпи самоцветов. Во всяком случае, они быстро разбогатели и день ото дня становились все богаче, и так возродилось Подгорное королевство. Моего деда, Горного короля, чттили не только гномы, но и люди, пришедшие с юга и осевшие на берегах Бегущей. Это они возвели в тени Горы веселый город Дол, и жилища их подступали к самой Горе. Правители Дола охотно посылали за нашими кузнецами и щедро вознаграждали даже тех, кто был не слишком искусен в кузнечном ремесле. Отцы отдавали нам в ученики своих сыновей и тоже не скупились на дары; а расплачивались они обыкновенно разной снедью, которую мы благодарно принимали — нам-то недосуг было хлеб растить да на охоту ходить. Мы трудились не покладая рук, ковали доспехи, опраивляли самоцветы, песни наши были веселы и работа спорилась. Какие чудеса мы ковали, куда до них нынешним поделкам! Золотые были деньки! Деньжата не переводились, съестного вдоволь, знай себе стучи по наковальне. В подземных чертогах моего деда копились клинки и щиты, кубки и сверкающие камни, а на Дольское Торжище народ стекался отовсюду — кто поглазеть, а кто и прикупить кольчужку или ожерелье.

Сомнений нет, дракона привлекла молва о наших богатствах. Ведь драконы — большие охотники до чужих сокровищ, им бы каждый день кого-нибудь

грабить: эльфов, людей, гномов — все одно. И ведь тащат без разбору, что под лапу подвернется, и доспех изукрашенный, и кувшины медные, лишь бы захватить. А сами ничего толком не умеют — ни даже прореху крохотную в собственной чешуе залатать; правда, цену добыче ведают. Поживу они сгребают в кучу, залегают на ней и стерегут ее до конца своих дней. Век же драконий, знаете ли, еще как долог: коли дракона прежде не убьют, он всех переживет... Так вот, в те времена драконов на Севере водилось в изобилии. Они нападали на гномов, несли смерть и запустение, и гномы, бросая нажитое, бежали на юг, а золотом и самоцветами завладевали драконы. Самого злобного среди них, самого коварного и жадного звали Смогом. В горестный для гномов день он поднялся в воздух и полетел на юг, к Одинокой горе. Мы услышали его издали — грохот стоял такой, точно разбушевалась буря, а сосны на склонах Горы гнулись под ветром от драконьих крылий. Те гномы, которым повезло оказаться снаружи (среди них был и я, совсем тогда еще юный, любопытство погнало меня наверх, и оно же меня и спасло), — видели, как дракон опустился на Гору и выдохнул пламя. Лес на склонах запылал. В Доле ударил набат, люди спешно вооружались. Гномы бросились наружу, но у ворот их поджидал дракон... Не уцелел никто. Вода в реке испарилась, на Дол пал туман, и дракон в тумане налетел на город и истребил почти всех его защитников. Обычная история, каких в те дни случалось немало... Потом он вернулся к Горе, заполз внутрь через Парадные Врата и обшарил все залы до единой, все пещеры, туннели, погреба и проходы. Когда же под Горой не осталось ни одного живого гнома, Сmog присвоил себе все наши сокровища. Должно быть, как водится у драконов, свалил поживу в самой дальней пещере в гро-

мадную кучу и залег на ней, как на кровати. А после заимел обыкновение по ночам летать в Дол и похищать людей, в особенности красивых девушек. В конце концов жители покинули город, и теперь Дол лежит в развалинах. С тех пор вряд ли кто осмелился поселиться в Раздраконье, между Горой и Долгим Озером.

Мы, кучка уцелевших, плакали, не стыдясь слез, и проклинали Смога, как вдруг к нам вышли мой отец с дедом, оба с опаленными бородами. Суровые и подавленные, они хранили молчание. Когда я спросил, как им удалось спастись, мне велели придержать язык: мол, в свой срок все узнаешь. Мы двинулись прочь и долго бродили из края в край, перебиваясь с хлеба на воду. И деревенскими кузнецами мы были, и углежогами... Но ни на миг мы не забывали о наших сокровищах, оставшихся под Горой. И даже теперь, когда у нас кое-что отложено про черный день, — Торин тронул золотую цепь у себя на шее, — мы по-прежнему мечтаем отомстить Смогу, если, конечно, сумеем.

Я часто гадал, как выбрались из подземелья мой отец и дед. Верно, они выскользнули через тот самый тайный ход, о котором, кроме них, никто не знал. Карту они нарисовали позже. К слову, хотел бы я знать, каким образом эта карта оказалась у Гэндальфа, а не у законного наследника Трора и Траина?

— Мне ее дали, — откликнулся маг. — Как ты помнишь, твой дед Трор пал в пещерах Мории от руки гоблина Азога...

— Да будет проклято его имя во веки веков! — воскликнул Торин.

— А твой отец Траин двадцать первого апреля, то есть на прошлой неделе, только сто лет назад, ушел из дома, и с тех пор ты его больше не видел...

— Да, — угрюмо подтвердил Торин.

— Так вот, не кто иной, как твой отец отдал эту карту мне, наказав передать ее тебе. Если учесть, сколько я тебя разыскивал, меня вряд ли можно упрекнуть в том, что я не сразу выполнил его наказ. Когда я видел твоего отца в последний раз, он не мог вспомнить ни собственного имени, ни тем паче имени сына. Между прочим, ты мог бы и спасибо сказать — за то, что я тебя все-таки нашел.

— Ничего не понимаю, — проговорил Торин. Бильбо тоже ничего не понимал. Объяснение Гэндальфа еще сильнее все запутало.

— Твой дед, — сурово произнес маг, — отдал карту своему сыну перед тем, как уйти в Морию. После смерти Трора твой отец тоже отправился пытать удачу. Он преодолел множество преград, но к Горе так и не приблизился. Я нашел его в узилище Некроманта.

Гномы вздрогнули.

— А ты-то как туда попал? — выдавил Торин.

— Неважно. У меня были свои дела. Омерзительное, доложу вам, местечко. Даже я, Гэндальф Серый, едва сумел ускользнуть. Я пытался спасти твоего отца, но у меня ничего не вышло. Он обезумел от страданий и пыток и забыл обо всем, кроме карты и ключа. Вот его последняя воля: он хотел, чтобы сын получил карту и воспользовался ключом.

— Мы давно посчитались с гоблинами Мории, — промолвил Торин. — Можно подумать и о Некроманте.

— Глупец! С ним не справиться всем на свете гномам вместе взятым! С тебя вполне достаточно дракона.

— Слушайте, слушайте! — неожиданно для себя самого сказал Бильбо. Все повернулись к нему. Он смутился и пробормотал: — Ну, у меня мелькнула одна мысль...

— Какая?

— По-моему, вам не следует лезть напролом. Ведь драконы спят, как и все прочие, верно? Нужно просто посидеть на пороге, пораскинуть мозгами; рано или поздно, осмелюсь сказать, вы что-нибудь да придумаете. И еще... Мне кажется, хватит на сегодня разговоров, а? Не пора ли расходиться? Завтра рано вставать, и все такое... Обещаю накормить вас вкусным завтраком, прежде чем вы уйдете.

— Прежде чем мы уйдем, — поправил Торин. — Разве вы не идете с нами? Разве вы не добытчик? А насчет того, что поздно, и насчет завтрака — я согласен. Мне, пожалуйста, окорок с шестью запеченными в углях яйцами. И постарайтесь их не разбить.

Вслед за Торином и остальные гномы заказали себе на утро ничуть не менее сытное угощение, отчего Бильбо вновь приуныл. Потом ему пришлось подыскивать каждому помещение и стелить постель. Наконец, усталый и обуреваемый мрачными мыслями, он забрался в свою кровать. «Нет, — подумалось ему, — не буду я вскакивать спозаранку. Пускай сами готовят себе завтрак». Жажда странствий улеглась, словно ее и не было, и желание повидать мир бесследно пропало.

Засыпая, Бильбо слышал через стенку, как Торин, которому отвели лучшую спальню, бормочет:

*Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад —
Сокровища лежат горой!*

Под это бормотание хоббит и заснул, и снилось ему что-то совсем безрадостное. Пробудился он уже в разгар утра.

Глава 2

ЖАРКОЕ ИЗ БАРАНИНЫ

Бильбо вскочил, торопливо оделся и со всех ног кинулся в залу. На столе громоздились остатки торопливого, но сытного завтрака, а гномов — ни следа, и спасибо даже не сказали (ну да ладно, зато ушли и будить не стали). В зале царил ужасающий беспорядок, на кухне возвышалась груда немытой посуды. Впечатление было такое, будто гномы попользовались едва ли не всеми тарелками и котелками, какие имелись у хоббита. Немытая посуда окончательно уверила господина Торбинса в том, что вчерашнее — вовсе не страшный сон (а он все-таки надеялся, что вечеринка ему просто-напросто приснилась). Как ни странно, хоббиту стало грустно.

— Не дури, Бильбо Торбинс, — сказал он самому себе. — В твоём возрасте уже поздно мечтать о драконах и прочей нездешней нечисти. — Хоббит надел фартук, развел огонь, вскипятил воду и перемыл всю посуду, после чего слегка подкрепился.

В окна светило солнце, в распахнутую настежь парадную дверь задувал теплый весенний ветерок. Бильбо начал насвистывать, забывая потихоньку о неприятностях вчерашнего вечера. Но едва он успел присесть у окна, чтобы приступить ко второму завтраку, как появился Гэндальф.

— Мой милый! — воскликнул маг. — Ты все еще здесь? А кто собирался выйти спозаранок? Подумать только, завтракать в половине одиннадцатого! Конечно, гномам недосуг было столько ждать, и они ушли, а тебе оставили послание.

— Какое такое послание? — озадаченно спросил господин Торбинс.

— Ну и ну, — проговорил Гэндальф. — Да что с тобой сегодня? Даже пыль с каминной полки не вытер.

— Еще не хватало! Я и так все утро мыл посуду.

— А если бы ты стер с полки пыль, то нашел бы вот это. — Гэндальф вручил Бильбо листок бумаги — разумеется, бумага была из хоббитовых запасов.

Послание гласило:

«Торин и компания приветствуют Бильбо Добытчика! Мы искренне благодарим Вас за проявленное гостеприимство и с радостью принимаем Ваше предложение помочь нам в нашем трудном деле. Условия: Вам причитается одна четырнадцатая от общей добычи, буде таковая появится; дорожные расходы покрываются в любом случае; похороны за наш счет. Все остальное следует оговаривать отдельно.

Не желая прерывать Ваш отдых, мы отправляемся в путь, с тем чтобы произвести необходимые приготовления, и будем ожидать уважаемого господина Торбинса в приреченском трактире «Зеленый

дракон» ровно в одиннадцать утра. Рассчитываем на Вашу пунктуальность.

Засим остаемся

искренне Ваши
Торин и Ко».

— У тебя осталось десять минут, — сказал Гэндальф. — Если бегом, то успеешь.

— Но... — заикнулся было хоббит.

— Некогда! — перебил маг.

— Но... — снова начал Бильбо.

— Тем более некогда! Пшел!

До конца своих дней Бильбо так и не понял, каким образом очутился на улице — без денег, без шляпы, без дорожного посоха и вообще без всего, что он обычно брал с собой в дорогу. Оставив на столе несъеденным второй завтрак и немытую посуду, он сунул Гэндальфу ключи и понесся вниз по склону со всей скоростью, на которую только были способны его мохнатые ноги. Проскочил мимо огромной мельницы, перебрался через реку и припустил по тракту.

В Приречье хоббит ворвался с первым ударом часов, которые начали отбивать одиннадцать. Бильбо совсем запыхался; вдобавок выяснилось, что он забыл дома носовой платок.

— Bravo! — крикнул Балин, стоявший у двери трактира.

В этот миг из-за поворота показались остальные гномы. Они ехали на пони, у каждого к седлу были приторочены разнообразные вьюки и сумки. Самый маленький пони предназначался для Бильбо.

— По коням! — приказал Торин. — Пора трогаться.

— Прошу прощения, — проговорил Бильбо, — но я оставил дома шляпу и носовой платок, и денег

тоже не взял. Ваша записка попалась мне на глаза, если быть точным, в десять сорок пять.

— Всегда быть точным утомительно, — утешил его Двалин. — Что касается носового платка, то, уверяю тебя, в скором времени ты научишься прекрасно обходиться без него. Между прочим, у меня найдется запасной плащ с капюшоном, так что насчет шляпы можешь не переживать.

Вот так все и началось, в одно великолепное утро, в самом конце апреля. Пони потрусили прочь от трактира. Бильбо вертелся в седле, привыкая к темно-зеленому плащу, одолженному Двалином. Побитый ветром и непогодой, плащ был ему немножко великоват, и хоббит в нем выглядел довольно нелепо. Даже представить страшно, что подумал бы о своем сыне славный Банго Торбинс. Хоббита радовало лишь то, что его никак нельзя спутать с гномами — ведь у него нет бороды.

Вскоре появился Гэндальф, верхом на белой лошади. Он привез множество носовых платков, трубку Бильбо и табак. Компания весело поскакала вперед. Весь день напролет они рассказывали истории и распевали песни — прерываясь только для того, чтобы устроить привал и подзакусить. На взгляд Бильбо, останавливаться можно было бы и почаще, но все равно — мало-помалу ему стало казаться, что в приключениях есть своя прелесть.

Сперва миновали Хоббитанию — чудесный ухоженный край с широкими дорогами и придорожными трактирами; навстречу частенько попадались то гномы, то спешившие по своим делам почтенные хоббиты. Потом очутились в местах, где говорили на диковинном наречии и пели песни, которых Бильбо прежде не слышал. Начались Пустынные края — ни тебе поселений, ни постоянных дворов, а дороги

становятся все хуже и хуже. Вдалеке показались горы, страшные горы, вздымавшиеся до самого неба. На лесистых склонах виднелись древние крепости, такие мрачные, будто их возвели когда-то темные силы. Погода потихоньку стала портиться. Еще с утра вовсю светило весеннее солнышко, а к обеду стало холодно и промозгло. Привал делать не стали — слишком уж было сыро.

— Кто сказал, что июнь на носу? — ворчал Бильбо себе под нос. Его пони ступал последним. Моросил надоедливый дождик, с капюшона капало на лицо, плащ промок; уставший пони то и дело спотыкался, и гномы были слишком сварливы, чтобы вести с ними беседу... Вдобавок подошло время полдника. «И куда меня понесло? — думал хоббит. — Сидел бы в тепле и уюте, попивал бы чаек. Так нет, на подвиги потянуло! Какие уж тут подвиги, когда кругом мокрота сплошная...» Не в последний раз он пожалел о собственной опрометчивости.

Гномы не оборачивались и вообще не обращали на Бильбо ни малейшего внимания. Солнце за тучами, должно быть, клонилось к закату, потому что стало смеркаться. Путники спустились в глубокую лощину, по дну которой бежал поток. Ивы по берегам шелестели листвой и гнулись под порывами ветра. К счастью, цел оказался древний каменный мост; вброд перейти вздувшуюся от дождей реку было невозможно.

Ближе к ночи ветер разогнал тучи, и на небе показалась луна. Торин дал знак остановиться, проворкотал что-то насчет ужина и прибавил:

— Где бы нам найти местечко посуше?

И вдруг все осознали, что Гэндальф исчез. Маг долго ехал с ними, много болтал и смеялся, много ел, и вот — нет его: то ли отправился куда-то по своим делам, то ли просто решил, что проводил компанию достаточно далеко.

— А чародей бы сейчас ох как пригодился! — хором воскликнули Дори и Нори (они вполне разделяли взгляды Бильбо на жизнь в тепле и уюте).

В конце концов лагерь разбили прямо в ложине, под деревьями — там было немного суше. С веток непрерывно капало, и это сильно раздражало. С костром пришлось повозиться. Как известно, гномы способны развести огонь везде и всюду, дует ветер или нет, но этой ночью у них ничего не выходило, как они ни старались, — даже у Оина с Глоином, которые имели особый, «зажигательный» талант.

Один из пони чего-то испугался и кинулся прочь. Прежде чем его успели поймать, он угодил в реку; вода тут же унесла всю поклажу, а Фили и Кили, вытаскивая бедное животное, чуть не утонули. К великому огорчению хоббита, река уволокла основной запас провизии, поэтому ужин был скудным, а завтрак казался несбыточной мечтой. Мокрые и угрюмые, они сидели и ждали, пока Оин с Глоином разведут костер и перестанут ссориться. Бильбо потихоньку начал понимать, что приключение — это не прогулка на пони солнечным весенним деньком.

— Свет! — крикнул Балин, которого назначили дозорным. Он указал на лесистый холм. Там и вправду светился крохотный огонек — то ли костер, то ли факел.

Путники заспорили, стоит ли идти на свет. Одни говорили «да», другие — «нет». Кто утверждал, что нужно хотя бы пойти и взглянуть: мол, наверняка там найдется еда, и посушиться у костра тоже не помешало бы. Кто возражал: дескать, эти места не слишком хорошо известны, и до гор рукой подать. Старые карты не помогут, ведь все меняется, и меняется к худшему, и за дорогами уже не приглядывают, и вообще, случайная встреча в здешних краях

вполне может обернуться неприятностями. Поэтому не суй нос куда попало — а то оторвут.

— Но ведь нас четырнадцать!

— И что с того? Без Гэндальфа мы немногого стоим.

— А куда девался Гэндальф?

Этот вопрос задавали наперебой. Между тем дождь припустил сильнее прежнего, а Оин с Глоинном начали тужить друг дружку.

И тут гномы вспомнили — ведь с ними идет лазейник и добытчик по призванию. Это все решило. Крадучись, они повели пони на свет. У подножия холма их встретил лес. Стали подниматься по склону, наугад, потому что тропы, которая могла бы вывести на вершину, нигде не было видно. Гномы спотыкались в темноте, ломали ветки, которые громко хрустели, и, конечно, ворчали и бранились.

Внезапно за деревьями вновь замерцало пламя.

— Теперь твоя очередь, — сказали гномы хором, все как один поворачиваясь к Бильбо.

— Разузнайте, что там такое, — велел Торин, — и возвращайтесь поскорее. Постарайтесь не угодить в ловушку. Если все же попадетесь, крикните два раза по-совиному, а один раз как филин, и мы поспешим на выручку.

Бильбо хотел объяснить, что не умеет кричать по-совиному, что с тем же успехом он мог бы попробовать взлететь, но — не успел: ему сурово приказали пошевеливаться.

По лесу хоббиты передвигаются тихо, почти неслышно. Они гордятся этим своим умением; вот почему Бильбо всю дорогу пофыркивал над гномами, которые, на его взгляд, топотали, как Громадины. Впрочем, ни вы, ни я, скорее всего, ничего не услышали бы, даже если в нескольких ярдах от нас проскакала бы целая кавалькада гномов. А уж Бильбо,

двинувшегося напрямик к красноватому огоньку за деревьями, не учуяла бы и ласка. Короче говоря, он без помех добрался до поляны, на которой горел костер, и вот что там увидел.

У огромного костерища сидели три огромных существа. Нанизав на длинные прутья баранину, они жарили ее, то и дело облизывая жирные пальцы. Пахло очень вкусно. Все трое бесперечь прикладывались к кувшинам, которые они наполняли из стоявшего поодаль пузатого бочонка. Это были тролли, самые настоящие тролли; Бильбо узнал их сразу, хотя никогда раньше не видел, — по росту, по вывернутым ступням и тупым мордам. Изъяснялись тролли так, что их не пустили бы ни в один приличный дом.

— Разрази меня гром! Опять баранина! Третий день ее жрем, сколько можно?

— Да, давненько я не пробовал человеческого мяса! О чем только думал этот олух Уильям, когда тащил нас сюда? Чтоб мне пусто было! — а кувшин и так уже пуст... — Тролль подтолкнул под локоть своего товарища, присосавшегося к своему кувшину.

Тот поперхнулся.

— Заткнись! — гаркнул он, откашлявшись. — Вы что, болваны, думали, стоит вам разинуть пасти, как местные сами в них ползут? Ты, Том, и так уже сожрал полторы деревни. Да и Берт тоже не промах. Чего вам еще надо? Поди прокорми вас, прорвы ненасытные! Нет чтобы спасибо сказать. — Уильям проглотил большой кусок мяса и вытер губы рукавом.

Боюсь, все тролли — даже те, у которых всего одна голова — ведут себя именно так. Послушав их разговор, Бильбо понял, что надо немедленно что-то предпринимать. Но вот что? То ли потихоньку ускользнуть и предупредить товарищей, что у костра

сидят три здоровенных и изрядно проголодавших-ся тролля, готовых при случае слопать гнома и закусить пони; то ли попытаться что-нибудь стащить... Настоящий добытчик, разумеется, не сомневался бы ни мгновения: он обчистил бы карманы троллей (там всегда найдется, чем поживиться), баранину умыкнул бы, бочонок с пивом прихватил бы — и поминай как звали. Чтобы обезопасить себя, можно бы проткнуть всех троих кинжалом и дальше — гуляй не хочу...

Но Бильбо не был настоящим добытчиком и ни разу до сих пор не встречал живого тролля — только читал о них в книжках. Ему было страшно; больше всего Бильбо хотелось очутиться за сотни миль отсюда, но не возвращаться же к Торину и компании с пустыми руками! Хоббит не понимал, откуда взялась эта мысль, однако она не отпускала его и понуждала что-нибудь да предпринять. В конце концов он решил, что самое простое — обшарить карманы троллей, осторожно подобрался поближе и спрятался за деревом прямо за спиной Уильяма.

Берт и Том встали и направились к бочонку. Уильям по-прежнему не отрывался от своего кувшина. Бильбо набрался храбрости и сунул свою крохотную ладошку в карман тролля. Там оказался кошель размерами с хоббитову сумку. «Хо! — с восторгом подумал Бильбо, вытаскивая кошель. — Вот так начало!»

Да... С кошельками троллей ухо нужно держать востро. Не успел хоббит вытащить кошелек, как тот вдруг завопил дурным голосом:

— Эй, ты кто?

Уильям обернулся и схватил замешкавшегося Бильбо.

— Чтоб мне провалиться! Берт, гляди, кого я поймал! — гаркнул тролль.

— Кто это?

— Да чтоб я лопнул, коли знаю. Ты кто, а?

— Бильбо Торбинс... До-ооб... хоббит, — выдавил бедный господин Торбинс, дрожа как осиновый лист. Интересно, подумалось ему вдруг, успеет ли он ухнуть по-совиному, прежде чем его задушат?

— Добхоббит? — озадаченно переспросил тролль. Надо сказать, что тролли туговато соображают и весьма подозрительно относятся ко всему новому. — А зачем ты полез в мой карман, добхоббит? — продолжал спрашивать Уильям.

Двое других между тем с любопытством поглядывали на Бильбо.

— А жарить его можно? — справился Том.

— Попробуем, — отозвался Берт, подбирая с земли прут.

— Маловат больно, — благодушно заметил Уильям, успевший набить живот. — Шкуру содрать, кости выкинуть — и что останется?

— А может, он не один? Тогда бы пирог испекли, — сказал Берт. — Слушай, кролик недоделанный, в тутошних лесах есть еще пискли вроде тебя? — Он взял хоббита за ноги и потряс.

— Много, — ляпнул Бильбо, не подумав, но тут же спохватился: — Нет, больше никого.

— Чего-чего? — Берт схватил хоббита за волосы и больно дернул.

— Что слышали, — пискляво огрызнулся Бильбо. — Пожалуйста, господа хорошие, не жарьте меня. Я вам пригожусь, я умею готовить. Если хотите, приготовлю вам такой завтрак, что вы пальчики оближете. Только не ужинайте мной!

— Бедняга, — проговорил Уильям, сытно рыгнув. — Напугали малыша. Отпусти его, Берт.

— И не подумаю! Пускай сначала растолкует, как это — много и никого нет? Я не желаю, чтобы

мне перерезали глотку во сне. Вот суну его пятка-ми в огонь — живо заговорит.

— Я тебе суну! — возмутился Уильям. — Это мой добхоббит, я его поймал.

— Уильям, ты толстый старый дурак! — бросил Берт. — Я тебе это уже говорил и повторяю снова.

— А ты дубина!

— А вот этого, Билл Хиггинс, я тебе не спущу, — сказал Берт и ткнул кулаком Уильяму в глаз.

Началась восхитительная драка. Берт отшвырнул хоббита в сторону; у Бильбо хватило сообразительности отползти подальше от дерущихся. Тролли сцепились, как два бродячих пса, громко обзывая друг дружку самыми разными именами, которые, надо признать, весьма подходили к ним обоим. Вскоре они уже катались по земле, дубася один другого в опасной близости от костра, а Том колотил приятелей палкой, дабы привести их в чувство (они же от ударов, естественно, зверели пуще прежнего). Надо было уносить ноги. Но хоббит просто не мог подняться: Берт его чуть не задушил, голова шла кругом. Поэтому Бильбо всего-навсего отполз в темноту и свернулся калачиком на земле.

В самый разгар потасовки явился Балин. Гномов насторожил шум; подождав некоторое время и убедившись, что Бильбо не возвращается и совиных криков не слышно, они решили идти за хоббитом. Углядев Балина, Том взвыл: тролли терпеть не могут живых гномов (зато жареных упе-тают за обе щеки). Берт с Уильямом немедля кончили драться.

— Мешок, Том! Да шевелись ты! — завопили они.

Прежде чем Балин, высматривавший на поляне Бильбо, догадался, что, собственно, происходит, ему на голову накиннули мешок и повалили наземь.

— Думаю, не последний, — пробурчал Том. — А то ишь! Добхоббит, говорит. Больше никого, говорит. Да никакие они не добхоббиты, а самые настоящие гномы.

— Ты прав, — согласился Берт. — Давайте-ка спрячемся.

Так они и сделали, прихватив с собой дюжину пустых мешков. Стоило появиться на поляне очередному гному, который застывал как вкопанный, в изумлении глядя на костер, кувшины с пивом и недоеденную баранью тушу, — стоило только ему появиться, как на голову опускался гадко пахнущий мешок, и гном падал. Вскоре у костра в рядок лежали Оин, Глоин, Бифур, Бофур и Бомбур, а Двалина, Кили и Фили пристроили рядом с Балином.

— Передохните малость, — посоветовал Том гномам. Бифур, Бофур и Бомбур доставили троллям много хлопот: сопротивлялись они отчаянно, как могут сопротивляться лишь гномы, которых застали врасплох.

Торин появился последним, но его провести не удалось. Он был настороже и сразу понял, что стряслась беда. Встав поодаль от костра, так, чтобы его не было видно, он воскликнул громовым голосом:

— Кто смеет обижать моих подданных?

— Это тролли, — пискнул Бильбо, о котором в суматохе совсем забыли. — Они прячутся за деревьями.

— Да ну? — Торин прыгнул к костру, выхватил из пламени огромный сук и ткнул им не успевшего отскочить Берта прямо в глаз. Берт взвыл и на какое-то время утратил способность сражаться. Бильбо решил помочь Торину и вцепился в лапу Тома, толстенную, как ствол дерева. Том дернул лапой, и хоббит отлетел в кусты, а тролль кинул в лицо Торину пригоршню углей.

За это он получил суком по зубам и лишился одного клыка. Слышали бы вы, как он взвыл! Но тут со спины к Торину подкрался Уильям и набросил на гнома мешок. Битва завершилась. Три разгневанных тролля (двое — с обожженными шкурами) заспорили — поджарить ли добычу, сварить или просто расплющить в лепешку. А Бильбо, весь исцарапанный, лежал в кустах, не смея шевельнуться от страха.

Именно тогда возвратился Гэндальф. Его никто не заметил. Тролли между тем договорились подкоптить гномов, чтобы было чем позавтракать. Мысль эта первым посетила Берта, и после долгих препирательств приятели с ним согласились.

— Чего их сейчас коптить, это ведь дело на всю ночь, — произнес Голос. Берт подумал, что говорит Уильям.

— Хватит, Билл, надоело. Сколько можно спорить?

— А кто спорит? — удивился Уильям.

— Ты, — заявил Берт.

— Врешь! — крикнул Уильям, и спор разгорелся заново. В конце концов решили изрубить гномов на мелкие кусочки и сварить. Достали большой котел, вынули ножи...

— Может, не будем? Воды у нас нет, до родника далеко, и вообще... — произнес Голос. Берт с Уильямом свирепо поглядели на Тома.

— Заткнись! А то мы так не жрамши и останемся. Скажешь еще хоть слово, побежишь за водой.

— Сами вы заткнитесь! — огрызнулся Том. — А ты, Билл, придержи язык, тебе только бы посупротивничать.

— Помалкивай, пугало! — взъярился Уильям.

— Сам пугало! — не остался в долгу Том.

Словом, тролли, как говорится, перешли на личности. Наконец они поутихли и столковались: ся-

дем, мол, по очереди на каждый мешок, расплющим гномов, а потом сварим.

— На кого на первого сядем? — поинтересовался Голос.

— На последнего, — ответил Берт, разумея Торина, от которого пострадал его глаз. Он-то думал, что говорит с Томом.

— Совсем чокнулся, уже сам с собой болтает, — пробурчал Том. — Решил, так садись. А где он?

— Вон, — показал Берт, — в желтых носках.

— Ерунда! — возразил Голос, подражая Уильяму. — Не в желтых, а в серых.

— А я говорю, в желтых, — уперся Берт.

— Точно, — согласился Уильям, — в желтых.

— Чего же ты вопил, что в серых? — удивился Берт.

— Я? Это не я, это Том.

— Еще чего! Это ты, Билл.

— Двое против одного, так что закрой пасть, — велел Берт.

— Это ты кому? — осведомился Уильям.

— Хватит! — гаркнули хором Берт и Том. — Время идет, вот-вот рассветет. Надо дело делать.

— Наступит рассвет и обратит вас в камни, — торжественно произнес Голос.

В этот миг небо над холмами порозовело, в ветвях деревьев защебетали птицы. Уильям заснул, пригнувшись к земле; Берт с Томом тоже замерли. Они стоят на полянке и по сей день — двое смотрят на третьего, — а птицы вьют у них на головах гнезда. Ведь вам наверняка известно, что троллям опасен солнечный свет, и потому до восхода солнца они должны спрятаться под землю, иначе навсегда превратятся в камень, из которого и сотворены. Это и случилось с Уильямом, Томом и Бертом.

— Так-то оно лучше, — проговорил Гэндальф, он вышел из-за дерева и помог Бильбо выбраться из колючего куста. Только теперь хоббит догадался, что это маг заставлял троллей препираться между собой, искусно подражая их голосам. За спором тролли и не заметили, как наступил рассвет.

Вдвоем с хоббитом Гэндальф развязал мешки и вызволил почти задохнувшихся гномов. Те были вне себя от ярости. Еще бы! Каково лежать в мешке и гадать, как тебя съедят — сырым, вареным или жареным. Бильбо рассказал, что с ним приключилось, но гномы никак не могли успокоиться, и рассказ пришлось повторить — только тогда они немного утихомирились.

— Нашел время упражняться, — проворчал Бомбур. — Нет чтобы просто принести еды.

— «Просто» все равно не получилось бы, — возразил Гэндальф. — Но хватит об этом, дело прошлое. Поблизости должна быть пещера — ведь тролли где-то укрывались от солнца. Надо бы ее найти.

Вскоре они наткнулись на отпечатки тролльих башмаков, уводившие вверх по склону. Следы привели к пещере, вход в которую преграждала каменная плита с замочной скважиной. Отодвинуть эту плиту они не смогли, даже когда навалились все вместе. Гэндальф принялся бормотать заклинания, но у него тоже ничего не вышло.

— По-моему, мы не то делаем, — сказал вдруг Бильбо, доставая из кармана огромный ключ (впрочем, для тролля это наверняка был не ключ, а ключик). — Я нашел его у костра. Наверно, выпал у кого-то из кармана.

— Что же ты молчал? — закричали все хором. Гэндальф схватил ключ и вставил в замочную скважину. Ключ повернулся, гномы вновь навалились на плиту, и та отошла в сторону. В пещере стояла

омерзительная вонь. Пол устилала кости, всюду валялись награбленные троллями съестные припасы и прочее добро, от медных пуговиц до горшков, набитых золотыми монетами. По стенам висели костюмы и платья, слишком уж маленькие для троллей — боюсь, то была одежда тех, кого они съели, — и несколько мечей, коротких и длинных. Путникам сразу бросились в глаза два клинка в чудесных ножнах: на рукоятях этих клинков искрились самоцветы.

Эти мечи взяли себе Гэндальф и Торин, а Бильбо выбрал нож в кожаном чехле. Для тролля это был, конечно, всего лишь перочинный ножик, а хоббиту клинок подошел в самый раз.

— Неплохо, — проговорил маг, наполовину вытащив меч из ножен и внимательно его разглядывая. — Доброе оружие. Ковали его не тролли и не местные жители, и не в наши дни. Вот прочтем руны, тогда узнаем.

— Пойдемте отсюда, — сказал Фили. — Тут плохо пахнет.

Путники выволокли наружу несколько горшков с золотом, выкатили бочонок с пивом и прихватили все, что показалось им съедобным. Было время завтрака, и слишком уж они проголодались, чтобы воротить носы от троллевой снеди — какая-никакая, а все ж еда; к тому же собственных припасов у них осталось всего ничего. А тут и сыр, и хлеб, и грудинка, и много-много пива...

После завтрака все улеглись — ведь ночь выдалась беспокойной — и проспали до полудня. Потом пригнали пони, отвезли горшки с золотом в потаенное место недалеко от тропы и спрятали, наложив на хранилище множество заклятий — чтобы никто не позаимствовал сокровища. Покончив с этим, двинулись по дороге на восток.

— Могу я спросить, где ты был? — осведомился Торин у ехавшего рядом Гэндальфа.

— Глядел, что впереди.

— А что привело тебя обратно, да еще так вовремя?

— Взгляд назад, — ответил маг.

— Понятно, — сказал Торин. — А поподробнее нельзя?

— Я разведывал дорогу. Нас ожидают великие трудности. Так вот, я ехал, обследовал окрестности, и вдруг мне навстречу попались двое моих старинных приятелей из Раздола.

— Это где? — спросил Бильбо.

— Не перебивай, — одернул хоббита Гэндальф. — Если нам повезет, мы доберемся туда через два-три дня. Как я уже сказал, мне встретились двое из эльфов Элронда. Они и предупредили меня насчет троллей, которые спустились с гор и расположились в лесу близ дороги. Толком я ничего не выяснил, потому что эльфы сильно торопились, но понял, что пора возвращаться. А когда повернул коня, увидел вдалеке огонек и поехал на него. Это если поподробнее. Впредь будьте, пожалуйста, осмотрительнее, иначе мы вообще никуда не доберемся.

— Благодарю тебя, чародей. — Торин важно поклонился.

Глава 3

КОРОТКАЯ ПЕРЕДЫШКА

Песен уже не пели, историй не рассказывали: погода с каждым днем становилась все лучше, а настроение почему-то — все хуже. Тревога нарастала; казалось, опасность угрожает сразу со всех сторон. Ночевали под открытым небом, под звездами. У пони еды было вдоволь, ведь трава растет повсюду, а вот путники питались впроголодь — сумки почти опустели, даже провизия, взятая из логова троллей, почти кончилась. Как-то утром по широкой мели перебрались через бурную речку, кое-как взобрались на крутой склон и увидели, что горы — вот они, рядом. Мнилось, что до ближайшей из них от силы день неторопливого пути. Бурные скалы, озаренные солнцем, внушали неясный трепет; за ними возносились к небу снежные пики.

— Это и есть Гора? — спросил Бильбо, глаза которого округлились от изумления. Он никогда прежде не видел ничего столь огромного.

— Вовсе нет, — ответил Балин. — Это всего лишь

предгорье Мглистых гор, через которые нам хочешь не хочешь, а надо перейти, чтобы попасть в Глухоманье. Оттуда мы двинемся к Одинокой горе, где возлежит на наших сокровищах проклятый Смог.

— А-а-а, — протянул Бильбо. Вдруг он понял, что устал — сильнее, чем когда-либо до сих пор. Ему вспомнилось удобное кресло у камина в уютной гостиной, и он, не в последний раз, пожалел о том, что вообще согласился выйти из дома.

* * *

Теперь вожатаем шел Гэндальф.

— Если мы собьемся с дороги, то наверняка заблудимся, — сказал маг. — А ведь вам нужно подкрепиться и отдохнуть, прежде чем вы двинетесь через Мглистые горы. Кроме того, тропу через горы лучше сначала отыскать по карте, иначе вы рискуете не просто заблудиться, но и вовсе сгинуть. Или вернуться и все начать сначала.

А на вопрос, где же он рассчитывает получить и еду, и отдых, и карту, Гэндальф ответил:

— В Раздole. Это, как должно быть известно кое-кому из вас, чудесная долина у самой границы Глухоманья, и там, в Последней Приветной Обители, обитает Элронд. Я уже отправил весточку, и нас ждут.

Слова чародея обнадеживали, но не слишком, ведь до Последней Приветной Обители нужно было еще добраться. А впереди, сколько ни гляди — ни деревьев, ни тенистых лощин, лишь бесконечный склон, полого уходящий все вверх и вверх, лишь вереск да камни, да зеленая трава и мох, под которым, наверное, прячутся родники.

Утро минуло, наступил полдень, а безрадостная картина ничуть не менялась. Путники тревожились все сильнее, их терзали сомнения — найдут ли они обитель Элронда? Перед ними порой разверзались

глубокие ущелья с отвесными склонами; заглянув туда, они видели, что далеко внизу, извиваясь между чахлыми деревцами, бегут ручьи. Попадались и расседины, разные — и широкие, и такие, через которые можно перепрыгнуть почти без разбега; в этих узких, но глубоких щелях шумели водопады. Иногда встречались ямы-ловушки: вроде лужайка как лужайка, зеленая травка, яркие цветы, но стоит на нее ступить — и поминай как звали, уже не выберешься.

Оказалось, что от реки до гор вовсе не близко. Бильбо поспешал за остальными, все время озираясь по сторонам. Тропа была отмечена белыми камнями, столь крохотными, что их было не различить; а камни побольше прятались среди вереска, поэтому даже Гэндальф, маг, сведущий во всем и знавший окрестности Раздола как свои пять пальцев, то и дело останавливался и раздумывал. Мало-помалу начало смеркаться; ощущение было такое, будто за этот день не продвинулись ни на шаг.

Время полдника давно миновало, но они не полдничали; с ужином, похоже, будет то же. Кругом вились мотыльки, сумерки становились все гуще, а луна вставать не торопилась. Пони спотыкались о камни. Неожиданно склон оборвался, и Гэндальф вместе с конем чуть было не ухнул с обрыва.

— Наконец-то! — воскликнул маг. Все посмотрели вниз, на раскинувшуюся перед ними долину. Слышно было, как журчит вода в каменистом русле реки. Ветерок доносил пряный аромат сосен, за рекой разливался свет.

Спускаясь в долину по извилистой тропке, то поскальзываясь, то едва ли не катясь кубарем, Бильбо решил, что не забудет этого спуска до конца своих дней. Впрочем, скоро обрывистый склон стал положе, сделалось теплее, чем наверху, смолистый запах сосен навевал дремоту, и хоббит незаметно для

себя начал клевать носом. Путники спускались, а их настроение поднималось. Бор остался позади, из полумрака, теперь совсем не страшного, проступали стволы дубов и буков, а травы под ногами было уже не разглядеть.

Тропинка вывела на вершину невысокого холма прямо над рекой.

— Гм, — произнес Бильбо. — Пахнет эльфами.

Он поглядел на звезды, ярко сиявшие в небе. И тут среди деревьев рассыпался звонкий смех и зазвучала песня:

*Ах, куда вы? Ах, что вы?
Ах, зачем вам идти?
Ах, у пони подковы
Истерлись в пути!
О! Тра-ли-ли-лину!
Спускайтесь в долину!
Ах, куда ж вы идете?
Ах, зачем вам туда?
А у нас вы найдете
Ночлег без труда.
О! Тра-ли-ли-лине! —
Ныне в долине.
Хо! Хо!
Ах, что вас торопит,
Как пташек — весна?
Ведь вам, сударь хоббит,
Ваша цель не ясна!
А гномам в долине
понравится ныне,
в июне!
Хо! Хо!
Вы к нам, бедолаги,
Иль мимо и прочь?
Устали коняги,*

*И скоро уж ночь!
 Кто прочь, тот — глупец!
 А кто к нам — молодец:
 Ему мы за это
 будем петь до рассвета
 песни!
 Хо! Хо!*

Так смеялись и пели эльфы. Какая милая песенка ни о чем! — скажете вы. Эльфы ничуть не обиделись бы на эти слова, наоборот — рассмеялись бы звонче прежнего. Бильбо вскоре разглядел их в сгущающейся тьме. Ему нравились эльфы, все без исключения, хотя встречался он с ними редко; он любил их — и немного побаивался. А вот гномы с эльфами не ладили. Даже почтенные гномы — такие, как Торин и его спутники — считали эльфов оболтусами и пустозвонами (что было просто глупо) и сердились на них за то, что эльфы обожают дразниться и потешаться над гномами, в особенности — над длинными гномьими бородами.

— Ну и ну! — воскликнул кто-то. — Вы только поглядите! Хоббит Бильбо верхом на пони! Вот это зрелище!

— Чудеса! Восхитительно!

Зазвучала новая песня, столь же нелепая, как и первая. Молодой высокий эльф соскочил с дерева и поклонился Гэндальфу с Торинном:

— Добро пожаловать в Раздол.

— Благодарствую, — сурово ответил Торин. Гэндальф же спрыгнул с лошади, смешался с эльфами и завел с ними веселый разговор.

— Вы чуть сбились с пути, — продолжил высокий эльф. — Но мы с радостью укажем вам ту единственную тропу, которая ведет к Обители. Идти лучше пешком, покуда не перейдете мост. А может,

посидите с нами? Попели бы вместе... Впрочем, в Раздоле вас ждут и уже готовят праздничный ужин. — Он потянул носом. — Пахнет костром.

Уставший Бильбо предпочел бы задержаться. В конце концов, когда еще он услышит песни эльфов? И потом, не мешало бы перекинуться парой слов с теми, кто неизвестно откуда знает, как его зовут. Может, удастся выведать что-нибудь этакое о предстоящем приключении. Ведь эльфам ведомо многое — обо всем, что творится на свете, они узнают так же быстро, как течет вода в реке, и даже быстрее.

Однако гномам не терпелось поужинать, поэтому задерживаться не стали. Путники спешили и, ведя своих пони в поводу, двинулись к реке. Поток, начинавшийся высоко в горах, там, где солнечные лучи растапливали снег, был быстрым и шумным. Через него осторожно, по одному, перебрались по узенькому мостику без перил. Между тем эльфы с фонарями в руках высыпали на берег и принялись дразниться.

— Эй, папаша! — кричали они Торину, который не шел, а почти полз по мосточку. — Не замочи бороду! Она у тебя и так длинная! Что будешь делать, когда отрастет до пят?

— Бильбо, смотри не сломай все пироги! Вы уж за ним приглядывайте! Иначе он точно не пролезет в замочную скважину!

— Тихо, тихо, Добрый Народ, — проговорил Гэндальф, замыкавший цепочку. — Даже у долин есть уши, а у некоторых эльфов слишком длинные языки. Спокойной ночи.

Двери Последней Приветной Обители были распахнуты настежь. Гостей ждали.

Как ни странно, о днях безмятежного покоя и отдыха, о приятном времяпрепровождении — сло-

вом, обо всем хорошем скучновато рассказывать и скучновато слушать; вот если происходит что-нибудь неприятное или плохое, из этого можно сострять отличную историю, которую всегда будут принимать на «ура». Путники надолго задержались в Обители — по меньшей мере, на четырнадцать дней, — и уходить было тяжко. Бильбо с готовностью остался бы там на веки вечные: ему так понравилось в Обители, что он почти перестал тосковать по своей уютной норке. Но — о пребывании путников в Раздole мало что можно поведать.

Последней Приветной Обителью управлял друг эльфов Элронд, один из тех, о чьих предках складывали небылицы еще до начала Истории, во времена жестоких сражений между злобными гоблинами и эльфами, которым помогали люди с севера. В дни, о которых мы повествуем, встречались еще те, кто вел свой род от эльфов и северных воинов, и Элронд был их предводителем.

Ликом он был прекрасен, как князь эльфов, силен и доблестен, как великий воин, мудр, как чародей, важен, как король гномов, добр и ласков, как лето. О нем сложили множество преданий; но Бильбо, Торину и прочим — в этом вы убедитесь сами, если мы благополучно доберемся до конца нашей повести, — он помог только советом, что, впрочем, тоже немало. В Обители Элронда каждый занимался чем хотел — ел, спал, работал, болтал, пел, размышлял, или все это вместе. А вот злу дорога в Раздол была заказана.

С каким удовольствием я бы пересказал хотя бы несколько преданий и песен, услышанных гостями в Обители! Увы, это увело бы нас далеко в сторону. Скажу лишь, что все путники хорошо отдохнули и подкрепились, заштопали одежду, подлечили дорожные ушибы и воспряли духом.

Но всему хорошему приходит конец. Приблизился день летнего солнцеворота, и пора было отправляться в путь. На пони вновь навьючили мешки и сумки, битком набитые эльфийской едой. Ее вполне должно было хватить на предстоящий переход через Мглистые горы.

В день перед расставанием Гэндальф показал Элронду мечи, которые они с Торином нашли в логове троллей.

— Это очень древние клинки, — сказал Элронд, знавший все на свете руны. — Они когда-то принадлежали моим родичам, Вышним Эльфам с Запада. А выковали их в Гондолине в незапамятные времена. Должно быть, они стали добычей какого-нибудь дракона или гоблина, попали в чужие лапы, когда вражеские полчища разрушили и разграбили Гондолин. Твой клинок, Торин, на древнем наречии зовется Оркрисом — Гоблиносеком. Этот меч прославлен в легендах и песнях. А твой, Гэндальф, зовется Гламдринг, то есть Вражемолот. Им некогда сражался сам король Гондолина. Берегите свои мечи.

— Интересно, как они попали к троллям? — проговорил Торин, с любопытством изучая свой клинок.

— Наверняка не скажу, — ответил Элронд. — Быть может, ваши тролли ограбили других воров или случайно наткнулись в горах на припрятанную добычу. Я слышал, что в рудниках Мории до сих пор находят древние сокровища, укрытые там предками нынешних гномов.

— Я сохраню этот меч во что бы то ни стало, — поклялся Торин. — Надеюсь, он еще покосит гоблинов.

— Твои надежды могут сбыться в горах, — отозвался Элронд. — Разрешите, я взгляну на вашу карту.

Он взял пергамент и долго смотрел на него, качая головой. Элронд недолюбливал гномов, снедаемых страстью к золоту и самоцветам, но с гномами все же можно было как-то договориться, а вот вразумить обуянных звериной злобой и жестокостью драконов не удавалось еще никому. Где ныне веселый город Дол с его колоколами? Одни развалины да опаленные драконьим пламенем берега Бегущей... Элронд поднял карту и принялся разглядывать ее в лунном свете.

— Что это? — воскликнул он вдруг. — Тут не только простые руны, видите? Какая-то надпись лунными рунами...

— А что такое «лунные руны»? — прошептал сам не свой от восторга хоббит. Помните, он обожал всякие карты, а еще был без ума от затейливой вязи старинных букв и рун, хотя сам писал почти как курица лапой.

— Лунные руны можно увидеть, только если на них упадет свет луны, причем луна должна быть в той же самой четверти, как и в ту ночь, когда были начертаны руны. Эти руны изобрели гномы, наносившие их на пергамент серебряными перьями. Спроси у своих товарищей, они тебе расскажут. Похоже, эту надпись начертали тоже в канун солнцеворота...

— Чго она гласит? — спросили хором Гэндальф и Торин. Им обоим было немного досадно, что надпись обнаружили не они; оставалось утешаться тем, что до сих пор у них просто не было случая тщательно изучить карту.

Элронд стал читать:

— «Встань у серого камня, дрозд когда запоет и закатного солнца последний луч на замочную скважину упадет в День Дарина».

— День Дарина, — повторил Торин. — Дарином звали самого первого гнома, старейшину

Длиннобородых — это наш королевский род. Между прочим, я — потомок Дарина.

— И что же такое День Дарина? — справился Элронд.

— Первый день нового года по календарю гномов, — ответил Торин. — Всем известно, что в этот день на пороге зимы луна входит в последнюю четверть и встречается с солнцем. Вот что такое День Дарина. Но вряд ли надпись чем-то нам поможет, ведь нынче никто не угадает, когда наступит нужный срок.

— Это мы еще посмотрим, — заявил Гэндальф. — Больше там ничего не написано?

— Как будто нет, — ответил Элронд и вернул карту Торину. Потом все спустились к реке — посмотреть, как танцуют эльфы, и послушать их песни.

Следующее утро выдалось таким чудесным, что лучшего и желать нечего: небо безоблачное, солнце ослепительно яркое, речная вода вся в бликах. Путники решительно двинулись вперед, а вслед им неслись прощальные возгласы, пожелания удачи и песни эльфов. Впереди возвышались Мглистые горы, которые нужно было преодолеть во что бы то ни стало.

Глава 4

ЧЕРЕЗ ГОРЫ И ПОД ГОРАМИ

К горам вело множество троп, а через горы — множество перевалов; но тропы в основном были дикие, неверные и заводили они или в тупик, или вообще никуда, а перевалы и того хуже — на них кишела тьма злобной нечисти и творились ужасные вещи. Впрочем, путники не плутали — спасибо Элронду за совет и Гэндальфу за его память! Они поднимались по верной тропе к верному перевалу.

День за днем, выбравшись из долины и оставив позади Последнюю Приветную Обитель, они поднимались в гору. Дорога вела вверх, и вверх, и вверх. Это был нелегкий путь, опасный путь, извилистая тропа, неторная и долгая. И вот однажды, оглянувшись, они увидели землю, которую покинули, — увидели всю, от края до края. И далеко-далеко на западе, там, где мир терялся в голубоватой дымке, там — Бильбо знал, — где-то там лежала милая сердцу

Хоббитания, где-то там ждала своего хозяина уютная норка. Он поежился.

Было жутко холодно, завывал ветер. Порой со склонов срывались валуны, вытопленные из снега полднемным солнцем; огромные камни то пронеслись со свистом между путниками, то пролетали над самыми их головами, и тогда все испуганно вздрагивали. Ночи тоже не приносили покоя; петь и даже громко разговаривать никто не отваживался — горное эхо разносилось на многие мили окрест, и чудилось, что царящей вокруг тишине не по нраву чужеродные звуки — ведь привыкла она разве что к журчанию воды да к вою ветра и грохоту камнепадов.

«А внизу еще лето, — подумалось Бильбо. — Сенокос, праздники... Прежде чем мы перевалим через горы, там, у нас, уже поспеют ягоды».

Мысли гномов были ничуть не веселее. Все приуныли, хотя, когда прощались с Элрондом, были рады. Частенько поминали они свои планы, казавшиеся теперь несбыточными, — с ходу перебраться через Мглистые горы и двинуться напрямик к Одинокой горе. Гномы рассчитывали достичь цели путешествия к первой осенней луне: «Может, это будет как раз День Дарина», — говорили они. А Гэндальф, слушая их, качал головой, но помалкивал. Он-то знал, сколько опасностей ждет их на пути, сколько всяких злобных тварей появилось в Глухоманье с тех пор, как драконы изгнали оттуда людей, а гоблины сумели проникнуть в пещеры Мории. Мудрым магам и добрым друзьям вроде Элронда хорошо известно, что Глухоманье очень даже просто может расстроить самый удачный план; а мага мудрее Гэндальфа и друга надежнее Элронда надо еще поискать.

Гэндальф знал, что может случиться всякое, и догадывался, что Мглистые горы с их высоченными пиками и глубокими ущельями, давно забытыми о королях былого, так просто путников не пропустят. Его опасения оправдались. Началась буря — да какая там буря, самый что ни на есть настоящий ураган. Когда два могучих ветра сталкиваются на равнине или в речной долине, — и то бросает в дрожь. Попробуйте же представить, что творится в горах, когда сходятся в битве стремительные вихри с запада и с востока! Грохочет гром, молнии вонзаются в скалы, сотрясая их до основания, огромные камни взлетают в воздух, катятся по склонам, разбиваются вдребезги, а ночную тьму вспарывают ослепительные вспышки, вслед которым раздается чудовищный грохот.

Бильбо никогда ничего подобного не видел и даже вообразить не мог, что такое бывает. Буря застигла путников в узком ущелье высоко в горах: с одной стороны была почти отвесная каменная стена, с другой — затянутая туманом и наверняка бездонная пропасть. Выбирать не приходилось, поэтому заночевали в этом ущелье, укрывшись под выступом скалы. Хоббит закутался в одеяло, но все равно дрожал с головы до ног — от холода и от страха. При вспышках молнии он видел каменных великанов, которые, откровенно радуясь непогоде, затеяли игру — швыряли друг в друга громадные валуны, ловили их и бросали вниз, на невидимые в темноте деревья, где они разбивались вдребезги. Буря разгулялась не на шутку, ветер задул резкими порывами, хлынул дождь, забарабанил по скале град. Вскоре все вымокли до нитки; пони опустили головы, поджали хвосты и только испуганно ржали.

А великаны громко вопили и гоготали; казалось, они потешаются над промокшими и продрогшими путниками.

— Худо дело, — мрачно промолвил Торин. — Нас или сдует, или затопит, если раньше не испепелит молнией. А не то еще великаны заметят и решат, что мы вполне сойдем за мячики.

— Коли знаешь местечко получше, отведи нас туда, — раздраженно бросил Гэндальф. — А коли нет, так нечего ворчать.

Перепалка завершилась тем, что Фи́ли и Ки́ли, как самые молодые — лет на пятьдесят моложе прочих гномов — и самые зоркие, отправились искать укрытие понадежнее. Им было не привыкать к подобным поручениям (вы, конечно же, понимаете, что посылать на разведку Бильбо не имело ни малейшего смысла). Кто ищет, тот всегда найдет — приблизительно так высказался Торин, напутствуя молодых гномов. Но учтите, прибавил он, находишь обычно не то, что искал. И как в скором времени выяснилось, напутствие Торина оказалось пророческим.

Разведчики вернулись быстро — приползли, цепляясь за камни, чтобы не сдуло в пропасть.

— Мы нашли пещеру, — выпалили они в один голос. — Совсем рядом. Там сухо и просторно, мы все поместимся, даже пони.

— Вы хорошо ее осмотрели? — спросил маг, отлично знавший, что горные пещеры редко бывают бесхозными.

— А как же! — откликнулись Фи́ли и Ки́ли. — Она не слишком большая и не слишком глубокая, но места в ней хватит всем.

Честно говоря, разведчики вряд ли успели обследовать пещеру как следует — уж больно недолго они отсутствовали. Но путники настолько про-

дрогли, что им было не до осторожности. А между тем, когда имеешь дело с пещерой, самое главное — выяснить, насколько она глубока, куда ведет и не живет ли там кто. Все кое-как поднялись и потащились по тропе, волоча за собой упирающихся пони. Натужно ревел ветер, свирепо грохотал гром. По счастью, идти было недалеко — до скалы, возвышавшейся чуть в стороне от тропинки. Обойдя ее, путники увидели темное отверстие — широкое ровно настолько, чтобы в него могли протиснуться пони без седел и без поклажи. Все забрались внутрь. Это было просто великолепно — наконец-то укрыться от ливня с градом и от великанов с их каменюками.

Один лишь Гэндальф не утратил благоразумия. Он засветил свой посох — как в тот далекий день в норе Бильбо — и заставил компанию тщательно осмотреть пещеру.

Она была не то чтобы маленькой — вполне подходящего размера; в ней имелось несколько уютных закутков, а главное — под ногами сухо и с потолка за шиворот не капает. Мокрые и продрогшие пони радовались перемене ничуть не меньше своих хозяев, их отвели подальше от входа и оставили в укромном уголке. Глоин с Оином собрались развести костер, чтобы согреться и высушить одежду, но маг запретил. Поэтому путники попросту переоделись в сухое, а мокрое разложили на полу пещеры; затем расстелили одеяла, вынули трубки и закурили. Гэндальф развлекался — окрашивал кольца дыма в разные цвета и заставлял танцевать под сводом. О неприятье забыли, завязался разговор: обсуждали, что каждый сделает с причитающейся ему долей сокровищ, на что ее пустит (то, что сокровища будут добыты, казалось само собой разумеющимся). Мало-помалу начали засыпать. И никто из компании не догадывался, что больше не будет у них ни пони, ни

дорожных котомок, ни мешков с инструментами — словом, ничего из того, что было у них до сих пор.

Хорошо еще, что в эту ночь с ними был маленький Бильбо. Хоббит долго не мог заснуть, а когда все же задремал, ему привиделся ужасный сон. Будто трещина в стене, в дальнем конце пещеры, стала вдруг расширяться, становясь все больше и больше, и будто он настолько испугался, что не посмел даже пискнуть — лежал да смотрел. Затем пол пещеры словно накренился, и Бильбо заскользил, падая неведь куда...

Хоббит вздрогнул — и понял, что это не сон. В дальнем конце пещеры и вправду разверзлась дыра, в которой на глазах Бильбо исчез хвост последнего пони. Он завопил — так громко, как может вопить только хоббит (а такого крика, ручаюсь, вам слышать не доводилось).

И тут из дыры полезли гоблины — огромные, дюжие, отвратительные гоблины. Их было по меньшей мере шестеро на каждого гнома, а двое накинута на Бильбо. Прежде чем кто-либо успел шевельнуться, гоблины схватили пленников и потащили в дыру. Враги застали врасплох всех — всех, кроме Гэндальфа. Маг пробудился от вопля Бильбо и мгновенно все понял. И едва гоблины бросились к нему, пещеру озарила ослепительно яркая вспышка, словно сверкнула молния, запахло порохом, и несколько гоблинов пало замертво.

Трещина с грохотом сомкнулась — Бильбо с гномами очутились за стеной. А где же Гэндальф? — спросите вы.

Этого не знали ни пленники, ни налетчики, которые, впрочем, не имели ни малейшего желания разыскивать чародея. Они не мешкая двинулись по вырубленному в скале проходу, в котором было так темно, что хоть глаз выколи. В такой тьме могут жить

одни лишь горные гоблины. Подземные коридоры сходились и расходились, пересекались под всевозможными углами, во всех направлениях, но гоблины знали свой путь, как вы — дорогу до почты. Все ниже и ниже, все глубже и глубже; становилось нестерпимо жарко. Грубые гоблины немилосердно щипались, фыркали и мерзко гоготали. Хоббиту было страшно — страшнее даже, чем тогда, когда его схватил за шиворот тролль. Он вновь пожалел о своей опрометчивости. Оказаться бы сейчас в уютной норке на Круче...

Впереди замерцал алый огонь. Гоблины загорланили песню, отбивая такт своими плоскими лапами и встряхивая пленников.

*Хрум! Хруп! Гоблин груб!
Греть! Греть! Дроби дробь!
Вниз, вниз — заждались
Там вас, мил друг.
Кряк! Бряк! Да как — шмяк!
Ключ — замок, дверь — порог!
Плеть! Клеть! Гляди, впредь
Дам в глаз, мил друг!
Вам и впредь будет плеть!
На бегу обожгу! У меня чтоб ни гу-гу!
Вас тут ждут труд да труд,
Чтобы гоблин жил, чтобы гоблин не тужил!
Вниз, во мрак! Вот так,
В самый раз, мил друг!*

Звучало это поистине ужасающе. Особенно «Хрум! Хруп!» и «Кряк! Бряк!». Эхо вторило гнусному смеху гоблинов. Потом эти лиходеи вытащили кнуты — хлысть! свисть! — и велели пленникам бежать бегом, и гномы не раз и не два отвели по дороге гоблинского кнута.

Наконец достигли громадной пещеры, посреди-не которой пылал костер. На стенах чадили факелы. В углу стояли пони, поодаль валялись мешки и котомки, разграбленные, вывернутые, что называется, наизнанку. По правде сказать, своих пони — и того крепкого белого конька, которого Элронд подарил Гэндальфу — пленники, как это ни жаль, видели в последний раз. Ведь гоблины всегда голодны и охотно едят лошадей, пони, ослов (и не только их — брр!..)

Гоблинов в пещере было полным-полно. Завидев гномов, позади которых ковылял несчастный Бильбо, они загоготали, затопали и захлопали, а гоблины-надсмотрщики завыли и защелкали кнутами. Пленников согнали в кучу, надели на них ручные кандалы, потом обмотали всех одной веревкой и поволокли в самый темный угол пещеры.

Там восседал на большом плоском камне омерзительный гoblin с огромной головой. Вокруг него стояли другие, вооруженные топорами или кривыми мечами — излюбленным оружием гоблинов. Да, ныне гоблины уже не те, что прежде, — они стали злы и жестоки, их сердца зачерствели. А когда-то они были искусными мастерами и никто не мог сравниться с ними в умении рыть подземные ходы. Молоты, мечи, топоры, кинжалы, кирки, гонги, а также пыточные инструменты они великолепно ковали сами — или заставляли ковать своих рабов, которые быстро умирали под землей от нехватки воздуха и от жажды. Может быть, именно гоблины изобрели машины, поколебавшие устои мира, в особенности — машины для убийства; в конце концов, им всегда нравились колеса, двигатели и взрывы. Грязнули и неряхи, они всячески отлынивали от работы, заставляя трудиться на себя своих пленников. Гномов гоблины ненавидели не то чтобы так

уж сильно — скажем прямо, не сильнее, нежели всех остальных (среди гномов попадались и такие, кто сумел заключить с гоблинами союз). Но вот род Торина они поклялись истребить — еще давно, во времена войны, о которой уже упоминалось.

Вдобавок гоблинам было все равно кого хватать — лишь бы жертвы не сопротивлялись.

— Кто эти жалкие твари? — осведомился Верховный Гоблин.

— Гномы. И этот. — Один из надсмотрщиков дернул за веревку, и Бильбо рухнул на колени. — Прятались у парадного входа. Там мы их и взяли.

— Интересно. — Верховный Гоблин повернулся к Торину. — Что все это означает? Небось вынюхивать явились, а? Подслушивали да подглядывали? Тати гнусные! Хотели нас ограбить! Уж я знаю вас, убийцы, приятели эльфов. Чего молчишь?

— Меня зовут Торин, — сурово произнес Дубовый Щит. — Все свои домыслы можешь оставить при себе. Мы просто укрылись от бури в пещере и вовсе не собирались подглядывать за гоблинами. Нам это ни к чему, у нас другие дела.

— Рассказывай! — Верховный Гоблин презрительно хмыкнул. — Как вы вообще оказались в горах и куда идете? Ну-ка отвечай! Всю правду, не увиливай! Хотя это тебе вряд ли поможет, Торин Дубовый Щит, я и так уже слишком много знаю о твоём жалком племени. Но утоли мое любопытство. А коли обманешь — пеняй на себя!

— Мы идем навестить наших родичей, наших племянников, братьев и сестер и всех остальных. Они живут на восточных склонах сих гостеприимных гор, — сказал Торин, чуть помедлив (ведь ясно было, что правду нельзя говорить ни в коем случае).

— Врет он, о всеужаснейший! — вмешался надсмотрщик. — Мы вежливо пригласили их спуститься

с нами, и тут в пещере сверкнула молния и наши товарищи попадали замертво. А еще он не объяснил, откуда у него вот это. — И гоблин показал своему главарю меч из логова троллей.

Верховный Гоблин взвыл от ярости, а все прочие заскрежетали зубами, застучали в щиты и затопали ногами. Они сразу узнали клинок, сразивший сотни гоблинов в те времена, когда кудесники-эльфы из Гондолина осаждали вражеские крепости. Эльфы именовали меч Оркристом, то есть Гоблиносеком, а гоблины называли его просто Кусачом. Они ненавидели лютой ненавистью и сам меч и всех, кто им владел.

— Убийцы и дружки эльфов! — завопил Верховный Гоблин. — Бей их! Кусай! Рви! Бросьте их в темницы к змеям, и да не увидят они вовек света! — Он так разъярился, что спрыгнул со своего трона и ринулся на Торина, широко разинув пасть.

Вдруг в пещере погасли все факелы. Громадный костер потух, на его месте возник столб голубого светящегося дыма, поднимавшегося к потолку и рассыпавшего вокруг белые искры.

Вопли, визг, лепет, вой, рык, всхлипы и проклятия, которыми огласилась пещера, не поддаются никакому описанию. Даже если поджаривать живьем на медленном огне сотню-другую диких кошек или волков — и то получится не так громко. Искры прожигали гоблинов насквозь, густой дым не позволял им что-либо разглядеть. Скоро все попадали друг на дружку и, точно обезумев, принялись кататься по полу, пинаться и кусаться.

И тут лезвие Оркриста в лапах стражника налилось светом. На глазах Бильбо из мрака возник еще один меч, и мерцающее лезвие пронзило Верховного Гоблина, застывшего в изумлении возле трона. Главарь рухнул как подкошенный, а его охранники, спасаясь от клинка, с воплями скрылись во мраке.

Меч потускнел.

— Идите за мной, — велел суровый голос. И Бильбо, прежде чем понял, что, собственно, происходит, уже мчался как угорелый за гномами по подземному коридору, а крики гоблинов постепенно затихали в отдалении. — Скорее, скорее! — подгонял голос. — Вот-вот зажгут факелы!

— Я сейчас! — Дори, бежавший впереди Бильбо, остановился, подождал хоббита, заставил его забраться к себе на закорки и кинулся следом за остальными. Кандалы позвякивали, гномы часто спотыкались и падали — ведь руки у них были скованы и хвататься за стены, чтобы сохранить равновесие, было нечем.

Остановились нескоро — лишь когда очутились в самом сердце горы. Гэндальф засветил свой посох. Разумеется, это был Гэндальф, как всегда, подоспевший на выручку вовремя. Впрочем, выяснять, откуда он взялся, было некогда. Меч в руке мага мерцал холодным голубоватым светом — гоблины были где-то поблизости. Тем же самым клинком, которым сразил Верховного Гоблина, владыку подземелья, Гэндальф рассек оковы на руках гномов. Этот меч, как вы помните, звался Гламдринг, то есть Вражемолот.

Гоблины называли его Било и ненавидели даже сильнее Кусача, если такое возможно. Гэндальф с поклоном протянул Торину Оркрис: воспользовавшись суматохой, маг вырвал клинок у одного из охваченных паникой гоблинов. Вообще Гэндальф позаботился о многом, и не его вина, что гномам и хоббиту пришлось пережить несколько неприятных минут.

— Все тут? — спросил маг. — Поглядим. Торин — раз. Так, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... Где Фили и Кили? А, вот они. Двенадцать, тринадцать, и господин Торбинс — четырнадцатый. Великолепно!

Могло быть или гораздо хуже — или гораздо лучше. Пони сгнули, еда тоже, мы не знаем, где находимся и в какую сторону идти, а за спиной у нас орда разъяренных гоблинов... Ладно, пошли.

Они двинулись наугад. Довольно скоро послышался топот множества ног — гоблины оправились от изумления и пустились в погоню. Путники ускорили шаг, и бедный Бильбо сразу же отстал. Его снова посадили на закорки и понесли, передавая по очереди друг другу.

Но гоблины настигали гномов — они лучше знали дорогу, потому что сами рыли эти пещеры, и были вдобавок просто вне себя от ярости. Злобные крики доносились отовсюду. Топот ног слышался совсем уже близко, на стенах замерцали отблески от горящих факелов.

Гномы смертельно устали, но продолжали бежать.

— И зачем только я пошел с вами?! — простонал господин Торбинс, подскакивая на спине у Бомбура.

— И зачем только я тащу на себе этого треклятого хоббита?! — в тон ему отозвался Бомбур. Толстяка шатало, он был весь мокрый от пота.

Гэндальф и Торин, пропустив остальных вперед, обнажили клинки.

— По очереди! — крикнул маг. — Давай, Торин!

Гоблины с громкими криками вывалились из-за угла — и напоролась на Оркрис с Гламдрингом. Клинки холодно мерцали. Первые из преследователей выронили факелы и упали мертвыми. Прочие попятись, но сзади на них наседали. Все смешалось. Под вопли «Кусач! Било!» гоблины развернулись и, топча друг друга, бросились вспять. Совсем не скоро отважились они вернуться.

К тому времени гномы успели уйти далеко. Тогда гоблины потушили факелы и отправили на

разведку самых своих быстрых и зорких товарищей. Те натянули мягкие башмаки и двинулись по коридорам бесшумнее летучих мышей.

И ни Бильбо, ни гномы, ни даже Гэндальф ничего не заподозрили, ничего не услышали и не увидели. А гоблины, кравшиеся во мраке, заметили своих обидчиков издалека, ибо маг зажег на конце посоха огонек, чтобы освещать дорогу.

И вот тогда-то Дори, который как раз опять тащил на закорках хоббита, вскрикнул и упал — в полумраке его схватили за ногу. Бильбо скатился на пол, ударился головой о камень и перестал что-либо чувствовать.

Глава 5

ЗАГАДКИ ВО МРАКЕ

Открыв глаза, Бильбо ровным счетом ничего не увидел — ни зги! И не услышал ни звука! Только представьте весь ужас маленького хоббита! Ничего не видно, ничего не слышно; ясно лишь одно — он по-прежнему в подземелье.

Бильбо кое-как приподнялся и на четвереньках пополз куда-то наугад. Полз и полз, пока не уперся в стену. Ну и дела — ни гоблинов, ни гномов. И куда все подевались? В какую сторону надо двигаться, чтобы выбраться на волю, хоббит не имел ни малейшего понятия; голова кружилась. Собравшись с силами, он пополз дальше по коридору — авось куда-нибудь да приползет. И вдруг его пальцы нащупали на полу нечто круглое и холодное — металлическое колечко. Бильбо сунул находку в карман, так, на всякий случай (откуда ему было знать, что это за колечко и какой от него может быть прок). Потом, когда устал ползти, уселся и долго сидел в темноте, подавленный случившимся и совершенно

сбитый с толку. Ему виделось, будто он жарит у себя на кухне бекон с яичницей, — очень уж хотелось кушать, ну просто сил нет как хотелось. Но ни кушать, ни даже перекусить было нечем, и Бильбо понял, что на сей раз дела обстоят и вправду худо.

Он никак не мог решить, что же ему делать дальше, никак не мог понять, что вообще происходит и почему его бросили одного, а еще — почему его не схватили гоблины и отчего так болит голова. Некоторое время спустя хоббит пошарил по карманам и нащупал трубку. Цела! И на том спасибо. Отыскался и кисет с табаком. Совсем хорошо! Но спичек в карманах не оказалось, и Бильбо вновь приуныл. Однако, размыслив здраво, он сказал сам себе, что переживать не стоит — ведь на огонек спички, на аромат табачка могут пожаловать какие-нибудь гнусные твари, которые наверняка водятся в этом жутком подземелье. И тут рука хоббита нащупала рукоять меча — того самого кинжала, который Бильбо позаимствовал в логове троллей. К счастью, гоблины не обыскивали пленников, а потому кинжал не отобрали.

Хоббит обнажил клинок. Тот тускло замерцал.

«Выходит, тоже не простой, — подумал Бильбо. — Тоже эльфийский. Раз он светится тускло, значит, близости гоблинов нет, но они не так уж далеко».

Он слегка приободрился. Не каждый может похвастаться тем, что у него есть эльфийский клинок, выкованный в незапамятные времена в легендарном Гондолине. Вдобавок Бильбо успел заметить, что гоблины боятся таких клинков.

— Куда дальше? — бормотал хоббит себе под нос. — Назад? А какой смысл? Свернуть здесь некуда... Тогда вперед. Пошли, дружище. — С этими словами он встал и двинулся во мрак: одну руку, с мечом, он выставил вперед, а другой держался за стену. Сердце его бешено колотилось.

Есть такое присловье — «попасть впросак». Так вот, Бильбо Торбинс как раз в него и попал. Впрочем, будь на его месте человек, человеку пришлось бы еще хуже. Ведь ростом хоббиты гораздо меньше нас с вами и — пускай их норы светлее и просторнее гоблиновых пещер — им не привыкать под землей, и дорогу они находят без труда, особенно когда голова ясная, когда крепко стоишь на ногах, почти не спотыкаешься и уж тем более когда не падаешь. А еще хоббиты владеют древней мудростью, о которой люди давным-давно забыли — если вообще имели о ней представление.

Однако мне не хотелось бы очутиться на месте господина Торбинса. Ход казался бесконечным. Он вел вниз и, если не считать одного-двух поворотов, вел в одном и том же направлении. Вот тусклый свет кинжала выхватил из мрака боковые коридоры, и хоббит постарался побыстрее проскочить мимо них — а вдруг оттуда вылезут гоблины или еще более жуткие твари? Порой раздавался шелест крыльев — это над головой Бильбо пролетали летучие мыши; поначалу хоббит пугался, но мало-помалу пообвык и уже не обращал на них внимания. Он смертельно устал, но не смел остановиться и передохнуть, а потому брел все дальше и дальше, неведомо куда. Никогда в жизни ему не доводилось столько проходить зараз.

И вдруг нога Бильбо угодила в ледяную воду. Уф! Хоббит выдернул ногу и замер в нерешительности. То ли это лужа, то ли подземная речка; а может, глубокое озеро... Меч едва светился. Бильбо затаил дыхание и прислушался. С невидимого свода пещеры падали в воду капли, других звуков не было.

Выходит, не река. Скорее уж озеро. По правде сказать, разница небольшая. Пловец Бильбо некудышный; вдобавок ему живо представились гнусные скользкие твари с выпученными глазищами — стоит только сунуться в воду, они тут же на тебя кинутся... Ходили слухи, что в горных подземельях обитают диковинные существа, чьи предки затаились во мраке неведь сколько лет назад, когда им опротивел солнечный свет. Отчасти эти слухи были справедливы: даже в пещерах, обжитых гоблинами, встречались такие твари, о существовании которых не подозревали и сами гоблины (вообще-то эти самые твари обитали в подземельях от пачала времен — гоблины всего-навсего бесцеремонно захватили их пещеры, а потом соединили проходами).

На каменистом островке посреди озера, широкого, глубокого и холоднющего, жил старый Голлум, маленький и скользкий, как рыба. Не знаю, кто он такой и откуда взялся. Просто Голлум — черный, как ночь, и только на изможденном лице светились большие глаза навывкате. У него была лодка, в которой он плавал по озеру, загребая вместо весел лапами. Он прекрасно видел в темноте и потому ловил рыбу не на удочку, а руками — ловко выхватывал ее из воды своими длинными пальцами. Мясом он тоже не брезговал и охотно поедал гоблинов, которые иногда забредали к озеру (а на озеро это они наткнулись случайно, копая очередной ход); но далеко от воды Голлум не отходил, чтобы не попасться. Гоблины же словно чуяли, что озеро таит в себе угрозу, и старались туда не ходить — если, конечно, не пошлет кого Верховный Гоблин, которому вдруг приспичит поест свежей рыбки. Но в этом деле обычно его поджидало разочарование — ни тебе рыбы,

ни даже нерадивого добытчика, на котором можно было бы сорвать гнев.

Голлум уже давно заметил Бильбо, углядел его своими глазами-плошками и долго гадал, что это за коротышка. Вроде не гном, да и на гоблина совсем не похож. В конце концов он забрался в лодку и направил ее к берегу.

Бильбо между тем сел и задумался. Вдруг из темноты донесся шепот:

— Как нам повезло, моя прелессть! Вот и обед, вкусный обед, голлум! — На последнем слове в горле у Голлума ужасно забулькало и заклокотало. Вот откуда взялось его прозвище; а сам себя он всегда именовал «моя прелесть».

Услыхав этот шепот и увидев во мраке огромные светящиеся глаза, хоббит едва не лишился чувств.

-- Ты кто? — пропищал он, выставя перед собой кинжал.

— Пуссть он сначала скажет, кто он такой, моя прелессть, — прошипел Голлум. У него была такая манера — разговаривая, обращаться только к себе, словно никого другого и вовсе не существовало. Бильбо повезло, что Голлум был не слишком голоден: как следует проголодавшись, тот сперва душил свою жертву, а уж потом начинал задавать вопросы.

— Бильбо Торбинс, к вашим услугам. Я потерял гномов и мага, сбился с дороги, заблудился, не знаю, куда попал, да и знать не желаю — мне бы только выбраться отсюда!..

— А что это у него в руке, моя прелессть? — полюбопытствовал Голлум, неодобрительно поглядывая на меч.

— Клинок из Гондолина, — ответил хоббит.

— Шшш... — Голлум сделался ужасно вежливым. — Может, поболтаем с ним, моя прелесссть? Может, он любит загадки и сыграет с нами?

Дружелюбие Голлума было притворным — он всего лишь тянул время, надеясь вызнать, давно ли Бильбо отбился от своих спутников и умеет ли драться мечом. А игра в загадки была единственным развлечением Голлума — он играл в нее еще со своими друзьями, в те времена, когда были у него друзья, когда он еще не боялся света и жил не под землей.

— Конечно, сыграет. — Бильбо тоже решил не торопить события. Кто ее знает, эту тварь: откажешься, а она обидится и накинется... — Вы первый, — прибавил он, ибо с ходу на ум загадки не шли.

Голлум прошипел:

*Из земли торчит лес
Выше всех деревьев,
Поднялся до небес,
А сам не растет.
Что такое?*

— Ну, это легко, — сказал Бильбо. — Гора, конечно.

— Он говорит «легко», моя прелесссть? — злобно прошипел Голлум. — Ладно, ладно. Мы с ним договоримся. Если прелесссть спросит, а он не ответит, мы его съедим, моя прелесссть. А если он спросит и мы не ответим, тогда... Чего он хочет, моя прелесссть? Тогда мы покажем ему выход.

— Идет, — согласился хоббит. Трудные загадки никак не вспоминались, а простые тут негодились — иначе не успеешь опомниться, как сожрут.

*Тридцать белых жеребят
из красной норы:*

*едят — копытами стучат,
а все съедят — стоят, молчат.
Что такое?*

Вот что он загадал, ничего другого в голову не пришло. Загадка была старой, и Голлум без труда нашел ответ.

— Сстарье, сстарье! — прошипел он. — Это зубы, моя прелессть, но у нас их только шессть. — И загадал свою загадку:

*Без голоса ревет,
Без крыльев летит,
Без зубов грызет,
Без языка говорит.*

— Сейчас, сейчас, — пробормотал Бильбо. Что-то подобное он когда-то уже слышал... — А, ветер! — Хоббит так обрадовался, что сразу вспомнил загадку потруднее. «Вот тебе, чудище подземное», — подумал он.

*На синем лике око,
И на зеленом — око.
И то и это око
Глядятся око в око.
Но это низко око,
А то — высоко око*

— Шшш... — Голлум слишком долго прожил под землей, чтобы с ходу найти ответ. Но Бильбо рано возликовал. В Голлуме пробудилась память о тех днях, невысказанно, безмерно давних днях, когда он жил со своей бабушкой в норе на берегу реки. — Шшш, моя прелессть. Это ссолнце, гадкое ссолнце и цветы.

Воспоминания его разозлили. И не удивительно — кому приятно вспоминать о том, как хорошо

жилося раньше, о днях менее одиноких, менее темных и промозглых? Вдобавок Голлум почувствовал, что уже проголодался. И он решил загадать загадку позаковыристее.

*Это неслышимо, это незримо,
 Это нечуемо, неощутимо;
 Это над звездами и под землей,
 И в каждом доме, коль дом пустой;
 В начале было, в конце придет —
 Жизнь завершит и веселье уьвет.*

К великой досаде Голлума Бильбо не замедлил с ответом.

— Темнота, — сказал он, даже не почесав в затылке, и загадал сам:

*Нет у шкатулки ни крышки, ни дна,
 А все же золотом полна.*

На взгляд Бильбо, загадка была совсем простенькой, даром что он ее слегка изменил. Но для Голлума она оказалась крепким орешком. Тот долго шипел и кряхтел, что-то шептал себе под нос, но не отвечал.

Бильбо решил его поторопить:

— Ну? Если ваше шипение означает, что ответ — кипящая вода в котелке, то вы ошибаетесь.

— Пусссть он потерпит, моя прелесссть, пусссть потерпит.

— Ладно, — согласился Бильбо и некоторое время ждал, а потом спросил: — Ну как, вы готовы?

Голлум неожиданно для себя вспомнил, как разорял птичьи гнезда, как потом усаживался на берегу и учил бабушку высасывать из скорлупы содержимое...

— Яйца! — воскликнул он. — Птичьи яйца!

Настала его очередь загадывать.

*Не дышит, а живет,
Не хочет, а пьет,
Холодней, чем лед,
Кольчуга на теле,
А на самом деле —
Что это?*

Он тоже полагал свою загадку пустяковой, ибо ежедневно питался тем, о чем спрашивал. Но ничего потруднее он припомнить не смог — так озадачил его последний вопрос Бильбо. А бедный хоббит призадумался — ведь для него вода и все, что с ней связано, были не то чтобы тайной тайностью, но чем-то таким, с чем он мало был знаком. Вы, я полагаю, уже догадались — но вам-то легко соображать, ваши мысли не мутит страх очутиться в брюхе злобной твари с глазами-плошками. Бильбо кашлянул раз другой, но и это не помогло.

Немного подождав, Голлум довольно запипел:

— А он вкусссный, моя прелесссть? Точно, вкусссный и ссочный. И на зубках хрустит...

— Погодите, — взмолился несчастный хоббит. — Так нечестно. Я вас вон сколько ждал!

— Пусссть поторопится, пусссть поторопится. — Голлум полез вон из лодки. Но едва его лапы окунулись в озеро, как из воды выпрыгнула рыбка и упала на ногу Бильбо.

— Ой! — вырвалось у хоббита. — Холодная какая! — И тут до него дошло. — Рыба, рыба! — крикнул он. — Это рыба!

Голлум разочарованно вздохнул, но времени на переживания у него не было — Бильбо загадал свою загадку:

— *Без ног лежит на одной ноге, две ноги сидят рядом на трех, а четыре ноги кое-что получили.*

Хоббит второпях не сообразил, что загадка не слишком подходящая. В другой раз Голлум, возможно, и задумался бы. А так он легко догадался, что «без ног» — это рыба; дальше вообще было просто. Ответ гласил: «Рыба на маленьком столике, за столом сидит на табурете человек, а кошка рядом грызет косточки». Угадав, Голлум решил, видимо, что пришла пора загадать что-нибудь этакое и прошипел:

*На свете есть, кто может съесть
Все, что на свете ни на есть,
Все, что живет и что цветет,
Сгрызет железо, сталь сжует,
Пожрет и короля, и двор,
И город, и вершины гор.*

Бильбо погрузился в размышления, стал припоминать всех великанов и людоедов, о которых когда-либо слышал. Нет, ни в преданиях, ни в сказках ни о ком таком не упоминалось... Ответ был где-то поблизости, но никак не приходил. Хоббит очень испугался, а страх — плохой советчик. Голлум вновь выбрался из лодки и, шлепая по воде, направился к берегу. Бильбо с ужасом смотрел на него. Язык словно присох к нёбу. Хоббиту хотелось крикнуть: «Не спеши! Дай мне время!», но все, что он сумел, — это прохрипеть:

— *Время! Время!*

Бильбо спасла простая удача. Время и было правильным ответом. Голлум рассердился настолько, что не стал возвращаться в лодку. Он уселся на берегу неподалеку от хоббита. Соседство было не из самых приятных, Бильбо бросило в дрожь.

— Пусссть он спросит нас, моя прелесссть, да, пусссть спросит. Посследний раз, да, да.

Пока рядом сидела эта жуткая тварь, которая мало того что приставала с вопросами, так еще пихалась и шипалась, в голову ничего не приходило и не могло прийти. Бильбо чесал в затылке, потирал подбородок, но все было бесполезно.

— Пусссть он спроссит насс, пусссть спроссит, — настаивал Голлум.

Бильбо одной рукой стиснул свой меч, а другую сунул в карман. И вдруг нащупал кольцо, которое нашел в пещере и о котором совсем забыл.

— Что это у меня в кармане? — подумал он вслух. Голлум решил, что это загадка, и ужасно возмутился.

— Нечесстно, нечесстно! — зашипел он. — Так нечесстно, моя прелесссть! Откуда нам знать, что там у него в карманах?

Однако Бильбо решил не отступать — все равно другой загадки у него не было.

— Так что у меня в кармане? — повторил он.

— Шшш, — отозвался Голлум. — Пусссть он даст нам три попытки, моя прелесссть, три попытки.

— Ладно, — согласился хоббит.

— У него там руки, — сказал Голлум.

— А вот и нет, — возразил Бильбо, который, на свое счастье, успел вынуть руку из кармана. — Давайте дальше.

— Шшш... — Голлум явно забеспокоился. Он стал припоминать все, что хранил в своих карманах, — рыбки косточки, зубы гоблинов, ракушки, крыло летучей мыши, острый камень — точить клыки — и прочую дрянь. Потом попытался вспомнить, что находил в карманах у других.

— Нож? — сказал он наконец.

— Неправильно, — ответил Бильбо. Вообще-то он всегда носил с собой ножик, но совсем недавно потерял его. — Последняя попытка.

Голлум словно лишился ума. Он шипел и плевался, раскачивался вперед-назад, стучал лапами по камням, вертелся, дергался, корчился, но никак не решался дать ответ.

— Ну? Я жду. — Бильбо постарался, чтобы его голос прозвучал строго и уверенно, хотя сам вовсе не был уверен в благополучном для себя исходе игры. — Время вышло.

— Вербка или вообще ничего! — взвизгнул Голлум. По правде сказать, это было нечестно — два ответа вместо одного.

— Ни то, ни другое! — с облегчением воскликнул Бильбо. И тут же вскочил, прижался спиной к стене пещеры и выставил перед собой меч. Хоббит знал, что игра в загадки существует с незапамятных времен, что ее правила соблюдают даже отъявленные злодеи. Но доверять этой кровожадной твари — нет уж, увольте. Как накинется со злости, с нее станется...

Но Голлум не спешил нападать. Быть может, его отпугивал меч в руке Бильбо. Он продолжал сидеть, раскачиваясь и шипя себе что-то под нос.

— Так что? — не выдержал Бильбо. — Я победил, верно? («Ну и что из того, что последний вопрос был не по правилам?» — подумалось ему.) Вы обещали показать мне дорогу наружу.

— Разве мы обещали, моя прелессть? Да, мы обещали отвессти этого Торбинсса к воротам. Но пусссть он сначала скажет, что у него в кармане. Там ведь что-то ессть, правда? Голлум, голлум.

— Обойдетесь, — заявил Бильбо. — Сами обещали, никто вас за язык не тянул. Давайте ведите.

— Ссердится, он ссердится, моя прелессть, — прошипел Голлум. — Какой нетерпеливый. Ему придется подождать. Нам надо взять одну штучку, без нее мы никуда.

— Валяйте, — сказал Бильбо, — только поторопитесь. — Он решил, что Голлум просто ищет отговорку, чтобы уйти и не вернуться. И в самом деле, какая еще «штучка» может быть у этого уродца?

Но хоббит ошибался. Голлум ничуть не собирался уйти насовсем. Он рассердился и проголодался, и у него возник коварный план.

Островок, о котором Бильбо ничего не знал, находился посреди озера. На этом островке, среди прочего барахла, Голлум хранил красивую, очень красивую вещицу — золотое колечко.

— Наш подарочек на день рождения, — прошептал Голлум себе под нос. — Вот что нам нужно. Да, вот что нам нужно.

Это кольцо обладало чудесным свойством: наденешь его на палец — и становишься невидимым, и заметить тебя можно только при солнечном свете, да и то увидят всего лишь зыбкую тень.

— Наш подарочек на день рождения, — любил повторять Голлум. — Его нам подарили, моя прелессть. — Но кто знает, как именно попало к нему это кольцо? Наверно, даже Властелин Колец — а когда-то таких колец было много и у них у всех был один хозяин — так вот, даже Властелин Колец, и тот не смог бы сказать. Голлум сначала носил его на пальце, потом в сумке на поясе, а когда сумка натерла ему кожу, стал хранить колечко под камнем на островке. Кольцо манило к себе, оно имело над Голлумом странную власть: ему постоянно хотелось любоваться тонким металлическим ободком, хотелось его надеть. Порой он не выдерживал и поддавался соблазну — после долгой разлуки или

когда бывал очень голоден, а на рыбу уже смотреть не мог. Тогда он надевал кольцо и отправлялся бродить по подземным коридорам, выискивая одиноких гоблинов. С кольцом он отваживался проникать даже в те пещеры, где горели ненавистные факелы, ибо чувствовал себя в безопасности. В полной безопасности. Никто не видел Голлума; словно ниоткуда возникали вдруг крепкие пальцы, хватавшие за горло очередную жертву. Лишь несколько часов назад Голлум поймал гоблиненка. Как же тот верещал! Пару косточек Голлум отложил — поглотить в свое удовольствие, но сейчас ему захотелось свежатинки.

— Вот именно, — бурчал он, направляясь к лодке. — Он нас не увидит, моя прелессть, он нас не увидит. И меч ему не поможет, голлум!

Он забрался в лодку и исчез во мраке. Бильбо облегченно вздохнул: ну наконец-то! Теперь надо прикинуть, как все-таки отсюда выбраться...

И тут раздался пронзительный вопль. Бильбо даже подскочил от неожиданности. Голлум вопил, как будто его резали, выл и страшно ругался.

— Где оно? — услышал Бильбо. — Ну где же оно? Пропало, моя прелессть, пропало! Беда, ох беда! Пропало, моя прелессть! — Хоббит не видел, как Голлум лихорадочно мечется по островку, обшаривая каждую его пядь.

— Что случилось? — крикнул Бильбо. — Что у вас пропало?

— Он еще спрашивает! — взъярился Голлум. — Ему-то какое дело, голлум? Исчезло, моя прелессть, исчезло, исчезло!

— Я тоже хочу исчезнуть, — заявил Бильбо. — Вы обещали меня вывести, если я выиграю. Так что давайте-ка возвращайтесь, потом найдете свою пропaju.

Голлум вопил столь жалобно, что его впору было пожалеть, но Бильбо жалости не испытывал; к тому же ему не терпелось выйти на свет.

— Возвращайтесь! Вы проиграли!

— Нет, моя прелессть, не сейчассс! Надо его поискать, оно потерялоссь, голлум!

— Вот, значит, чего стоят ваши обещания, — сказал Бильбо. — Вы же не отгадали мою последнюю загадку.

— Не отгадал, — согласился Голлум. — Не отгадал... — повторил он. И вдруг зашипел: — А что это у него в кармане? Пуссть скажет. Нет, пуссть сперва скажет.

Скрывать правду не было ни малейшего повода. Однако Бильбо тоже рассердился. В конце концов, он выиграл или нет? Конечно, выиграл, и совершенно честно, по всем правилам.

— Теперь-то вам какая разница?

— Это был нечестный вопрос! — взвыл Голлум. — Нечестная загадка, моя прелессть!

— Как посмотреть, — отозвался Бильбо. — Между прочим, я первый спросил: что вы потеряли?

— В кармане, в кармане, что у него в кармане? — снова зашипел Голлум. Шипение становилось все громче: Голлум уже нашел разгадку — ведь столько лет он лелеял свое кольцо. Подозрение быстро перерастало в уверенность. Голлумовы глаза-плошки светились ярче и ярче.

— Что вы потеряли? — стоял на своем Бильбо. — Скажите, и я вам отвечу.

Глаза Голлума стали зелеными. Два зеленых огонька быстро приближались — Голлум поспешно греб к берегу. Его обуяла такая злоба, что он и думать забыл о каком-то там мече.

Бильбо понятия не имел, чем он ухитрился разгневать Голлума. Зато вовремя сообразил, что еще немного — и Голлум его прикончит. Хоббит

опрометью кинулся назад по проходу, которым спустился к озеру, выставив правую руку, чтобы не налететь в темноте на какое-нибудь препятствие.

— Что у него в кармане? — прошипел Голлум, с плеском выпрыгнув из лодки.

— А в самом деле, интересно, что? — спросил себя хоббит и сунул левую руку в карман. Кольцо само наделось ему на палец.

Шипение за спиной становилось все громче. Обернувшись, Бильбо увидел невдалеке зеленые глаза Голлума. В ужасе он припустил быстрее прежнего, но споткнулся обо что-то и упал, придавив своим телом меч.

Голлум мгновенно очутился рядом. Но прежде чем Бильбо успел высвободить меч или просто вздохнуть, Голлум пронесся мимо, осыпая господина Торбинса отборными ругательствами.

Что все это значит? Ведь Голлум, с его-то глазницами, прекрасно видит в темноте — почему же он не заметил хоббита? Бильбо поднялся, скривившись от боли, вынул из ножен тускло мерцающий меч и крадучись двинулся дальше. Ничего другого все равно не оставалось. Не возвращаться же обратно к озеру! Может, Голлум, сам того не подозревая, укажет ему путь на волю?

— Чтоб ему пусссто было! — шипел Голлум. — Чтоб ему пусссто было, этому Торбинссу! Удрал, удрал. А что у него было в кармане? О, мы догадалисьсь, моя прелессть, мы догадалисьсь! Он нашел его, да, он должен был его найти! Наш подарочек на день рождения!

Бильбо наострил уши. Наконец-то он начал что-то понимать. Хоббит прибавил шагу, стараясь не отставать от Голлума, который резво трусил по каменной норе. Стены слабо светились, и было видно, как Голлум крутит головой.

— Наш подарочек на день рождения! Как же мы его потеряли, моя прелессть? Да вот как потеряли! Когда тащили этого соссунка, этого визгунишку! Вот как. Пропало, моя прелессть, соскользнуло и пропало! Оно пропало, голлум!

Вдруг Голлум уселся и заплакал; в горле у него омерзительно свистело и булькало. Бильбо замер, прижавшись спиной к стене. Неожиданно Голлум перестал плакать и заговорил — точнее, заспорил — сам с собой:

— Вернуться? А зачем? Его там нет. Мы знаем, голлум. Искать бесполезно. Оно в кармане у этого Торбинсса, этого гнусного воришки! Он нашел его. Мы догадались, моя прелессть, догадались. Но где он, Торбинсс? Нужно найти, моя прелессть. Ведь он не знает, что это такое, и он не мог далеко уйти. Он заблудился, гадкий вор! Он говорил, что не знает дороги! Да, говорил. А если он нам врал? Он такой, Торбинсс. Ведь не сказал, что у него в кармане, хотя мы спрашивали. Сюда вошел, значит, и отсюда выберется. Он идет к задней двери. Точно, к задней двери, голлум!

А там его схватят гоблины. Его поймают, моя прелессть! Шшш!.. Если наш подарочек у него, моя прелессть, он достанется гоблинам. Они поймут, что это такое. Мы больше не будем в безопассности, никогда не будем, голлум! Гоблин наденет наш подарочек и исчезнет... Никто не увидит гоблина. Даже наши глазки не увидят, а он будет шасстать по коридорам и поймает нас, да, голлум, голлум!

Хватит болтать, моя прелессть! Надо торопиться. Мы должны опередить Торбинсса. Пошли. Уже близко.

Голлум рывком поднялся и большими шагами двинулся по проходу. Бильбо устремился следом. Больше всего он боялся снова споткнуться и упасть.

Голлум наверняка услышит и прибежит... Голова хоббита от изумления шла кругом. Выходит, колечко-то — волшебное, и тот, кто его наденет, становится невидимым! Вот почему Голлум промчался мимо! В древних преданиях говорилось о таких кольцах, но одно дело — предания, и совсем другое — когда все происходит не с кем-нибудь, а с тобой.

Так они и шли: Голлум, бранясь, шлепал впереди, а Бильбо бесшумно, как истый хоббит, крался за ним по пятам. Вскоре очутились в том месте, где от основного хода отходили боковые. Голлум принялся их пересчитывать:

— Один слева, да. Один справа. Два справа, да, да. Два слева, голлум. — Так продолжалось довольно долго. Голлум шагал медленнее. Он начал тихонько поскуливать от страха. Ведь в любой миг могли появиться гоблины, а он был без кольца!

Наконец перед небольшим отверстием по левую руку Голлум замер.

— С семь справа, шесть слева, да, — прошипел он. — Вот он, вот путь к задней двери, моя прелесссть. Вот проход.

Он заглянул в отверстие и отпрянул.

— Нет, моя прелесссть, мы туда не полезем. Там гоблины. Мы знаем, что они там. Шшш... Что же нам делать? Гнусный, гнусный Торбинсс! Подождем здесь, моя прелесссть, подождем и посмотрим.

Бильбо впал в отчаяние. Голлум привел его к проходу, но толку от этого было чуть. Лиходей, скорчившись в три погибели, уселся перед проходом, глаза его холодно светились, голова поворачивалась из стороны в сторону.

Бильбо сделал шаг от стены. Голлум мгновенно насторожился, принюхался, его глаза замигали зеленым. Он тихо и грозно зашипел. Хоббита он видеть не мог, но зрение ему и не требовалось: он

полагался на обоняние и слух, обостренные долгим пребыванием во мраке.

Голлум, едва ли не распластавшись, припал к полу, напрягся, как тетива, морда вытянулась, нос почти вжался в камень. Этакая черная тень, лишь глаза светятся... Бильбо понял — сейчас бросится.

Хоббит затаил дыхание и замер в неподвижности. Как же быть? Надо бежать, покуда еще есть силы. Наверное, придется сражаться. Придется пронзить эту мерзкую тварь мечом, выколоть ей глаза, убить... Ведь Голлум хочет его съесть. Ну и что из того? Битва все равно не будет честной. Бильбо невидим, и потом — у Голлума нет меча. И вообще, Голлум такой несчастный, хоть и злобный, такой жалкий и одинокий! Бильбо внезапно понял, каково это — жить в беспросветном мраке, без надежды на лучшую долю. Кругом камень и тьма, промозглая сырость... Тут не только зашипишь, тут взвоешь. Это сочувствие было сродни озарению. Хоббит вздрогнул, а затем, словно сочувствие придало ему решимости и сил, прыгнул.

Для человека такой прыжок, конечно, не ахти какой, но ведь прыгал не человек, а хоббит, да еще прыгал во тьме. Взмыв вверх на добрых три фута, Бильбо пролетел над Голлумом, лишь чудом не врезавшись головой в низкий карниз (если бы он это знал!).

Голлум перевернулся на спину и выставил вверх все четыре лапы. Но слишком поздно! Лапы схватили пустоту, а Бильбо, приземлившись на ноги за спиной Голлума, бросился бежать. Голлум пустился следом, но мало-помалу начал отставать. Донесся леденящий кровь вопль, полный ненависти и отчаяния. Голлума перехитрили. Он не смел преследовать хоббита, а потому упустил и добычу, которую уже считал своей, и ту единственную вещь, о которой понастоящему заботился. От его вопля сердце Бильбо

ушло в пятки, но хоббит не остановился и даже не обернулся. А в спину ему неслось:

Вор, вор, вор! Гнусный Торбинсс! Ненавидим, ненавидим его! Только попади́сь нам, мерзкий похититель!

Вскоре крики смолкли. Тишина пугала — должно быть, гоблины где-то здесь, рядом, раз Голлум не полез в проход. «Они наверняка услышали его вопли, — подумалось Бильбо. — Гляди в оба, Торбинс, не то снова угодишь в беду».

Низкий, прорубленный в скале ход вел прямо. Пол был ровный, лишь иногда под ноги попадались зазубренные осколки. «Низковато для гоблинов», — подумалось хоббиту. Он не знал, что гоблины, даже крупные горные орки, передвигаются по узким ходам на четвереньках — и очень-очень быстро.

Сперва проход вел вниз, потом выровнялся, стал полого подниматься и вдруг круто устремился вверх. Бильбо замедлил шаг. Поворот, короткий спуск — и впереди что-то блеснуло. Это был не костер, нет, это был самый настоящий солнечный свет. Тогда хоббит побежал.

Его подгоняло нетерпение, ноги мелькали так, словно двигались сами по себе. Он обогнул выступ и выскочил на открытое пространство. После долгого пребывания во мраке свет показался ему ослепительно ярким. На деле же сквозь щель в дверном проеме — огромную каменную дверь оставили открытой — проникал один-единственный солнечный лучик.

Бильбо заморгал — и тут увидел гоблинов. В полном вооружении, с обнаженными мечами, они сидели у самой двери, перекрывая все подступы. Это были часовые, и на посту они не дремали.

Стражники заметили хоббита первыми — то ли случайно, то ли намеренно, как бы испытывая

своего нового владельца, кольцо соскользнуло с пальца Бильбо, — и гоблины, радостно возопив, кинулись к хоббиту.

Ужас — это был как бы отголосок страданий Голлума — охватил Бильбо. Даже не вспомнив о мече, он сунул сразу обе руки в оба кармана. Кольцо оказалось в левом. Оно само наделось на палец.

Пораженные гоблины замерли. Хоббит бесследно исчез, будто растворился в воздухе.

Оправившись от потрясения, они завопили вдвое громче прежнего, но уже не столь радостно.

— Где он? — кричал один.

— Удрал обратно, — отвечал другой.

— Туда! — звал третий.

— Нет, сюда! — не соглашались остальные.

— Глаз с двери не спускать! — прорычал начальник караула.

Он свистнул; забряцали доспехи, зазвенели мечи, гоблины с бранью забегали по площадке перед дверью, натыкаясь друг на дружку и свирепея все больше. Словом, суматоха поднялась невообразимая, стоял ужасный гам.

Бильбо перепугался до смерти, но все же у него хватило ума спрятаться за большой бочкой с питьевой водой — из этой бочки часовые утоляли жажду. А не спохватись он и не затаись, его наверняка поймали бы, если бы прежде того не затаптали.

— Я должен добраться до двери, — твердил он себе, — я должен до нее добраться. — Собравшись с духом, хоббит выскочил из-за бочки. Все это сильно напоминало игру в жмурки. Бедному маленькому хоббиту приходилось уворачиваться то так, то этак. Один раз он все же не успел увильнуть, и его сбил с ног здоровенный гоблин, который, впрочем, не понял, обо что споткнулся. Бильбо на четвереньках про-

скользнул между широко расставленными ногами начальника караула и бросился к двери.

Ее уже почти совсем закрыли, осталась лишь узенькая щелка. Бильбо навалился на дверь всем телом, но та не поддавалась. Тогда хоббит попробовал протиснуться. Лез, лез — и застрял. Положение было хуже не придумаешь, его заклинило меж дверью и косяком, продвинуться дальше не давали пуговицы.

Снаружи светило солнце, выглянувшее из-за облачка; от двери вела лесенка, сбегавшая в узкий распадок меж высокими горами. Там было так хорошо и привольно — а он никак не мог протиснуться!

Вдруг кто-то из гоблинов закричал:

— Смотрите! У двери тень! Наружу лезет!

Сердце Бильбо ушло в пятки. Он рванулся изо всех сил. Пуговицы разлетелись в разные стороны, жилет и рубаха порвались. Хоббит вывалился наружу и в мгновение ока слетел по ступеням, а озадаченным гоблинам осталось только собирать чудесные медные пуговицы.

Конечно, они скоро опомнились и с воплями кинулись в погоню. Но солнце охладило их пыл: у них начали подгибаться колени, головы закружились. Поэтому они и не заметили Бильбо, который, по-прежнему не снимая кольца, перебегал от дерева к дереву, стараясь не попадать на свет. Потом гоблины, ворча и ругаясь, отправились восвояси несолоно по хлебавши. Бильбо сбежал!

Глава 6

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

От гоблинов Бильбо сбежал, но чему тут особенно радоваться: ведь он остался в одиночестве, без плаща и без пони, без спутников и без еды. Хоббит шел наугад, куда глаза глядят, брел да брел по тропинке, пока солнце не стало опускаться за горы — да! да! за горы! — и на тропу не легли длинные тени. Впереди виднелись предгорья, полого спадавшие к лесистой равнине, а страшные хребты, похоже, остались за спиной.

— Вот это да! — не веря своим глазам воскликнул Бильбо. — Выходит, я перевалил через горы? Здорово! Еще бы Гэндальфа с гномами отыскать, и было бы совсем прекрасно. Они-то, интересно, удрали от гоблинов или нет?

Хоббит выбрался из неглубокого распадка и двинулся дальше, размышляя, как ему быть. Его одолевали сомнения и мрачные мысли. Может быть, надо вернуться в это жуткое подземелье и поискать там остальных — ведь у него теперь есть чудесное кольцо? В конце концов Бильбо уговорил себя, что

надо вернуться — разве можно бросать товарищей в беде? Собственная решимость сильно напугала хоббита... И тут он услышал голоса.

Бильбо замер. Нет, кажется, не гоблины. Он крадучись двинулся дальше. Слева от тропинки возвышалась скала, справа же был склон, у подножия которого среди деревьев и кустов укрывались овраги. Голоса доносились как раз оттуда.

Бильбо подобрался поближе и вдруг заметил меж двух валунов чью-то голову в алом капюшоне; то был Балин, которого отправили нести дозор. Хоббит чуть было не пустился в пляс от радости. Однако осторожность взяла верх — мало ли на что можно наткнуться в здешних негостеприимных местах, где опасность подстерегает на каждом шагу? Вдобавок ему захотелось подшутить над гномами — кольцо по-прежнему было у него на пальце, и Балин, глядевший прямо на хоббита, явно его не видел.

«Ну, милые мои, сейчас я вас удивлю», — подумал господин Торбинс, ползком пробравшись под деревья.

Спутники хоббита между тем вспоминали ужасы подземелья и прикидывали, как быть дальше. Гэндальф спорил с гномами, твердил, что нельзя отсюда уходить без господина Торбинса. Нужно хотя бы узнать, жив он или нет, а если жив и попал в лапы гоблинов — то попытаться освободить.

— Он мой друг, — говорил маг, — надежный, верный друг. Я не могу бросить его на произвол судьбы и вам этого тоже не позволю.

В ответ у мага поинтересовались, где он выкопал этого беспомощного толстяка, от которого одни неприятности. Неужели нельзя было найти кого-нибудь потолковее?

— С ним хлопот не оберешься, — проворчал кто-то из гномов. — Лично я не собираюсь возвращаться

в подземелье из-за какого-то хоббита. По мне, так пропади он пропадом!

— Он мой друг, — сурово повторил Гэндальф, — а бестолковых друзей у меня не бывает. В общем, или вы поможете мне найти его, или мы с вами расстанемся, прямо здесь. Но имейте в виду — если он жив и мы найдем его, вы потом долго будете меня благодарить. Дори, почему ты бросил хоббита?

— А ты бы не бросил? — огрызнулся Дори. — Тебя-то небось за ноги не хватали, в спину не пихали! Тут уж не до хоббита...

— Ладно, ладно. А почему ты за ним не вернулся?

— Нет, вы только послушайте! Темнота хоть глаза выколи, гоблины со всех сторон, вопят, кусаются, только успевай уворачиваться. Вы с Торином размахиваете мечами. Ты же мне чуть голову не снес своим Гламдрингом! А потом что-то вспыхнуло, гоблины разбежались, и тут ты как закричишь: «Все за мной!» Ну, мы и ринулись. Я думал, этот твой хоббит тоже, за нами. Сам знаешь, пересчитывать да оглядываться было некогда. Нет уж, Гэндальф, навязал ты нам подарочек, нечего сказать! Где его теперь искать, твоего добытчика?

— А я — вот он! — воскликнул Бильбо, снимая кольцо. От неожиданности гномы подскочили (вы бы только видели!), а затем разразились восторженными криками. Гэндальф изумился не меньше гномов, а обрадовался, пожалуй, даже сильнее их. Но вместо того, чтобы ликовать вместе со всеми, маг позвал к себе Балина и высказал тому все, что думал по поводу дозорного, который уснул на посту.

После этого случая гномы и вправду зауважали Бильбо. До тех пор они, несмотря на доводы Гэндальфа, сомневались в достоинствах хоббита, но отныне сомнениям был положен конец. Гномы не скрывали своего изумления — дольше всех удивлялся

дозорный Балин — и в один голос славили ловкость Бильбо.

Господин Торбинс едва не лопнул от гордости. О кольце он, естественно, не упомянул — иначе ведь выходило, что ему просто повезло. Объясняя, как он сумел пробраться мимо дозорного, Бильбо скромно заявил:

— Мы, хоббиты, таковские: прошмыгнем — и не заметишь.

— В первый раз со мной такое, — сокрушался Балин. — А я-то всегда считал, что мимо меня и мышка не проскочит. Да, хороший урок ты мне преподал. — Он склонил голову. — Твой покорный слуга.

— Не переживай, — утешил его хоббит. — Со всяким может случиться.

Его начали выспрашивать, что да как. Он уселся и приступил к рассказу — с того мгновения, как потерялся. Правда, о кольце не обмолвился ни словом. Хоббита слушали, затаив дыхание; когда он стал описывать Голлума, гномы дружно вздрогнули от отвращения.

— Ну вот, я ничего не мог придумать, а он сидел рядом и противно шипел. И тут я говорю: «Что у меня в кармане?» Он не смог отгадать с трех раз, и я попросил его вывести меня наружу, как было уговорено. Но у этой мерзкой твари на уме было другое. Я побежал от него, упал, а он проскочил мимо и помчался дальше. Я слышал, как он разговаривает сам с собой. Он почему-то считал, будто я знаю, где выход. В общем, вывел он меня к проходу и сел перед ним, перегородив дорогу. Пришлось перепрыгнуть...

— А у ворот стражи не было? — спросили гномы.

— Как так «не было»? Да там их ужас сколько, этих гоблинов! Но я сумел изловчиться и протиснулся

наружу. Вот только пуговицы растерял. — Бильбо со вздохом поглядел на свою куртку.

Он рассказывал о своих подвигах — о состязании с Голлумом, об обманутых стражах, о том, как прорывался наружу — с таким видом, словно это было сущей ерундой.

Гномы слушали его раскрыв рты.

— Что я вам говорил? — рассмеялся Гэндальф. — Господин Торбинс вовсе не прост. — Он искоса поглядел на хоббита из-под кустистых бровей. Под пронизательным взглядом мага Бильбо стало неуютно. Похоже, Гэндальф догадывался, что господин Торбинс кое о чем предпочел умолчать.

Ответив на все вопросы, хоббит стал расспрашивать сам. Особенно ему хотелось знать, откуда в пещере взялся Гэндальф и где они теперь находятся.

Маг уже успел поведать обо всем гномам и повторять не собирався, но все же он утолил любопытство Бильбо. Оказывается, они с Элрондом знали, что в Мглистых горах обитают злые гоблины. Поэтому с самого начала было решено, что идти надо окольной тропой — поблизости от другой, более широкой и прямой, находился главный вход в пещеры гоблинов, и эти лиходеи частенько устраивали там засады. Но даже Элронду не было известно, что гоблины устроили ловушку и на второй тропе.

— Надо позвать какого-нибудь великана, чтобы завалил эти ворота, — сказал Гэндальф. — А то скоро через горы вообще не перейдешь.

Едва Бильбо завопил, маг сразу понял, что произошло. Сразив молнией кинувшихся на него гоблинов, он, сквозь почти уже сомкнувшуюся трещину, проскользнул в подземелье и, никем не замеченный, добрался до тронного зала. Пока Верховный Гоблин допрашивал пленных, Гэндальф готовил закливание.

Не все так просто, — пояснил маг. — Главное точный расчет.

Заклинание удалось на славу — и в том нет ничего удивительного. Как тут не вспомнить чудесные фейерверки, которые Гэндальф устраивал для Старого Тука! Остальное вам уже известно. Попутно выяснилось, что маг давно знал о задней двери (тех самых нижних воротах, где Бильбо лишился пуговиц на куртке). Вообще-то о них знали все, маломальски знакомые с этой частью Мглистых гор; но чтобы не потерять в суматохе голову и без промедления избрать верный путь, нужно быть чародеем.

— Ворота были построены много лет назад, — сказал Гэндальф. — Их строили как путь для отступления, они выводят в Загорье. Гоблины частенько настают по ночам туда-сюда и неусыпно стерегут ворота. Теперь они наверняка удвоят стражу. — Маг рассмеялся. — А все-таки ловко мы выкрутились.

Гномы дружно закивали. Да, им и вправду повезло. Убили Верховного Гоблина и удрали безнаказанными — синяки и шишки не в счет. Можно и посмеяться.

Впрочем, Гэндальф быстро стал серьезным:

— Передохнули? Пора и в путь. Уже вечер, а ночью за нами отрядят погоню. У них острый нюх, они учуют наш след. До темноты нужно уйти как можно дальше. Одно радует — если погода не испортится, ночь будет лунной. Не то чтобы луна помещает нашим врагам, зато мы сможем хоть что-нибудь разглядеть. — Маг посмотрел на хоббита и прочел в глазах Бильбо незаданный вопрос. — Ты прав, мой милый. Сегодня четверг, а напали на нас в ночь с понедельника на вторник. Мы преодолели под землей десятки миль, пробрались сквозь горы и очутились по другую их сторону. Только вот — получилось так, что забрали мы слишком далеко к

северу; дорога поверху вывела бы к другим, менее опасным местам. Вдобавок нам предстоит долгий спуск, поэтому не будем терять времени. Пошли!

— Есть хочу, — простонал Бильбо. Он вдруг понял, что не ел с позавчерашнего вечера. Только представьте, каково это хоббиту! В животе пусто, ноги заплетаются...

— Увы! — откликнулся Гэндальф. — Придется потерпеть. А ежели очень хочешь — вернись и попроси гоблинов. Может, они тебя накормят.

— Благодарю покорно, — мрачно произнес Бильбо. — Я уж потерплю.

— Вот и хорошо. Ну что, затянем пояса да в путь — иначе завтракать будут нами. По мне, так лучше быть голодным, чем оказаться в брюхе у гоблина.

Тронулись в путь. Бильбо крутил головой, высматривая, чем бы заморить червячка. Но ничего съедобного не попадалось — ежевика только зацвела, орехов не было и в помине. Хоббит пожевал щавеля, попил из горного ручейка, на берегу которого нашел три ягодки полуники. После всего этого есть захотелось еще сильнее.

Выбравшись из распадка, в котором росли деревья, попадались пятна изглоданной кроликами травы, цвели тимьян и шалфей, майоран и желтые рододендроны, они очутились на каменистой осыпи. Едва начали спускаться, как из-под ног покатались маленькие камешки, затем пришли в движение камни покрупнее и наконец, поднимая клубы пыли, вниз с грохотом устремились громадные валуны. Устоять было невозможно, путники покатались под гору, а мимо то и дело проносились чудовищной величины камни.

Выручили деревья. У подножия склона раскинулся бор, стоявший таким стражем темных лесов,

покрывавших равнину за горами. Кто зацепился за ствол, кто повис на ветвях, а кто, как маленький хоббит, попросту спрятался за деревом. Вскоре опасность миновала, камнепад прекратился, грохот стих, лишь погромыхивали в отдалении последние из скатившихся валунов, прокладывая себе дорогу сквозь заросли папоротника.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал Гэндальф. Гномы мрачно глядели на мага, потирая ушибленные места. — Надеюсь, гоблины одними синяками тут не отделаются.

— Да уж, — проворчал Бомбур. — Зато с них станется скатить оставшиеся камни нам на головы.

— Вздор! Мы не собираемся сидеть здесь до утра. Нужно торопиться. Смотрите!

Солнце давно скрылось за хребтом. Тени стали гуще, зато внизу, в долине, смутно различимые среди деревьев, приветливо теплились огоньки. Путники постарались прибавить шагу. Через бор вела тропа, полого и неуклонно спускавшаяся к югу. Порой приходилось продирааться сквозь заросли, в которых хоббит утопал с головой. Мрак густел, тишина пугала; не было слышно даже шарканья ног: путники шли по ковру из сосновых иголок. Вечер выдался настолько безветренным, что лес недвижно застыл — не шелохнулась ни одна ветка.

* * *

— Нам еще далеко? — спросил Бильбо. Стало темно — он лишь изредка различал мелькавшую впереди белую бороду Торина — и так тихо, что дыхание гномов казалось раскатами грома. — Руки в синяках, ноги болят, и есть очень хочется.

— Почти пришли, — отозвался Гэндальф.

Мнилось, что идут уже целую вечность. И тут тропинка вывела на окруженную деревьями поляну, над которой стояла луна. В поляне этой вроде не

было ничего страшного, но гномам и хоббиту почему-то стало не по себе.

Внезапно из-за холма донесся вой, долгий и прерывистый. В ответ прозвучал другой, справа, гораздо ближе к путникам; слева тоже кто-то завыл. Это были волки — волки, сбивавшиеся в стаю.

Поблизости от норы, в которой жил господин Торбинс, никаких волков не водилось, однако как воют волки, он знал — по сказкам и преданиям. И двоюродный брат Бильбо, из семейства Туков (в свое время он много путешествовал), часто выл по-волчьи, чтобы попугать господина Торбинса. Но тогда все было понарошку, а теперь опасность была самая что ни на есть настоящая, и Бильбо перепугался до смерти. Полез было за кольцом, но тут же сообразил, что кольцо не спасет даже от обыкновенных волков — а уж тем более от здешних, живущих на границе Глухоманья, бок о бок с мерзкими гоблинами. Ведь нюх у волков настолько острый, что им вовсе не обязательно видеть жертву, чтобы схватить ее.

— Что нам делать, что нам делать? — запричитал Бильбо. — Это же надо, сбежать от гоблинов, да волку в пасть! — Эти его слова со временем стали поговоркой; правда, сегодня о том, кто избежал одной неприятности, но угодил в другую, мы говорим: «Попал из огня в полымя».

— Наверх, быстро! — крикнул Гэндальф. Все бросились к деревьям, высматривая, на какое легче забраться. На их счастье, подходящих деревьев оказалось несколько. Путники постарались залезть повыше, чтобы чувствовать себя в безопасности. Вас наверняка позабавил бы (разумеется, с безопасного расстояния) вид рассеявшихся по веткам бородастых гномов: они походили на впавших в детство старичков. Фили и Кили оседлали макушку высокой, похожей на рождественскую елку лиственницы. Дори,

Нори, Ори, Оин и Глоин устроились поудобнее — на большой сосне, ветви которой торчали во все стороны на равном расстоянии друг от друга, точно спицы в колесе. Бифур, Бофур, Бомбур и Торин расселись на соседнем дереве. Балин и Двалин вскарабкались на высокую тонкую пихту с редкими ветвями и пытались разместиться поближе к макушке. Гэндальф влез на стоявшую на краю поляны сосну, столь высокую, что гномам на нее было не взобраться. Он спрятался среди ветвей; его глаза, когда он высовывал голову, мерцали в лунном свете.

А что же Бильбо? Хоббит носился от дерева к дереву, точно кролик, за которым гонятся собаки. Он так и не сумел найти ветки, до которой смог бы дотянуться.

— Снова ты бросил добытчика, — сказал Нори, поглядев вниз.

— Потаскал бы его с мое, не говорил бы! — огрызнулся Дори. — Под землей — я, в лесу — я... Сколько можно? Я что, в носильщики нанимался?

— Если мы ничего не сделаем, его съедят, — вмешался Торин. Волчий вой становился все громче. — Дори! Помогите господину Торбинсу подняться. Давай пошевеливайся!

Дори, конечно, любил поворчать, однако и без приказа ни за что не бросил бы товарища в беде. Он спустился до нижней ветки и протянул Бильбо руку. Но бедный хоббит, как ни старался, не мог дотянуться до пальцев Дори. Тогда гном спрыгнул на землю и велел Бильбо забраться ему на плечи.

В этот миг на поляну ворвались волки. Их было великое множество, и все — с горящими глазами. Дори не бросил Бильбо. Гном подождал, пока хоббит переберется с его плеч на ветку, а потом подпрыгнул и повис на ней сам. Успели как нельзя вовремя. Один из волков прыгнул, клацнул зубами

и сорвал с Дори плащ. Вскоре под деревом собралась целая стая — сидели, оскалив зубы и свесив набок языки.

Но даже дикие варги (так именуют злобных волков, обитающих на границе Глухоманья) не умеют лазать по деревьям. На какое-то время путники оказались в безопасности. К счастью, ночь выдалась теплой и безветренной. Ведь на дереве и так-то не очень удобно сидеть, а уж если холодно, дует ветер, а внизу поджидают свирепые волки, — и того хуже.

Поляна, очевидно, была излюбленным местом волков. Они сбегались со всех сторон. Оставив охрану у дерева, на которое взобрались Бильбо и Дори, волки принялись обнюхивать землю и вскоре отыскали остальные деревья с гномами. Под ними тоже оставили сторожей, а все прочие — несметное число — уселись на поляне в круг, посреди которого встал громадный серый волчина. Он заговорил со своими собратьями на ужасном наречии варгов. Этот язык знал только Гэндальф, но даже Бильбо догадался, что волки говорят о чем-то не слишком приятном для путников. То и дело варги хором отвечали своему вожаку, и от их жуткого воя хоббит всякий раз чуть не падал на землю.

Я расскажу вам, о чем говорили волки и что услышал Гэндальф. Варги и гоблины нередко помогают друг другу. Гоблины стараются держаться поближе к горам (разве что их выгоняют, и тогда они отправляются искать себе новое пристанище или идут на войну, однако война — благодать-то какая! — не было уже давно). Но порой гоблины срываются в набеги — если нужно пополнить запасы провизии или найти новых рабов. Тогда они зовут на помощь варгов и отдают им часть добычи. Бывает, что гоблины ездят на волках, как гномы — на пони. И в эту ночь был назначен очередной набег. Встретиться до-

говорились на поляне в бору, но гоблины запаздывали. Варги и не подозревали, что Верховный Гоблин мертв, а остальные никак не опомнятся после переполоха, устроенного в подземелье Гэндальфом, Бильбо и гномами.

Здесь края имели дурную славу, но это не отпугнуло смельчаков, которые пришли с юга. Они построили себе дома на равнине, недалеко от реки. Их было много, храбрых и хорошо вооруженных, и даже варги не осмеливались нападать на них при свете дня. Но теперь волки собирались вместе с гоблинами устроить набег на ближайшие к горам поселения. Если все пройдет без сучка без задоринки, наутро те поселения опустеют: рабов гоблины уведут в свои пещеры, а прочими полакомятся волки.

Вот о чем говорил вожак, которому стая отвечала дружным воем. Гэндальф прекрасно понимал, что опасность угрожает не только храбрым дровосекам, но и ему самому и его спутникам. Незваные гости, которых серые разбойники приняли за лазутчиков, страшно разозлили волков, и было ясно, что варги никому не дадут уйти отсюда живым — иначе весть о набеге достигнет людских поселений, и захватить тамошних жителей врасплох уже не получится. Волки твердо решили не уходить с поляны — во всяком случае, пока не наступит утро или пока не подойдут гоблины. Уж гоблины-то наверняка умеют лазать по деревьям.

Не удивительно, что Гэндальф немножко испугался. Нечего сказать, хорошенькое убежище они себе нашли. Но настоящий маг никогда не теряет присутствия духа, даже когда сидит на дереве, под которым рыскают лютые звери. Гэндальф сорвал несколько шишек и швырнул в волков первую, вспыхнувшую в его руке ярким голубым пламенем. Шишка угодила в спину большому варгу. Шкура загорелась, волк с воем

заметался по поляне. За первой шишкой последовала вторая, третья... Поляна осветилась разноцветными огнями — голубыми, зелеными, красными.

Шишки дымились, выбрасывали языки пламени, рассыпали вокруг себя искры. Одна, самая крупная, стукнула по носу вожака; тот подскочил как ужаленный и принялся носиться кругами, походя кусая всех, кто имел неосторожность ему подвернуться. Гномы и Бильбо веселились от души. Страшные варги казались теперь вовсе не такими страшными. Надо сказать, что волки вообще боятся огня, любого огня, а этот огонь к тому же был особенный, колдовской. Достаточно было крохотной искорки, чтобы вспыхнула волчья шкура. Варги метались среди деревьев живыми факелами, катались по земле, сбивая пламя, но лишь некоторые из них решили спастись бегством. Осада продолжалась.

* * *

— Что там за шум в лесу? — спросил Повелитель орлов, восседавший черной тенью на макушке одинокой горы у восточного края хребта. — Я слышу волчий вой. Должно быть, подлые гоблины снова что-то затевают.

Он взмыл в небо, и вдогонку ему устремились два других орла. Они парили высоко над землей, разглядывая лесную поляну — крошечное пятнышко света во мраке ночи. У орлов зоркие глаза, способные разглядеть в лунную ночь даже кролика, высунувшегося из норки. Гномов, скрытых за ветвями деревьев, Повелитель орлов не заметил, однако увидел он и волков, сошедших как будто с ума, увидел и гоблинов, выходящих стройными рядами из нижних ворот. Шлемы и копья гоблинов поблескивали в свете луны.

Орлы бывают разные. Встречаются среди них и трусливые, и жестокие. Но древнее племя северных

гор — величайшее среди всех птичьих племен; это сильные, гордые, благородные птицы. Они ненавидят гоблинов, и когда обращают на тех внимание (что случается не так уж часто — ведь орлы не питаются гоблинами), то загоняют обратно в пещеры, разрушая все их злые умыслы. Гоблины тоже ненавидят орлов, но не могут добраться до орлиных гнезд, расположенных высоко-высоко в горах.

Повелителю орлов очень хотелось знать, что происходит там, внизу, из-за чего такой шум и куда движется войско гоблинов. Он призвал своих подданных, и орлы полетели к лесу, снижаясь плавными кругами, незримо и неотвратно приближаясь к поляне, на которой бесновались варги.

А там творилось нечто неопишное. Лес загорелся сразу в нескольких местах. Лето было в разгаре, дождей не выпадало давным-давно, и поэтому хватило одной искры, чтобы занялось пламя. Горело все — пожухшая трава, громадные кучи сосновой хвои, сухие ветки, мертвые деревья. Поляну окружила огненная стена. Но волки отказывались уходить. Обезумевшие от ярости, они скакали под деревьями, проклиная гномов на своем мерзком языке; из оскаленных пастей капала слюна, налитые кровью глаза сверкали ярче пламени.

И тут с воплями примчались гоблины. Они-то думали, что волки сцепились с дровосеками. Но когда — очень быстро — разобрались в чем дело, то просто покатались со смеху и принялись стучать древками копий о щиты. Гоблинов огонь не пугает, совсем наоборот. Посовещавшись, они решили сполна посчитаться с гномами за свое недавнее унижение.

Одни отогнали в сторону волков. Другие принялись затаптывать и гасить пламя, гасить и затаптывать — везде, но только не под деревьями, на которых сидели гномы. Наоборот, они приносили на поляну хворост и подбрасывали его в огонь, заодно

с сухим мхом и сосновыми иглами. Вскоре гномы очутились в огненном кольце. Спасения не было. Мало-помалу кольцо вокруг деревьев сжималось, дым разъедал глаза, становилось все жарче. Между тем гоблины скакали по поляне — похоже, плясали от радости, водили хороводы, как люди в праздник летнего солнцеворота. За пределами огненного кольца выстроились воины с копьями и секирами; чуть поодаль, внимательно наблюдая, стояли волки.

*Гоблины загорланили песню:
На пяти деревьях пятнадцать птах!
Вишь, пятнадцать птичек на пяти кострах,
А у них, у пташек, крылышков-то нет!
Знатная цыплятина будет на обед:
Заживо поджарим, а потом — в котел!
Подадим горяченьких птенчиков на стол!*

А потом завонили:

— Летите, птички! Летите, если можете! А лучше спускайтесь, покуда не поджарились заживо! Эй, вы, там!

— Прочь отсюда, несмышлениши! — крикнул в ответ Гэндальф. — Кто вам позволил баловаться с огнем? Доиграетесь, деточки, — всыплют вам по первое число!

Он нарочно дразнил гоблинов, чтобы показать, что не боится (хотя на самом деле очень даже испугался; да и кто не струсил бы на его месте?). Гоблины, пропустив слова Гэндальфа мимо ушей, снова запели:

*Гори, гори ясно, чтобы не погасло!
Гори, гори пуще, чтобы стало в пуще
Светло, как днем! Тепло с огнем!
Йо-хо-хо!*

*Будем вялить их, будем жарить их,
Подпалим волосики, поддурмяним носики!
Лопни их глазок, потеки жирок,
Шкурка смуглится, кости углятятся!
Жарки угольки!
Небеса высоки!
Тут гномам конец —
Пляши, гоблин-молодец!
Йо-хо хо!
Гип-гип-ура!
Йо-хо-хо!*

С последними словами припева пламя подобралось к дереву, на котором сидел Гэндальф. Вскоре запылали и другие. Огонь лизал кору, нижние ветки негромко потрескивали. Маг взобрался повыше, с конца его посоха сорвался сноп искр. По всей видимости, он решил прыгнуть на гоблинов, погибнуть самому — все равно погибать — и погубить как можно больше врагов. Но прыжок не состоялся.

В тот самый миг, когда Гэндальф приготовился, Повелитель орлов схватил мага и взмыл вместе с ним в небо.

* * *

Гоблины завопили вне себя от ярости. Гэндальф сказал что-то своему спасителю, и тот громко кликнул. Тут же над поляной появились другие орлы, громадные черные тени. Волки скулили и щелкали зубами, гоблины выли, впустую тыкая копьями в воздух. Пока орлиное войско сражалось с варгами и гоблинами, несколько птиц сняли с деревьев едва живых гномов.

Беднягу Бильбо снова чуть не оставили. В последний миг он еле успел ухватиться за ноги Дори.

Птицы поднялись над деревьями. Хоббит висел, вцепившись мертвой хваткой Дори в лодыжки.

Скоро лес уже было не различить, лишь тускло светились внизу крохотные алые пятнышки. Орлы поднимались широкими кругами все выше и выше.

— Ох! Мои руки! — стонал Бильбо. До конца дней не забудет он этот полет. — Мои бедные руки!

— Ох! Мои ноги! — причитал в ответ Дори. — Мои бедные ноги!

От высоты у Бильбо всегда кружилась голова. Стоило только поглядеть вниз с небольшого пригорка, и... Он терпеть не мог лестниц и никогда не лазал по деревьям (спасаться от волков ему тоже прежде не доводилось). Можете себе представить, что с ним стало, когда он посмотрел вниз и увидел свои болтающиеся в пустоте ноги, а под ними — скалы, овраги и речушки в свете луны. Горные пики немолимо приближались, из тьмы выступали отвесные утесы. Несмотря на то что лето было в разгаре, Бильбо замерз до полусмерти. Хоббит зажмурился. Долго ли еще он продержится? А если не выдержит и разожмет руки? От этой мысли ему стало тошно.

Полет закончился как нельзя более вовремя, в тот миг, когда руки перестали слушаться Бильбо. Он со вздохом разжал пальцы и — рухнул на жесткое дно орлиного гнезда. Хоббит долго лежал, не в силах подняться. Мысли путались; он испытывал одновременно облегчение — все-таки они сбегали от гоблинов! — и страх — как бы не свалиться в пропасть... Три голодных дня не прошли для него даром; он не сразу понял, что размышляет вслух:

— Теперь-то я знаю, что чувствует кусок грудинки, когда его вдруг снимают со сковороды и кидают обратно в кладовку.

— Чепуха! — отозвался Дори. — Грудинку рано или поздно снова положат на сковородку, так что нам повезло больше. И потом, орлиные когти — это тебе не вилка с ножом.

— Нет, совсем не белка, — согласился Бильбо. — То есть не вилка. — Хоббит с опаской поглядел на сидящего рядом орла: мало ли что он успел наговорить — вдруг орел обидится? Коли уж попал в орлиное гнездо, хозяину лучше не грубить.

Впрочем, орел не обращал на Бильбо ни малейшего внимания. Он чистил свои перья.

Вскоре прилетела другая птица.

— Повелитель приказал доставить пленников на Главный Уступ! — прокричал вестник.

Орел схватил Дори и исчез в ночи, оставив Бильбо в полном одиночестве. Хоббиту очень не понравилось, что их с гномом обозвали «пленниками». Может, на этом самом Главном Уступе у орлов столовая? Додумать он не успел — настала его очередь.

Орел ухватил хоббита за плащ и взвился в воздух. На сей раз полет был совсем недолгим. Дрожащего от страха Бильбо швырнули на широкий каменный выступ, на который можно было попасть лишь на крыльях; покинуть этот выступ можно было тоже только на крыльях — или спрыгнуть в пропасть. Оглядевшись, хоббит увидел гномов и Гэндальфа, который беседовал о чем-то с Повелителем орлов.

Похоже, закусывать маленьким хоббитом никто не собирался. Судя по всему, Гэндальф уже успел подружиться с Повелителем орлов. Бильбо, конечно, не мог знать, что маг, не раз бывавший в Мглистых горах, однажды оказал орлам услугу, залечив их вожаку колотую рану. Под пленниками орлы разумели «пленники гоблинов», а вовсе не

то, о чем подумалось Бильбо. Прислушиваясь к разговору Гэндальфа с вожакom орлиной стаи, хоббит в конце концов поверил, что они и вправду сбежали от кровожадных тварей. Маг уговаривал орла перенести путников за Великую Реку.

Повелитель орлов заявил, что туда, где живут люди, он не полетит.

— Они начнут стрелять из своих огромных луков; решат, что мы прилетели воровать овец. В другое время оно бы так, конечно, и было, но ведь люди не станут разбираться, зачем мы пожаловали. Извини, чародей, мы с радостью помогли тебе и будем помогать впредь, но южные равнины не для орлов.

— Да нам все равно! — вскричал Гэндальф. — Отнеси нас куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Мы не вправе на чем-либо настаивать... Если уж на то пошло, я, признаться, умираю с голоду.

— А я-таки почти умер, — пискнул Бильбо. Но его никто не услышал.

— Это дело поправимое, — отозвался Повелитель орлов.

Чуть позже на каменном выступе можно было увидеть яркий костер, на котором гномы готовили жаркое с изумительным ароматом. Орлы принесли сначала сухих ветвей — для костра, а затем кроликов, зайцев и маленького барашка. Бильбо лежал и грелся у огня — он слишком ослабел, чтобы помогать гномам; к тому же он не умел толком ни свежевать кроликов, ни рубить мясо, ибо всегда покупал в мясной лавке у себя на Круче такие куски, которые нужно лишь положить на сковородку. Гэндальф тоже прилег отдохнуть — после того как помог развести костер, ибо Оин с Глоином потеряли свои огнива (гномы до сих пор не пользуются спичками).

Так завершились приключения в Мглистых горах. Вообще-то Бильбо предпочел бы шмату мяса, поджаренному на палке, бутерброд с маслом, но отказаться от ужина — нет, это было выше его сил. Наевшись до отвала, он свернулся калачиком и задремал. Спал хоббит в эту ночь куда крепче, нежели обычно на своей перине. Ему снился его дом, по которому он бродил из комнаты в комнату, что-то разыскивая, и никак не мог вспомнить, куда он это «что-то» положил.

Глава 7

В ГОСТЯХ У БЕОРНА

Разбудил Бильбо солнечный свет. Бодро вскочив, он хотел было по привычке поглядеть на часы и поставить на огонь кофейник — и тут вспомнил, что дом далеко-далеко. Зубы почистить не удалось — нечем было; на завтрак он получил всего-навсего два куска — холодную баранину и не менее холодную крольчатину, — ни тебе бекона, ни чая с печеньем. Перекусив, хоббит стал собираться в дорогу.

На сей раз ему позволили взобраться орлу на спину. Орел раскинул громадные крылья и сорвался с утеса. В ушах засвистел ветер, и перепуганный хоббит крепко зажмурился. Следом за Бильбо полетели и гномы, тепло попрощавшиеся с Повелителем орлов: они благодарили его за помощь и обещали как-нибудь вернуть должок. Утро выдалось холодным, в низинах стоял туман, горные пики прятались в дымке. Солнце едва поднялось. Приоткрыв один

глаз, Бильбо увидел, что птицы парят высоко в небе, земли внизу не различить, а горы постепенно отдаляются. Он вновь зажмурился и крепче вцепился в орлиную холку.

— Эй, полегче! — воскликнул орел. — И перестань дрожать. Или ты и впрямь в родстве с кроликами? Утро замечательное, ветра почти нет. Что может быть прекраснее полета?

«Горячая ванна и завтрак на лужайке», — хотел ответить хоббит, но смолчал. Правда, хватку он немного ослабил.

Летели долго. Но вот орлы, должно быть, увидели то, что искали — с такой-то высоты! — и стали медленно, кругами, снижаться. Тут Бильбо снова рискнул открыть глаза. Земля приближалась, внизу виднелись деревья — как будто дубы и вязы, по травянистой равнине текла река. Посреди реки возвышался последним оплотом оставшихся далеко позади кряжей громадный утес, самая настоящая гора; казалось, ее швырнул в воду какой-нибудь силач-великан.

Орлы один за другим опустились на утес и ссадили путников наземь.

— Удачи! — пожелали они хором. — Удачи во всех ваших делах! Пусть ваши гнезда вас дождутся! — Так у них принято было прощаться.

— Да несет вас ветер в те края, куда держат путь луна и солнце! — ответил за себя и своих спутников Гэндальф (он единственный знал правильные слова).

На том и расстались. Впоследствии Повелитель орлов стал Королем птиц и принял золотой венец, а пятнадцать его подданных получили золотые цепи (золото им преподнесли в дар гномы), но Бильбо никогда с ними больше не встречался, да и видел

потом всего лишь раз — высоко в небе, над полем Битвы Пяти Воинств. Но не будем забегать вперед, в свое время вы все узнаете.

Вершина была плоская, как стол, от нее к подножию скалы вела истертая множеством ног лесенка, спускавшаяся к броду из громадных валунов. У подножия утеса, поблизости от первого валуна, нашлась уютная пещерка, пол которой был усыпан галькой. В этой пещерке путники расселись и принялись обсуждать, что делать дальше.

— Как и намеревался, я помог вам перебраться через горы, — сказал Гэндальф. — Теперь вы в безопасности — слава удаче, мудрым наставлениям Элронда и другим нашим друзьям! Однако мы сильно уклонились на восток — гораздо сильнее, чем я предполагал. Придется мне поспешить... Да, да, я ухожу. Это ведь не мое приключение. Быть может, я к вам еще присоединюсь, но покамест меня зовут другие дела.

Гномы донельзя огорчились и приуныли, а Бильбо даже заплакал. Все думали, что маг пройдет с ними весь путь до Одинокой горы, всегда готовый выручить, если что.

— Перестань! — прикрикнул Гэндальф на хоббита. — Я вовсе не собираюсь уходить прямо сейчас. Побуду с вами денек-другой, пособлю, чем смогу, а там уж не обессудьте. У вас нет ни еды, ни снаряжения, вдобавок вы не знаете, куда попали. Но я-то знаю и объясню! Тропа, на которую мы вышли бы, не встретить проклятых гоблинов, находится в нескольких милях к северу отсюда. Места тут пустынные, если их, конечно, не заселили с тех пор, как я побывал здесь в последний раз, два или три года назад; поэтому полагаться нужно только на себя. Однако неподалеку живет мой хороший знакомый. Это он вырубил лестницу в скале — кстати, она называется

Каррок. Днем этот мой знакомец редко приходит сюда, поэтому здесь ждать не имеет смысла, придется нам разыскать его самим. Если повезет и мы его отыщем — вот тогда я с вами попрощаюсь и пожелаю удачи так же, как орлы.

Гномы уговаривали Гэндальфа остаться, предлагали ему золото, серебро и самоцветы из драконьей сокровищницы, но маг был непреклонен.

— Все уже решено, — промолвил он. — А что до золота и прочих богатств, вы сначала их добудьте. И потом, сдается мне, я уже и так заслужил свою долю.

* * *

Искупались в реке, прозрачной и неглубокой у берега, выстирали одежду, полежали на солнышке, а потом, отдохнувшие, но успевшие слегка проголодаться, перешли реку вброд (хоббита вновь несли на плечах) и двинулись по высокой траве, вдоль раскидистых дубов и величавых вязов, туда, куда вел их Гэндальф.

— А почему ваш знакомый называет эту скалу Каррок? — спросил Бильбо у мага, шагавшего рядом.

— Потому что ему так хочется. Он называет карроками все скалы, а эта поблизости от его дома, поэтому для него она — Каррок, с большой буквы.

— А кто он вообще такой?

— О! Это весьма важная персона. Слушайте все! Будьте с ним повежливее, иначе я не ручаюсь за последствия. Вообще-то он добрый, но в гневе ужасен, а рассердить его легче легкого.

— Вот так всегда! — принялись бурчать гномы, подошедшие поближе, чтобы послушать чародея. — Гэндальф, у тебя что, все знакомые такие, один суровее другого? Снизойди хоть разок, объясни поподробнее.

— Сколько можно разжевывать? — сердито воскликнул маг. — Пусть мои знакомые суровы, зато о них никто дурного слова не скажет. А этого зовут Беорном, если вам интересно. Он из тех, кто, как говорят, «меняет шкуры».

— Скорняк, что ли? — уточнил Бильбо. — Знаю я таковских. Только зазеваешься, мигом всучат тебе кроличью шкурку под видом беличьей.

— Великие небеса, нет! — вскричал Гэндальф. — Нет, нет и нет! Думайте, что говорите, господин Торбинс, и ради всего чудесного не упоминайте при Беорне о скорняках, а также о ковриках, пледах, шарфах и плащах. Беорн — оборотень, способный по желанию менять свое обличье: то он — громадный черный медведь, а то — огромный черноволосый человек с длинной бородой. По одним слухам, он и вправду медведь и ведет свой род от великих медведей древности, которые обитали в горах еще до появления великанов. По другим, Беорн — потомок людей, живших здесь, когда о Смоге и слыхом не слыхивали, а гоблины и не думали перебираться сюда с севера. Большого я вам сказать не могу. Он не из тех, о ком спрашивают.

Ничьи чары над ним не властны. Он живет в дубраве, в большом деревянном доме, пасет скотину, держит пасеку со множеством ульев, питается в основном медом и сливками. Лошади у него просто замечательные, они умеют разговаривать. Беорн не охотится и не ест мяса. В медвежьем обличьи он много странствует. Как-то раз я видел его ночью на вершине Каррока, он глядел на клонившуюся к Мглистым горам луну и тихонько ворчал себе под нос: «Наступит день, когда я вернусь домой». Потому-то мне кажется, что он и впрямь родился в горах.

У Бильбо и гномов было над чем подумать, вопросов больше не задавали. Путь оказался неблиз-

ким. Шли то вверх, то вниз, то взбирались на холм, то спускались в овраг. Становилось все жарче. Время от времени устраивали привалы в тени деревьев. Хоббит настолько проголодался, что съел бы хоть пригоршню желудей, но, к его великому огорчению, желуди еще не успели.

Ближе к полудню начали попадаться луга, явно ухоженные чьей-то заботливой рукой. Этот неведомый кто-то сажал повсюду клевер — обычный розовый, красный, медвяный белый — и петушиный гребешок. Воздух наполнился жужжанием, на лугах трудились пчелы. И какие пчелы! Бильбо никогда в жизни не видел ничего подобного! Крупнее шершней, длиннее пальца, желтые полосы на черных спинках сверкают, точно позолота.

«Если меня ужалит хотя бы одна, — подумалось ему, — я распухну, как от водянки».

— Подходим, — предупредил Гэндальф. — Это пчелиные угодья Беорна.

Миновали круг высоких, очень старых дубов и очутились перед живой изгородью, столь густой, что сквозь нее ничего не было видно. Через такую не перелезешь, нечего и пытаться.

— Вам лучше будет остаться здесь и ждать моего сигнала, — сказал маг. — Когда я свистну, пойдите ко мне, парами — обязательно парами! — с промежутком в пять минут. Бомбуру придется идти одному, но он такой толстый, что сойдет и за двоих. Пошли, господин Торбинс! Тут где-то должны быть ворота. — С этими словами Гэндальф двинулся вдоль изгороди, влача за собой дрожащего от страха хоббита.

Вскоре они отыскали высокие и широкие деревянные ворота, за которыми виднелись сады и

постройки из неотесанных бревен под соломенными крышами — амбары, навесы, конюшни; чуть поодаль стоял приземистый дом. С южной стороны изгороди рядами выстроились ульи, также крытые соломой. Оттуда доносилось громкое жужжание, огромные пчелы летали туда-сюда, вползали внутрь, выползали наружу.

Распахнув ворота, створки которых заскрипели, маг по широкой дорожке направился к дому. Хоббит семенил следом. Лошади с лоснящимися боками, пасшиеся поблизости, подняли умные морды, пристально поглядели на незваных гостей и вдруг все вместе куда-то ускакали.

— Доложить Беорну, что пожаловали чужаки, — пояснил Гэндальф.

За домом находился дворик, замкнутый с трех сторон задними стенами дома и двух пристроек. Посреди дворика лежал громадный дубовый кряж. На земле валялись отрубленные сучья. Возле комля стоял высокий чернобородый и черноволосый человек с огромными голыми руками и мускулистыми ногами. На нем был шерстяной балахон до колен, он опирался на чудовищных размеров топор. Лошади тыкались носами ему в плечо.

— А, вот они! — проговорил человек низким рокочущим голосом, обращаясь к лошадям. — Ну, бояться вроде нечего. Ступайте. — Он расхохотался, бросил топор на землю и шагнул вперед. — Кто такие? С чем пожаловали?

Хозяин ростом был много выше Гэндальфа. Бильбо мог бы пройти у него между ног, даже не задев макушкой полы грязно-бурого балахона.

— Меня зовут Гэндальф, — представился маг.

— Никогда о таком не слышал, — проворчал хозяин. — А это что за коротышка? — Он наклонился и мрачно поглядел на хоббита из-под густых черных бровей.

— Это господин Торбинс, хоббит из добропорядочной семьи с безупречной репутацией, — ответил маг.

Бильбо молча поклонился. Была бы у него шляпа, он бы ее, конечно, снял, а так... Неудобно получается, честное слово. К тому же хоббит сильно переживал из-за отсутствия пуговиц на куртке. Наверняка Беорн сочтет его невежей и неряхой.

— Я маг, — продолжал Гэндальф. — Ты обо мне не слышал, зато я о тебе наслышан. Быть может, ты знаком с моим родичем Радагастом? Он живет поблизости от южных рубежей Лихолесья.

— А как же! Вроде бы неплохой парень, хоть и чародей. Бывает, мы с ним встречаемся. Ладно, теперь я знаю, кто вы — пускай только с ваших слов. Выкладывайте, что вам нужно.

— Сказать по правде, мы потеряли свои вещи, сбились с дороги и нуждаемся в помощи, — ответил Гэндальф. — На худой конец, в совете. Дело в том, что мы пришли из-за гор и по пути на нас напали гоблины...

— Гоблины? — Хозяин как будто слегка подбрел. — Напали, говоришь? А чего это вас к ним понесло?

— Мы никого не трогали, а они напали из засады, застали нас врасплох. Понимаешь, мы идем с запада... Ну, это долгая история...

— Ничего, послушаем. — Хозяин направился к двери в дом. — Пошли потолкуем. Пару минут я вам, так и быть, уделю.

Следом за Беорном гости вошли в дом, миновали просторную залу с очагом посередине. В очаге, несмотря на лето, горел огонь, дым поднимался к почерневшим стропилам, тянулся к отверстию в крыше, сквозь которое внутрь проникал свет. Низенькая дверь из залы вела на террасу на дубовых подпорках. Терраса выходила на юг, поэтому на нее до сих

пор падал солнечный свет; прямо от нижней ступеньки лестницы начинался садик, поражавший воображение несметным множеством цветов.

Уселись на деревянные скамьи, озаренные лучами закатного солнца. Пока Гэндальф рассказывал, Бильбо болтал ногами и разглядывал цветы, гадая, как они называются (доброй половины цветов Беорна он не видел никогда в жизни).

— Когда мы с друзьями перевалили через горы... — сказал маг.

— С друзьями? — перебил Беорн. — Разве их было много? Я вижу только одного.

— По правде говоря, я не решился привести всех сразу. Не хотелось отрывать тебя от дел. Если не возражаешь, я их позову.

— Давай зови.

Гэндальф пронзительно свистнул, и вскоре появились Торин и Дори. Встав перед хозяином, они низко поклонились.

— Чудеса, — проговорил Беорн. — Это ведь не хоббиты, а? Это ведь гномы.

— Торин Дубовый Щит, к вашим услугам. Дори, к вашим услугам. — И гномы вновь поклонились.

— Спасибо, но я в ваших услугах не нуждаюсь, — отозвался Беорн. — Скорее уж наоборот. Что ж, гномов я, честно сказать, недолюбливаю, но коли ты и вправду Торин, сын Траина, сына Трора, коли твой товарищ тебе под стать и коли вы — враги гоблинов и пришли в мои края не со злом... Кстати, а каким ветром вас сюда занесло?

— Они идут в землю своих предков, что лежит к востоку от Лихолесья, — ответил за гномов Гэндальф. — К тебе мы попали не по своей воле. Мы шли Верхним проходом, он вывел бы нас на дорогу в стороне от твоих владений, когда бы не проклятые гоблины... Я уже рассказывал.

— Ничего, от тебя не убудет, если повторишь-ся. — Беорн явно не отличался вежливостью. — И что было дальше?

— Разразилась ужасная гроза, каменные великаны швырялись обломками скал. Мы нашли убежище в пещере — хоббит, я и несколько наших товарищей...

— Несколько? Разве двое — это несколько?

— Вообще-то их было побольше, — признался Гэндальф.

— И где они? Погибли, попали в лапы гоблинов или ушли домой?

— Они здесь. Просто боятся, наверное, приходиться все вместе. Видишь ли, мы опасались, что нас слишком много, чтобы мы могли рассчитывать на твое гостеприимство.

— Так свистни еще. Где двое, там и четверо. Похоже, намечаются посиделки.

Гэндальф свистнул, и тут же, словно из-под земли, вынырнули Нори и Ори (помните, маг велел им приходиться по двое с промежутком в пять минут).

— Привет! — сказал Беорн. — Шустрые вы ребята. Ну, входите, мошенники.

— Нори, к вашим услугам. Ори... — начали было гномы, но Беорн перебил их:

— Ваши услуги можете оставить при себе. Когда они мне понадобятся, я сам о них напомню. А ты, чародей, продолжай — не то ужинать мы будем нескоро.

— Едва мы заснули, в дальней стене пещеры возникла трещина. Когда она расширилась, из нее выпрыгнули гоблины, которые схватили всех — хоббита, гномов, пони — а их у нас было с десяток...

— С десяток пони? Вы что, бродячий цирк? Или у вас было столько поклажи?

— Вообще-то нас было не шестеро, а больше. Вон еще двое.

Появившиеся в этот миг в саду Балин и Двалин поклонились так низко, что их бороды коснулись земли. Беорн было нахмурился, но гномы так потешно кланялись, приседали и размахивали своими колпаками, что он не выдержал и расхохотался.

— Умора! — воскликнул он. — Входите, шутники. Как вас звать?

— Меня Балин. А меня Двалин, — ответили гномы. — Мы...

— Обойдемся без услуг. Хватит кланяться, лучше садитесь.

Слегка озадаченные гномы подчинились.

Беорн вновь повернулся к Гэндальфу:

— Продолжай.

— О чем бишь я? Ах да — схватили всех, кроме меня. Я сразил пару гоблинов молнией...

— Отлично, — пробурчал Беорн. — И от чародеев порой бывает польза.

— ...И пробрался в трещину прежде, чем та успела сомкнуться. Подземный коридор привел меня в пещеру, где восседал на троне Верховный Гоблин. При нем было тридцать или сорок воинов. Я подумал: «Даже если бы моих друзей не заковали в кандалы, разве дюжина справится с четырьмя десятками?»

— Дюжина? С каких это пор восемь стало дюжиной? Или ты еще кого-нибудь припрятал за пазухой?

— В общем, да. Мне кажется, их зовут Фили и Кили.

Появившиеся в этот миг гномы раскланялись.

— Садитесь, и чтоб ни звука! — велел Беорн. — Продолжай, Гэндальф.

Маг поведал о битве во мраке подземелья, о том, как они добрались до нижних ворот и с ужасом обнаружили, что господин Торбинс потерялся.

— Пересчитав друг друга, мы поняли, что хоббита с нами нет. Нас было четырнадцать.

— Коли от десяти отнять один, разве получится четырнадцать? Мне всегда казалось, что девять. Или ты представил мне не всех?

— Ну, ты не видел Оина с Глоином. Вот они, кстати. Надеюсь, они нам не помешают?

— Ладно, чего уж там. Садитесь, вы двое. Слушай, Гэндальф, что-то у тебя концы с концами не сходятся. Ты да десять гномов, да пропавший хоббит — всего одиннадцать. А ты сказал «четырнадцать». Или у чародеев счет иной, чем у всех? Впрочем, это пустяки, рассказывай дальше.

Беорн заинтересовался всерьез, хотя всячески старался этого не показать. Он хорошо знал ту часть гор, которую описывал Гэндальф. Маг упомянул о неожиданном возвращении хоббита (тут хозяин одобрительно заворчал), о камнепаде и о волках, а когда стал рассказывать о том, как гномы карабкались на деревья, Беорн вскочил и принялся расхаживать по террасе, приговаривая:

— Эх, был бы я там! Я бы им показал! Палеными шкурами они бы у меня не отделались!

— Каждому свое, — скромно заметил Гэндальф, обрадованный тем, что его история, по всей видимости, пришлась хозяину по вкусу. — В общем, мы залезли на деревья, волки скакали внизу, лес кое-где загорелся, а тут еще явились гоблины и стали потешаться над нами: мол, пятнадцать пташек...

— Погоди, чародей! — взревел Беорн. — Только не говори, что гоблины не умеют считать! Им прекрасно известно, что двенадцать — далеко не пятнадцать.

— Мне тоже. Позволь тебе представить — Бифур и Бофур.

— И я, — пропыхтел Бомбур, появившийся следом за Бифуром и Бофуром. Ему страшно не хотелось ждать положенные пять минут в одиночестве, поэтому он отважился нарушить приказ Гэндальфа.

— Так-так, — проговорил Беорн. — Теперь вас точно пятнадцать. Гоблины считать умеют, значит, все, кто сидел на деревьях, в сборе. Больше никто, надеюсь, перебивать не будет.

Бильбо не мог не восхититься хитроумием Гэндальфа. Маг рассчитал точно: захватывающая история увлекла Беорна, а то, что повествование часто прерывалось, лишь разжигало его любопытство. (Иначе Беорн вряд ли пустил бы гномов на порог своего дома — ведь он почти никого и никогда к себе не приглашал. Друзей у него было мало, жили они далеко отсюда, и зазывал он их в гости по одному, в крайнем случае — по двое. Но сейчас на террасе его дома сидело пятнадцать чужаков.)

Маг поведал об орлах, о том, как путники очутились на Карроке и как перебрались через реку. Когда он закончил, солнце уже скрылось за вершинами Мглистых гор и по саду Беорна пролегли густые тени.

— Отличная история, — похвалил хозяин. — Давненько я не слыхивал ничего этакого. Если все окрестные попрошайки будут приходить ко мне с такими историями, я, пожалуй, умаюсь их подкармливать. Может, вы все выдумали, но кормежку заслужили. Пошли перекусим. Не против?

— Что вы! — вскричали в один голос гномы и хоббит. — Большое спасибо!

В доме царил полумрак. Беорн хлопнул в ладоши; откуда ни возьмись появились четыре чудесных белых пони и большие серые собаки. Хозяин обратился к ним на диковинном наречии — походило на то, как если бы он говорил с ними на их языке. Животные исчезли, но вскоре вернулись с факелами, которые они разожгли и вставили в скобы на столбах подле очага (псы могли ходить на задних лапах, а передними пользовались как руками). У огня расставили табуреты, на которые положили доски — получился стол, правда, низковатый даже для Бильбо (наверное, за этим столом чаще всего сживали животные).

Послышалось протяжное «бе-е-е», и в залу вступили белоснежные овцы, во главе которых шествовал огромный черный баран. Одна овца несла белую скатерть, расшитую изображениями животных; другие — подносы с чашками, тарелками, ножами и деревянными ложками. Собаки приняли подносы и быстро расставили все по столу. К нему же придвинули два табурета с широкими, плетеными из тростника сиденьями и короткими ножками — для Гэндальфа и Торина, а на дальнем конце стола Беорн, вытянув ноги, уселся в свое черное кресло. Больше мебели в его доме не было. Но остальным гостям стоять тоже не пришлось. Пони прикатали гладкие, отполированные колоды, круглые, как барабаны. Вскоре все расселись и принялись за еду. Столь многочисленного сборища эта зала не знала много лет.

Это был ужин — или обед? — весьма сытный и первый с тех пор, как путники попрощались с Элрондом и покинули Последнюю Приветную Обитель. Тускло светили факелы, потрескивало пламя в очаге, на столе мерцали алым две длинные свечи. За

едой Беорн своим рокочущим басом рассказывал древние предания о диких землях, лежащих по эту сторону гор; в преданиях часто упоминался темный и опасный лес, протянувшийся на многие мили с севера на юг и преграждавший путь на восток, — зловещее Лихолесье. До него было рукой подать — день езды.

Гномы слушали, качая головами. Они знали, что Лихолесье — самая грозная из опасностей, стоящих на пути к Одинокой горе (разумеется, после Мглистых гор). Насытившись, Беорн задремал, и гномы заговорили о своем — о золоте и самоцветах, о тонкостях кузнечного ремесла. Беорна это не интересовало; в его доме не было ни золота с серебром, ни какого другого металла — разве что железные ножи.

За столом сидели еще долго, неторопливо потягивая мед из глубоких чаш. Между тем наступила ночь. В очаг подложили дров, факелы погасли, а гости все сидели и не собирались вставать. В бликах пламени высокие деревянные столбы казались живыми лесными деревьями. Бильбо вдруг почудилось, будто он слышит шелест ветра, различает уханье совы... Это походило на самое настоящее волшебство.

Хоббит понемногу клевал носом, голоса товарищей становились все глуше, но тут закрипела и хлопнула дверь — Беорн ушел. Гномы выбрались из-за стола, расселись на полу у очага и запели. Вот что они пели — это всего одна из песен, их было спето гораздо больше:

*Под ветерком шуршит трава
И вереск, но молчит листва
В лесу, где тень черна весь день,
И в ней таятся существа.
Но ветер вниз с холодных гор*

*Потоком грянул на простор —
Гудит, ревет и ветви гнет;
И застонал древесный хор.
С восхода ветер на закат —
И нет ему пути назад! —
Поверх трясин, поверх осин;
А лес весь ужасом объят.
Шуршат осока и тростник,
Шумит камыш, к воде приник,
Кипит бочаг, и неба стяг
Дыряв, как старый половик.
Промчался ветер над Горой,
Над той драконовой норой,
Где страх и смрад во тьме лежат,
Откуда валит дым порой.
И за пределы мира, прочь,
Туда, где сине море — ночь,
Где лунный челн плывет средь волн,
И звезды — маяки точь-в-точь.*

Бильбо снова задремал. Вдруг Гэндальф поднялся.

— Пора спать, — сказал он. — Здесь нам ничто не угрожает, но постарайтесь не забыть, о чем предупреждал Беорн, и не выходите наружу до восхода солнца. Наш хозяин зря не скажет, поэтому лучше послушаться.

Постелили им в углу залы, на помосте между деревянными столбами и наружной стеной дома. Бильбо достался соломенный матрац с шерстяным одеялом, которым хоббит, несмотря на теплую ночь, с удовольствием укрылся. Огонь в очаге едва теплится.

Бильбо заснул и спал крепко, пока среди ночи его что-то не разбудило. В очаге доглевали угольки, Гэндальф и гномы ровно дышали во сне, сквозь

отверстие в крыше виднелся кусочек луны. И тут снаружи донеслось рычание, а потом — такой звук, будто огромный зверь царапает дверь. «Что это? — встревожился Бильбо. — Может, Беорн, обратившийся в медведя? Может, он сейчас ворвется в залу и растерзает нас?» Хоббит вновь юркнул под одеяло, укрылся им с головой — и снова заснул, сморенный усталостью и сытным ужином.

* * *

Пробудился он, когда утро было в разгаре. И то не по своей воле — кто-то из гномов споткнулся об него и с грохотом рухнул на пол. Это оказался Бофур.

— Вставай, лежебока! — позвал гном, с кряхтением поднимаясь. — А то останешься без завтрака.

— Завтрак! — Бильбо мгновенно вскочил. — Где завтрак?

-- Наш уже в нас, — ответили ему, — а твоя доля на террасе. Беорн куда-то запропастился, мы ищем его с восхода и никак не можем найти. Спасибо, хоть о завтраке позаботился.

— А Гэндальф где? — спросил Бильбо.

— Вот вернется — сам у него спросишь, — улышал он, выбегая на террасу.

Маг возвратился лишь под вечер. На закате он вошел в дом и присоединился к компании, ужинавшей в зале (накрывали стол и подавали еду все те же чудесные животные Беорна). Однако о хозяине по-прежнему не было ни слуху ни духу.

— Где ты пропадал? — наперебой закричали гномы. — И где Беорн?

— Не все сразу, и только после ужина. У меня с утра во рту и маковой росинки не было.

Насытившись — он съел два каравая с маслом и сливками и выпил по меньшей мере кварту меда,

— Гэндальф отодвинул пустую тарелку и вынул трубку.

— Сперва ответчу на второй вопрос, — сказал маг. — Вы заметили, какой тут высокий потолок? Удобно пускать кольца. — И надолго замолчал, всецело поглощенный своей забавой: выпускал изо рта кольца дыма, которые обвивались вокруг столбов, принимали разнообразные очертания, меняли цвет и одно за другим уплывали сквозь отверстие в крыше. Снаружи, должно быть, эти кольца представляли собой диковинное зрелище: голубые, серебристые, желтые, белые большие и маленькие, они всплывали над крышей, сливались, расходились и медленно таяли в воздухе.

— Я отправился по медвежьему следу, — продолжил наконец Гэндальф. — Точнее, следов было несколько, один принадлежал Беорну, а остальные — другим медведям. Прошлой ночью, похоже, у этого дома собралось множество медведей — больших и малых; они пришли с востока, с севера и с юга. А ушли на запад. Туда след есть, а оттуда — нет. Я прошел по нему до Каррока, дальше он оборвался. До Каррока, как вы помните, можно добраться вброд, а вот за скалой слишком глубоко и течение слишком сильное — не одолеть ни вброд, ни вплавь. Пришлось вернуться и пойти вдоль реки, чтобы найти, где переправиться, а потом возвратиться по другому берегу.... В общем, я убедился, что след ведет точно к той поляне, на которой мы свели знакомство с варгами. Вот так. Полагаю, я ответил на оба вопроса.

Маг вновь замолчал.

Бильбо показалось, он понял, к чему клонит Гэндальф.

— Что же делать? — вскричал он. — Если Беорн приведет сюда варгов с гоблинами, нас всех

убьют! А ведь вы говорили, что наш хозяин ненавидит волков!

— Так оно и есть. Не валяй дурака, Бильбо. Иди лучше поспи, раз у тебя голова не варит.

Хоббит сник. Делать все равно было нечего, поэтому он и вправду отправился на боковую и заснул под песни гномов. Ему приснились черные медведи, сотни черных медведей, медленно, тяжело кружащихся в танце на залитом лунным светом дворе. Он проснулся, когда все остальные еще спали, и услышал те же самые странные звуки, что и накануне.

Наутро их разбудил Беорн.

— Как дела, ребятки? — осведомился он, подхватил хоббита на руки и засмеялся: — Не съели вас ни волки с гоблинами, ни страшные медведи? — Беорн бесцеремонно дернул господина Торбинса за подтяжку. — Эге, а крольчишка-то как отъелся! Пошли перекусим.

Гурьбой отправились завтракать. Беорн пребывал в чудесном настроении, много смеялся и шутил. Гадать, где он пропадал, пришлось недолго — хозяин сам обо всем рассказал. Выйдя вечером из дома, он уже к ночи успел перебраться через реку и углубиться в горы (по чему можно судить, сколь быстро он передвигался в медвежьем обличьи). Вскоре ноги — или лапы? — вынесли Беорна на выгоревшую поляну, а чуть позже он получил и другое подтверждение правдивости истории, рассказанной Гэндальфом, — из уст волка и гоблина, которых изловил неподалеку. Гоблины и волки по-прежнему разыскивали гномов, они были вне себя от ярости: еще бы, какие-то жалкие гномы убили Верховного Гоблина, обожгли нос вожаку волчьей стаи и спалили заживо многих его сородичей! Разумеется, всего пленники не сказали, но из их оговорок Беорну не составило труда догадаться, что в ближайшее время

намечается грандиозный набег на окрестные поселения. Гоблины и волки твердо вознамерились найти гномов, а заодно — преподать урок тем людям и животным, которые, возможно, приютили убийц Верховного Гоблина.

— Ваш рассказ был просто замечательный, — сказал Беорн, — но когда я убедился в его достоверности, он понравился мне больше прежнего. Простите мое недоверие. На рубежах Лихолесья верить можно только тому, кого знаешь как свои пять пальцев, иначе рано или поздно угодишь в западню. В общем, узнав все, что требовалось, я поспешил домой — проверить, как вы тут, и предложить вам любую посильную помощь. Скажу честно, с этих пор я стану лучше относиться к гномам. Надо же — убить Верховного Гоблина! — Он свирепо захохотал.

— А того гоблина с варгом вы отпустили? — спросил Бильбо.

— Они во дворе, — ответил Беорн. — Иди полюбуйся.

Голова гоблина, насаженная на кол, торчала над воротами, а чуть поодаль висела на дереве волчья шкура. Да, с таким врагом шутки плохи, подумалось Бильбо. Хорошо, что он на их стороне.

Гэндальф решил открыть Беорну истинную причину путешествия — в надежде, что хозяин чем-нибудь да поможет.

Беорн пообещал предоставить каждому гному верхового пони, Гэндальфу дать лошадь и снабдить всю компанию провизией — орехами, мукой, сухими фруктами, медом в горшках и очень вкусными пирогами, которые долго остаются свежими (небольшого кусочка такого пирога хватит, чтобы целый день поддерживать силы). Эти пироги умел печь только сам Беорн; в муку, как и во все прочие блюда, он добавлял мед. Припасы упаковали так, чтобы нести

было легко и удобно. Воды, сказал хозяин, по дороге будет сколько угодно — и ручьи, и родники.

— Но Лихолесье — дело другое, — прибавил он. — Воду там найти нелегко, да и еду тоже. Орехи еще не созрели, а кроме них ничего из тамошних растений в пищу не годится. Кстати сказать, очень может быть, что, прежде чем вы доберетесь до дальней опушки, орехи успеют созреть и сгнить. А еще в Лихолесье водятся злобные твари. Я дам вам луки со стрелами и бурдюки с водой. Расходуйте воду бережно; сомневаюсь, что вы сумеете наполнить бурдюки заново. Через лес вы пойдете тропой, и вам встретится черная река. Не пейте из нее и не купайтесь в ней! Ее воды зачарованы, они навевают сон и отнимают память. Луки же вам пригодятся — не для охоты, а так, на всякий случай. Ни за что не сходите с тропы! Слышите? Ни в коем случае!

Вот и все, чем я могу вам помочь. Едва вы ступите на опушку, вам придется рассчитывать только на собственную храбрость и на везение. Да не забудьте, добравшись до опушки, отослать обратно пони и лошадь. Удачи вам! Если ж возвращаться будете этой дорогой, милости прошу в гости.

* * *

Хозяина долго благодарили — кланялись, помахивали колпаками, много раз произносили: «К твоим услугам, о Владыка деревянного чертога!» Но слова Беорна заронили в сердца путников тревогу, все вдруг поняли, что это путешествие — не простая прогулка, что, прежде чем добраться до сокровищ, нужно преодолеть немало преград и опасностей.

Все утро ушло на сборы. Вскоре после полудня в последний раз откушали с Беорном, оседлали пони, дружески попрощались и выехали за ворота.

Как только выехали за высокую изгородь, повернули на север и пустили пони вскачь. По совету Беорна путники решили оставить в стороне главную дорогу. Если бы все шло как намечалось в самом начале, перевалив через Мглистые горы, они оказались бы там, где в Великую Реку впадает ее приток, на несколько миль южнее Каррока. И там имелся брод, от которого начиналась старая лесная дорога. Но Беорн предупредил, что этой дорогой теперь ходят одни гоблины, она вся заросла травой и упирается в непроходимое болото. Вдобавок она сильно забирает к югу от Одинокой горы. Зато севернее Каррока Лихолесье подступает к самому берегу Великой Реки; в ту сторону и следует ехать, ибо там находятся ворота, от которых сквозь Лихолесье неторная тропа ведет едва ли не напрямик к Одинокой горе.

— Гоблины не отваживаются переходить реку севернее Каррока и приближаться к моему дому, — объяснил Беорн. — Но на вашем месте я бы поторопился, ибо если они и впрямь соберутся в набег, то перейдут реку на юге и обшарят лесную опушку на всем ее протяжении. Не забывайте, волки бегают резвее пони. В общем, на север ехать безопаснее — горы там ближе, но гоблины не ждут, что вы посмеете вернуться. Скачите же, скачите во весь опор, чтобы вас не догнали!

Сперва ехали молча; на ровных местах пускались в галоп. Горы темнели слева, далекая полоска реки с деревьями по берегам мало-помалу приближалась. Ярко светило солнце, все было тихо и спокойно, поэтому о гоблинах вскоре позабыли и вновь принялись болтать и петь. Однако вечером, когда вершины гор засверкали в пламени заката, разбили лагерь и выставили дозорных, и в снах многим слышался волчий вой и вопли гоблинов.

Рассвет выдался просто чудесный. Над землей, как будто уже пришла осень, лежал белый туман, было прохладно, но вскоре солнце пригрело, туман растаял, и путники, не дожидаясь, пока утренняя дымка рассеется окончательно, тронулись в путь. Ехали еще два дня, никого не встречая; окрест виднелись лишь трава, цветы, птицы да небольшие стада оленей. Бильбо поначалу принимал ветвистые олени рога за сучья, но скоро научился отличать одно от другого. В третий день почти не останавливались, ведь Беорн говорил, что лесных ворот они должны достичь рано утром на четвертый день пути. Поэтому продолжили путь даже ночью, при свете луны. Хоббиту почудилось, будто во мраке время от времени виднеется фигура громадного медведя, который сопровождает отряд. Когда он рискнул поделиться своим подозрением с Гэндальфом, маг лишь посоветовал не обращать внимания.

Около полуночи ненадолго остановились и еще до рассвета вновь были в седлах. Едва взошло солнце, стал виден лес — черная, мрачная стена деревьев. Начался пологий подъем. Тишина словно обволакивала. Олени и кролики куда-то исчезли. К полудню достигли опушки Лихолесья и немного передохнули. У деревьев на этой опушке стволы были толстые и кривые, с корявых ветвей свисали длинные темные листья и побеги плюща.

— Вот вам и Лихолесье, — сказал Гэндальф, — величайший из северных лесов. Выглядит он внушительно, верно? Что же, пора подумать о ваших пони. Их нужно отослать обратно.

Гномы было заворчали, но маг быстро их утихомирил:

— Глупцы! По-вашему, Беорн далеко? Неужели вы хотите нажить себе такого врага? Господин Тор-

бинс — и тот заметил большого медведя, который шел за нами следом и охранял по ночам ваш сон. Между прочим, Беорн присматривал не только за вами, но и за своими пони. Запомните раз и навсегда: дружба дружбой, а своих животных он любит как детей. Вам и невдомек, чего ему стоило отдать пони гномам. И что он с вами сделает, если вы попытаете увести пони в лес, — даже представить страшно!

— Ладно, ладно, — пробурчал Торин. — А как насчет лошади? Ее ты возвращать не собираешься?

— Угадал.

— Но ты ведь тоже обещал.

— Это уже мои заботы. Она мне еще пригодится.

Лишь теперь гномы догадались, что Гэндальф намеревается их покинуть. И это на самой опушке Лихолесья! Отчаянию не было предела, но маг остался непоколебим.

— Я все вам объяснил на Карроке. Смиритесь. На юге меня ждут неотложные дела; боюсь, по вашей милости я и так опаздываю. Может быть, мы и встретимся до того, как вы вернетесь от Горы, а может быть, и нет. Это зависит от вашей удачи — и от ловкости и хитроумия господина Торбинса. Положитесь на него, в решающий час он не подведет. Бильбо, хватит кукситься! Торин, приободришься! В конце концов, ведь это ваш поход, а не мой. Думайте о сокровищах, забудьте о драконе и о Лихолесье — по крайней мере, до завтрашнего утра, покуда не войдете в лес.

Наутро Гэндальф повторил то же самое. Пони расседлали, сняли с них поклажу, которую постарались распределить по-честному между всеми гномами и хоббитом (впрочем, Бильбо решил, что ему достался самый тяжелый мешок; и как только он потащит такую тяжесть?).

— Не переживайте, — утешил Торин. — Нам еще захочется, чтобы мешки пустели не так быстро.

Наполнили бурдюки водой из родника, потом отпустили на волю пони. Те резво поскакали прочь, словно торопясь оказаться подальше от Лихолесья. Бильбо готов был поклясться, что видел собственными глазами огромного медведя, который выскользнул из-под деревьев и потрусил следом за лошадками.

Гэндальф стал прощаться. Бильбо сел на землю, чувствуя себя брошенным на произвол судьбы. Как ему хотелось оставить гномов и уехать вместе с магом! После скудного завтрака он уже успел заглянуть в лес и убедился, что там темно и страшно.

— Как будто кто-то наблюдает за тобой, — поделился хоббит сам с собой своими наблюдениями.

— Прощай! — сказал Гэндальф Торину. — Прощайте все! Ваш путь лежит прямо через лес. Не сходите с тропы! Если сойдете, то — тысяча против одного — больше на нее уже не выберетесь и никогда не выйдете из Лихолесья. А мне бы хотелось с вами встретиться снова.

— Ну почему мы должны идти через этот лес? — простонал хоббит. — Ну почему?

— Потому что другой дороги нет, — отозвался маг. — Или проходите насквозь, или возвращаетесь домой. Стыдитесь, господин Торбинс! Сейчас не время праздновать труса! Между прочим, Бильбо, ты, именно ты отвечаешь за гномов, понял?

— Понял, — уныло ответил хоббит. — А разве нет какой-нибудь кружной дороги?

— Есть, как не быть. Лихолесье можно объехать с севера — это крюк миль в двести, или с юга — так получится еще дольше. Но опасностей везде хватает. В здешних краях попросту нет безопасных дорог. Ты же в Глухоманье, а тут может случиться всякое.

На севере высятся Серые горы, они кишат гоблинами, хобгоблинами и жуткими орками. На юге лежат владения Некроманта. Сдается мне, мой милый Бильбо, даже ты кое-что о нем слыхал. Если дорожишь своей жизнью, не суйся в те места, которые он озирает из черной башни Дол-Гулдура. Держись лесной тропы, не падай духом, надейся на лучшее — и, если тебе очень повезет, ты выйдешь из леса и увидишь перед собой Долгие болота, а за ними, на востоке, пик Одинокой горы, под которой залег старина Смог. Хотелось бы верить, что он вас не ждет.

— Твоими бы устами да мед пить, — буркнул Торин. — Прощай, чародей. Если ты и вправду решил ехать, так езжай, нечего разговоры разговаривать.

— Прощайте! Прощайте! — воскликнул Гэндальф, поворотил лошадь и поскакал на запад. Но от искушения дать последнее наставление он не удержался. Отъехав на такое расстояние, с которого его еще могли услышать, маг обернулся, приложил руки ко рту и крикнул:

— Прощайте! Удачи вам! Будьте осторожны — и не сходите с тропы!

Вскоре он исчез из виду.

— Скатертью дорога, — проворчал кто-то из гномов. Они были в растерянности и оттого злились на весь белый свет.

Впрочем, деваться было некуда. Каждый взвалил на плечи по тяжелому мешку и по бурдюку с водой, и гномы с господином Торбинсом вступили под сень Лихолесья.

Глава 8

ПАУКИ И МУХИ

Двигались гуськом. Лесные ворота напоминали арку у входа в темную пещеру — два древних, опирающихся друг на друга дерева, увитых плющом и поросших лишайником. От ворот начиналась узкая извилистая тропа. Было так тихо, что шаги отдавались громом в ушах; мнилось, будто деревья Лихолесья чутко прислушиваются.

Когда глаза привыкли к сумраку, путники заметили, что тропу омывает слабое зеленоватое свечение. Порой, подобно золотистой струйке, мерцал солнечный лучик, чудом пробившийся сквозь плотное покрывало листвы и не заплутавший в чудовищном переплетении сучьев. Но чем глубже в лес они заходили, тем темнее становилось.

В Лихолесье обитали черные белки; остроглазый Бильбо раза два углядел юрких зверьков, сновавших по могучим стволам. Хоббит вертел головой, стараясь рассмотреть, кто там шуршит и возится в палой листве под деревьями, но так ничего и не уви-

дел. Больше всего путникам не понравилась паутина — черные тенета, протянувшиеся от дерева к дереву. Хорошо хоть, на тропу эти тенета не покушались — ее словно хранили некие чары. Прошло совсем немного времени, а путники уже возненавидели лес ничуть не меньше, чем подземелья гоблинов (пожалуй, Лихолесье было мрачнее гоблиновых пещер). Ни солнца, ни кусочка неба, ни дуновения ветерка... Под пологом леса царили вечный мрак, покой и духота. Страдали даже гномы, привычные к долготу пребыванию в темноте; что уж говорить о хоббите! Он тосковал по свету и чувствовал, что потихоньку начинает задыхаться.

Ночами было хуже всего. Становилось темно, как в яме — в буквальном смысле слова. Не видно ни зги, темнота хоть глаз выколи. Бильбо как-то для проверки взмахнул рукой у себя перед лицом — и не различил ровным счетом ничего. Спали, прижавшись друг к дружке — вовсе не потому, что замерзали; просто по ночам приходили гости. На дозоре хоббит сполна испытал сомнительное дружелюбие лесных жителей. Красные и желтые огоньки глаз окружали лагерь со всех сторон: вспыхивали, тускнели, исчезали, чтобы тут же появиться вновь, порой — прямо над головами путников, на ветке какого-нибудь дерева. Больше всего хоббита напугали бледно-зеленые глаза-луковицы. «Это глаза насекомого, — сказал он себе. — Ну и здоровенный, должен быть, жуцище!»

Поначалу разводили костер, но быстро поняли, что делать этого не стоит — пламя привлекало сотни лесных тварей (правда, все они предпочитали держаться вне круга света). Вдобавок на огонь слеталась тьма назойливо жужжащих мошек (некоторые были толщиной в руку) и целые стаи громадных летучих мышей. Поэтому о кострах решили забыть до лучших времен.

Хоббиту чудилось, будто поход через лес продолжается уже сотню лет. День за днем ничего вокруг не менялось, и путники заволновались. Ведь еды оставалось все меньше, притом что питались они довольно скудно — ограничивали себя как могли — и потому постоянно были голодны. Попытались подстрелить черную белку, истратили уйму стрел на одного зверька, а когда поджарили, выяснилось, что вкус у белки отвратительный. Больше охоты не устраивали. Жажда мучила наравне с голодом: вода в бурдюках почти иссякла, а в лесу, как назло, не попадалось ни ручьев, ни родников.

И вдруг, неизвестно на какой день бесконечного перехода через Лихолесье, они увидели перед собой неширокий, но бурный поток, пересекавший тропу. В лесном сумраке он казался черным — а может, и был таким на самом деле. Хорошо, что Беорн предостерег, иначе путники наверняка припали бы к воде, несмотря на ее цвет, и наполнили бы ею свои бурдюки. А так они всего-навсего стали прикидывать, как перебраться на противоположный берег. Когда-то через реку были переброшены мостки, но они давно разрушились, сохранились лишь прибрежные сваи.

Внезапно Бильбо, стоявший на коленях у кромки воды, воскликнул:

— Там лодка! Честное слово, там лодка!

— Далеко? — спросил Торин (признав, что Бильбо видит лучше остальных, гномы теперь целиком полагались на хоббитовы глаза).

— Шагов двенадцать, наверное...

— По-моему, до того берега шагов тридцать. Ну да ладно, глаза у меня не те, что в молодости; и потом, какая разница, двенадцать или тридцать? Перепрыгнуть все равно не сможем и переплыть не рискуем.

— Может, зацепить ее чем-нибудь?

— Что толку? Ну, зацепили, допустим, а дальше?

Она наверняка привязана.

— Сдается мне, сударь мой Торин, вы ошибаетесь, — возразил хоббит. — Вроде бы ее просто вытащили на берег, и все. Хотя в этой темноте веревки можно и не разглядеть.

— Так, — проговорил Торин, — Дори у нас сильнее всех, а Фи́ли самый молодой и зоркий. Иди сюда, Фи́ли. Ты видишь лодку, о которой толкует господин Торбинс?

— Конечно, — отозвался Фи́ли. Ему притащили веревку — несколько мотков, нашедшихся в мешках. К концу самого длинного мотка прикрепили железный крюк (чего-чего, а всяких полезных мелочей у них с собой было предостаточно). Фи́ли взял веревку в руки, примерился — и метнул через реку.

С громким плеском крюк упал в воду.

— Недолет, — заметил Бильбо. — Чуть-чуть по-сильнее. Давай снова. Да не бойся ты, нам ведь запретили пить и купаться в реке, а про то, чтобы брать в руки мокрую веревку, никто ничего не говорил.

Фи́ли нерешительно подтянул крюк, прицелился — и повторил попытку.

— Попал! — воскликнул хоббит. — Почти попал, — поправился он. — Теперь перелет. Давай тяни, авось зацепится. Есть! Теперь осторожненько!

Веревка натянулась, как струна. Сил одного Фи́ли явно не хватало. К нему на помощь пришел сперва Кили, а затем Оин и Глоин. Тащили, тащили — и вдруг все полетели кувырком, когда лодка с плеском вошла в воду. По счастью, Бильбо успел подхватить веревку, подтянул лодку поближе и зацепил ее валявшейся на земле веткой.

— Пособите же! — позвал он. Балин оказался тут как тут, и вдвоем они подвели лодку к берегу.

— Ее все же привязали, — сказал гном, разглядывая обрывок шнура на носу. — Славно дернули, ребята! Нам повезло, что наша веревка крепче.

— Кто первый? — спросил Бильбо.

— Я, — откликнулся Торин. — Со мной поплывут Фили и Балин. И вы, — прибавил он, посмотрев на хоббита. — Потом Кили, Оин, Глоин и Дори, следом Ори, Нори, Бифур и Бофур. Последними — Двалин и Бомбур.

— Вечно я последний, — проворчал Бомбур. — Надоело! Почему всегда я?

— Потому что ты самый толстый. А Двалин легче остальных, поэтому ты поплывешь с ним. И вообще, хватит прекословить! Будешь ворчать, с тобой точно что-нибудь случится.

— А весел-то нет! — воскликнул Бильбо. — Как же мы поплывем?

— Дайте мне другую веревку, — попросил Фили. Прицепив крюк и примерившись, он зашвырнул веревку на противоположный берег. Плеска слышно не было, значит, крюк запутался в ветвях. Подергав веревку, Фили сказал: — Садитесь и тяните. А мы потом подтащим лодку обратно, и все дела.

Вскоре все очутились на другом берегу. Последними переправились Двалин и Бомбур. Двалин вылез из лодки с веревкой в руках, а Бомбур, до сих пор тихонько ворчавший себе под нос, готовился последовать за ним, когда случилось нечто непредвиденное. В темноте послышался цокот копыт, и вдруг на тропе возник олень. Он мчался направо — врезался в гномов, не успевших сообразить, что к чему, а потом прыгнул и, взмыв высоко в воздух, перелетел через реку.

Уйти безнаказанным ему, впрочем, не удалось. Торин был единственным, кто устоял на ногах и не потерял головы. Едва выбравшись из лодки, король

гномов наложил на тетиву стрелу — так, на всякий случай (если, к примеру, появится хозяин лодки). Он выстрелил. Олень словно споткнулся. Темнота поглотила животное, но цокот копыт еще был слышен — неровный, дробный, будто у оленя начали заплетаться копыта.

Гномы наперебой стали поздравлять Торина с удачным выстрелом, и тут раздался вопль Бильбо:

— Бомбур упал! Он тонет!

Так оно и было. Прыгая, олень копытом задел Бомбура, одной ногой еще стоявшего в лодке. Толстяк пошатнулся, лодка отошла от берега, и гном рухнул в черную воду, отчаянно пытаясь ухватиться за нависавшие над берегом корни. Между тем лодка медленно уплывала прочь.

Приглядевшись, гномы различили на воде колпак Бомбура и кинули туда веревку. Бомбур ухватился за крюк, и его быстро вытащили. Разумеется, вымок он насквозь, но это было далеко не самое худшее. Очутившись на суше, Бомбур тотчас же крепко заснул, и разбудить его, несмотря на все старания, никак не удавалось.

Путники принялись проклинать неуклюжесть Бомбура и свое невезение (потеря лодки означала, что оленятинки им отведать не придется), как вдруг вдалеке запели охотничьи рога и послышался собачий лай. Впечатление было такое, будто с севера по тропе приближается охота. Гномы притихли, настороженно прислушиваясь.

Бомбур спал, его широкое лицо расплылось в улыбке — толстяку явно снилось что-то очень приятное. Внезапно из мрака выскочила снежно-белая лань, а за ней детеныши. Животные словно светились. Прежде чем Торин успел открыть рот, трое гномов схватились за луки. Но ни один выстрел как будто не достиг цели. Оленье семейство скрылось за

деревьями столь же бесшумно, сколь и появилось. А раздосадованные гномы продолжали стрелять.

— Хватит! Прекратите! — взывал Торин, но было уже поздно: колчаны опустели. Луки — подарок Беорна — теперь ни на что не годились.

* * *

С каждым днем становилось все темнее. Река осталась далеко позади, и теперь вновь ничто не нарушало унылого однообразия, царившего в лесу. Снова начало казаться, что Лихолесью не будет конца. Впрочем, когда бы путники больше знали об этом лесе, когда призадумались бы, откуда взялись олени, они бы догадались, что скоро покажется солнце, что восточная опушка уже близко — только бы хватило мужества и сил добраться до нее.

Но они ни о чем таком не догадывались и хмуро брели по тропе, изнемогая под тяжестью Бомбура. Толстяк был настолько грузен, что нести его приходилось вчетвером, а остальные тащили мешки. Те, конечно, полегчали, но это нисколько не радовало, ибо ни еды, ни питья почти не осталось. А в лесу ничего съестного не росло, попадались лишь какие-то омерзительные на вид грибы да травы с неприятным запахом.

На четвертый день после переправы вступили в заросли бука. Поначалу перемена обрадовала, ибо тьма заметно поредела и вокруг тропы разлилось зеленоватое свечение. Но бесконечные ряды серых стволов, этакie живые колонны, поддерживающие листовенную крышу, навевали уныние. Печально шелестел ветер, на землю падали листья, напоминая, что близится осень. Ноги тонули в толстом ковре палой листвы.

Бомбур все спал, а остальные понемногу впадали в отчаяние. Порой откуда-то доносился смех, слы-

шались голоса и песни — диковинные песни, вовсе не гоблинские, таинственные и пугающие. По правде сказать, в Лихолесье пугало все.

Прошло еще два дня, тропа побежала под уклон и вывела в лощину, где росли могучие дубы.

— Может, мы уже на опушке? — спросил Торин. — Эй, кто-нибудь, заберитесь на дерево, какое повыше. Должен же этот проклятый лес рано или поздно кончиться!

Естественно, под «кто-нибудь» гном разумел Бильбо. Хоббит был легче всех, даже легче Двалина. Бедный господин Торбинс совершенно не умел лазить по деревьям. Но его подсадили на нижний сук громадного дуба, стоявшего прямо посреди тропы, и он принялся взбираться, продираясь сквозь переплетенные ветви, хлеставшие по лицу; скоро весь он стал зеленым и коричневым — от ветхой коры древнего дуба; ноги не раз и не два соскальзывали и срывались, и выручали лишь крепкие руки. Карабкаясь вверх, Бильбо все ждал, что вот-вот наткнется на громадного паука; когда же страх перед пауками немного отпустил, он стал прикидывать, как будет спускаться, и ему вновь стало жутко. Наконец, пробравшись сквозь крону, хоббит достиг макушки, высунул голову из листвы и увидел пауков — обычных, крохотных, совсем не страшных.

Солнечный свет показался ослепительным. Гномы что-то кричали снизу, но Бильбо не отвечал, позабыв обо всем. Когда глаза привыкли к свету, он окинул взглядом море темно-зеленой листвы, по которому словно гнал волны легкий ветерок. Над лесом вились мириады бабочек, похожих на переливниц — эти бабочки селятся на верхушках дубов. Правда, здешние были черными, иссиня-черными.

Хоббит долго разглядывал бабочек, наслаждаясь свежим воздухом. Наконец он отвлекся и услышал

вопли гномов, которые в нетерпении буквально скакали под деревом. Бильбо осмотрелся. Лесу не было ни конца ни края. Радость хоббита угасла, он понуро начал спускаться.

Как я уже говорил, до опушки было уже недалеко. Пораскинув мозгами, Бильбо сообразил бы, что дуб, на который он взобрался, стоит на дне лощины, поэтому разглядеть с него опушку попросту невозможно — вид заслоняют другие деревья. Но ничего подобного хоббиту в голову не пришло.

Весь исцарапанный, мокрый от пота и несчастный, он рассказал гномам о том, что увидел.

— Кругом лес! Что же нам делать? — восклицали они в отчаянии. — Вот и посылай хоббита на разведку! — Можно подумать, в том, что лес никак не кончается, виноват был не кто иной, как Бильбо. Бабочки гномов не заинтересовали, а когда хоббит упомянул о свежем ветерке, его спутники обозлились пуще прежнего — ведь сами взобраться на макушку дерева они никак не могли (слишком уж тяжелыми были).

* * *

Вечером доели последние припасы и наутро проснулись голодные как собаки. Пошел дождь, капли уныло барабанили по плотному пологу листвы. Всем хотелось пить, но ведь не стоять же целый день с раскрытым ртом, дожидаясь, пока тебе на язык упадет случайная капля. Впрочем, утро выдалось не таким уж плохим — Бомбур проснулся!

Пробудился он совершенно неожиданно и сел, чеша в затылке. Как выяснилось, Бомбур позабыл все, что с ним было, помнил только, что ужинал в хоббитовой норе. Товарищи долго втолковывали ему, что и как, ибо он упорно отказывался верить.

Услышав, что еды нет, Бомбур заплакал. Он был очень слаб, ноги у него подкашивались от голода.

— И зачем только я проснулся? — простонал он. — Мне снился такой чудесный сон! Я ехал по лесу, похожему на этот, но там на каждом дереве висели факелы или фонарики и горели костры. А потом меня пригласили на угощение к лесному королю, и мы знатно попиروвали под веселые песенки!

— Не бреди сердце, — проворчал Торин. — Лучше уж помалкивай, не то я за себя не ручаюсь. За тобой, между прочим, должок — знаешь сколько мы тебя тащили, пока ты преспокойно дрых? От самой реки! И ни разу толком не поели!

Деваться было некуда — затянули потуже пояса, вскинули на плечи полупустые мешки и двинулись дальше по тропе без малейшей надежды когда-либо добраться до восточной опушки. Шли весь день; нет, не шли — брели, а Бомбур все ныл, что ноги его не держат и что ему хочется спать.

— Только попробуй! — пригрозили ему. — Больше мы тебя не понесем.

Однако довольно скоро Бомбур заявил, что с него хватит, и повалился наземь.

— Идите, коли хотите, а я полежу посплю. Глядишь, снова еда приснится. И то хорошо, коль наяву ее все равно нет. И зачем только я проснулся!

В этот миг шедший первым Балин воскликнул:

— Смотрите! Свет!

И правда — в глубине леса, по левую руку, светился алый огонек. Рядом с ним вспыхнул другой, третий... Бомбур немедля вскочил, и путники всей гурьбой бросились вперед по тропе, даже не думая о том, что это могут оказаться костры троллей или гоблинов.

— Похоже, мои сны сбываются! — пропыхтел запыхавшийся Бомбур и рванулся было к огням, но его удержали. В отличие от толстяка остальные гномы не забыли предостережений Беорна и Гэндальфа.

— Какой прок от еды, коли мы потом не выберемся из леса? — резонно заметил Торин.

— Мы умрем с голоду, прежде чем выберемся, — откликнулся Бомбур, и Бильбо не мог с ним не согласиться. Долго спорили; наконец решили послать двоих на разведку — пускай подберутся к огням и выяснят, что там такое. Но никак не могли договориться, кто пойдет: никому не хотелось потеряться в Лихолесье. Все решил голод, тем более что Бомбур вновь принялся перечислять все те яства, которые отведывал во сне. Отогнав страхи, путники вместе сошли с тропы.

Из осторожности легли на землю и поползли. Огни оказались факелами, освещавшими большую поляну, посреди которой пылал костер. Вокруг костра на деревянных колодах сидели какие-то существа, по виду — эльфы, в зелено-коричневых нарядах. Эльфы ели, пили и весело смеялись.

Аромат жаркого был настолько силен, что гномы не сговариваясь встали и направились к костру с единственной мыслью — получить хотя бы кусочек мяса. Но едва они ступили на поляну, все огни погасли. Очутившись в непроглядном мраке, гномы принялись искать друг друга. Блуждали наугад, падали, натыкались на деревья, кричали так, что наверняка перебудили весь лес, но все-таки сошлись и убедились на ощупь, что все в сборе.

К тому времени, понятное дело, они совсем забыли, в какой стороне тропа, и поняли, что безнадежно заблудились — по крайней мере, до утра.

Уходить среди ночи с поляны было бы сушим безумием, поэтому решили спать прямо здесь. Но стоило Бильбо задремать, как Дори, которому выпало первым стоять в дозоре, громким шепотом возвестил:

— Опять огни! Еще больше!

Все вскочили. И правда, поблизости опять светились огни, слышались голоса и смех. Путники выстроились цепочкой, каждый ухватился рукой за плечо стоявшего впереди, и пошли на свет.

— На рожон не лезьте! — предупредил Торин. — Мы пошлем господина Торбинса. Уж его-то не испугаются. («Верно, — подумалось Бильбо, — кто испугается такого малыша?») Надеюсь, ему ничего не сделают.

Вероятно, Бильбо просто подтолкнули в спину, и он вывалился из кустов на залитую светом поляну, не успев надеть кольцо. Все огни разом погасли, и воцарилась крошечная тьма.

Опять поднялся крик. Гномы никак не могли найти хоббита. Сколько ни пересчитывались, у них все время выходило тринадцать вместо четырнадцати.

— Бильбо Торбинс! — кричали они. — Эй, хоббит! Ты, добытчик треклятый! Чтоб тебе пусто было, где ты? — И так далее.

Когда им стало казаться, что хоббит сгинул без следа, Дори просто-напросто споткнулся об него. Сперва гном решил, что налетел на бревно, и лишь чуть погодя сообразил, что это — свернувшийся калачиком и крепко спящий господин Торбинс. Совместными усилиями Бильбо разбудили, что ему совсем не понравилось.

— Мне снился чудесный сон! — пробурчал он. — Столько еды!

— Великое небо! Хватит с нас одного Бомбура! Что толку в твоей еде — ведь ее не попробуешь.

— Все равно приятно, — откликнулся Бильбо, укладываясь рядом с гномами. — Хоть во сне поесть.

Толком поспать не удалось, ибо огни в лесу вспыхнули в третий раз. Среди ночи Кили растолкал товарищей со словами:

— Я видел свет! Вон там! Слышите, поют?

Послушав некоторое время, путники не смогли удержаться и решили вновь попытаться счастья. Но удача, как видно, совсем от них отвернулась.

На поляне пировали эльфы, и этот пир был роскошнее двух предыдущих. Во главе пирующих сидел лесной король. Его золотистые волосы украшал венец из листьев, и он был очень похож на короля из сновидений Бомбура. Эльфы передавали из рук в руки чаши с вином. Одни играли на арфах, другие пели. На воротниках и на перевязях сверкали самоцветы, в волосы были вплетены цветы, на лицах играли улыбки. И вот, под звуки эльфийской мелодии, на поляну вступил Торин Дубовый Щит.

Музыка оборвалась. Факелы потухли. Костер полыхнул черным дымом и тоже погас. В глаза гномам полетели уголья и зола, и лес вновь огласился воплями.

Немного погодя Бильбо понял, что бежит по поляне (как ему показалось, кругами) и зовет:

— Дори, Нори, Ори, Оин, Глоин, Фили, Кили, Бифур, Бофур, Бомбур, Балин, Двалин, Торин Дубовый Щит!

Гномы, которых он не видел в темноте, изредка кричали:

— Бильбо!

Но их крики постепенно отдалялись. Бильбо еще почувствовалось, что кто-то зовет на помощь, а потом все стихло, и он остался в темноте один.

* * *

Положение — хуже не придумаешь. Впрочем, Бильбо быстро убедил себя, что, покамест не рассветет, о поисках гномов нечего и думать, а значит, бегать в темноте по лесу — занятие совсем бессмысленное. Хоббит сел, прислонившись спиной к дереву,

и предался воспоминаниям о своей уютной норке с ее изобильными кладовыми. Грудинка, яичница, хлебцы с маслом... И тут он ощутил чье-то прикосновение. Что-то опутало его левую руку, да и ноги оказались связанными. Это Бильбо выяснил, когда попытался вскочить — и упал.

На него бросился огромный паук, исподтишка подкравшийся в темноте. Самого паука Бильбо, конечно, не различал — видел лишь бледно-зеленые глаза да чувствовал омерзительные прикосновения волосатых лап. По счастью, хоббит вовремя очнулся от грез, иначе вскоре он вообще не смог бы пошевелиться. Завязалась битва не на жизнь, а на смерть. Бильбо отбивался кулаками, а паук норовил укусить хоббита.

Так продолжалось довольно долго — покуда Бильбо не вспомнил про меч. Стоило хоббиту обнажить клинок, мерзкий паучище попятился. Бильбо разрезал паутину на своих ногах, вскочил и ринулся в атаку. По всей видимости, паук никогда не имел дела с существами, которые носят жало на боку. Хоббит поразил злобную тварь прямо в глаз. Паук задергался всем телом, запрыгал, вскидывая лапы, точно обезумевший; Бильбо нанес еще один удар — и рухнул в беспмятстве навзничь.

В себя он пришел уже утром. Рядом с ним возвышалась громадная паучья туша, клинок был весь в чем-то черном. Победа над гигантским пауком, одержанная в одиночку, без чьей-либо помощи, придала господину Торбинсу уверенности. Ему ни капельки не было страшно; вытирая об траву меч, он понял, что готов сразиться с целой ордой пауков.

— Я дам тебе имя, — сказал хоббит мечу, вкладывая его в ножны. — Я назову тебя Жало.

И он отправился на разведку. Лес был мрачен и тих; поблизости гномов не оказалось. Должно быть, они попали в плен к эльфам. Хорошо, если к

эльфам; а если к кому похуже? Аукать, пожалуй, не стоит... Бильбо остановился, прикидывая, в какой стороне тропа.

— Говорили же нам Беорн с Гэндальфом! — пробормотал он. — А мы-таки вляпались! Бедный я, бедный! Один-одинешенек в этом жутком лесу!

Наконец он худо-бедно определился и решил двигаться в ту сторону, откуда ночью как будто донесся крик о помощи (могу сказать откровенно — он не ошибся в своих предположениях; точнее, ему повезло). Бильбо надел кольцо и крадучись тронулся в путь. Вы уже знаете, что хоббиты, когда захотят, умеют передвигаться почти беззвучно. Вот поэтому пауки его и не заметили.

Впереди вдруг возникла густая тень, необычная даже для Лихолесья, сущий обрывок ночного мрака. Подкравшись поближе, хоббит разглядел, что тень образуют громадные, сплетенные в одно целое тенета паутины. На ветвях деревьев восседали здоровенные пауки. Кольцо кольцом, но Бильбо вздрогнул при одной только мысли о том, что будет, если эти гнусные гвари его заметят. Он укрылся за деревом и стал прислушиваться к паучьим разговорам. Да, пауки разговаривали, точнее, шипели — тонкими визгливыми голосами. Многих слов было не разобрать, но говорили они о гномах.

— Драка была приличная, но дело того стоило, — сказал один. — Шкуры у них, конечно, жесткие, зато внутри, бьюсь об заклад, вкусный сладкий сок.

— Вот еще немножко подвянут, — мечтательно протянул второй.

— Главное — не передержать, — вставил третий. — Не такие уж они жирные. Верно, не слишком хорошо их кормили.

— Убить, и все дела, — заявил четвертый. — Прямо сейчас, и пусть себе висят, дохленькие.

— Да они и так дохлые, — отозвался первый паук.

— Да? Я своими глазами видел, как один трепыхался. Очухался, видать, ну и задергался. Гляди!

Жирный паук побежал по нити, тянувшейся к толстому суку, с которого свисала дюжина мешков. Бильбо ужаснулся — он только теперь заметил, что из мешков торчат ноги, концы бород, носы и гномьи колпаки.

Паук подошел к самому большому мешку («Наверняка это бедный старый Бомбур», — подумал хоббит) и щелкнул по торчавшему из горловины носу. Раздался приглушенный вопль, мешок зашевелился и ловко пихнул паука. Зашипев, как проколотый мяч, разъяренный паук свалился с ветки и повис на своей нити. Бомбур был жив!

Остальные пауки загоготали.

— Ты был прав, приятель! Гляди-ка, а мясо-то пинается!

— Я ему попинаюсь! — прошипел разгневанный паук, забираясь обратно на ветку.

* * *

Бильбо понял — нужно что-то срочно предпринять. Но вот что? Нападать с мечом на такую ораву было глупо, стрелять не из чего; оглядевшись, он заметил в русле пересохшего ручья россыпь камней. Бильбо с мальчишеских лет славился среди хоббитов своей меткостью; белки, кролики и птицы, едва завидев его, разбегались и разлетались в разные стороны. Да и войдя в возраст, он не забросил детскую забаву — кидал дротики, стрелял из лука, играл в кегли, словом, наращивал глаз. У него многое получалось — он умел не только выпускать кольца дыма, загадывать загадки и вкусно готовить; я все собираюсь рассказать о нем поподробнее, да как-то

недосуг. Короче говоря, Бильбо подобрал гладкий камешек точно по руке и, когда паук добрался до Бомбура, метнул изо всех сил. Камень угодил пауку промеж глаз. Тварь рухнула наземь и замерла в неподвижности.

Следующий камень со свистом рассек паутину и насмерть поразил сидевшего в ее центре паука. Прочие твари забеспокоились и на время забыли о гномах. Они не могли видеть Бильбо, но быстро определили, откуда летят камни, и начали окружать хоббита, выпуская свои клейкие нити. Бильбо поспешно сменил укрытие. Он задумал увести разъяренных пауков как можно дальше от гномов. Около пятидесяти тварей собралось у того дерева, за которым он прятался раньше. Бильбо забросал их камнями, а потом, пританцовывая, запел — чтобы сильнее разозлить пауков и чтобы дать гномам знать о себе. Пел он вот что:

*Эй ты, старый паучище-толстобрюх,
Не лови ты, паучище, дохлых мух!*

Паучина! Паучина!

Не страшна мне паутина!

Вот он — я! Беги за мной во весь дух!

Эй ты, старый паучок-дурачок,

Не поймаешь ты меня, паучок.

Паучина! Паучина!

Дурачина! Дурачина!

Не повесишь ты меня на сучок!

Конечно, песенка получилась неказистой, но не судите слишком строго — ведь Бильбо сочинил ее сам, да еще в такой обстановке! Как бы то ни было, своего он добился. Пауки бросились за ним. Одни соскользнули на землю, другие перепрыгивали с дерева на дерево, выпуская все новые нити. Они

клюнули на приманку гораздо быстрее, чем того ожидал хоббит, потому что пришли в дикую ярость. Кому это понравится, когда в тебя кидаются камнями, потешаются над тобой и называют «дурачиной»?

Бильбо метнулся в сторону, однако пауки разбежались по всей поляне и принялись заплетать паутиной прогалы между стволами деревьев. Должно быть, они рассчитывали залучить невидимого врага в сети. И тут Бильбо, набравшись храбрости — или дерзости? — запел новую песенку:

*Остолоп и Дурошлеп
ловят меня в сетки, —
а я очень, очень сочен! —
только сетки редки!
Эй! Давайте, не зевайте,
вы, простофили!
Не поймать вам эту птаху,
сколько б ни ловили!*

Обернувшись, он увидел, что пауки заплели и последний свободный проход. По счастью, паутина была хлипкой — всего лишь две или три толстые нити. Хоббит легко перерубил их мечом и убежал с поляны, продолжая распевать свою песенку.

Меч пауки заметили, хотя и вряд ли поняли, что это такое. Целая свора ринулась вслед за хоббитом по земле и по деревьям: волосатые лапы так и мелькали, челюсти клацали, глаза сверкали от ярости. А хоббит, ускользнув от погони, тихонько вернулся обратно, предоставив паукам разыскивать его по всему Лихолесью.

Времени у него было в обрез — пока пауки не разобрались, что к чему, и не возвратились в свое логово. Но он твердо решил, что должен освободить гномов. Труднее всего оказалось взобраться на то

дерево, на котором висели мешки. Вряд ли у Бильбо это получилось бы, когда б не паучья нить, толстая и прочная; по ней он и вскарабкался, содрав себе кожу на ладонях. На дереве его встретил старый и злобный толстопузый паук, которого оставили стеречь пленников. Эта гнусное существо ощупывало гномов, проверяя, кто из них сочнее, — видимо, оно хотело попировать на воле в отсутствие остальных. Прежде чем сторож успел что-либо сообразить, господин Торбинс нанес удар, и паук бездыханным рухнул наземь. Теперь следовало прикинуть, как вытащить гномов из мешков. Если перерубить веревки, несчастные гномы попросту попадают на землю, до которой совсем не близко. Бильбо прополз по ветке — мешки с гномами внутри закачались, точно спелые плоды — и осторожно подобрался к первому мешку.

«Наверно, Фили или Кили, — подумал он, глядя на торчавший из мешка кончик голубого колпака, из-под которого высывался нос. — Вон какой нос длинный. Скорее всего, Фили».

Скорчившись в три погибели, хоббит осторожно разрезал опутывавшую гнома паутину. Извиваясь ужом, Фили кое-как выбрался из мешка. Боюсь, Бильбо не смог удержаться от смеха при виде гнома, словно кукла на веревочках дрыгающего затекшими руками и ногами. В скором времени Фили достаточно оправился и принялся помогать хоббиту; впрочем, толку от него было немного — паучий яд еще действовал. Чтобы сорвать с бровей остатки паутины, ему потребовалась целая вечность, а бороду он просто обкорнал своим мечом.

Вдвоем дело пошло быстрее. Освобожденные гномы, все до единого, едва стояли на ногах — кто от усталости, а кто от слишком сильной дозы яда.

Освободить успели шестерых — Кили, Бифура, Бофура, Бомбура, Дори и Нори. Бедного Бомбура,

самого толстого из всей компании, пауки так испугались, что его не держали ноги — он плюхнулся на кучу листвы под деревом и остался на ней лежать.

Оставалось еще пять мешков. Но тут возвратились разгневанные пауки.

Бильбо успешно отразил первый натиск, сбросив тех, кто пытался влезть по стволу. К несчастью, он забыл надеть кольцо, которое снял, вытаскивая Фили, и теперь пауки увидели, кто их так долго дурачил.

Вот ты какой, коротышка! — зашипели они. — погоди, мы до тебя доберемся! Повисишь пару дней на ветке, сразу отучишься шутки шутить! И жало твое тебе не поможет!

Пока они шипели на Бильбо, гномы освободили из мешков своих товарищей, разрезая паутину пожарами. Ясно было, что готовиться надо к худшему. Одно хорошо — светло, не то что ночью, когда их застали врасплох.

Вдруг хоббит заметил, что несколько пауков собрались вокруг бедняги Бомбура и вновь опутывают гнома своими нитями. С громким криком он кинулся на тварей, цеплявшихся за ствол. Те отпрыгнули, а Бильбо напал на пауков, окруживших Бомбура. Его меч так и сверкал, словно радуясь битве! Полдюжины врагов пало, прочие отступили, оставив Бомбура хоббиту.

— Спускайтесь! — крикнул Бильбо гномам. — Скорее, не то вас зацапают! — Он вовремя заметил пауков, которые вскарабкались на соседние деревья и уже исподтишка подбирались к ничего не подозревающим путникам.

Гномы поспешили последовать его совету. Кто слез, кто спрыгнул, кто попросту свалился. Бильбо понял, что, покуда они не придут в себя, на помощь особо рассчитывать не приходится. Бифур и Бофур заботливо поддерживали Бомбура, а Бильбо

сновал туда-сюда, размахивая клинком и отгоняя слишком уж ретивых пауков, которые окружили их со всех сторон.

Выбор был невелик — либо победа в сражении, либо плен и страшная смерть. Кое у кого из гномов имелись ножи и палки, все они умели метать камни, а у Бильбо был эльфийский кинжал. Пауки наступали, их отбрасывали, они наступали снова, не обращая внимания на погибших. Долго так продолжаться не могло. Бильбо совсем выбился из сил, а из гномов лишь четверо достаточно твердо стояли на ногах. Пауки заметили, что противник слабеет, и, предвкушая торжество, принялись ткать паутину.

Хоббит понял, что ему придется посвятить гномов в тайну кольца. Другого выхода не было.

— Сейчас я исчезну, — сказал он. — Я постараюсь увести пауков подальше, а вы бегите в другую сторону. Лучше налево — по-моему, как раз там мы в последний раз видели костры эльфов.

Одуревшие от паучьего яда, смертельно уставшие гномы не сразу сообразили, к чему их призывают, но объяснять все снова времени не было — пауки приближались. Бильбо надел кольцо на палец — и пропал, к великому изумлению своих товарищей.

Вскоре справа послышалась песенка. Пауки взбеленились настолько, что дружно повернулись в ту сторону, откуда доносился голос. Тогда Балин, лучше других усвоивший план Бильбо, дал сигнал, и на пауков обрушился град камней. Гномы устремились вперед — и прорвали окружение!

Пауки сообразили, что их провели, и бросились в погоню, тем более что невидимый обидчик перестал петь. Бежать быстро гномы не могли, а пауки наседали. То и дело приходилось останавливаться и сражаться с особо настырными. Некоторые твари

вновь взобрались на деревья и выпускали оттуда длинные нити паутины.

Вдруг откуда ни возьмись появился Бильбо и шагнул на изумленных пауков с фланга.

— Бегите! — крикнул он. — Я их чуток пожалею!

Хоббит сдержал обещание. Он то появлялся, то исчезал, перерубал нити и лапы, протыкал паучьи животы, выкалывал глаза. Пауки раздувались от ярости, шипели, захлебывались слюной, омерзительно бранились — но меч Бильбо так их напугал, что они не осмеливались подступать слишком близко. Тем временем гномы медленно, мучительно медленно удалялись. Сражение длилось не час и не два. Наконец, когда Бильбо почувствовал, что уже не может удержать в руке меч, пауки неожиданно отступились от них и направились к своему логову.

Лишь тогда хоббит заметил, что они с гномами добрались до поляны, на которой прошлой ночью жгли свой костер эльфы. Чудилось, будто поляна эта — зачарованная, что ею правит доброе волшебство, и паукам оно вовсе не по нраву. Во всяком случае, на поляне было немного светлее, да и ветви деревьев выглядели чуть тоньше, чем в остальном лесу.

Теперь можно было и отдохнуть. Все попадали наземь, не в силах вымолвить ни слова. А когда слегка отдохнули, гномы принялись расспрашивать Бильбо. Им хотелось узнать во всех подробностях, что это за кольцо и откуда оно взялось. Балин настаивал на том, чтобы хоббит заново рассказал про Голдума и про игру в загадки.

Впрочем, вскоре стали сгущаться сумерки, и гномы вспомнили о своем незавидном положении. Как отыскать тропу? Где раздобыть еду? Как выбраться из Лихолесья? Эти вопросы они задавали снова и снова, обращаясь к маленькому хоббиту. Как и

предсказывал Гэндальф, их мнение о господине Торбинсе сильно изменилось к лучшему. Гномы словно ждали, что хоббит возьмет и предложит им какой-нибудь чудесный план спасения.

Они даже не ворчали, ибо прекрасно понимали, что обязаны Бильбо жизнью. Хоббита благодарили много-много раз, даже пытались кланяться, после чего падали и долго не могли подняться. Их уважение к Бильбо ничуть не уменьшилось, когда он рассказал им о своем кольце. Подумаешь, кольцо! Такой штуковиной еще надо суметь воспользоваться! Тут ум нужен!

Словом, они так восхваляли хоббита, что он чуть было не возомнил себя бесстрашным искателем приключений. Точнее, наверняка возомнил бы, если было бы чем утолить голод. На сытую утробу, как говорится, чего только не пригрезится! А так — мысли Бильбо все время возвращались к утерянной тропе. Он сидел, глядя перед собой и потихоньку клюя носом от усталости. Следом начали засыпать и остальные.

Не спалось лишь Балину. Его товарищи уже храпели, а он все хихикал и бормотал себе под нос:

— Нет, ну надо же! Голлум! Вот, выходит, как он проскочил мимо меня. А я-то, старый дурак! Хитрец ты, господин Торбинс, ой хитрец! Говоришь, пуговицы потерял? Хитрюга Бильбо... Бильбо... бо... бо...

Заснул и Балин. Все было тихо и спокойно. Вдруг Двалин открыл глаза, сел и огляделся.

— Где Торин? — спросил он.

Вот ужас! Ну конечно же, их всего тринадцать — двенадцать гномов и хоббит. А должно быть четырнадцать! Куда мог подеваться Торин, какая злая судьбина его постигла? Гадали и вспоминали долго, но так ничего и не вспомнили. Потом усталость взяла свое, они заснули, и каждому снились страшные сны.

С вашего разрешения мы оставим их спящими на лесной поляне, слишком измученных, чтобы выставить дозор.

Торина поймали раньше остальных. Помните, как Бильбо ввалился в круг света, как погасли огни и как хоббит заснул? В следующий раз Торин решил потолковать с эльфами сам. Его тоже постигла неудача, и он тоже заснул и не слышал ничего — ни криков, ни шума битвы. А потом на него наткнулись лесные эльфы и унесли в свои пещеры.

Да, существа, пировавшие ночью в лесу, были лесными эльфами. Злыми их никак не назовешь, просто они настороженно относятся к чужакам, несмотря на то что весьма сведущи в магии. Они приходятся дальними родичами Вышним Эльфам, но уступают тем в мудрости. Свой род они ведут от древних племен, никогда не покидавших Срединный Мир ради чудесной страны, что лежит на крайнем западе. В той стране некогда обосновались три племени эльфов — светлые эльфы, подземные и морские; из поколения в поколение эти племена накапливали мудрость, создавали свою магию и учились творить прекрасные вещи. Некоторые из них со временем вернулись в Срединный Мир. А лесные эльфы никогда его не покидали. Им светила луна и солнце, но они больше любили звезды и часто бродили по ночам в лесах, которых ныне уже не найти. Селились они обычно на опушках, а в глубь лесов забирались, чтобы поохотиться; но с появлением людей вынуждены были уйти в чащобы и буреломы. Как бы то ни было, эльфы всегда остаются эльфами, и злыми они попросту не бывают.

В большой пещере в нескольких милях от восточной опушки Лихолесья обретался верховный король лесных эльфов. У высоких каменных врат его обители текла река, бравшая начало в северных

холмах и впадавшая в болото. Огромная пещера со множеством ответвлений уходила глубоко под землю; ее перегородили и разделили на залы. В ней было куда светлее и дышалось куда легче, нежели в подземелье гоблинов. Вообще-то подданные короля жили не в пещере, а в лесных хижинах или на деревьях, чаще всего — на буках. Королевская же пещера служила дворцом, крепостью и сокровищницей.

А еще — тюрьмой. Именно в пещеру приволокли Торина. Обходились с ним не слишком вежливо, ибо эльфы недолюбливают гномов. В былые дни они частенько ходили на гномов войной, утверждая, что те крадут их сокровища. Гномы, понятное дело, не соглашались с этим. «Мы только берем свою долю, — утверждали они. — Ваш король много чего нам заказывал, а потом отказался платить за работу». Надо сказать, король эльфов питал слабость ко всяким сокровищам, в особенности к серебру и самоцветам. Ему хотелось иметь столько же сокровищ, сколько было у эльфийских князей древности. А еще любому гному было известно, что эльфы — бездельники, только и умеют, что потешаться да горланить песни: самоцветов не добывают, торговать не торгуют, землю не пахут.

Торин все это отлично знал, но все равно не ожидал, что с ним станут обращаться как с мелким ворюшкой: он-то думал, что Торина Дубового Щита примут с подобающим уважением — ведь его род никогда не враждовал с эльфами. Поэтому он сильно разгневался и решил не отвечать ни на какие вопросы (тем более что так проще будет скрыть от короля истинную цель похода к Одинокой горе).

Торина подвели к королю. Тот сурово поглядел на гнома и принялся расспрашивать. На любой вопрос Торин отвечал, что умирает с голоду.

— Почему ты и те, кто был с тобой, трижды пытались напасть на моих подданных? — спросил король.

— Мы всего лишь хотели попросить еды, потому что умирали с голоду.

— Где теперь твои дружки?

— Не знаю. Наверно, умирают с голоду в лесу.

— Что вы делали в нашем лесу?

— Мы умирали с голоду и решили поискать еду.

— А что вас вообще сюда привело?

Торин не ответил.

— Вот и прекрасно, — сказал король. — Посадите его в темницу и не выпускайте, покамест не станет поразговорчивее. Ты упрям, но мы еще упрямее.

Эльфы заковали Торина в кандалы и посадили его в одну из нижних пещер за крепкие дубовые двери. Пленника не преминули накормить и напоить, и не удивительно, ведь эльфы — отнюдь не гоблины, они заботятся о своих врагах, когда те попадают к ним в плен. Единственные, кого они убивают без жалости, — это гигантские пауки.

Итак, Торин очутился в королевской темнице. Поблагодарив за хлеб с мясом и воду, он погрузился в размышления, гадая, что случилось с его спутниками. Вскоре он все узнал, но это уже новая глава, где речь пойдет о новом приключении, в котором Бильбо Торбинс опять доказал, на что способен маленький хоббит.

Глава 9

ВЕРХОМ НА БОЧОНКЕ

На следующее утро двенадцать гномов и хоббит снова двинулись в путь, понимая, что если вскоре не найдут тропу, то наверняка умрут с голоду. Восемь из тринадцати считали, что тропа лежит вон в той стороне; туда и пошли, едва переставляя ноги. Однако выяснить, верно ли это, так и не удалось: под вечер, когда сгустились сумерки, вокруг десятками алых звездочек замерцали факелы. Из-за деревьев выступили лесные эльфы с луками и копьями в руках.

Пришлось остановиться. Сопротивляться никто и не думал. Наоборот, гномы устали настолько, что восприняли плен как долгожданное избавление — ведь известно было, что эльфы хорошо относятся к своим пленникам; и потом, куда было гномам с их ножами против эльфийских стрел и копий? Поэтому они покорно дали себя связать. Но Бильбо был другого мнения. Он поспешно надел кольцо, и даже эльфы, видевшие в темноте, как совы, не заметили хоббита.

Пленным завязали глаза (непонятно зачем — гномы и без того совершенно не представляли себе, в какой части Лихолесья находятся) и погнали через лес. Бильбо шел следом, стараясь не отставать — и не попасть невзначай в круг света, отбрасываемого факелами. Потом он все же отстал и нагнал отряд уже у моста, перекинутого через темную бурную реку. Этот мост вел к королевскому дворцу, и на дальнем его конце, в склоне высокого лесистого холма, виднелись ворота. Перед мостом выстроились огромные буки, их корни спускались к самой воде.

Эльфы перегнали пленников через мост. Бильбо помедлил — уж очень ему не понравились ворота, живо напомнившие вход в подземелье гоблинов. Но он сумел преодолеть страх и кинулся за товарищами, которых уводили в глубь пещеры. Как раз вовремя — едва хоббит проскочил в проем, громадные створки с лязгом захлопнулись.

В извилистых гулких коридорах горели факелы; эльфы запели, и по коридорам пошло гулять эхо. Это подземелье оказалось ничуть не похожим на логово гоблинов: оно было гораздо меньше и уютнее, и дышалось в нем легко. Пленников привели в просторную залу с каменными колоннами. Там стоял резной трон, на котором сидел король эльфов. На голове у него был венец из ягод и багряных листьев (это означало, что наступила осень; по весне королевский венец сплетали из лесных цветов), а в руке он держал резной дубовый жезл.

Сурово поглядев на пленников, король велел развязать их.

— Никуда они не уйдут. Только посмотрите на них — они ведь едва живые от усталости. Да и наши зачарованные ворота их не выпустят.

Король долго и настойчиво расспрашивал гномов — кто они такие, куда и зачем идут, но узнал не

больше, чем от Торина. Гномы были настолько рассержены, что не особо стеснялись в выражениях.

— Чем мы провинились, государь? — спросил Балин на правах самого старшего. — Разве заплутать в лесу — преступление? Или мы виноваты тем, что чуть не умерли с голоду? А может, это ты натравил на нас треклятых пауков?

Разумеется, король разгневался.

— Вы посмели войти в мой лес без дозволения! — промолвил он. — Лес, река, дорога, по которой вы шли, — все здесь принадлежит мне. На вашем месте мне было бы стыдно! Разве не вы позапрошлой ночью трижды нападали на моих подданных? Разве не вашими стараниями сюда сбежались все окрестные пауки? Владыка Лихолесья требует ответа — что привело вас в его владения? Молчите? Ну что ж, темница и не таких, как вы, учила уму-разуму и хорошим манерам!

Он велел накормить гномов, развести их по камерам и не выпускать, пока хоть один не образумится и не станет сговорчивее.

Как вы, должно быть, заметили, король ни словом не обмолвился о том, что Торин Дубовый Щит — тоже в плену у эльфов. Но гномы недолго оставались в неведении. Их выручил Бильбо.

* * *

Бедный господин Торбинс! Сколько утомительно долгих дней провел он во дворце короля эльфов, изнывая от одиночества и страха! Кольца он не снимал, даже в самых темных закоулках подземелья, и почти не смыкал глаз. Чтобы хоть чем-то заняться, хоббит бродил по дворцу или выбирался порой за ворота — что называется, размяться (бросать гномов в беде он не собирался, да и не представлял

себе, что будет без них делать). Конечно, ворота были зачарованы, но эльфы во главе с королем время от времени отправлялись на охоту или куда-либо еще, и проворному хоббиту удавалось выскользнуть наружу следом за ними. Это было опасно, несколько раз Бильбо едва не прищемило створками — ведь он держался позади, чтобы никто не заметил его тени или случайно об него не споткнулся. Впрочем, вылазки удовольствия не доставляли. Бегать по пятам за эльфами не хватало сил; отставая, Бильбо начинал плутать, и ему стоило немалых трудов снова отыскать вход во дворец. Вдобавок охотиться он не умел, поэтому на воле голодал, а во дворце всегда можно было стащить что-нибудь вкусненькое из кладовой или, при случае, прямо со стола.

«Я как вор, который никак не может выбраться наружу, и потому, бедняга, вынужден день за днем грабить один и тот же дом, думал господин Торбинс. — Пожалуй, это самое противное, самое ужасное из всего, что со мной до сих пор приключалось. Вот бы оказаться сейчас дома, у камелька! И зачем я только послушался Гэндальфа и связался с гномами!» Он горько жалел о том, что не может отправить магу весточку с мольбой о помощи. Как ни крути, по всему выходило, что рассчитывать господину Торбинсу не на кого — придется выпутываться самому.

Недели через две, обшарив весь дворец и ни разу не попавшись на глаза эльфам, Бильбо выяснил, где сидит каждый из гномов. Двенадцать камер — двенадцать пленников; каково же было удивление хоббита, когда из случайно подслушанного разговора он узнал, что в самой глубокой темнице король держит еще одного гнома! Хоббит сразу догадался, что речь идет о Торине. И он сумел отыскать эту

темницу, улучил благоприятный момент, когда рядом никого не было, и через дверь дал о себе знать предводителю гномов.

Торин пребывал в подавленном настроении — подумывал даже о том, не открыть ли королю эльфов истинную цель похода к Одинокой горе. Сами видите, он совсем пал духом — и тут из-за двери послышался писклявый голосок Бильбо! Торин едва поверил своим ушам. Впрочем, он быстро справился с изумлением, подобрался к двери, и они с хоббитом долго и обстоятельно побеседовали.

По поручению Торина Бильбо переговорил с остальными гномами, рассказал им, что их предводитель здесь и что он запрещает о чем-либо толковать с королем эльфов. Услыхав голос хоббита, Дубовый Щит снова стал самим собой и наотрез отказался от мысли выкупить себя и своих товарищей у эльфов за долю драконьих сокровищ. (Надо сказать, гномы рассуждали о сокровищах так, словно уже победили дракона и завладели его кладом.) К чему это малодушие, если господин Торбинс на свободе? Гномы все сильнее восхищались хоббитом и ни капельки не сомневались: тот что-нибудь да придумает.

Иными словами, случилось именно то, о чем говорил Гэндальф: мол, вы меня еще благодарить будете за то, что я привел господина Торбинса. Возможно, маг предвидел, как повернутся события, и уехал еще и для того, чтобы не мешать хоббиту показывать себя во всей красе.

Бильбо, однако, не разделял надежд гномов. Ему вовсе не нравилось быть палочкой-выручалочкой. В конце концов, он же не Гэндальф! Ах, если бы маг был сейчас рядом! Но ищи его свищи, этого Гэндальфа. Ускакал небось неведомо куда; эка невидаль — Лихолесье, у магов полно других забот... Бильбо думал и думал, да так, что голова чуть не

лопнула, но ни единой стоящей мысли не приходило. Спору нет, кольцо, которое делает владельца невидимым, штука замечательная; но на полтора десятка пленников одного кольца маловато. В общем, хоббит весь извелся.

Вы, конечно, догадываетесь, что он все-таки спас своих товарищей. Вот как это случилось.

Блуждая по закоулкам пещерного дворца, Бильбо выяснил очень любопытную вещь: оказывается, ворота за мостом были не единственным входом в пещеру! У лесной реки был приток, вытекавший из пещеры чуть восточнее крутого склона, в котором располагались ворота. Там, где подземный поток вырывался наружу, имелось отверстие, перекрытое решеткой. Но эту решетку частенько поднимали, ибо эльфы предпочитали не возить грузы через лес, а сплавливать их по реке. Вдоль русла подземного потока, по темному подземному коридору, можно было проникнуть в недра холма. В сводах этого коридора имелись дубовые люки, открывавшиеся в королевские винные погреба, где стояли сотни, если не тысячи, бочонков с вином. Лесные эльфы вообще, а их король — в особенности были большими охотниками до вина. Однако в здешних краях виноград не рос, поэтому вино, вместе с другими товарами, приходилось доставлять издалека — покупать у южных эльфов или у людей.

Притаившись за одним из бочонков, Бильбо присматривался и прислушивался. Вскоре он рассмотрел, как открываются задвижки на люках, а из болтовни королевских слуг понял, каким образом вино попадает в пещеру. Его доставляют по воде или по суше к Долгому озеру, где стоит на сваях, далеко от берега, город людей — вода защищает его от всевозможных врагов, в первую очередь — от коварного Смога. Оттуда бочонки везут вверх по

лесной реке на плотях или на плоскодонных лодках. Порожние бочки эльфы сбрасывают в подземный поток, затем открывают ворота, и вода несет тару к скалистому мысу у восточной опушки Лихолесья. Там бочки сбивают в плоты и гонят к Эсгароту — именно так называется город на воде, стоящий поблизости от того места, где лесная река впадает в Долгое озеро.

Прикинув так и этак, Бильбо понял, что бежать из пещеры все-таки можно; осталось лишь дожидаться подходящего случая.

* * *

Однажды вечером эльфы накормили пленников и ушли, забрав факелы; коридоры погрузились во тьму, и Бильбо услышал, как королевский виночерпий пожелал доброй ночи командиру стражи.

— Пошли со мной, — пригласил виночерпий. — Тут на днях привезли свежее вино. Я как раз собирался его отведать. Сам понимаешь, когда выпьешь, любая работа спорится. А мне сегодня нужно очистить погреб — слишком уж много пустой тары в нем накопилось.

— Пошли, — охотно согласился командир стражи. — Заодно проверим, годится ли это вино для королевского стола. А то нынче пир, не хотелось бы пить всякую дрянь.

Услыхав эти слова, Бильбо затрепетал от радости. Как удачно все складывается! Самое время бежать отсюда! Он пошел следом за эльфами. Те направились в маленький погребок, уселись за стол, на котором стояло два кувшина с вином, и, посмеиваясь, принялись за дело. Бильбо мысленно возблагодарил свою удачу. Чтобы одурманить лесного эльфа, вино должно быть достаточно крепким; «вино» же, которым виночерпий потчевал командира стражи, прибыло из Дорвиниона и предназначалось для коро-

левских пиров, а не для увеселений простых солдат и челяди, и пить его следовало маленькими чашами, а уж никак не кувшинами.

Вскоре командир стражи стал клевать носом, потом упал лицом на стол и крепко заснул. Виночерпий продолжал смеяться и болтать сам с собой, не обращая внимания на спящего собеседника; постепенно сон сморил и его. Хоббит прокрался внутрь. Хоп! — и командир стражи остался без ключей. Бильбо со всех ног бросился к камерам. Тяжелая связка оттягивала руки, сердце бешено колотилось — увидеть хоббита никто не мог, но ключи то и дело позвякивали, и Бильбо всякий раз обливался холодным потом.

Первым он выпустил Балина. Можете себе представить, как тот изумился и сколькими вопросами засыпал хоббита!

— Потом, потом, — отмахнулся Бильбо, вновь запирая дверь камеры. — Надо освободить остальных. Не отставай. Мы должны держаться вместе. Другой возможности бежать не будет. Если нас поймут, я просто не знаю, что король эльфов с нами сделает! Будь паинькой, не спорь, пожалуйста.

Он двинулся дальше, перебегая от двери к двери. В конце концов все двенадцать гномов, кроме Торина, очутились на свободе. Стоило кому-нибудь из них наткнуться в темноте на другого, тут же сыпались проклятия, слышался раздраженный шепот, и сердце Бильбо уходило в пятки. «Вот ведь олухи! — подумалось ему. — Ну неужели нельзя вести себя потише!» По счастью, обошлось — никого из стражников они не встретили. Как и говорил начальник стражи, король эльфов устроил пир — великое осеннее пиршество, и почти все его подданные веселились сейчас в лесу.

После долгих блужданий добрались до темницы Торина.

— Ну и ну! — воскликнул Дубовый Щит, когда Бильбо шепотом пригласил его выходить. — Гэндальф, как обычно, оказался прав! Господин Торбинс, вам попросту нет равных в вашем ремесле. Что бы ни случилось, мы навсегда у вас в долгу. Но к делу! Куда мы идем?

Настало время поведать гномам план бегства. Бильбо опасался, что они его не одобряют, и опасения оправдались. Гномы ни в какую не соглашались. Они настолько разволновались, что заговорили, ничуть не понижая голоса.

— Мы разобьемся! — твердили они. — Ты что, хочешь нас утопить? Мы-то думали, ты и вправду нашел выход! Это же безумие!

— Хорошо, — сердито заявил Бильбо. — Раз так, возвращайтесь в свои уютные темницы, я вас снова там запру, и придумывайте план получше, сколько вам угодно! Но учтите — в другой раз ключей у меня может и не оказаться.

Слова хоббита заставили гномов слегка утихомириться. В самом деле, что им еще оставалось — ведь через зачарованные ворота наружу не выбраться, а прятаться в самой пещере просто бессмысленно — рано или поздно все равно поймают. Следом за Бильбо гномы спустились в нижний погреб, пройдя мимо клетушки, где дружно храпели королевский виночерпий и начальник стражи. Они улыбались во сне — вино Дорвиниона навевало приятные сновидения. Должно быть, наутро лицо начальника стражи приобрело иное выражение, несмотря даже на то, что Бильбо вернул эльфу ключи.

— Все же так будет лучше, — рассудил господин Торбинс. — Эльф он неплохой и пленных не обижал, посему, судари мои, не судите его слишком строго. Ну и шум завтра поднимется! Решат, видно, что мы — чародеи, все как один, раз сумели удрать. Вот

именно, что удрать. Давайте поторапливайтесь, поку-
да нас не застукали!

* * *

Балина оставили на часах — следить за спящими эльфами: если те хотя бы шевельнутся, он должен был крикнуть. Остальные пробрались в погреб. Времени было в обрез; Бильбо знал, что скоро сверху явятся другие эльфы — помочь виночерпию сбросить пустую тару в воду. Посреди погреба стояли винные бочки. Они, к сожалению, не годились: открыть их было трудно, а закрыть — и того труднее. Впрочем, рядом выстроились бочонки поменьше; в них доставляли к королевскому столу масло, яблоки и прочую снедь.

Разыскали тринадцать бочонков, в каждом из которых мог поместиться гном. Некоторые оказались даже слишком просторными, и гномы принялись ворчать: дескать, ну вот, теперь мы набьем себе шишек, — но Бильбо позаботился обо всем и ухитрился разыскать где-то солому. Наконец двенадцать гномов забрались внутрь, оставался лишь Торин, который никак не мог устроиться, кряхтел и ворочался, точно большой пес в крохотной конуре. Едва Торин угомонился, как пришлось успокаивать Балина — тот заявил, что задыхается, хотя Бильбо еще не успел закрыть его бочонок крышкой. Хоббит заткнул дырки — те, которые заметил, — приладил крышки и стал прикидывать, не упустил ли он чего-нибудь важного. Да вроде нет, теперь остается только надеяться на лучшее...

Через несколько минут после того, как Бильбо закончил, послышались голоса, в коридоре замерцал свет. Смеясь и болтая между собой, в погреб вошли эльфы. Им явно не терпелось поскорее вернуться на веселый пир.

— Где старый Гэлион? — воскликнул один. — За столом его не было. Куда он подевался?

— Ему бы лучше объявиться, — отозвался другой. — Уж вы как хотите, а я тут не задержусь. Наверху гораздо веселее.

— Ха! — крикнул кто-то в коридоре. — Вот он, старый разбойник! У них тут с командиром стражи свое веселье! Напились и оба дрыхнут!

— Растолкай его! Нашел время спать! — нетерпеливо зашумели эльфы.

Гэлиону вовсе не понравилось, что его разбудили, и того меньше — что над ним потешаются.

— Вы опоздали, ребята, — проворчал он. — Я уж думал, вы вообще не придете, ну и заснул — от усталости.

— Немудрено заснуть после целого кувшина! — ответили ему. — Плесни-ка нам своего снотворного, чтобы лучше работалось! А твой дружок пускай спит, с него взятки гладки.

Пустили чашу вкруговую. Вино пришлось по вкусу, и эльфы развеселились пуще прежнего, однако головы не потеряли.

— Эй, Гэлион! Ты ничего не перепутал спросонок? Бочонки-то не пустые, вон какие тяжелые!

— Хватит языками молоть! — рассердился виночерпий. — Отвыкли работать, вот и мнится вам всякая ерунда! Тоже мне, тяжелые! Давайте, пошевеливайтесь!

— Как скажешь. — Эльфы принялись скатывать бочонки к люкам. — Если что, все равно тебе отвечать. Думаешь, королю понравится, если его яства за здорово живешь достанутся людям?

*Кати-кати-катите их,
Катите их, и вниз — бултых!
За одной еще одну —
Пусть идут, да не ко дну!*

Так они напевали, скидывая бочонки один за другим в темный проем, в глубине которого тускло поблескивала вода. Бочонки с грохотом ударялись друг о друга, отскакивали от стен, плюхались в воду и уплывали вниз по течению.

Только тут Бильбо сообразил, что и вправду кое-что упустил в своих расчетах. Вы-то наверняка уже давно догадались, где он дал маху, и посмеиваетесь над бедным хоббитом; однако я вовсе не уверен, что вы на его месте сумели бы ничего не забыть. Разумеется — сам-то он остался в погребе, а гномы уже почти все отправились в путешествие по подземной реке! (Впрочем, даже заберись он заблаговременно в бочонок, кто бы приладил крышку?) Похоже, на сей раз Бильбо окончательно и бесповоротно остался в одиночестве. Ну, выберется он через верхние ворота, а дальше что? Как отыскать дорогу к этому самому Эсгароту на Долгом озере? Да, дела-делишки... И гномам не позавидуешь — без него с ними может случиться все что угодно.

Между тем эльфы взялись за канаты, поднимавшие решетку в склоне холма. Как только все бочонки окажутся на плаву, их выпустят на волю. Эльфам было весело, они запели новую песню:

*Неси вас темная струя
От нас в родные вам края,
Из наших подземельных зал,
От северных суровых скал,
Где широка лесная сень,
Где даже днем густая тень.
Ночная вас неси река
Сквозь лес и шепот ветерка,
А там по сторонам реки
Пойдут болота, тростники,
И от земли до звезд, бела,
Над топями клубится мгла,*

*А ночь темна и холодна,
И в небе звездочка одна.
Когда же над рекой заря
Взойдет, всю землю озаря,
Вы поверните-ка на юг!
На юг, на юг! Там зелен луг,
Стада пасутся у воды,
И на холмах цветут сады,
У ягод красные бока,
И солнце светит с висока.
Неси вас темная струя
На юг, в родные вам края!*

К люку подкатывали последний бочонок. Теперь или никогда! Бильбо в отчаянии ухватился за него и вместе с ним ухнул — бултых! — в ледяную воду.

Хоббит вынырнул, а бочонок тут же, рядом, но как бедняга ни старался, а взобраться на него не получалось: пустой и легкий, что пробка, бочонок кренился в разные стороны и крутился на месте, не давая себя оседлать. Еще какое-то время были слышны голоса эльфов, потом люк с грохотом захлопнулся, и Бильбо очутился в кромешной тьме, один-одиношенек — что проку в друзьях, когда все они сидят по бочкам?

Впереди возникло серое пятно, раздался скрежет — это поднималась решетка. Бочонки сбились в кучу у отверстия; Бильбо то и дело приходилось нырять, чтобы его не расплющило. Наконец затор рассосался. Один за другим бочонки проплывали под каменным козырьком и устремлялись вниз по течению. И тут Бильбо заметил нечто такое, от чего его бросило в дрожь: заберись он на свой бочонок — и поминай как звали, господин Торбинс: слишком уж узеньким, даже для хоббита, было свободное про-

странство между каменным козырьком и поверхностью воды.

Течением тару вынесло под нависавшие над самой водой ветви деревьев. Бильбо гадал, как себя чувствуют гномы, сильно ли они промокли. «Надеюсь, я плотно приладил крышки», — подумал хоббит. Некоторые бочонки так глубоко сидели в воде, что сразу становилось ясно: в них что-то — или кто-то — есть.

Вода была ледяная, и вскоре у Бильбо уже зуб на зуб не попадал. Он совсем забыл о гномах, настолько его беспокоила собственная участь. Может, бросить бочонок и поплыть самому? Берег-то вроде близко... А если судорога? А если он замерзнет до смерти?

Ему вновь повезло: несколько бочек зацепились за прибрежную корягу и сбились в кучу. Воспользовавшись тем, что его бочонок на какой-то миг застыл в неподвижности, Бильбо наконец-то смог на него взобраться и — точно насквозь промокшая крыса — распластался на нем, раскинув руки, чтобы не потерять равновесие. Хотя ветер дул холодный, на бочонке было все же теплее, и хоббиту оставалось лишь надеяться, что он не свалится обратно в воду. Скоро бочонки оторвались от коряги и поплыли дальше. Как того и опасался Бильбо, удержаться было трудно, бочонок по-всячески норовил выскользнуть из-под хоббита. К счастью, господин Торбинс почти ничего не весил, а бочонок был довольно большой; вдобавок сквозь неплотно пригнанную крышку внутрь просочилось немного воды, и осадка худо-бедно помогала хоббиту. Но все равно это напоминало попытку прокатиться без узды и стремян на крутобоком пони, которому очень хочется поваляться в траве.

Мало-помалу завеса листвы по берегам становилась реже, сквозь нее проглянуло небо. И вдруг

поток раздался вширь, слившись с лесной рекой, что катила свои воды мимо дворца, в котором частенько задавал пиры король эльфов. На тусклой поверхности воды дробились отражения звезд и облаков. Течением всю флотилию бочек принесло к северному берегу, в который река врезалась широкой излучиной. Крутые склоны ниспадали к полосе гальки у самой воды, на востоке вдавался в реку скалистый мыс. Бочки выбросило на гальку, лишь некоторые по-прежнему болтались в воде.

Эльфы, поджидавшие на берегу, быстро перетаскивали всю эту тару на мелководье, пересчитали, связали вместе — и оставили до утра. Бедные гномы! Между тем господин Торбинс, успевший слегка согреться, соскользнул со своего норовистого «коня» и крадучись направился к домишкам, стоявшим неподалеку. Он настолько проголодался, что не раздумывая стащил бы прямо со стола первое, что подвернется под руку, — тут, наверное, сказывалась уже привычка, приобретенная за время путешествия. Кроме того, вблизи домов горел костер, у которого можно было обсушиться и обогреться.

О ночных похождениях Бильбо подробно рассказывать вряд ли стоит (ведь мы приближаемся к концу нашего повествования, и основная наша задача поведать о том, чем же завершился великий поход гномов к Одинокой горе), а в двух словах — на берегу произошло вот что: разумеется, при помощи кольца хоббиту сперва все сходило с рук, но его присутствие очень скоро обнаружилось — по мокрым следам на полу и по громкому чиху, который он безуспешно старался подавить. И тогда в селеении начался настоящий переполох. Бильбо сумел удрать и остаток ночи провел в лесу наедине с ка-

раваем хлеба, пирогом и кожаной флягой вина. Костер был далеко, но вино помогло согреться; хоббит даже прикорнул на груди палой листвы, и ночная прохлада не была ему в том помехой.

Проснувшись еще затемно оттого, что все-таки замерз, он чихнул громче прежнего. На реке весело гомонили эльфы-плотогоны, собиравшиеся гнать плот, составленный из бочек, вниз по течению, к Эсгароту. Бильбо со всех ног бросился туда. В общей суматохе ему удалось взобраться на плот незамеченным — солнце пока не взошло, значит, и тени не было, а чих, неизвестно по чьей милости, вдруг пропал.

Эльфы дружно налегли на шесты. Бочки упорно не желали отходить от берега.

— Ну и тяжеленные! — проворчал кто-то из плотогонов. — Уж больно глубоко они сидят. Заглянуть бы внутрь — может, там что вкусное...

— Некогда! — отрубил старший плотогон. — А ну, навались!

Наконец бочонки оторвались от берега, медленно миновали мыс (на мысу тоже стояли эльфы с шестами — на случай, если плот окажется в опасной близости от камней), а потом поплыли все быстрее и быстрее, вошли в главное течение реки и устремились к Эсгароту.

Гномы сбежали из темницы эльфийского короля и выбрались из Лихолесья! Но живые или мертвые — этого покуда никто не ведал.

Глава 10

РАДУШНЫЙ ПРИЕМ

Плыли и плыли; потихоньку светало и становилось все теплее. Река обогнула крутой утес слева по течению, у подножия этого утеса пенились буруны. Вот утес остался позади, и вдруг поросшие лесом берега куда-то пропали! И тут Бильбо увидел!

Река словно распалась на сотни крохотных извилистых ручейков, на озерца и омуты, испещренные островками; впрочем, основное русло сохранилось. От края до края раскинулась беспредельная равнина. А далеко впереди темным острием упиралась в облака гора. Ее ближайших соседей на северо-востоке отсюда видно не было, и она одиноко вздымалась над равниной. Одинокая гора! Казалось бы, хоббит должен был обрадоваться, увидев цель путешествия — ведь он забрался в такую даль, преодолел столько препятствий, чтобы добраться до этой горы, — но она ему с первого взгляда не понравилась (и это еще мягко сказано).

Прислушиваясь к болтовне плотогонов, Бильбо понял: ему очень повезло, что он видит Одинокую гору — хотя бы и с такого расстояния. Выходило, что им с гномами (бедные, бедные гномы!) счастье улыбнулось гораздо шире, чем они о том догадывались. Плотогоны говорили о речной торговле, о том, что рекой пользуются все подряд — ведь дороги через Лихолесье исчезли или по ним не пройти; толковали о тяжбе людей с лесными эльфами — кому кто должен платить пошлину за речную торговлю. О том, что все здесь совсем изменилось с тех времен, когда под Горой обитали гномы (ныне для многих те времена казались всего лишь бабушкиными сказками). И даже вести о здешних делах, которые получал в последние годы Гэндальф, уже изрядно устарели. Дожди замутили реку, случилось несколько землетрясений (некоторые утверждали, что во всем виноват дракон; кстати сказать, дракона поминали не иначе как с проклятием, кивая головой в сторону Горы), болота по берегам становились все обширнее, тропы исчезали одна за другой; пешие и конные, отправлявшиеся торить новые пути, пропадали без вести. Эльфийской тропой, той самой, которую Торин и компания избрали по совету Беорна, уже почти никто не пользовался. Одна лишь река служила безопасным путем от опушки Лихолесья к равнине в тени Одинокой горы — пока реку охранял король эльфов.

Господин Торбинс, как видите, сам того не подозревая, выбрал единственную дорогу, не сулившую особо крупных неприятностей. Стучавший зубами от холода Бильбо наверняка был бы рад, узнав, что вести о судьбе гномов достигли ушей Гэндальфа и тот, спешно завершив все свои дела (нас они не касаются, поэтому говорить о них не будем), спешит на выручку Торину. Однако ничего этого хоббит не знал.

Известно же ему было вот что: что он голоден и ужасно продрог, а река себе течет и течет, и никакого города не видно, а видно одну только Гору, мрачную, жуткую Гору. Река повернула к югу, и Гора, по счастью, несколько отдалилась.

Уже под вечер все ручьи и ручейки снова слились в один могучий поток, который с ревом устремился вперед меж крутых каменистых берегов.

На закате, в последний раз плавно повернув на восток, лесная река ворвалась в Долгое озеро. Устье оказалось широким, на обоих берегах возвышались, подобно утесам, каменные ворота, у их подножия была насыпана галька. Долгое озеро! Бильбо и представить себе не мог, что оно окажется поистине необъятным — как море. Противоположный берег едва угадывался, дальнего, северного конца вообще не было видно. Бильбо вспомнил карту: вон в той стороне, там, где мерцают звезды Повозки, впадает в озеро река Бегущая; ее воды вместе с водами лесной реки и питают Долгое озеро, возникшее на месте глубокого ущелья. У южной оконечности озера вода вновь вырывается на простор и мчится в неизвестные края. Оттуда, с юга, доносился в вечерней тишине приглушенный гром — то грохотали водопады.

Неподалеку от устья лесной реки, в бухте, защищенной скалистым мысом, стоял диковинный город, о котором и упоминали эльфы в разговоре, подслушанном хоббитом в винных погребах королевского дворца. На берегу, на суше, ютилось всего несколько домов, а сам город поставлен был на воде — точнее, на деревянном помосте, который поддерживало множество толстых свай; на берег был переброшен длинный мост. В городе жили люди. Это были отважные люди, которые не утрастились дракона. Они торговали с эльфами, жившими в верховьях реки, продавали им поступавшие с

юга товары, но торговля ныне была уже не та, что в прежние дни, когда на севере процветал богатый город Дол. В те времена сюда частенько приходили целые флотилии, одни корабли доставляли золото, а другие — воинов в доспехах; в те времена велись войны и творились дела, давно ставшие преданиями. Теперь в засуху из воды выступали гнилые столбы старого помоста — ничего больше от великого когда-то города не осталось.

Впрочем, жители озерного города редко вспоминали обо всем этом. Правда, некоторые, случалось, пели песни о гномах Троре и Траине из племени Дарина, о драконе, о разрушении славного Дола. Находились и такие, кто слагал песни о грядущем возвращении Трора и Траина: дескать, из горных врат тогда потоком хлынет золото, и на равнине вновь поселятся люди и зазвучит смех. Разумеется, это были всего лишь песенки, красивые сказания, и относились к ним соответственно — только бы делу не мешали.

Едва из города заметили плот, сразу появились лодки, с которых приветствовали плотогонов. Вскоре бочки вывели из основного течения и отогнали в бухту, к причалу. Часть тары должны были забрать люди с востока, а оставшуюся горожане вновь наполнят товарами, и эльфы доставят их в свою пещеру в лесу. Пока же плот просто привязали к причалу, а плотогоны вместе с встречавшими отправились в город на пиршество.

Когда б им довелось увидеть, что случилось на берегу с наступлением ночи, они бы наверняка изумились, если не перепугались. Бильбо выволок на мелководье первый из тех бочонков, что особенно глубоко сидели в воде. Изнутри слышались стоны;

когда крышка упала в воду, из бочонка вылез измученный гном. В растрепанной бороде торчала мокрая солома, взгляд был дикий, как у пса, которого посадили на цепь, а потом целую неделю не обращали на него внимания; ноги гнома подкашивались — кое-как добредя до берега, он со стоном рухнул навзничь. Это оказался Торин Дубовый Щит, но узнать его можно было только по золотой цепи да по колпаку с серебряной кисточкой, некогда небесно-голубому, а теперь грязному и рваному. Путешествие в бочонке настолько изнурило Торина, что он не сразу понял, кто перед ним стоит, и его первые слова были не слишком вежливыми.

— Вы живы или нет, сударь мой Торин? — рассердился Бильбо. Наверное, он просто забыл, что сам-то успел перекусить и вдоволь надышаться свежим воздухом, что у него руки и ноги не затекли. — Поймите наконец, мы на свободе! Коли вы по-прежнему хотите добыть свой клад — он ведь ваш, а не мой, — разотрите-ка ноги и подсобите мне освободить остальных, куда нас никто не видит.

Разумеется, Торин внял голосу разума, со стоном поднялся и начал помогать хоббиту. Вдвоем они довольно быстро отыскивали нужные бочонки. На стук и на окрики отозвались только шестеро. Барахтаясь в холодной воде, Бильбо с Торином выпустили их, и гномы поплелись на берег. За спасение благодарить явно никто не собирался.

Балину с Двалином досталось больше других, и на них рассчитывать не приходилось. Бифур с Бофуром хоть и пострадали меньше, однако попросту улеглись на берегу и отказались что-либо делать. А вот Фили и Кили улыбались — кряхтели, но улыбались. Должно быть, молодым все нипочем (ведь для гномов эти двое были совсем еще молодые); а может, в их бочонках соломы оказалось в достатке

и они почти не ушиблись — так, пара синяков да тройка царапин.

— Наверное, раньше в этом бочонке были яблоки, — сказал Фили. — Я весь ими пропах. Что за издевательство — ты голодный как собака, весь продрог и даже не можешь пошевелиться, а тут тебе яблочками пахнет! Да я теперь до конца дней на яблоки смотреть не смогу!

Фили и Кили пришли на подмогу Торину с Бильбо. Вчетвером дело пошло быстрее. Вскоре нашлись и остальные шестеро. Бедняга Бомбур то ли спал, то ли был без чувств; Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин едва не захлебнулись в своих посудилах. Одного за другим их осторожно перенесли на берег.

— Ну вот, все в сборе, — проговорил Торин. — Похоже, мы родились под счастливой звездой; к тому же нам не мешает поблагодарить господина Торбинса. Он вправе надеяться на нашу благодарность, хотя лично я предпочел бы более... гм... покойный способ передвижения. К вашим услугам, господин Торбинс! Сейчас неплохо было бы поесть и отдохнуть... Кстати, что будем делать?

— Пойдем в город, — ответил Бильбо. — Не сидеть же на берегу.

Оставив прочих набираться сил, Торин, Бильбо, Фили и Кили двинулись по берегу к мосту. У входа на мост стояла сторожевая будка, но дозор в ней несли не очень-то бдительно, ибо охранять город, по большому счету, было не от кого. С лесными эльфами жители Эсгарота дружили, и разногласия — вроде тяжбы, кто кому должен платить пошлину — на этой дружбе почти не сказывались. Больше поблизости никто не обитал; доходило даже до того, что некоторые юнцы во всеуслышание заявляли — они, дескать, не верят этим байкам насчет дракона — и потешались над стариками, утверждавшими, будто

в молодости видели Смога. Не удивительно поэтому, что стражники веселились в своей будке и не слышали ни как гномы выбирались на берег, ни как четверо разведчиков приблизились к мосту. Вообразите же их изумление, когда Торин переступил порог будки.

— Эт-то кто такой? Что тебе нужно? — закричали стражники, хватаясь за оружие.

— Я Торин, сын Траина, сына Трора, Короля Подгорного королевства! — гордо ответил гном. Несмотря на изодранную одежду и грязный колпак, он и вправду выглядел по-королевски. На его груди сверкала золотая цепь, взгляд был мрачен и тверд. — Я вернулся и хочу видеть вашего градоправителя.

Что тут началось! Стражники забегали, засуетились, самые бестолковые выскочили наружу, ожидая увидеть ставшую вдруг золотой Горю и окрасившиеся желтым воды озера.

Капитан стражи шагнул вперед.

— А это кто? — спросил он, указывая на Фили с Кили и на Бильбо.

— Сыновья дочери моего отца, — ответил Торин, — Фили и Кили из племени Дарина, а также господин Торбинс, пришедший вместе с нами с запада.

— Если вы пришли с миром, — сказал капитан, — оставьте ваше оружие здесь.

— У нас нет оружия, — отозвался Торин. Это было правдой: эльфы отобрали все — и ножи, и Оркрест. Бильбо на всякий случай не стал упоминать о своем клинке. — Оно нам не нужно, мы пришли не с враждою, а как друзья. И потом, сражаться с целым городом было бы безумием. Отведи нас к градоправителю.

— Он на пиру, — объяснил капитан.

— Тем более! — вмешался уставший от церемоний Фили. — Разве ты не видишь — мы едва стоим на ногах от усталости и голода! А на берегу ждут наши товарищи, у которых даже не хватило сил встать. Веди, не то градоправитель потом задаст тебе взбучку.

— Идите за мной, — приказал капитан. В сопровождении шестерых стражников гномы и хоббит проследовали по мосту на городское торжище. Оно находилось в центре города. Дома на высоких помостах выстроились дугой, окружая водную гладь; от них к воде спускалось множество лесенок; вдоль набережной тянулись деревянные парапеты. Один из особняков сверкал огнями, оттуда доносился гул голосов. Отряд направился туда. Переступив порог, все замерли, ослепленные ярким светом.

Прежде чем капитан стражи успел вымолвить хотя бы слово, Торин воскликнул:

— Я Торин, сын Траина, сына Трора, Короля Подгорного королевства! Я вернулся!

Все вскочили. Градоправитель прыгнул со своего преогромного кресла. Сильнее всех изумились эльфы-плотогоны, сидевшие на нижнем конце стола. Протолкавшись к градоправителю, они заговорили наперебой:

— Это пленники нашего короля! Мы посадили их в темницу за то, что они без спроса расхаживали по нашему лесу и всячески нам досаждали. И как они ухитрились бежать?

— Это правда? — спросил градоправитель у Торина. Сам он охотнее поверил бы эльфам, чем какому-то бродяге, который объявляет себя наследником Подгорного королевства. Да существовало ли оно вообще, это самое королевство?

— Почти, — ответил Торин. — Король эльфов задержал нас по ложному обвинению. Но ни решетки,

ни засовы — не помеха правому делу! И потом, с каких это пор на Долгом озере хозяйничают эльфы? Я обращаюсь к градоправителю Эсгарота, а не к плотогонам эльфийского короля!

Градоправитель переводил взгляд с Торина на эльфов и обратно. Ему вовсе не хотелось ссориться с эльфийским королем, который был могущественным владыкой; он не слишком прислушивался ко всяким песенкам, благо у него были другие дела, поважнее, — торговля, пошлины, товары с юга и тому подобное. Но жители города думали иначе, и вскоре все решилось само собой, без участия градоправителя. Весть о возвращении гномов в мгновение ока разлетелась по Эсгароту. Повсюду раздавались возбужденные возгласы, на улицах собирались толпы. Кто-то запел древнюю песню о возвращении короля; никого не волновало, что вернулся внук Трора, а никак не сам Трор. Другие подхватили, и песня полетела над озером:

*Придет король законный,
Серебряных фонтанов князь,
С престолом и короной
Воспримет власть, возвеселясь.
В златых своих палатах
Настроит арфу на старый лад,
И песни среди злата,
Как древле, снова зазвучат.
Бор вырастет по склонам,
Трава, как прежде, высока,
Бьет серебро фонтаном,
И золота течет река.
И от Горы до моря
Возрадуется вся земля,
Не зная больше горя
С приходом короля!*

Вообще-то песня была гораздо длиннее, пели ее под звуки арф и скрипок и под громкие крики. Все перемешалось. Такой суматохи, по правде сказать, не припомнил бы и самый дряхлый дед в Эсгароте. Лесные эльфы призадумались и даже немножко испугались. Может быть, их король и впрямь ошибся? Градоправитель понял, что ему не остается ничего иного, как подчиниться общему мнению и притвориться, будто он верит, что Торин — тот, за кого себя выдает. Поэтому он усадил Торина в свое кресло. Фили и Кили расположились рядом. Бильбо тоже нашлось местечко за столом; его, как ни странно, ни о чем не расспрашивали, и никто не требовал гномов объяснить, что это за коротышка.

Чуть погодя в Эсгарот привезли остальных гномов. Их встретили с неменьшим восторгом. Всех сперва накормили, затем смазали снадобьями царапины и синяки, а потом вселили в просторный дом — словом, прием оказали самый радушный. К услугам Торина и компании всегда были готовы лодки с гребцами, а под окнами дома дни и ночи напролет бурлила огромная толпа: люди веселились, распевали песни и прямо ревели в упоении, стоило кому-либо из гномов показаться в окне.

Песни были разные — и старые, и совсем новые. В новых говорилось о гибели дракона и о спешащих вниз по реке кораблях с богатыми дарами от нового Короля-под-Горой. Эти песни сочиняли в основном по настоянию градоправителя; гномам они не очень-то нравились, но приходилось терпеть. С путниками носились как с писаной торбой. За неделю гномы как следует отъелись и отдохнули, подстригли и расчесали бороды, надели платья своих любимых цветов и расхаживали гордой поступью. Торин выглядел так, словно уже обрел свое

наследное королевство, порубив Смога на мелкие кусочки.

К маленькому хоббиту гномы день ото дня относились все лучше. Они пили за его здоровье, дружески хлопали по спине, больше не ворчали и не шпыняли за каждый пустяк — словом, всячески о нем заботились, что было весьма кстати, поскольку Бильбо было не до веселья. При одной мысли о жуткой Горе, под которой к тому же залег дракон, его бросало в дрожь; вдобавок он ужасно простыл. Три дня подряд хоббит не выходил на улицу, а все его речи на пирах состояли из одной фразы:

— Баое наибо!

* * *

К тому времени плотогоны успели вернуться в Лихолесье, и в королевском дворце начался настоящий переполох. Не знаю, что случилось с командиром стражи и с виночерпием, но думаю, им крепко влетело. Разумеется, гномы из осторожности ни словом не обмолвились о похищенных ключах и о путешествии в бочонках, а Бильбо благоразумно не надевал кольца. Догадки и слухи множились, но ничего не было известно наверняка; разве что никто из эльфов не сомневался в причастности загадочного господина Торбинса к побегу. Как бы то ни было, теперь эльфийский король узнал, куда и зачем идут гномы.

— Великолепно, — сказал он сам себе. — Посмотрим, посмотрим. Без моего согласия никто никаких сокровищ через лес не пронесет. И по-моему, гномы не вернуться. Дракон сожрет их с потрохами — и поделом! — Король ни капельки не верил в то, что гномы всерьез хотят сразиться с драконом. Скорее уж они замыслили ограбить Смога или что-нибудь еще вроде этого. И все это лишний раз дока-

зывает, насколько эльфы мудрее людей! (Впрочем, вы скоро убедитесь, что король был не совсем прав в своих подозрениях.) Владыка эльфов разослал по Глухоманью лазутчиков и стал ждать.

* * *

К концу второй недели пребывания гномов в Эсгароте Торин стал подумывать о продолжении похода. Пока восторг горожан не успел остыть, надо попросить помощи. Медлить не следует. Потому, уловив подходящий момент, Торин сообщил градоправителю и его советникам, что вскоре он вместе со спутниками отправляется к Горе.

Градоправитель несказанно удивился. А вдруг, подумал он, Торин и вправду потомок древних королей? Ведь он не верил, что пришельцы на деле собираются проникнуть под Гору и одолеть Смога, он считал их мошенниками, которые рано или поздно себя обнаружат. Но мы-то с вами знаем, как он ошибался. Торин подлинно был внуком Трора, а что касается похода к Одинокой горе — никому не ведомо, на что способен гном, пылающий жаждой мести или жаждущий вернуть свое добро.

Впрочем, об уходе гномов градоправитель не сожалел. Содержать их было обременительно; и к тому же появление незваных гостей превратило жизнь горожан в нескончаемый праздник, отчего все дела замерли. «Пускай себе идут, — думал он. — Поглядим, как их приветит Смог».

— Конечно, о Торин, сын Траина, сына Трора, — сказал градоправитель. — Я прекрасно тебя понимаю. Раз ты говоришь, что близок срок, когда исполнится древнее пророчество, значит, так оно и есть. Мы окажем вам посильную помощь и верим, что вы не забудете об этом, когда ты обретишь свой трон.

И вот, несмотря на позднюю осень с ее пронизывающими ветрами, в Эсгароте снарядили три корабля, чтобы двинуться на веслах вверх по Бегущей реке. На борту были гномы, господин Торбинс и солидные запасы провизии. Лошадей и пони отправили кружным путем, договорившись встретиться с погонщиками в условленном месте. Градоправитель и его советники со ступеней ратуши пожелали путникам удачи. Горожане запели, замахали руками. Белые весла с плеском погрузились в воду, и корабли медленно отошли от причала. Так начался последний отрезок пути до Одинокой горы. Все шумно радовались, и только Бильбо не разделял общего веселья.

Глава 11

НА ПОРОГЕ

По Долгому озеру плыли два дня. Наконец корабли вошли в Бегущую, и путники снова увидели Одинокую гору, сурово вздымающуюся вдаль. Под вечер третьего дня, поднявшись, сколько могли, против течения, высадились на левом, западном берегу реки. Лошади и пони уже дожидались в условленном месте. И тут выяснилось, что снаряжения с провизией слишком много и всего не увезти; часть пришлось оставить на берегу, под наспех устроенным навесом. Но вот охранять добро было некому — горожане, сопровождавшие компанию, наотрез отказались задержаться хотя бы до утра.

— Когда сбудутся песни, тогда и потолкуем, — говорили они, боязливо поглядывая на Гору. И то сказать, в этих местах гораздо проще было поверить в дракона, чем в какого-то наследника древних королей. Повсюду царило запустение, наводившее на самые мрачные мысли. Правда, в этакой глуши вряд ли кто-нибудь покусится на оставленные припасы.

Поэтому гномы не сильно огорчились, когда горожане распрощались — одни уплыли на кораблях, другие ушли пешком по берегу.

Ночь выдалась холодной, путники изрядно замерзли, рвения в них поубавилось, но утром они все же двинулись дальше. Бильбо с Балином, замыкавшие отряд, приглядывали за двумя навьюченными по самую холку пони; остальные путники высматривали дорогу понадежнее. Направлялись на северо-запад, наискось от берега, мало-помалу приближаясь к Горе, огромной подковой распахивавшейся им навстречу.

День тянулся томительно долго; смеяться не смеялись, петь не пели и за арфы не брались — ведь в такой близости от логова дракона нужно соблюдать осторожность! Надежды и упования, возродившиеся было в озерном городе, увяли вновь. До цели путешествия было подать рукой, но это нисколько не радовало; скорее наоборот — вселяло неуверенность и страх. Нигде не росло ни деревца, ни даже кустика, хотя, по словам Торина, в прежние времена эта местность радовала глаз буйной зеленью. Унылую картину оживляли разве что редкие пятна травы да обугленные пни — единственное напоминание о сгоревших в драконьем пламени лесах. Вот так, поздней осенней порой, на закате года, путники въехали в Раздраконье.

* * *

До предгорий добрались без приключений. Дракон не показывался. Черная Гора вблизи внушала уже не просто страх, а самый настоящий ужас. Первый лагерь устроили на западном склоне громадного южного отрога, чья вершина была обозначена на карте как Враний Пик. На нем когда-то стояла сторожевая башня. Взбираться на вершину отрога не

отважились — от Парадных Врат она была видна как на ладони и укрыться на ней было негде.

Прежде чем приступить к поискам потайной двери, на которую возлагались все надежды гномов, Торин отправил разведчиков на юг, к Парадным Вратам. Пошли Балин, Фили, Кили и, разумеется, Бильбо.

Оставив за спиной тоскливые серые скалы, поднялись к подножию Враньего Пика и вновь увидели реку. Огибая широкой дугой горную долину, Бегущая поворачивала на юг и, бурля и пенясь среди множества валунов, устремлялась к Долгому озеру. С крутого скалистого берега, поросшего кустарником, виднелась в тени Горы широкая долина с развалинами древних башен, домов и крепостных стен.

— Вот и все, что осталось от славного Дола, — проговорил Балин. — А ведь когда-то в нем звонили колокола, склоны Горы покрывал зеленый лес и все вокруг цвело и радовалось солнцу. — Взгляд гнома был печален и суров: должно быть, Балину вспомнилось, как они с Торинном в бессильной ярости взирали на учиненное драконом побоище.

Идти до ворот по берегу не осмелились. Вместо этого добрались до конца южного отрога, укрылись за валуном и стали разглядывать черный зев пещеры в каменной стене между отрогами Горы. Из пещеры вырывались воды Бегущей, там курился черный дым и клубился пар. Гора затаилась в грозной неподвижности, лишь бежала вода, вился дым да пролетали изредка над рекой зловещие вороны. Их хриплый крик да клекот воды — вот и все, что было слышно.

— Пошли обратно, — сказал Балин, поеживаясь. — Тут у нас ничего не получится. Да еще эти птички — уж больно они похожи на соглядатаев. Того и гляди донесут на нас Смогу.

— Дракон-то жив, — проговорил хоббит. — Лежит себе небось в своем логове, на сокровищах. Вон сколько от него дыму!

— Пожалуй, ты прав, — отозвался Балин, — но не будем торопиться с выводами. Он вполне мог куда-нибудь улететь или залечь в засаде на склоне. А дым — что дым? Ныне там, под Горой, дыма полным-полно — надышал, проклятый червяк!

* * *

Преследуемые хриплым карканьем, одолеваемые мрачными мыслями, разведчики вернулись к своим товарищам. Подумать только, еще в июне они отдыхали в Последней Приветной Обители, у щедрого и великодушного Элронда! Казалось, это было давным-давно, хотя прошло всего несколько месяцев. Компания очутилась в незавидном положении. Цели путешествия достигли, но до исполнения заветных желаний по-прежнему было ох как далеко! На помощь рассчитывать не приходилось, оставалось полагаться лишь на собственные силы — а те уже почти иссякли.

Как это ни удивительно, лучше других чувствовал себя господин Торбинс. Он даже попросил у Торина карту и придирчиво ее изучал, гадая, как правильно истолковать загадочную надпись лунными рунами на пергаменте. Именно Бильбо своими беспрестанными понуканиями вынудил гномов приняться за поиски потайной дверцы.

Лагерь перенесли в узкий распадок севернее ворот. С обеих сторон возвышались нижние отроги Горы; два из них длинными и крутобокими скалистыми гребнями протянулись на запад к равнине. На западных склонах этих отрогов следов драконьего лиходейства было поменьше, росла трава — значит, было чем кормить пони. Разбившись по двое-по

трое, путники день за днем, с утра и до заката, когда солнце начинало клониться к далекому Лихолесью, обшаривали склоны, разыскивая обозначенный на карте потайной ход. И день за днем возвращались в лагерь несолоно хлебавши.

Им повезло, когда они уже утратили всякую надежду. Фили, Кили и хоббит забрели однажды на каменную осыпь в южном конце распадка. Около полудня Бильбо забрался за громадный валун, торчавший, точно указующий перст, и наткнулся на что-то вроде вырубленных в скале ступенек, уводивших вверх. Все трое поспешно поднялись по лесенке и обнаружили узкую извилистую дорожку, едва различимую — так давно по ней никто не ходил; дорожка привела сначала на вершину южного отрога, а дальше — на неширокий скалистый карниз, тянувшийся вдоль северного склона Горы. Под карнизом, на дне распадка, раскинулся их собственный лагерь!

Никто не проронил ни слова. Опираясь о скалу справа, миновали гуськом карниз, и вдруг скалы словно разошлись и взглядам открылась уютная, поросшая травой лощина. Снизу этот проход замечен не был из-за карниза; издалека же казался всего лишь одной из многочисленных расщелин. Лощина упиралась в каменную стену, поверхность которой у самой земли была столь гладкой, будто ее долго и любовно обтесывали, — гладкой и ровной, ни щелки, ни тебе трещинки.

В стене не было ничего такого, по чему можно отличить дверь — ни косяка, ни засова, ни замочной скважины. Но все трое были уверены, что наконец-то отыскивали потайной ход.

Они стучали по стене кулаками, пинали ее ногами, нажимали и толкали, читали все обрывки древних заклинаний, какие только приходили на память. Но стена не поддавалась. В конце концов

решили бросить это дело и попытать счастья в другой раз, уже всей компанией. Передохнули на травке и под вечер вернулись в лагерь.

* * *

Лагерь бурлил едва ли не ночь напролет. Всех снедало нетерпение. Утром все было готово к выступлению. Бофур и Бомбур остались охранять лагерь и приглядывать за пони, а прочие прихватили с собой по мотку доброй веревки, поднялись по лесенке в скале и вскоре достигли каменного карниза. По нему прошли цепочкой, бросая боязливые взгляды под обрыв — до земли было футов сто пятьдесят; вдобавок внизу торчали острые камни. Но обошлось без неприятностей, до травянистой лощины добрались целыми и невредимыми.

Там разбили верхний лагерь и мало-помалу подняли в него на веревках свое снаряжение. Порой какой-нибудь покладистый гном — к примеру, Кили — спускался вниз, чтобы узнать новости или подменить Бофура. Что касается Бомбура, тот наотрез отказался подниматься — ни на веревке, ни пешком.

— Пузо у меня не то, чтобы по кручам лазить, — объяснил толстяк. — Вот закружится у меня голова, наступлю я себе на бороду и упаду в пропасть, и останется вас тринадцать. А веревки — да какая веревка выдержит такую тумбу?

Скажу вам по секрету: очень скоро Бомбуру доказали, что он ошибался.

* * *

Гномы обследовали карниз и выяснили, что он ведет мимо лощины куда-то вверх, но подняться по нему не отважились и вообще старались далеко от лагеря не уходить (впрочем, куда уходить, коли

дверь — вот она, совсем рядом). Наверху было тихо, не слышалось даже вороньего грая, лишь посвистывал в расщелинах ветер. Говорили вполголоса, а песен не пели вовсе — чудилось, будто за каждым валуном притаилась неведомая опасность.

Дверь упорно не желала открываться. Гномы прихватили с собой из Эсгарота множество самых разных инструментов, но толку от них было чуть. Деревянные ручки раскалывались и ломались, оставляя в ладонях занозы, а стальные насадки слетали или гнулись, будто свинцовые. К тому же от ударов начинало гулять по ложине эхо, и гномы испуганно втягивали головы в плечи, ожидая, что из-за гребня вот-вот вымахнет дракон. Хотели было подкопать стену, но вовремя сообразили, что заклятие, наложенное на дверь, не позволит зарыться сколько-нибудь глубоко. Им так не терпелось проникнуть в потайной ход, что они начисто забыли о надписи на карте и о сроке, который назначили лунные руны.

Бильбо изрядно утомляло это бесцельное «сидение на пороге» — на самом-то деле, конечно, никакого порога не было и в помине, так, узкая полоска травы между каменной стеной и горловиной ложины; гномы же прозвали ее порогом потому, что кто-то вспомнил давнишние слова хоббита, сказанные на вечеринке в его норе: «Нужно просто посидеть на пороге, пораскинуть мозгами». Вот они теперь и раскидывали, когда не пытались открыть дверь или не бродили бесцельно по лагерю, день ото дня становясь все угрюмее.

Впрочем, гномы опускать руки не собирались. Но хоббит уже утратил всякую надежду. Целыми днями он сидел, прислонившись спиной к скале, и глядел на запад — за отроги Одинокой горы, за черное Лихолесье; и ему казалось, будто он смутно различает вдалеке очертания Мглистых гор. Когда

же гномы спрашивали, чем он занимается, Бильбо отвечал:

— Сами же говорили, мое дело — думать. Вот я и думаю.

Мне почему-то кажется, что господин Торбинс думал в основном о вещах посторонних, с потайным ходом в недра Горы никак не связанных — о тихой зеленой Хоббитании, о милой Круче и о своей уютной норке.

Порой Бильбо отводил взгляд от безбрежных далей и принимался мрачно рассматривать серый валун, лежащий посреди лощины, или наблюдал за улитками — большими, жирными улитками, которые облюбовали каменные стены лощины и медленно, с трудом переползали с места на место.

* * *

— Завтра начнется последняя неделя осени, — сказал однажды Торин.

— А за осенью придет зима, — прибавил Бифур.

— И наступит новый год, — закончил Балин. — Сдается мне, прежде чем мы чего-нибудь добьемся, по нашим бородам можно будет спускаться вместо веревок. Что-то наш прославленный добытчик совсем от дела отбился. У него есть колечко-невидимка, верно? Так пусть наденет его, проберется через Парадные Врата в пещеру и узнает, как там обстоят дела.

Услышав эти слова — гномы беседовали в двух шагах от него, — Бильбо пришел в ужас. «Кошмар! — мелькнуло у него в голове. — Друзья называются! И почему я вечно должен их выручать? Разве я похож на мага? Что делать, что мне делать? Ведь как знал, что под конец со мной обязательно случится какая-нибудь скверность! Да если меня и вправду зашлют под Гору, я же никогда оттуда не выберусь!»

Ночью он не сомкнул глаз — настолько ему было плохо. Наутро гномы разошлись в разные стороны: кто спустился в нижний лагерь проведать пони, кто отправился бродить по склонам Горы, кто снова взялся за дверь. А Бильбо опять уселся на пороге; он то пялился на серый валун, то вперял взгляд в голубые просторы на западе. У него почему-то возникло странное ощущение — что-то должно произойти. «Может, соизволит вернуться Гэндальф?» — мрачно подумал он.

Поднимая голову, хоббит видел далекий лес. Когда солнце начало клониться к западу, лиственный поллог Лихолесья вдруг окрасился желтым, будто солнечный свет отразился от пожухлой листвы. Солнце между тем опускалось все ниже. Вот оно оказалось на одном уровне с глазами Бильбо. Хоббит встал, подошел к каменному карнизу. Над окоемом поднимался бледный серпик новорожденной луны.

Вдруг за спиной что-то словно хрустнуло. Бильбо обернулся. На сером валуне сидел огромный дрозд, иссиня-черный, с желтой грудкой в черных крапинках. Хрум! Дрозд поймал улитку и теперь пытался расколоть о камень ее раковину. Хрум! Хрум!

И тут Бильбо догадался! Забыв о том, что его могут услышать соглядатаи дракона, он выбежал на карниз, закричал и замахал руками. Гномы поспешили к нему, гадая, что такое могло стрястись; те, кто находился внизу, стали требовать, чтобы их подняли (а Бомбур сладко спал).

Бильбо поспешил все объяснить. Наступила тишина. Хоббит стоял у серого валуна, а гномы смотрели на него, недоверчиво качая головами. Солнце опускалось все ниже и ниже, и вместе с закатом таяли надежды. Вот дневное светило скрылось в огненно-красных облаках. Гномы застонали от отчаяния. Но Бильбо и не подумал отойти от серого валуна. Серпик луны подобрался к окоему, пали сумерки. И, когда угасла последняя надежда,

последний солнечный луч, рдяно-красный, выскользнул сквозь прореху в облаках и вонзился указующим перстом в гладкую стену. Черный дрозд, глаза-бусинки которого внимательно следили за происходящим, громко пропел. Послышался треск, от стены отломился и упал наземь осколок. В скале, футах в трех от земли, появилось отверстие — замочная скважина!

Гномы бросились к стене и дружно навалились на нее. Тщетно! А время стремительно уходило.

— Ключ! — воскликнул Бильбо. — Ключ! Где Торин?

Гном подбежал к хоббиту.

— С картой Гэндальф отдал вам ключ. Попробуйте его вставить! Только поскорее, не то будет поздно!

Торин снял с шеи цепочку с ключом, вставил ключ в замочную скважину, повернул... Щелк!

Свет померк. Солнце село, луна куда-то пропала, небо потемнело.

На сей раз навалились все вместе. Каменная стена наконец-то начала подаваться. По ней побежали трещины, затем обрисовалась дверь — пяти футов высотой и трех шириной. Медленно, беззвучно дверь распахнулась вовнутрь. За ней открывался проход в глубь Горы — казалось, это из него выползает непроглядная ночная тьма.

Глава 12

ВЕСТИ ИЗНУТРИ

Гномы долго спорили, кому идти на разведку. Наконец Торин заявил: — Приспело время нашему уважаемому господину Торбинсу, хоббиту смелому и выносливому — нам бы его терпение! — надежному спутнику и, да простится мне это выражение, любимчику удачи, — так вот, приспело время и ему заняться делом. Свою долю сокровищ нужно еще заслужить.

Вы уже знаете, как изъяснялся Торин Дубовый Щит в особо торжественных случаях, поэтому пересказывать всю его речь нет ни малейшей надобности. Без сомнения, повод у него был самый что ни на есть подходящий, но Бильбо невежливо перебил гнома, ибо сразу понял, куда тот клонит.

— Слушайте, сударь мой Торин Дубовый Щит, сын Траина, да удлинится ваша борода! — воскликнул он. — Коли вы разумеете, что я должен забраться в подземелье, то благодарю покорно! Вспомните, я не подржался опекать гномов. Не было такого

уговора, верно? И что же — без меня вы дважды точно бы погибли! Сколько можно? Совесть надо иметь! По-моему, свою долю я заслужил давным-давно. Ну да ладно, — прибавил Бильбо более спокойным тоном. — Любимчик не любимчик, но в свою удачу я верю гораздо больше, нежели в былые дни. (Он разумел ту казавшуюся бесконечно далекой весну, когда покинул уютную норку на Круче.) Как говаривал мой папаша, «по третьему разу всяко сладится». Я иду. Кто со мной?

Добровольцев не оказалось; впрочем, Бильбо на них и не рассчитывал. Фили и Кили смущенно потупились, все прочие притворились, что не слышат. Только старый Балин, искренне привязавшийся к маленькому хоббиту, сказал, что готов проводить Бильбо и даже пройти с ним немного в глубь Горы — на случай, если понадобится какая помощь.

Не судите гномов строго. Они вовсе не обманывали хоббита и собирались по-честному оплатить его услуги — когда он сделает то, ради чего, собственно, и нанимали добытчика. Гномы всегда старались выручить Бильбо и спешили ему на помощь (как в начале пути, когда им встретились тролли) — по крайней мере, до тех пор, пока уже хоббит не стал их вызволять из неприятностей. Но гномы — вовсе не герои, ими движут жадность и расчет; конечно, среди них попадаются лгуны и негодяи, но достойных гномов, вроде Торина и компании, гораздо больше. Главное — не предъявлять к ним слишком высоких требований.

* * *

Когда Бильбо проскользнул в потайную дверь, на бледном, отороченном тьмой небе выступили первые звезды. Хоббит не ожидал, что идти окажется настолько легко. Этот ход в каменной толще прору-

били гномы в дни расцвета своего королевства, и он был не чета пещерам гоблинов и лесных эльфов: прямой как линейка, с гладким полом и не менее гладкими стенами, он вел под уклон, забираясь все глубже в недра Горы.

Скоро Балин пожелал Бильбо удачи и остался там, откуда мог разглядеть сереющий на фоне неба дверной проем. По проходу гуляло эхо, и было слышно, о чем шепчутся гномы, оставшиеся снаружи. Бильбо надел кольцо и двинулся дальше, стараясь ступать совершенно беззвучно. Гулкое эхо вынуждало блюсти сугубую осторожность. Вниз, вниз, вниз... Он дрожал от страха, но лицо его выражало твердую решимость. Нынешний Бильбо Торбинс мало чем напоминал того хоббита, который когда-то выбежал из Торбы-на-Круче без носового платка в кармане. Он уже давным-давно не имел при себе носового платка. Бильбо вытащил из ножен кинжал, затянул пояс и продолжил путь.

* * *

— Ну что, Бильбо Торбинс, — сказал он себе. — Сам впутался, сам и выпутывайся. И кто тебя за язык тянул на той злополучной вечеринке? Вот и расплачивайся теперь! Олух ты, олух! — Бильбо заговорил как в старые добрые времена. — Пускай дракон себе сторожит свои сокровища хоть до скончания века, а мне бы очутиться в моей маленькой уютной норке — и все, и никаких сокровищ не надо.

Но это скромное желание, разумеется, было неосуществимо. Хоббит крался по казавшемуся бесконечным коридору; дверной проем за спиной давно исчез из виду. Понемногу становилось теплее.

«Мерещится мне, или я и вправду вижу впереди какой-то свет?» — спросил себя хоббит. Глаза его не обманывали. В дальнем конце коридора

возникло алое свечение. Чем ближе Бильбо подходил, тем ярче оно разгоралось и тем становилось жарче. Хоббит вспотел. Под потолком клубился пар, откуда-то доносился странный звук, будто кипел на огне громадный котел — или мурлыкал огромный котиче. Немного погодя стало ясно, что на самом деле это храп: в недрах Горы громко храпело спящее чудовище.

Бильбо застыл как вкопанный. Следующий шаг был величайшим подвигом в его жизни. Все то, что случилось потом, не шло ни в какое сравнение с этим шагом. Хоббит пережил во мраке пещеры настоящую битву с самим собой, пережил и победил! Переведя дух, он двинулся дальше и вскоре заметил отверстие, точно такого же размера и формы, как и первое, в начале потайного хода. Подкравшись к отверстию, он осторожно просунул в него голову. Взгляду открылась исполинская пещера — должно быть, в старину у гномов тут был винный погреб либо темница. Потолок и стены пещеры смутно угадывались в алом свечении, а свечение это исходило от Смога!

* * *

Огромный красно-золотой дракон крепко спал, порывивая во сне и выпуская из ноздрей струи дыма. Крылья его были сложены, и это придавало ему сходство с чудовищной летучей мышью. Он возлежал на груде сокровищ, обхватив ее лапами и придавив длинным, свернувшимся в кольцо хвостом. Пол пещеры ковром устилали самоцветы, золотые украшения, поделки из серебра, отливавшие красным в алом свечении.

Смог лежал так, что можно было разглядеть его бледное брюхо, все в золоте и самоцветах, вросших в него за долгие годы, проведенные драконом в под-

земелье. На стене около дракона висели доспехи и оружие — кольчуги, шлемы, топоры, мечи и копья; вдоль стены выстроились бочонки и бочки, битком набитые драгоценностями.

Сказать, что дыхание Бильбо пресеклось, значит не сказать ничего. Нет слов, чтобы передать изумление и восторг хоббита (а нет этих слов потому, что ныне они попросту забылись, ведь люди изменили тот язык, которому научились у эльфов в дни, когда чудеса были делом обыкновенным). Конечно, хоббит слышал предания и песни о драконьих кладах, но такой роскоши, такого великолепия он никак не ожидал. Голова шла кругом, сердце вдруг пронзила та самая жажда богатства; которая сгубила не одного гнома. Бильбо забыл, зачем пришел — стоял и любовался на сокровища, и начхать ему было на всех драконов на свете.

Минула целая вечность. Наконец хоббит с великой неохотой, будто против собственной воли, стряхнул с себя оцепенение и соскользнул на пол пещеры. Подскачив к ближайшей куче сокровищ, он схватил большой, тяжелый кубок, бросил испуганный взгляд на дракона, грозного даже во сне, и кинулся обратно. Смог пошевелил крылом, вытянул когтискую лапу; храп стал немного тише.

Бильбо припустил со всех ног. Но дракон и не думал просыпаться. Ему снились побоища и грабежи, а маленький хоббит тем временем стремглав летел по проходу. Сердце Бильбо бешено колотилось, ноги едва держали, но хоббит не останавливался и не выпускал из рук кубка. «Получилось! — ликовал господин Торбинс. — Получилось! Кто там говорил, что я больше похож на бакалейщика, чем на добытчика? Ха! Теперь-то я всем утру нос!»

Балин страшно обрадовался, вновь увидев хоббита, а когда заметил кубок, изумлению гнома не было предела. Схватив Бильбо в охапку, Балин побежал к выходу из потайного хода. Господина Торбинса встретили как героя. Гномы наперебой восхваляли его, хлопали по спине и говорили, что они, гномы, у него в неоплатном долгу, а Бильбо лежал на земле с закрытыми глазами, наслаждаясь ночной свежестью и лишь вполуха прислушиваясь к похвалам.

* * *

Гномы передавали кубок из рук в руки, восхищенно его разглядывая, и оживленно толковали о сокровищах, как вдруг Гору сотряс чудовищный грохот, словно пробудился древний, давно потухший вулкан. Дверь в стене чуть было не захлопнулась; по счастью, вовремя успели подложить камень. Из потайного хода доносились жуткие звуки — рык и топот, от которого дрожала земля.

Тут уж стало не до сокровищ. Гномы припали к земле. Смог проснулся и явственно напомнил о себе дерзким созданиям, посмевшим забыть, что он еще жив.

Как правило, драконы не пользуются своим богатством, зато прекрасно помнят каждую крупинку золота, каждый самоцвет, в особенности — если владели сокровищами достаточно долго, и Смог не был исключением. Проснулся он от дурного сна, в котором сражался с каким-то отважным коротышкой, вооруженным острым мечом, и сразу учуял посторонний запах. Откуда? Может, вон из той дырки в стене? Дракон с подозрением уставился на отверстие. Давно пора заделать его наглухо. Помнится, из этой дыры доносились странные звуки; он еще решил, что ему померещилось... Смог пошевелился, вытянул шею — и тут заметил пропажу кубка!

Воры! Пожар! Убивают! Ничего подобного не случилось с тех самых пор, как он обосновался под Горой. Ярость дракона не поддается описанию. Разве что можно ее сравнить с бешенством какого-нибудь толстосума, привыкшего к своим богатствам и неожиданно утратившего что-то, чем он почти не пользовался или чего вообще не трогал в течение многих лет. Смог выпустил из пасти струю пламени; пещера наполнилась дымом, Гора сотряслась от макушки до основания. Дракон попытался просунуть голову в отверстие. Убедившись, что оно слишком маленькое, Смог взревел — под землей словно прогремел гром — и ринулся по подземным коридорам к Парадным Вратам.

Его ограбили! Ну, они за это поплатятся! Смог собирался обшарить склоны Горы сверху донизу, поймать мерзкого вора и разорвать на мелкие кусочки! Вылетев из ворот — от огненного дыхания дракона вода мгновенно превратилась в пар, — он взмыл в небо, покружил над Горой и опустился на вершину в сполохах ало-зеленого пламени. Гномы, затаившиеся в лощине, съежились за камнями в надежде, что яростный взор дракона скользнет мимо.

Но надежды не оправдались, и несдобровать бы гномам, когда бы вновь не Бильбо.

— Скорее внутрь! — воскликнул хоббит. — В потайной ход! Тут нам не отсидеться!

Все дружно кинулись к потайному ходу и уже собирались укрыться в нем, когда Бофур закричал:

— А мои братья! Бифур и Бомбур! Мы совсем про них забыли! Они же погибнут!

— И пони тоже, — страдальчески отозвался кто-то, — и все припасы! Мы ничего не можем сделать!

— Ерунда! — возразил Торин, обретая утраченное было достоинство. — Мы не можем их бросить! Господин Торбинс, Балин, Фили и Кили — внутрь!

В случае чего хоть четверо да уцелеют. Остальные — за мной! К веревкам!

Все висело на волоске. Дракон, озиравший отроги Горы и яростно ревавший, в любое мгновение мог их заметить. А если он взмоет в воздух или если ему вздумается облететь Гору — тут уж он заметит гномов наверняка. Торин с товарищами подбежал к карнизу, все принялись неистово тянуть. Первым благополучно подняли Бофура. Потом — и как только веревки выдержали? — втащили отдувающегося Бомбура. Успели даже поднять инструменты и кое-что из поклажи, и тут началось...

Земля под ногами содрогнулась, по камням заметались блики пламени. Дракон прилетел!

Едва последний гном, волоча за собой поклажу, укрылся в потайном ходе, Смог примчался с севера, поливая огнем склоны. Его крылья со свистом рассекали воздух. Огненное дыхание дракона опалило траву перед дверью в каменной стене; язык пламени сквозь щель между стеной и дверью проник в потайной ход и лизнул затаившихся гномов. На мгновение в коридоре стало светло как днем, а затем вновь наступила тьма. Послышалось испуганное ржание. Гномы видели, как дракон развернулся и полетел прочь — должно быть, в погоню за оборвавшими привязь пони.

— Мы остались без пони, — сказал Торин. — Если Смог кого заметил, пощады не будет. Ладно, будем сидеть и ждать. Или кому-нибудь хочется прогуляться к реке?

Желающих не нашлось. Забрались поглубже в потайной ход и улеглись прямо на полу, стуча зубами — вовсе не от холода, в потайном ходе было жарко и душно. Дракон кружил над Горой всю ночь, его яростный рев не затихал.

Смог обнаружил следы лагеря и догадался, что неведомые воришки пришли с Долгого озера, а на Гору поднялись из того распадка, где паслись пони. Но потайного хода он так и не заметил, а высокие стены лощины приняли на себя огненное дыхание. Рассвет слегка остудил ярость дракона, и он вернулся на свое золотое ложе — отсыпаться и набираться сил. Воровства он не забывал и не прощал, но чтобы отомстить, готов был ждать сколько угодно — ведь драконий век необычайно долог, и сотня-другая лет для этих тварей не срок. Смог медленно заполз в логово, вытянулся на гряде сокровищ и прикрыл глаза.

С наступлением утра гномы приободрились. Ночное нападение напомнило им, что главная опасность впереди, но отступаться от задуманного они не собирались. Однако путь наружу был покамест заказан; пони или убежали, или погибли, так что, подытожил Торин, остается сидеть и ждать, пока Смог успокоится и ослабит бдительность. К счастью, они успели поднять съестные припасы, так что смерть от голода компании не грозила.

Долго обсуждали, как быть и что делать. Но как ускользнуть от разъяренного дракона, никто не знал, и в этом было слабое место всех планов отступления. Окончательно запутавшись, не нашли ничего лучшего, как напуститься на Бильбо — дескать, нечего было брать кубок. Глядишь, дракон спал бы до сих пор (гномы и забыли, что еще накануне бурно радовались этой вещице).

— А что еще мне было делать? — огрызнулся Бильбо. — Я добытчик или нет? Драконов пускай убивают воины, мое дело — воровать, за тем я и нанимался. По-моему, золотой кубок для начала очень даже неплохо. Или вы ждали, что я приволоку на

спине весь клад? Да я на вашем месте, между прочим, помалкивал бы. Тут нужна целая армия добытчиков, а вы все взвалили на одного! Могли бы заранее предупредить, сколько там всего лежит. Конечно, ваш Трор был великим королем, но мне от этого не легче. Да будь Смог ручным, как кролик, и то понадобилась бы добрая сотня лет, чтобы вынести все сокровища в одиночку!

Его отповедь подействовала. Гномы извинились и заговорили иначе.

— И что предлагает господин Торбинс? — спросил Торин.

— Покуда ничего. Зависит от того, как пойдут дела и сумеем ли мы избавиться от Смога. Пожалуй, я попробую что-нибудь придумать, хотя особой надежды у меня нет... Эх, очутиться бы сейчас дома!

— Это мы все не прочь, — буркнул Торин. — Но что нам делать сейчас?

— Вам и вправду нужен мой совет? Пожалуй-ста! Сидите и не высовывайтесь. Днем, наверное, можно будет выбраться наружу. Кого-нибудь отправим к реке за припасами. Ну а вечером снова укроемся в потайном ходе. Что же касается сокровищ... У меня есть мое кольцо, я могу спуститься в пещеру и проверить, чем занят Смог. Как говаривал мой папаша, у каждого червяка своя слабина; ума не приложу, где он мог это узнать.

Гномы с воодушевлением приняли предложение хоббита. Если раньше они его уважали и только, то теперь готовы были признать Бильбо своим предводителем.

А у того в голове роились грандиозные планы. К полудню он был готов ко второму спуску в недра Горы. Разумеется, идти ему не очень-то хотелось, он по-прежнему боялся, но уже не так сильно. Правда,

знай Бильбо побольше о коварстве драконов, он бы не слишком надеялся на то, что застанет Смога спящим.

Когда хоббит двинулся в путь, снаружи всюду светило солнце. Но в потайном ходе было темно и страшно. Солнечный луч, проникавший в щель между дверью и стеной, не мог разогнать тьмы. Хоббит ступал неслышно, точно не шел, а плыл над полом. Впереди замерцал алый огонек, совсем, совсем тусклый. Бильбо все сильнее гордился собой и не мог нарадоваться собственной изобретательности.

«Старина Смог утомился и спит без задних ног, — подумал он. — Увидеть он меня не может, услышать не услышит. Выше голову, Бильбо!»

Хоббит забыл — а может, никогда и не знал, — сколь острый у драконов нюх. Вдобавок, если дракон чем-то обеспокоен, он даже и спит в полглаза.

А Бильбо думал, что Смог спит крепко. Чудовище лежало неподвижно, дыхание его было тихим и ровным. Бильбо высунулся из дверного проема, огляделся и хотел было спрыгнуть в пещеру, как вдруг заметил алый зрачок под левым веком Смога. Дракон лишь притворялся спящим! Он следил за отверстием! Бильбо отпрянул. Какое счастье, что он надел кольцо! И тут Смог заговорил.

* * *

— Ну, вор? Выходи, я учуял тебя. Я слышу твоё дыхание. Давай, покажись. Смотри, сколько здесь всего ценного — бери что пожелаешь.

Уж в чем в чем, а в осторожности Бильбо основательно поднаторел (пускай и не всегда о ней вспоминал), так что Смогу не удалось его провести.

— Благодарю тебя, Смог Ужаснейший, — откликнулся хоббит, — но я пришел не за сокровищами.

Мне всего лишь хотелось взглянуть на тебя. Я не верил, что ты такой огромный, как говорится в преданиях.

— Теперь веришь? — спросил дракон, слегка польщенный, но по-прежнему исполненный подозрительности.

— Никакие песни и предания не сравнятся с тобой живым, о Смог, Величайшее из Бедствий, — отозвался Бильбо.

— Для вора и лжеца у тебя неплохие манеры, — одобрительно громыхнул дракон. — Тебе известно мое имя, но вот я твоего запаха не припоминаю. Позволь узнать, кто ты и откуда.

— Конечно, конечно. Я пришел из-под кручи, и моя дорога вела по кручам и через кручи. А еще по воздуху. Я Тот, Кто Идет Незримо.

— Замечательно. А как тебя зовут на самом деле?

— Ищущий Следы, Рвущий Паутину, Жалящая Муха. Вместе со мной получилось Счастливое Число.

— Сколько у тебя прозвищ! — усмехнулся дракон. — Между прочим, учти на будущее — счастливые числа не всегда приносят счастье.

— Я — похоронивший друзей заживо, утопивший их и извлекший живыми из воды. Я вышел из торбы, да торбы не взял.

— Вот тут ты оплошал, — хмыкнул дракон.

— Я Друг Медведей и Гость Орлов, — продолжал Бильбо, постепенно входя во вкус. — Я Кольцедобытчик, Любимчик Удачи и Всадник Бочонка.

— Это уже лучше, — одобрил Смог. — Но не слишком увлекайся, а то запутаешься.

* * *

Конечно, именно так и следует разговаривать с драконом, коли вы не хотите открывать ему своего

имени (и это правильно!) и боитесь рассердить его прямым отказом (а вот это и правильно — и мудро). Ни один дракон не удержится от соблазна поиграть в загадки. Многие в словах Бильбо Смог попросту не понял (но вы-то поняли наверняка — ведь вам известно все то, о чем упоминал хоббит); однако дракон полагал, что узнал достаточно.

«Так и думал! — усмехнулся он про себя. — Озерники! Тут явно не обошлось без этих мерзких людишек, или я обыкновенная ящерица! Давненько я к ним не заглядывал. Ну ничего, это дело поправимое».

— Отлично, Всадник Бочонка, — проговорил дракон. — Бочонком, верно, звали твоего пони, самого толстого из всех? Разумеется, невидимым ты можешь бродить сколько тебе вздумается, но вот топтать пешком до реки — то еще удовольствие. К твоему сведению, прошлой ночью я съел шестерых пони, и остальные никуда не денутся. Оч-чень вкусно было! В награду за угощение я готов дать тебе добрый совет: не якшайся с гномами.

— С гномами? — переспросил Бильбо, притворяясь удивленным.

— Не перебивай, — одернул дракон. — Гномов я знаю на запах и на вкус — отличная еда. Неужели ты думаешь, что я могу съесть пони, на котором ездил гном, и не учуять гномьего запаха? Учти, воришка, с такими приятелями ты плохо кончишь. Можешь так им и передать. — Смог умолчал о том, сколь сильно его заинтересовал новый, совершенно незнакомый запах — запах хоббита. — За сколько ты загнал мой кубок, а? Сколько тебе заплатили? Совсем ничего? Узнаю гномов. Сдается мне, незавидная у тебя участь — рвешь в одиночку жилы, тащишь все, что подвернется под руку, а они

бездельничают снаружи, дожидаясь добычи. Много обещали? Не верь! Еще спасибо скажешь, коли выберешься живым.

* * *

Бильбо весь извелся. Когда на него падал пытливый взор Смога, высматривавшего невидимого ворюшку, он начинал дрожать, его охватывало почти неодолимое желание снять кольцо, встать перед Смогом и выложить тому все как есть. Хоббит и не догадывался, что дракон наводит чары.

Набравшись мужества, Бильбо продолжил разговор.

— Тебе ведомо многое, но не все, о могучий Смог, — сказал он. — Не только сокровища привели нас сюда.

— Ага! Попался! — расхохотался Смог. — Почему бы тогда не сказать «нас четырнадцать» и не покончить с этим, господин Счастлирое Число? Я рад, что вам нужно что-то еще кроме моего золота. Все-таки не совсем впустую потратите время.

Понимаешь ты или нет, глупец, что, даже если ты украдешь все мое золото — а на это тебе потребуется лет сто, если не больше, — далеко вам с ним не уйти? Думаешь, никто не позарится на него в горах или в лесу? Дубина ты, дубина! На чем вы собираетесь везти сокровища? Кто их будет охранять, и как насчет пошлины? Кстати сказать, ты уверен, что тебя не обманывают? А вдруг твоя доля — пшик?

Коварный Смог гулко захохотал. Он знал, что недалек от истины; впрочем, дракон по-прежнему был уверен, что во всем виноваты жители озерного города и что основная часть добычи непременно осядет в Эсгароте.

Вы, наверное, удивитесь, но бедняга Бильбо чуть было не поверил Смогу. До сих пор он помышлял

только о том, как добраться до Горы и отыскать потайной ход. О том же, как увезти сокровища и как доставить свою долю в Торбу-на-Круче, хоббит и не задумывался.

У него зародилось ужасное подозрение — а что, если гномы и вправду замыслили обмануть его и все это время втихомолку посмеивались над простаком Торбинсом? Нет, этого не может быть! Гномы — друзья, настоящие друзья!

Как видите, драконьи чары начинали действовать. И то сказать, редко кому удается против них устоять.

— Золото — не главное, — проговорил хоббит. — Мы пришли, чтобы отомстить. Мы шли по-над кручами, плыли по водам, летели по воздуху, чтобы поквитаться с тобой, о богатейший Смог! Ты ведь знаешь, что у тебя есть кровные враги?

Дракон оглушительно расхохотался. Бильбо припечатало к стенке потайного хода, а гномы, услышав этот грохот, решили, что господин Торбинс обрел мучительную кончину.

— Отомстить! — фыркнул дракон. Он поднял веки, и его зрачки, будто светильники, озарили пещеру от пола до потолка. — Поквитаться! Король Подгорного королевства мертв, и где его жаждущие мести родичи? Гирион, владыка Дола, тоже мертв, и где сыновья его сыновей, где прочие мстители? Они боятся меня, воришка, боятся! Я убиваю там, где хочу и кого хочу, и никто не осмеливается мне сопротивляться. Я повергал великих бойцов прошлого, а нынешние им не чета. Тогда я был молодым и незрелым, а ныне я стар и могуч, могуч, могуч!!! Вот так-то, глупый воришка! — злорадствовал Смог. — Моя чешуя толще десятка щитов, мои зубы — мечи, мои когти — копья, удар моего хвоста — раскат грома, крылья поднимают бурю, а дыхание сеет смерть!

— Я всегда думал, — пискнул перепуганный хоббит, — что на брю... э-э... на груди у драконов чешуи нет. Или я что-то напутал?

Дракон оборвал похвальбу.

— Твои сведения устарели, — громыхнул он. — Сверху я покрыт чешуей, а снизу у меня камни. Никакой клинок их не пробьет.

— Мне бы догадаться, — сокрушенно вздохнул Бильбо. — Верно, верно — никто не сравнится со Смогом Непробиваемым! Как, должно быть, приятно иметь жилет из самоцветов!

— Еще бы! — самодовольно согласился Смог. Ему было невдомек, что в прошлый раз хоббит успел увидеть его каменное брюхо, а теперь хочет повнимательнее все разглядеть. Он перевернулся на бок. — Смотри! Ну, что скажешь?

— Изумительно! Невероятно! Потрясающе! Чудеса! — рассыпался в восторгах Бильбо, а сам подумал: «Старый болван! Интересно, что это за впадинка слева на груди? Голая, как улитка без раковины...»

Решив, что наговорился и насмотрелся достаточно, господин Торбинс собрался уходить.

— Не смею больше беспокоить Ваше Великолепие, — сказал он. — Отдыхайте. Вы, наверно, подустали, гоняясь за пони. И за воришками, — прибавил хоббит и опрометью кинулся вверх по проходу.

Его последние слова задела Смога. Дракон вытянул шею, приблизил свою чудовищную морду к узкому отверстию в стене пещеры и выдохнул струю пламени. Бильбо еще повезло — он успел убежать далеко, поэтому обжегся не сильно, но все же чувствительно. Да, не стоило насмеяться над драконом; ошибка чуть не стоила ему жизни.

— Бильбо, ты балбес! — сказал себе хоббит. — Никогда не смейся над живым драконом! — Впос-

ледствии эта фраза стала его любимой присказкой и даже превратилась в поговорку. — Приключение еще не кончилось!

И это была чистая правда.

* * *

Уже под вечер хоббит наконец выбрался наружу — выпал из потайного хода прямо на руки гномам. Друзья смазали ему ожоги целебной мазью, но прошло много времени, прежде чем запекшиеся и приставшие к коже волосы на голове Бильбо и шерстка на стопах отросли вновь. Гномы как могли старались развеселить его, им не терпелось услышать, что произошло в логове дракона и что там грохотало.

Однако хоббит рассказывал не слишком охотно. А дело было вот в чем: он, по зрелом размышлении, понял, что поведал дракону кое-что лишнее, и не хотел выслушивать упреки гномов. Достаточно было того, что он сам корил себя на чем стоит свет.

Долго так продолжаться не могло, и в конце концов Бильбо не выдержал.

На сером валуне посреди поляны сидел дрозд. Он словно прислушивался к разговорам. Хоббит подобрал с земли камень и швырнул в птицу. Дрозд отлетел на несколько шагов, а потом вернулся на прежнее место.

— Проклятая птица! — рассердился Бильбо. — Она подслушивает, я уверен! И вообще она мне не нравится!

— Не городите чепухи, — отозвался Торин. — Дрозды — птицы добрые и дружелюбные, а этот, похоже — из той стаи, которую кормили когда-то с рук мои отец и дед. Дрозды ведь живут долго. Помните, люди Дола сумели выучить их язык и частенько посылали дроздов гонцами в Эсгарот и в другие места.

— Ну, коли вы хотите отправить весточку в Эсгарот, — сказал хоббит, — тогда пускай слушает на здоровье. Хотя вряд ли кто сейчас понимает птичий язык...

— Да что стряслось? — вскричали гномы. — Давай выкладывай!

Бильбо рассказал все, что помнил, и признался: его беспокоит, что дракон, по-видимому, о многом догадывается.

— Смог наверняка сообразил, что мы приплыли из озерного города и что горожане нам помогли. Боюсь, он собирается слетать туда. Какой же я болван! И надо мне было назваться всадником бочонка! Даже последний тупица сообразит, что тут не обошлось без жителей Эсгарота.

— Не вини себя, — промолвил Балин. — Все равно, что сказано, то сказано, да и трудно не проболтаться в разговоре с драконом, так мне говорили. Если хочешь знать, я думаю, ты молодец — сумел выведать очень важную вещь и выбраться живым. Улизнуть от дракона не так-то просто. А еще ты выяснил главное: теперь мы знаем, что Старый Червяк не такой уж неуязвимый, что у него на брюхе есть прореха.

Принялись вспоминать, кто и как убивал драконов и каким оружием. Приводили множество случаев — достоверных, сомнительных и вовсе вымышленных; обсуждали, какой удар лучше и надежнее; толковали о различных хитростях и уловках, которые могут помочь. Сошлись на том, что застать дракона врасплох почти невозможно, да и нападать на него спящего равносильно самоубийству — уж лучше безрассудная атака в лоб. Дрозд внимательно слушал, а когда на небе высыпали звезды, сорвался с камня и улетел.

Гномы продолжали разговор. Бильбо между тем не находил себе места, ему было неуютно и страшно.

— Послушайте, — вмешался он наконец. — Давайте спрячемся, а? Все равно трава сгорела, земля холодная, да и поздно уже. Я нутром чую — дракон снова сюда прилетит. Он теперь знает, как я спустился в пещеру, и, будьте уверены, отыщет верхнее отверстие. Если потребуется, Смог спалит весь склон Горы, разнесет стену на кусочки, а если вместе со стеной на кусочки разлетимся и мы, он ни капельки не расстроится.

— Что-то вы мрачно настроены, господин Торбинс, — отозвался Торин. — Смогу гораздо проще заделать нижнее отверстие, но он почему-то не торопится его забить. Слышите, все тихо?

— Не знаю, не знаю... Может, он ждет, когда я вернусь... Или просто не хочет менять что-либо в своем логове. Ну пожалуйста, не спорьте со мной! Того и гляди может появиться Смог! Давайте спрячемся в потайном ходе и закроем дверь.

Хоббит выглядел настолько обеспокоенным, что гномы послушались. Правда, дверь закрывать не стали — неизвестно было, смогут ли они открыть ее изнутри, а пробираться потом на волю под носом у дракона никому не хотелось. Вдобавок по-прежнему было тихо — никаких подозрительных звуков. Так что гномы еще долго сидели у полуоткрытой двери потайного хода, продолжая разговор.

Всех возмутили слова дракона, что гномы обманывают хоббита. Бильбо горько жалел о том, что вообще услышал эти слова; они заронили в сердце сомнение, а ему очень хотелось верить, что друзья и вправду его не обманывают.

— Для нас главное — добыть сокровища, — заявил Торин, — а там уже решим, что с ними делать. Не будем делить шкуру неубитого медведя. Но что касается вас, господин Торбинс, мы вам глубоко признательны, и вы получите свою долю, как только сокровища окажутся в наших руках. Кроме того, мы постараемся помочь с доставкой вашей доли в Хоббитанию, — что и говорить, места здесь дикие. В общем, хотите верьте, хотите — нет, дело ваше.

Разговор перекинулся на сокровища в драконьем логове. Торин с Балином гадали, уцелела ли хотя бы малая толика из того, что они помнят: копья, выкованные гномами для войска Бладортина, великого короля прошлых лет, — каждое с наконечником-трезубцем и с древком, украшенными позолотой (Бладортин так и не выкупил эти копья); щиты давно почивших воинов; огромный золотой кубок Трора с двумя ручками — на нем была замечательная резьба, птицы с глазами-самоцветами и цветы с лепестками из драгоценных камней; смарагдовое ожерелье Гириона, владыки Дола (в этом ожерелье было пятьсот смарагдов, зеленых, как трава; Гирион подарил его своему старшему сыну в придачу к кольчуге, выкованной гномами из чистейшего серебра, втрое превосходившего прочностью сталь, — другой такой кольчуги на свете не было и быть не могло). Но чудеснее всего был большой алмаз, который гномы отыскивали в самом сердце Горы, — Завет-камень Траина.

— Завет-камень, Завет-камень, — бормотал Торин словно в забытьи. Гном сидел, опершись подбородком о колени, и глядел прямо перед собой. — Он как шар с тысячью граней, он светится, как серебро в пламени, как вода на солнце, как снег под звездами, как капли дождя в лунном свете!

Однако Бильбо, сидевшему у самой двери, было не до сокровищ. Хоббит не вступал в разговор; он напряженно прислушивался, чтобы невзначай не пропустить мало-мальски странный звук снаружи.

Сумерки густели, и хоббит беспокоился все сильнее.

— Закройте дверь, — попросил он гномов. — От этого дракона можно ожидать чего угодно. Боюсь, Смог замыслил какую-то каверзу. Уж лучше бы гремело и грохотало, как вчера. Закройте дверь, пока не поздно.

Торин перестал бормотать себе под нос, пристально поглядел на хоббита, молча поднялся и откинул камень, мешавший двери закрыться. Потом навалился на нее всем телом. Дверь захлопнулась, заперев компанию в потайном ходе.

И вовремя! Едва гномы с хоббитом отошли чуть глубже, как Гора содрогнулась от удара, будто в нее бил тараном какой-то великан. По стенам потайного хода зазмеились трещины, с потолка на головы посыпались камни. Если бы дверь оставалась открытой — брр! не хочу даже думать об этом. Гномы кинулись бежать, а снаружи доносился яростный рев Смога. Размахивая огромным хвостом, дракон крушил скалы, и вскоре выжженная трава, валун, на котором сидел дрозд, каменная стена с улитками, узкий карниз — все превратилось в груды обломков, лавиной рухнувшую в распадок.

Смог и вправду решил застать этих проклятых грабителей врасплох. Он тихонько выбрался из своего логова и полетел к западному склону Горы, надеясь отыскать верхний выход из потайного хода и заодно полакомиться гномами. Промедли гномы хоть немного — и дракон добился бы своего. А так ему осталось бушевать в бессильной ярости, ибо он никого не нашел.

Смог покружил над распадком, в который сошла каменная лавина. Что ж, отсюда его больше не потревожат. Можно заняться другими делами.

— Всадник Бочонка, — фыркнул дракон. — Ты пришел от воды, это вода принесла тебя сюда. Твой запах мне незнаком, ну и ладно. Если ты и не из озерников, они наверняка тебе помогали. Пора им напомнить, кто у нас настоящий Король-под-Горой!

Дракон взмыл в воздух, выпустил струю пламени и полетел на юг, к Долгому озеру.

Глава 13

КТО ДОМА, А КОГО И НЕТ

В потайном ходе было темно и так тихо, что даже шепот казался громким криком. Перекусили и легли спать. Засыпали, просыпались, а вокруг было все то же — непроглядный мрак и тишина. Никто не знал, сколько прошло времени; казалось, минули не одни сутки. Так недолго и задохнуться или сойти с ума; хотя бы глоток свежего воздуха! Пусть даже возвратился бы в свое логово дракон — и то стало бы легче: вот он, тут, под боком; а тишина наводила на неприятные мысли о том, что Смог затаился где-нибудь неподалеку и замышляет что-то ужасное. В конце концов терпение истошилось.

— К двери! — велел Торин. — Хоть надышимся вволю перед смертью. Уж лучше погибнуть в бою с драконом, чем задохнуться в темноте.

Несколько гномов поплелись вверх по проходу. Их ожидало разочарование. В потайном ходе случился обвал, и до двери теперь было не добраться.

— Мы в ловушке! — закричали гномы. — Все, мы погибли! Нам отсюда не выбраться!

Они причитали и рвали на себе волосы, а Бильбо вдруг ощутил несказанное облегчение — словно с груди его наконец-то сняли камень.

— Успокойтесь, — сказал он. — Как говаривал мой папаша, пока живу — надеюсь. Пора мне прогуляться вниз. Я уже дважды ходил в гости к дракону, схожу и в третий раз, тем паче что хозяин, по-моему, благополучно отсутствует. По третьему разу всяко сладится. В любом случае, другой дороги нет. И на сей раз, по-моему, вам всем, судари мои, лучше пойти со мной.

Отчаяние заставило гномов согласиться.

— Теперь тихо, — прошептал Бильбо вставшему рядом Торину. — Сдается мне, дракона в пещере нет, но кто его знает, этого Смога! Лучше не рисковать.

На ощупь двинулись вниз. Хоббит то и дело замирал и настороженно прислушивался. А гномы пыхтели и шаркали ногами — они просто не умели ходить по-хоббитовски; эхо разносило звуки по коридору, но снизу, как ни странно, не слышалось ни шороха. Наконец Бильбо решил, что они почти пришли, и надел кольцо. Впрочем, предосторожность была излишней: тьма стояла хоть выколи глаз, и различить что-нибудь было невозможно. Хоббит пошарил руками вокруг, нащупал пустоту, от неожиданности не устоял на ногах и кубарем скатился на пол пещеры.

Он упал и остался лежать лицом вниз, едва осмеливаясь дышать. Но никто его не трогал, никто с ним не заговорил. Хоббит медленно поднял голову. В пещере было темно, лишь мерцал в отдалении тусклый огонек, ничуть не похожий на пламенный зрачок дракона. Но в том, что это — пещера Смога, сомневаться не приходилось: в ней стоял густой дра-

коний дух, на языке ощущался горьковатый привкус дыма.

Господин Торбинс не выдержал.

— Смог! — взвизгнул он. — Ты, проклятый червяк! Хватит прятаться! Посвети-ка, слышишь? А потом можешь меня есть — коли поймаешь, конечно.

Ответом ему было только эхо, обежавшее пещеру.

Бильбо поднялся и вдруг понял, что не знает, в какой стороне потайной ход.

— Знать бы, что затеял Смог, — сказал сам себе хоббит. — Похоже, нынешним вечером (или днем — что там у нас на дворе?) он отправился на прогулку. Вот и славно. Еще бы свету подбавить. Может, Оин с Глоином запаслись в Эсгароте новыми огнивами? Эй! — крикнул хоббит. — Эй, кто-нибудь! Огоньку не найдется!

Услышав, с каким шумом упал Бильбо, гномы, разумеется, испугались, сбились в кучку и затаились у отверстия.

— Шш! — зашипели они, услышав голос хоббита. Это помогло Бильбо худо-бедно определить направление, в котором располагалось отверстие, но прошло немало времени, прежде чем гномы пришли на выручку господину Торбинсу. Лишь когда он пронзительно завопил: «Огня!» и принялся топтать ногами, Торин наконец разрешил помочь хоббиту. Оина с Глоином отправили наверх, к завалу, где оставались мешки с припасами и инструментами.

Вскоре они вернулись. Сперва показался алый огонек, а затем стали видны и гномы: Оин с маленьким зажженным факелом в руке и Глоин со связкой факелов под мышкой. Бильбо подскочил к дверному проему и схватил факел. Правда, гномы не до конца избавились от страха и наотрез

отказывались зажечь другие факелы или присоединиться к хоббиту. Как доходчиво объяснил Торин, господин Торбинс может лезть на рожон сколько ему вздумается; если уж на то пошло, добытчик — он, а добытчику виднее. Мол, ступайте, господин Торбинс, а мы посидим подождем и посмотрим, что у вас получится.

Хоббит не стал настаивать. Подняв факел над головой, он двинулся в обход пещеры. Время от времени гномы слышали звяканье — это Бильбо спотыкался об очередную золотую поделку. Хоббит уходил все дальше. Внезапно алый огонек факела, уже почти неразличимый во мраке, начал подниматься. Бильбо взобрался на груды сокровищ, на мгновение застыл и над чем-то наклонился.

То был Завет-камень, Сердце Одинокой горы, в точности такой, каким его описывал Торин. Впрочем, Бильбо узнал бы этот камень из тысячи других, ибо двух таких камней попросту не могло быть. Это Завет-камень тускло светился во мраке пещеры. Подобравшись ближе, Бильбо увидел светящийся изнутри шар. Блики пламени дробились на его бесчисленных гранях, приобретая самые невероятные оттенки. У хоббита захватило дух. Алмаз мерцал и искрился, и в его сиянии мерцали и искрились несметные сокровища вокруг.

Неожиданно для себя самого Бильбо протянул к камню руку. Ладонь хоббита оказалась слишком маленькой, чтобы охватить алмаз. Бильбо зажмурился, поднял камень обеими руками и сунул его в самый глубокий из своих карманов.

«Вхожу во вкус, — подумалось ему. — Надо будет рассказать гномам — но не сейчас. Они ведь говорили, что я сам могу выбрать свою долю. Хорошо, тогда я беру камень, а они пускай забирают все остальное».

Так рассуждал хоббит, но все же его грызли сомнения — он догадывался, что гномы не одобряют такого выбора.

Бильбо двинулся дальше, спустился с груды сокровищ, и гномы потеряли факел из виду. Но вскоре огонек появился вновь — Бильбо пересекал пещеру наискосок. Вот он добрался до громадного проема в дальнем конце, и порыв ветра снаружи чуть было не погасил факел. Хоббит робко заглянул в проем: из темноты проступали широкие коридоры, можно было различить нижние пролеты уводивших куда-то вверх лестниц. Смога нигде не было. Пожалуй, пора возвращаться. Бильбо повернулся, и тут над ним прошмыгнула черная тень, что-то коснулось лица. Он взвизгнул, покачнулся — и рухнул навзничь. Факел выпал из руки и погас.

Впрочем, хоббит быстро опомнился.

«Наверно, летучая мышь, — сказал он себе. — Вот незадача! Как же мне теперь быть? Где восток, где север, где юг и где запад?»

— Торин! Балин! Оин! Глоин! Фили! Кили! — закричал хоббит. В огромной пещере его отчаянный крик прозвучал шепотом. — Кто-нибудь! Помогите, найдите меня! — На мгновение от мужества Бильбо не осталось и следа.

Гномы расслышали крик, но разобрали одно только «помогите».

— Что с ним стряслось? — проворчал Торин. — Ясно, что это не дракон, иначе он бы и пикнуть не успел.

Немного подождали, но никаких подозрительных звуков не доносилось — слышался лишь взывавший о помощи голос Бильбо.

— Эй, зажгите-ка факелы! — велел Торин. — Похоже, пора подсобить нашему добытчику.

— С великой охотой, — откликнулся Балин. — Сколько раз он нас выручал, теперь наша очередь. Поторопимся же, покуда нам ничто не угрожает.

Глоин зажег факелы, гномы один за другим спустились в пещеру и торопливо двинулись на голос хоббита. Далеко идти не пришлось — Бильбо пошел им навстречу, едва заведя огоньки.

— А, летучая мышь пролетела, да факел погас, — небрежно отмахнулся он в ответ на вопросы гномов. Как ни странно, гномы не стали ворчать — мол, чего же ты тогда вопил, будто тебя режут. А все дело в том, что они очутились рядом с сокровищами и ни о чем другом думать уже не могли. Ведь и самый осторожный гном при виде золота становится отважен и свиреп и никакая опасность его не пугает. Представляете, что было бы, знай гномы, что в кармане у Бильбо лежит Завет-камень?!

Понукать их необходимости не было. Все как один рвались осмотреть пещеру — раз уж представилась возможность и коль скоро Смога, по-видимому, нет дома. Похватали факелы и разбрелись в разные стороны, забыв о всякой осторожности. Громко разговаривали, перекликались, поднимали сокровища с пола, снимали со стен доспехи и оружие, пристально разглядывали, ощупывали и любовно поглаживали.

Фили и Кили настолько увлеклись, что, отыскав золотые арфы с серебряными струнами, немедленно принялись играть. Дракон музыкой не интересовался, поэтому струны оказались в порядке и своих голосов арфы не потеряли. Под мрачными сводами поплыла древняя мелодия. Другие гномы занимались более важным делом — набивали карманы самоцветами, со вздохом кладя обратно на пол те, которые в карманы не лезли. Торин обшарил всю пещеру,

явно разыскивая нечто особенное (конечно, он искал Завет-камень, но его поиски были тщетны).

Потом гномы принялись вооружаться. Торин облачился в золотую кольчугу и прицепил к отделанному яхонтами поясу секиру с серебряным древком. Теперь он и вправду выглядел по-королевски.

— Господин Торбинс! — позвал он. — Вот вам первая награда. Снимите свой плащ и наденьте-ка это.

Он накинул на плечи хоббиту кольчужную рубашку, выкованную в давние времена, должно быть, для эльфа небольшого роста. Эта рубашка была из чудесного металла, который эльфы называют мифрил; к рубашке замечательно подошел пояс, расшитый жемчугами и горным хрусталем. На голову Бильбо водрузили легкий кожаный шлем со стальными ободьями изнутри, также искрившийся драгоценными камнями.

«Здорово! — обрадовался хоббит. — Но выгляжу я, наверное, нелепее не придумаешь. Вот посмеялись бы надо мной дома! Хоть бы зеркальце дали, что ли».

Гномы продолжали рыться в сокровищах, а Бильбо это быстро надоело. Он отошел в сторонку, сел и стал прикидывать, как быть и что делать дальше. «Какой толк ото всех этих кубков, ведь они пустые, — подумалось ему. — Эх, глотнуть бы сейчас из Беорновой чаши!»

— Торин! — окликнул Бильбо. — Что будем делать? Против Смога никакое оружие не поможет. Да забудьте вы про сокровища! Мы ведь пришли не за золотом, нам надо выбраться наружу. Удача — штука капризная, не стоит ее искушать.

Гном с трудом отвлекся от блеска драгоценностей.

— Верно, — согласился он. — Надо идти, и теперь поведу я. Даже за тысячу лет мне не забыть коридоров этого дворца!

Торин подозвал остальных. Подняв факелы над головами, они пересекли пещеру и миновали огромный проем. Пока сокровища не скрылись из виду, гномы все оглядывались и бросали назад исполненные сожаления взгляды.

Сверкающие кольчуги спрятались под плащами, шлемы — под драными колпаками. Двигались гуськом, то и дело останавливаясь и прислушиваясь.

Хотя древние укрепления гномов внутри Горы были разрушены, хотя Смог ухитрился разломать даже то, что строилось на века, Торин уверенно вел компанию к выходу. Взбирались по длинным лестницам, поворачивали, шли по гулким коридорам, снова поворачивали и снова карабкались по гладким, вырубленным в скале ступенькам. Им не попалось навстречу ни единого живого существа, лишь шарахались прочь, завидев свет, крохотные черные тени.

Для хоббита ступеньки были слишком высоки, и ему начало казаться, что дальше идти он уже не в силах, как вдруг потолок пещеры словно исчез — факелы не могли рассеять сумрак. Откуда-то сверху сочился тусклый свет, воздух заметно посвежел. Впереди виднелись огромные дверные створки, покореженные и обугленные.

— Это Великая палата Трора, — сказал Торин. — Здесь король пировал и держал совет. Мы почти пришли.

Пересекли опоганенную палату. Перевернутые столы, переломанные, обугленные скамьи и табуреты, осколки кувшинов, чаш и рогов, черепа и кости,

и на всем — толстый слой пыли. Миновав еще одну дверь, услышали клекот воды. Стало гораздо светлее.

— Исток Бегущей, — показал Торин. — Отсюда она течет к Парадным Вратам. Нужно идти вдоль реки.

Из отверстия в каменной стене вырывался бурный поток, попадавший в узкий, глубокий и прямой, как стрела, канал, проложенный древними мастерами. По берегу шла мощенная камнем дорога, широкая настолько, что по ней могли пройти в ряд несколько воинов. Гномы побежали, обогнули скалистый выступ у речной излучины — и в глаза им ударил ослепительно яркий дневной свет. Перед ними возвышалась арка, на которой виднелась древняя резьба, местами обезображенная и почерневшая от пламени. А за аркой, в осенней дымке, сияло меж отрогами Горы солнце, и золотистые лучи светила падали на каменные плиты у ворот!

Стая нетопырей, испугавшись чадящих факелов, кинулась наутек. Гномы двинулись к арке. Ноги скользили по камням, до блеска отполированным драконьим брюхом.

Бросив факелы, стали осматриваться. Неподалеку из подземелья вырывалась река и пенясь устремлялась в долину. На равнине за Парадными Вратами лежали развалины Дола.

— Ну, — проговорил Бильбо, — я и не надеялся это увидеть. И никогда не думал, что можно так радоваться солнышку и ветру! Однако до чего же он холодный!

Ветер и вправду был холодным, пронизывал до костей, возвещал о приближении зимы. Резкие порывы заставляли ежиться, и вскоре все продрогли.

Внезапно Бильбо понял, что не только замерз, но и проголодался.

— Сейчас у нас позднее утро, не правда ли? — сказал он. — Не мешало бы перекусить — ежели, конечно, найдется чем. И, разумеется, не тут. Надо поискать какое-нибудь укрытие.

— По-моему, я знаю подходящее место, — отозвался Балин. — Древний сторожевой пост на юго-западном склоне.

— А далеко до него? — спросил хоббит.

— Думаю, идти часов пять, и путь предстоит не из легких. Та дорога, что на левом берегу реки, давным-давно заброшена. Зато посмотри вниз. Видишь, у развалин река поворачивает на восток? В том месте когда-то был мост, а от него можно было подняться по лестнице на дорогу к Враньему Пику. Там должна быть тропа, ведущая напрямик к посту.

— Это же надо! — всплеснул руками хоббит. — Снова идти, снова куда-то лезть — и все натошак! Интересно, сколько завтраков и обедов мы пропустили, пока сидели в этой дыре?

Он потерял счет времени, ему казалось, что миновала по крайней мере неделя. А ведь обвал в потайном ходе случился всего два дня назад.

— Пошли, пошли, — засмеялся Торин, настроение которого заметно улучшилось. Он засунул руки в карманы и загремел самоцветами. — И не смей называть мой дворец дырой! Подожди, вот его отделают...

— Сначала не мешало бы отделать Смога, — угрюмо возразил Бильбо. — И куда он, кстати, подевался? Тому, кто мне это скажет, я отдам свой завтрак. Надеюсь, он не высматривает нас из поднебесья?

Гномы всполошились. Все дружно сошлись на том, что Бильбо с Балином правы.

— Пора уносить ноги, — сказал Дори. — У меня такое ощущение, будто за мной кто-то следит.

— Тут холодно и пусто, — проворчал Бомбур. — Воды хватает, а вот есть нечего. Вот почему дракон всегда голоден...

— Хватит! Хватит! — закричали остальные. — Веди, Балин!

* * *

На правом берегу возвышалась отвесная каменная стена, поэтому идти пришлось по левому, и вскоре царившее в окрестностях Горы запустение отрезвило даже Торина, по-прежнему грезившего о Завет-камне. Мост, о котором упоминал Балин, давно рухнул, лишь торчали из воды опоры. Перешли реку вброд, поднялись по крутому склону, передохнули в глубоком распадке и слегка перекусили лепешками крэма — иначе сытниками, запивая их водой. (Вам наверняка интересно, что такое сытники. Рецепта я не знаю, а по виду они похожи на печенье, хранятся долго и придают сил. Сытники не глотают, а жуют, как вяленое мясо, пока кусок весь не изжуется. Жители Эсгарота обычно запасаются ими, собираясь в дальнюю дорогу.)

Потом двинулись дальше, забирая к западу, в сторону от реки, мало-помалу приближаясь к южному склону горного отрога. Наконец нашли тропу, ведущую к сторожевому посту. Построились гуськом и медленно побрели вверх; и лишь только к вечеру, когда солнце стало клониться к закату, взобрались на гребень и обнаружили там ровную площадку, открытую с трех сторон. Лишь с севера ее защищала от ветра скала, в которой виднелось отверстие. От скалы открывался замечательный вид на юг, запад и восток. Окрестности Горы были как на ладони.

— Тут сидели дозорные, — пустился в объяснения Балин. — Этот ход ведет в вырубленную в скале сторожку. Таких сторожек тогда было несколько. Но

мы, должно быть, слишком уж разнежились и дозор несли спустя рукава. Ах, если бы тогда дракона заметили загодя! Все, все могло бы быть иначе! Ну да ладно. Здесь мы можем укрыться и многое увидеть, сами оставаясь незамеченными.

— Коли Смог видел, как мы сюда лезем, чего прятаться, — пробурчал Дори. Он все поглядывал на Гору, словно ожидая увидеть там дракона, примостившегося на вершине, точно птичка на ветке.

— Будем надеяться, что нас никто не видел, — откликнулся Торин. — В любом случае дальше мы сегодня не пойдем.

— Ура! — завопил Бильбо, плюхаясь наземь. — Вот мудрые слова!

В сторожке могла разместиться добрая сотня гномов. К главному залу примыкал другой, поменьше, и в нем было теплее. Похоже, сюда не забредали даже дикие звери — в сторожке было чисто. Свалили поклажу; некоторые гномы буквально попадали на пол и тут же заснули, а остальные уселись у входа и принялись строить планы. Однако быстро отвлеклись; всех волновало одно — где Смог? Ни на западе, ни на востоке ничего похожего на летящего дракона видно не было; на юге — тоже, однако там почему-то кружила громадная стая птиц. Стали гадать, что бы это значило, и все толковали и толковали, а на небе уже появились первые звезды.

Глава 14

ВОДА И ПЛАМЕНЬ

Если вам, как и гномам, очень хочется узнать, куда пропал Смог, мы должны будем вернуться на двое суток назад и вспомнить тот вечер, когда дракон завалил верхнее отверстие потайного хода и полетел к Эсгароту.

Жители Эсгарота сидели по домам, ибо с востока задувал холодный ветер. Лишь некоторые, любители вечерних прогулок, прохаживались по набережным, поглядывая на звезды в небе и на отражения звезд в воде. Одинокой горы из Эсгарота было не видно, ее скрывала гряда холмов у дальнего конца озера (сквозь проход в этих холмах несла свои воды Бегущая); только в ясный день можно разглядеть самую вершину зловещей Горы. А сейчас и она скрылась в сгустившихся сумерках.

И вдруг вершина возникла из мрака, будто охваченная пламенем, возникла — и вновь пропала.

— Глядите! — воскликнул кто-то. — Снова этот огонь! Дозорные говорят, что прошлой ночью он

полыхал до самого рассвета. Что-то там происходит?

— Король вернулся и кует золото, — ответили ему. — Сколько уже времени прошло с тех пор, как они ушли на север? Пора бы и сбыться пророчеству.

— Какой такой король? — пробурчал другой. — Разве не видите, это бесчинствует Смог, истинный хозяин Горы!

— Вечно ты каркаешь! — упрекнули его. — То наводнение у тебя, то рыба отравленная! Придумай что-нибудь новенькое!

Внезапно над холмами вновь взметнулось пламя, и северная часть озера на миг стала золотой.

— Не оттого ль светла Гора, что плавит золото король; давным-давно ушел он вдаль, и сбыться песням уж пора! Золотая река течет с Горы! — восклицали люди.

Распахивались окна, отовсюду слышался топот. Горожане радовались, как дети. Лишь один из них — тот самый, который назвал Смога «истинным хозяином Горы», — сохранил ясную голову.

— Или я глуп как пробка, или сюда летит дракон! — крикнул он, подбегая к градоправителю. — Рубите мост! К оружию! К оружию!

Запели сигнальные рожки, над скалистым берегом прокатилось эхо. Всеобщее веселье сменилось паникой. Но все же дракону не удалось застать горожан врасплох.

Он стремительно приближался к городу. Крохотная тусклая искорка, которой Смог казался издали, быстро увеличивалась и сверкала все ярче. Вскоре даже самые бестолковые из горожан убедились в том, что пророчество и не думало сбываться. Времени оставалось мало, однако люди успели подготовиться: наполнили водой бочки и ведра, вооружились, облачились в доспехи — у кого они были;

мост, соединявший город с берегом, обрушили прежде, чем ушей коснулся рев дракона, прежде, чем по воде побежали волны от чудовищного ветра, поднятого крыльями Смога.

Под людские крики, вопли и плач дракон устремился было к мосту, но моста уже не было! Сmog понял, что его перехитрили, и разъярился пуще прежнего. Враги укрылись в своем городе, как на острове посреди бездонной пучины. Конечно, можно опуститься в озеро, тогда над водой поднимется пар, под покровом которого не составит труда проникнуть в Эсгарот; но что, если он утонет — ведь озеро глубокое, темное и холодное, ведь оно могущественнее даже, чем дракон?

Сmog развернулся и с яростным ревом рванулся к городу. Его встретили громкими криками и тучей стрел, забарабанивших по чешуе. Ни одна не причинила дракону вреда; древки стрел загорались и с шипением падали в воду. Скажу вам напрямик — такой огненной потехи вы никогда не видели! Стрелы и звуки горнов разозлили дракона настолько, что он почти обезумел от бешенства. Давным-давно никто не осмеливался ему сопротивляться!

По правде говоря, вряд ли кто из горожан нашел бы в себе мужество выйти против дракона, когда бы не тот самый человек, призывавший к оружию. Его звали Бард. Он неустанно подбадривал остальных, советовал лучникам, как лучше целиться, требовал от градоправителя приказа сражаться до последней стрелы.

Из пасти Смога вырвалось пламя, и воды озера словно окрасились багрянцем на фоне ночного неба. Дракон покружил над городом, освещая поле сражения своим огнем; деревья на берегу сверкали, точно позолоченные, по ним струились огненные блики, кроваво-красные на фоне ночных теней; дракон

покружил — и вдруг ринулся вниз, не обращая внимания на стрелы, отскакивавшие от его боков.

Он поджег город. Пламя перекидывалось с крыши на крышу, и, хотя все крыши заранее как следует окатили водой, дома занимались один за другим. Люди бросились тушить пожар, сотни рук разом выплескивали воду из сотни ведер, и тут Смог налетел снова. Ударом огромного хвоста он разнес в щепки крышу Большого Дворца. Теперь пламя было уже повсюду, а Смог оставался невредим, неуязвимый в своей ярости, и стрелы доставляли ему беспокойства не больше, чем укус болотного комара. Свирепый и ужасный, он летал над Эсгаротом, сея разрушение и смерть.

* * *

Горожане прыгали в воду. Женщин и детей сажали в лодки. Мужчины бросали оружие и бежали куда глаза глядят. На набережных, где совсем недавно распевали песни о возвращении короля Подгорного королевства, слышались стоны и рыдания. Многие во всеулышание проклинали гномов, навлекших на город такую напасть. Градоправитель поспешно забрался в свой золотой челн и велел гребцам отплывать, рассчитывая, что в суматохе никто не заметит его бегства. Пожираемый пламенем Эсгарот стремительно пустел.

А дракон развлекался. Все шло, как он задумал. Пускай эти негодные людишки лезут в лодки! Тот будет потехи, когда он пустится за ними в погоню! А кто не хочет, может оставаться на пепелище и умирать с голоду. До берега не доберется никто, уж в этом можно не сомневаться. Покончив с городом, он спалит все прибрежные леса, поля и пастбища! В общем, людишки поплатятся за то, что посмели помогать гномам.

Но несколько лучников еще продолжали стрелять. Среди них был и Бард, мрачный, суровый человек; друзья прозвали его «ходячим несчастьем» — за то, что он постоянно предрекал всякие беды: то наводнения, то еще что-нибудь. Впрочем, все знали, что Бард умен и храбр. Он был дальним потомком Гириона, владыки Дола (жена и дети владыки после гибели Дола нашли себе пристанище в Эсгароте). Бард стрелял из своего большого тисового лука до тех пор, пока у него не осталась одна-единственная стрела.

Пламя надвигалось. Товарищи один за другим покидали Барда. Он наложил на тетиву последнюю стрелу и согнул лук.

Вдруг из ночного сумрака выпорхнул дрозд и уселся ему на плечо. Бард даже вздрогнул от неожиданности. Дрозд, похоже, ни капельки не боявшийся людей, защебетал, словно о чем-то рассказывая, и Бард изумился — оказывается, он понимает птичий язык! (На самом деле ничего удивительного в этом нет — ведь Бард вел свой род от владык Дола.)

— Жди! Жди! — твердил дрозд. — Вот-вот взойдет луна. Найди у дракона на брюхе ямку, слева на груди. — И птица пересказала Барду все то, что услышала от гномов и Бильбо на Горе.

Дракон возвращался. Он летел ниже, чем прежде; в тот миг, когда он вновь подлетел к гибнущему городу, над восточным берегом озера взошла луна, посебренная огромные крылья. Бард натянул тетиву.

— Стрела! — воскликнул лучник. — Черная стрела! Я сохранил тебя напоследок! Ты никогда меня не подводила! Ты досталась мне от отца, а ему — от наших предков. Коль тебя и вправду выковали в кузнях Горного короля — порази лиходея, не промахнись!

Дракон развернулся и вновь устремился на город. Его брюхо искрилось драгоценными камнями в лунном свете, лишь слева на груди виднелось темное пятнышко. Коротко тренькнула тетива, черная стрела взмыла ввысь и вонзилась точно в цель — прямо в ямку на драконьем брюхе. Столь могуч был выстрел, что стрела целиком погрузилась в драконью плоть, вместе с древком и оперением. Смог содрогнулся всем телом, перевернулся брюхом вверх и с ревом, от которого оглохли люди, повалились деревья на берегу и раскололись камни, рухнул на город.

Сваи подломились, не выдержав такой тяжести. Вода закипела, заклокотала, над озером за клубился пар, ослепительно белый в неожиданно павшем мраке. И вдруг все стихло. Так погиб Эсгарот и пришел конец Смогу — но не Барду.

* * *

Молодая луна поднималась все выше. Ветер разгулялся не на шутку. Завывая, он скручивал клубы пара в причудливые фигуры, подхватывал их и гнал на запад, где разрывал в клочья над болотами у границ Лихолесья. На воде качалось множество лодок, над озером разносились возбужденные голоса. Жители Эсгарота оплакивали свой город, загубленные товары и сторевшее добро. Они пока не понимали, насколько им повезло; как-никак три четверти горожан осталось в живых, лодки уцелели почти все, пожар не затронул ни полей с лесами, ни пастбищ. А самое главное — дракон мертв! Но этого они еще не осознали.

Мало-помалу собрались на западном берегу. Среди спасшихся, дрожащих от холода людей был и градоправитель. Ох и досталось же ему за то, что он

едва ли не первым бежал из Эсгарота, бросив горожан на произвол судьбы!

— Он у нас мастер устраивать дела, особенно свои собственные! А как что серьезное, сразу в кусты!

Люди принялись восхвалять мужество Барда, сразившего дракона точным выстрелом.

— Жаль, что он погиб. Мы бы провозгласили его королем! Король Бард Убийца Дракона из рода Гириона! Горе нам, ибо он мертв.

И тут из темноты выступил высокий, насквозь промокший человек. Его глаза яростно сверкали из-под прилипших ко лбу черных волос.

— Бард не погиб! — воскликнул он. — Бард сразил дракона и прыгнул в озеро. Я Бард из рода Гириона. Я убил дракона!

— Король Бард! — завопила толпа. — Да здравствует король Бард!

Градоправитель заскрежетал зубами.

— Гирион был владыкой Дола, а вовсе не королем Эсгарота, — прошипел он. — Мы в озерном городе всегда выбирали себе правителей среди старых и мудрых, а всяких там забияк не жаловали. Пускай ваш король Бард возвращается в свое королевство — Долу теперь ничто не угрожает. И те, кому холодные камни в тени Горы милее зеленых берегов озера, могут идти с ним. А мы останемся здесь и будем отстраивать заново наш чудесный город и наслаждаться достатком и миром.

— Да здравствует король Бард! — продолжали кричать горожане. — Хватит с нас стариков и торговашей!

— Ура лучнику! — гаркнул кто-то. Стоявшие рядом подхватили: — Ура лучнику! Долой толсто-сумов!

— Я вовсе не хочу обидеть Барда, — вкрадчиво проговорил градоправитель, косясь на стоящего неподалеку лучника. — Он спас множество жизней, и его подвиг будет прославлен в песнях. Но почему, о жители Эсгарота, — голос градоправителя вдруг стал громким и звонким, — почему вы во всем вините меня? Чем я вам не угодил? Разве это я пробудил дракона? Кому мы помогли, кого снабдили припасами, кто заставил нас поверить, будто древние предания могут стать явью? Кто воспользовался нашей добротой, нашим гостеприимством? Гномы! И чем они отплатили? Золотом? Как бы не так! По их милости дракон напал на Эсгарот! По их милости сотни людей остались без крова! Сколько женщин овдовело, сколько детей осиротело!

Теперь вы понимаете, почему градоправитель стал градоправителем, как он сумел занять свой важный пост? Лукавые речи заронили подозрение в сердца горожан, они тут же забыли о короле Барде и стали проклинать Торуна и прочих гномов. Зазвучали горькие, обидные слова; те, кто еще недавно распевал песни о возвращении короля Одинокой горы, теперь стали утверждать, что гномы нарочно растормошили дракона, чтобы тот уничтожил город на озере.

— Глупцы! — воскликнул Бард. — Нашли, на кого свалить! Да эти бедолаги наверняка сложили свои головы первыми! — И тут ему пришла мысль, заставившая призадуматься. Если гномы и вправду погибли, выходит, сокровища под Горой охранять некому. Если их добыть да набрать людей — над лежащим ныне в развалинах Доллом вскоре вновь поплывет перезвон колоколов...

Бард отогнал наваждение и продолжил, обращаясь к градоправителю:

— Сейчас не время для перебранок и споров. У нас хватает других дел. Пока еще я должен тебе подчиняться — но однажды я вспомню твои слова и уйду на север со всеми, кто пожелает ко мне присоединиться.

Он повернулся и пошел туда, где ставили шалаши для раненых. Градоправитель проводил его хмурым взглядом, а потом погрузился в размышления и отвлекся от них лишь затем, чтобы потребовать для себя огня и еды.

Потолковав с горожанами, Бард понял, что весть об оставшемся без охраны кладе распространяется быстрее лесного пожара. Люди рассуждали о том, что сокровища — достойная плата за все их страдания, что теперь будет чем платить за любые товары с юга, ни в чем себе не отказывая, и за подобными разговорами веселели на глазах. Других поводов веселиться не было. В шалашах разместили раненых и один отдал градоправителю, а еды едва хватило на всех (даже градоправителю досталась лишь крохотная порция). Той ночью многие простудились и впоследствии умерли. Только представьте себе — счастливо избежать гибели в битве с драконом, уцелеть при пожаре и умереть от простуды!

День не принес облегчения. Больных становилось все больше; вдобавок еды не хватало, и люди голодали.

Бард распоряжался по своему разумению, не забывая, правда, всякий раз напомнить, что действует от имени градоправителя. Ему пришлось нелегко — нужно было позаботиться о жилье, о пропитании, об охране лагеря и о многом, многом другом. Наверное, мало кто из бывших жителей Эсгарота перенес бы зиму, когда бы не подоспевшие на подмогу эльфы. Гонцы, которых Бард отправил в

Лихолесье, столкнулись на берегах лесной реки с целым войском (а ведь прошло всего три дня, как погиб свирепый Смог).

Король лесных эльфов узнал о событиях на озере от своих лазутчиков и от птиц, которые разнесли вести о гибели Смога по всему Дикому Краю. Пернатые разволновались настолько, что никак не могли успокоиться. В небе собирались громадные стаи, крылатые гонцы, не ведая отдыха, сновали туда-сюда. На опушках Лихолесья стоял невообразимый гам. Деревья шелестели листвой, точно прислушиваясь, звери настораживали уши. Беорн в своем доме у Мглистых гор узнал о гибели Смога даже прежде короля эльфов, а гоблины спешно собрались в пещере на совет.

— Боюсь, о Торине Дубовом Щите мы больше никогда не услышим, — сказал король эльфов своим приближенным. — А ведь я предлагал ему не спешить, погостить у меня подольше. Но нет худа без добра. — Он тоже вспомнил о сокровищах Тро-ра, а потому приказал снарядить войско и выступил в поход с множеством копейщиков и лучников, которых и встретили на реке посланцы Барда. А в небе кружило воронье — кровожадные птицы словно чувствовали, что вот-вот начнется война вроде тех, какие случались в здешних краях в незапамятные времена.

Услыхав о злоключениях жителей Эсгарота, король внял просьбе Барда, свернул с дороги, что вела напрямик к Одинокой горе, и поспешил вниз по реке к Долгому озеру. Лодок и плотов было мало, поэтому войско пошло по берегу, а вот съестные припасы отправили водой. Эльфы легки на ногу, а потому уже на пятый день после гибели дракона, хотя идти пришлось по не слишком-то знакомой, болотистой местности, они достигли берегов озера и уви-

дели лагерь. Люди во главе с градоправителем так обрадовались, что готовы были обещать своим спасителям любую награду за помощь.

Вскоре составили план. Градоправитель оставался в лагере вместе с женщинами, детьми, старыми и немощными; там же остались мастеровые — и люди, и эльфы. Кто валил деревья, кто вытаскивал из воды приплывавшие по реке бревна. До наступления зимы успели возвести на берегу целое селение. А еще, по настоянию градоправителя, заложили новый город, больше и красивее прежнего. Место выбрали другое, севернее, и подальше от воды, ибо никому не хотелось жить на озере, на дне которого распростерся мертвый дракон. Неподвижный, словно статуя, Смог лежал на отмели; никогда уже ему не вернуться в свое логово под Горой. Должно быть, и через много столетий в хорошую погоду можно будет разглядеть его скелет среди развалин Эсгарота. Однако и мертвый дракон внушал страх: немногие отваживались проплывать над ним на лодках, и никто не нырял за самоцветами, усеявшими дно озера.

Итак, градоправитель остался в лагере, а воины Барда и войско короля эльфов выступили в поход к Горе. На одиннадцатый день после разрушения Эсгарота передовой отряд перевалил через холмы, переправился через ущелье, по которому несла свои воды Бегущая, и очутился в Раздраконье.

Глава 15

ГРОЗА НАДВИГАЕТСЯ

Вернемся же к Бильбо и гномам. Ночью поочередно несли дозор, но ничего подозрительного не заметили, вот только над Горой собиралось все больше птиц. Обитавшие на Горе вороны кружились над вершиной с громкими криками, а с юга подлетали другие птицы, стая за стаяй.

— Что-то здесь не так, — сказал Торин. — Осень минула, все перелетные птицы давно должны были улететь в теплые края. И вот на тебе! Тут и скворцы, и зяблики, а за ними целые стаи стервятников. Не иначе где-то поблизости случилась великая битва.

— Смотрите! — воскликнул Бильбо, ткнув пальцем. — Вон тот самый дрозд! Верно, удрал, когда Смог принялся крушить все подряд, а теперь вернулся. Хоть один уцелел — улитки-то, боюсь, сгорели заживо.

Старый дрозд уселся на камень недалеко от входа в сторожевую башню, сложил крылья и защебе-

тал. Потом склонил голову набок, словно прислушиваясь, снова защебетал — и снова выжидательно замолчал.

— Кажется, он хочет нам что-то сказать, — проговорил Балин. — Но слишком уж торопится, я его понять не могу. А ты, Торбинс?

— Да, трудновато, — согласился Бильбо, на деле не разобравший в дроздовой скороговорке ни единого слова. — Но, по-моему, он сильно беспокоится.

— Эх, был бы он вороном! — с чувством сказал Балин.

— Ты же не любишь воронов! Когда мы взбирались сюда, ты их проклинал на чем свет стоит.

— То были не вороны, а ворóны, твари гнусные, мерзкие и грубые. Ты, верно, слышал, как они ругались нам вслед? Ворóны — совсем другие. Мы завели с ними дружбу еще при Троре, они приносили вести из дальних краев, а мы одаривали их всякими блестящими безделушками, которые им так нравились.

Ворóны живут долго, и память у них долгая, свою же великую мудрость они передают по наследству. И я был знаком со многими ворóнами. Знаешь, почему этот пик назвали Враньим? — в честь старого Карка и его супруги. Чудесная была пара! Хорошо бы снова с ними встретиться, да вряд ли они дожили до наших дней: старина Карк уже и тогда был совсем дряхлым.

При этих словах Балина дрозд громко вскрикнул и взмыл в воздух.

— Сдается мне, он понял, о чем мы говорим, — сказал Балин. — Что же, будем ждать; правда, чего — не знаю.

Вскоре послышался шорох крыльев. Дрозд вернулся, а вместе с ним прилетел престарелый ворон — полуслепой и лысый. Он с трудом опустил на

землю, медленно сложил крылья и подковылял к Торину.

— О Торин, сын Траина! О Балин, сын Фундина! — прокаркал он. (Бильбо понимал ворона, ибо тот говорил на всеобщем языке.) — Я Роэк, сын Карка, вашего верного друга. Карк умер, но я не забыл его наставлений. Тому сто и пятьдесят и еще три года, как я вылупился из яйца, и теперь я — вожак стаи. Нас осталось немного, но мы хорошо помним великих королей Горы. Внемлите! Мои подданные принесли мне диковинные вести. Внемлите! И не корите меня, коли вас не все обрадует.

Внемлите! Птицы возвращаются к Горе с юга, с востока и с запада, ибо все уже знают, что проклятый Смог мертв.

— Мертв? — вскричали гномы. — Мертв? Значит, не нужно нам больше прятаться? Значит, сокровища теперь наши?

— Мертв, — подтвердил ворон. — Он погиб на глазах у дрозда — да не выпадут вовек перья этой славной птицы! Три дня назад дракон напал на Эсгарот и погиб, сраженный меткой стрелой.

Гномы буквально запрыгали от радости. И не скоро Торину удалось их утихомирить. Тогда ворон поведал им о битве горожан с драконом и воскликнул:

— Так возрадуйся же, Торин Дубовый Щит! Ибо сей дворец отныне — твой и сокровища тоже твои! Но не долго придется тебе радоваться. Ибо сюда, к Горе, слетаются не только птицы. Окрестные земли полнятся слухами о павшем драконе и бесхозных сокровищах, и многие, многие точат зубы на лакомый кусочек. Войско эльфов уже в пути; его сопровождают стаи стервятников, предвкушающих кровь и смерть. А озерным жителям вдолбили в головы, что всему виною гномы — мол, это из-за них Смог

напал на Эсгарот и спалил его дотла, оставив горожан без крова и пропитания. А раз так, пусть поделятся они своим богатством; а коли не захотят по доброму, отберем силой.

Да будет ваше решение мудрым, ибо вас всего-то тринадцать! Малая горстка осталась от великого племени Дарина, обитавшего когда-то под Горой! Но прислушайтесь к моему совету: не верьте градоправителю. Говорите лучше с тем, чья стрела сразила Смога. Имя ему — Бард. Он потомок Гириона, владыки Дола, человек суровый, но прямой и не двуличный. Всем на радость был бы мир между гномами, эльфами и людьми, но мир будет стоить золота из сокровищницы Трора. Я сказал.

— Благодарю тебя, Роэк, сын Карка, — отозвался Торин. — Мы не забудем твоей услуги. Но ни крупицы золота нашего наглецы не получают — покуда мы живы! Наша благодарность будет еще весомее, если ты станешь сообщать нам о приближении войск. А коли в твоём племени найдутся молодые вороны с сильными крыльями, отправь одного гонцом в северные горы к моим родичам, пускай поведает им о наших делах. Прежде всего нужно известить моего двоюродного брата Даина с Железного Взгорья. Он живет ближе других, и у него много отважных воинов. Попроси гонца поспешить.

— Не знаю, мудро ли ты решил, но сделаю, что смогу, — ответил Роэк. Он взмахнул крыльями и тяжело полетел прочь.

— В Гору! — вскричал Торин. — Времени у нас осталось мало!

— А еды и того меньше, — добавил хоббит. Ведь было бы чем перекусить, а остальное приложится, верно? Бедный господин Торбинс! Ему-то казалось: дракон погиб — и делу конец! А тут выясняется, что конца по-прежнему не видно. Честно говоря,

Бильбо отдал бы половину своей доли, лишь бы все помирились и не надо было ни с кем воевать.

— В Гору! В Гору! — завопили гномы, пропустив слова хоббита мимо ушей. Деваться было некуда, и следом за гномами Бильбо вернулся в пещеру.

Вам кое-что уже известно, поэтому вы знаете, что в запасе у гномов было несколько дней. Они тщательно облазили пещеру и выяснили, что попасть в нее снаружи можно лишь через Парадные Врата; все остальные ходы завалены, так что о них можно не беспокоиться. Принялись укреплять ворота и заодно прокладывать новую дорогу. В пещере нашлось множество инструментов, оставшихся с давних времен. Гномы трудились не покладая рук, и дело спорилось (еще бы! гномы — отличные строители); а вороны приносили вести о продвижении вражеских ратей. От птиц узнали, что король эльфов повернул к озеру и можно немного перевести дух; о том, что трое пони спаслись от дракона и ускакали к реке — туда, где на берегу лежали припасы и снаряжение. Фили и Кили, как самые молодые и легкие на ногу, отправились за животными.

Они отсутствовали четыре дня, а когда вернулись, товарищи пересказали им новые вести, принесенные воронами, — войско короля эльфов и отряды людей с озера движутся к Горе. Однако положение уже не казалось безнадежным: еды было в достатке (конечно, сытники надоели до смерти, но ничего другого все равно нет), а вход в пещеру теперь преграждала высокая и толстая каменная стена. В ней имелись бойницы, сквозь которые можно наблюдать за окрестностями или стрелять, но ворот в стене не было. Спускались с нее и забирались наверх по приставной лесенке, а груз поднимали ве-

решками. Правда, была арка, сквозь которую вытекала река, однако за аркой узкое русло Бегущей слегка изменили, так что теперь речная вода разливалась вширь и между стеной и обрывом, с которого поток срывался в Дол, возникло широкое озеро. Теперь добраться до ворот можно было только вплавь или по узкому гребню — справа от озера, если смотреть со стены. Пони, которых привели Фили и Кили, встретили у обломков старого моста, сняли с них поклажу и отпустили, пожелав удачного возвращения домой, на юг.

* * *

Как-то среди ночи Дол вдруг засверкал мириадами огней — горели факелы, пылали костры.

— Пришли! — воскликнул Балин. — Сколько же их! Должно быть, нарочно дожидались сумерек, чтобы подобраться незамеченными.

В ту ночь гномы не сомкнули глаз. Едва забрезжил свет, вражеское войско выступило из лагеря. Гномы наблюдали со стены, как отряды один за другим втягиваются в долину между отрогов Горы. Вскоре стало возможно кое-что разглядеть. Люди вооружились как на войну, а впереди шли эльфы с луками и копьями. Вскоре передовой отряд миновал пороги, появился на краю обрыва — и застыл в изумлении перед широким озером, за которым возвышалась высокая стена.

Воины переговаривались, указывали на стену и на озеро. Торин решил их окликнуть.

— Кто вы, пришедшие с оружием к Вратам Торина, сына Траина, короля Подгорного королевства? — громко крикнул он. — Что вам нужно?

Ему никто не ответил. Часть воинов сразу же отправилась обратно, другие поглазели еще немного и тоже ушли. Лагерь они разбили к востоку от

реки, точно посредине между отрогами Горы. Оттуда доносились клики и песни, чего Гора не слышала давным-давно. Звенели эльфийские арфы, звучала музыка, и от этого гномам чудилось, будто вдруг становится теплее и откуда-то доносится нежный аромат весенних цветов.

А Бильбо захотелось сбежать, спуститься в долину, присоединиться к царящему в лагере веселью. Кое-кто из гномов не прочь был бы поступить так же. Вполголоса говорили, что воевать не стоит, что наверняка можно договориться миром, однако сурово сведенные брови Торина быстро заставили малодушных примолкнуть.

Тогда принесли арфы и другие инструменты и заиграли и запели, чтобы развеселить короля. Но песня гномов ничуть не напоминала беззаботные эльфийские. Зато очень была похожа на ту, какую они пели в уютной норке Бильбо.

*Король вошел, велик и благ,
В свой тронный зал, в подгорный мрак!
Да сгинет так и всякий враг,
Как сгинул Лютый Змей, Червяк!
Стрела скоро и меч востер,
И крепок на Вратах запор,
Король наш смел, и клад наш цел!
Нам страх не ведом с этих пор!
И деды наши, и отцы
Здесь колдовали, кузнецы,
И в те поры из-под Горы
Будто звенели бубенцы.
Годится звездный — для колец,
Огонь драконий — на венец,
А лунный свет — в любой предмет,
И в струны песнь вплетет певец.
Народ чудесный, о, нам внимли!*

*Вновь короля мы обрели!
Освобожден Подгорный трон!
Ликуйте, гномы всей земли!
Мы через горы вас зовем:
«Придите, гномы, в древний дом!
Вас ждет у Врат, щедр и богат,
Кто был и будет королем!»
Король вошел, велик и благ,
В свой тронный зал, в подгорный мрак!
Да сгинет так и всякий враг,
Как сгинул Лютый Змей, Червяк!*

Судя по тому, что Торин заулыбался, песня ему понравилась. И он принялся подсчитывать, каково расстояние от Одинокой горы до Железного Взгорья и как скоро доберется сюда Даин, если выступит немедленно, как только получит весточку. А Бильбо, наоборот, скуксился: уж очень воинственной была песня и ничего хорошего она не предвещала.

На рассвете отряд копейщиков прошел по узкому гребню и остановился под самой стеной. Над отрядом развевались два знамени — зеленый штандарт короля эльфов и голубой стяг Эсгарота.

Торин повторил свой вопрос:

— Кто вы, пришедшие с оружием к Вратам Торины, сына Траина, короля Подгорного королевства? На сей раз ему ответили.

Вперед выступил высокий темноволосый человек с суровыми чертами.

— Привет тебе, Торин! — крикнул он. — Чего ради ты укрылся за стеной, точно купец в своей кладовой? Мы ведь покуда еще не враги! Не знаю, поверишь ли ты мне, но мы несказанно рады, что вы живы. Мы и не надеялись застать в живых хоть кого-нибудь. А коль скоро довелось нам встретиться, почему бы не потолковать?

— Сперва скажи, кто ты такой, а потом уж решим, стоит ли нам говорить.

— Меня зовут Бард. Моей рукой сражен дракон, а значит, это я вернул вам ваши сокровища. Чем не повод для переговоров? К тому же я — наследник Гириона, владыки Дола, а в твоём дворце много богатств, похищенных проклятым Смогом из Дола и других городов. Вот тебе второй повод. И еще: перед гибелью Смог разрушил Эсгарот, горожане лишились крова. От имени градоправителя я спрашиваю тебя: готов ли ты вернуть долг? Ведь горожане помогли вам, а вы, сами, конечно, того не желая, отплатили им огнем и разрушением.

Слова Барда, гордые и суровые, были справедливы, и Бильбо решил, что Торин немедля со всем согласится. (Между прочим, спорщики могли бы и вспомнить, кто отыскал уязвимое местечко на груди дракона; да нет, вряд ли, им явно не до того.) Однако неведомо было хоббиту, какой властью над сердцами обладает золото, до которого хотя бы дотронулся дракон, — ведь такое золото становится зачарованным и подчиняет себе всякого, кто его коснется; а уж если к такому золоту прикоснулся гном, совсем плохо дело: ни за что на свете не расстанется он со своей добычей. Торина сокровища заморозили, он перебирал их часы напролет, и не только потому, что искал среди них Завет-камень, — нет, все они были ему одинаково дороги, ибо напоминали о великой и печальной истории племени гномов.

— Худший довод ты привел последним, да еще и упираешь на него, — ответил король гномов. — У тебя выходит, что мы в ответе за все лиходейства Смога и должны расплачиваться за дракона. С какой стати? Мы готовы заплатить за помощь, которую нам оказали, и заплатим в свой срок. Но ни угрозами, ни оружием от нас ничего не добьешься. Ты ска-

зал — мы покуда еще не враги. Но разве друзья приводят с собой целое войско? И, коли уж на то пошло, признайся: когда бы мы и вправду погибли, а вы завладели бы Горой — досталось бы нашим родичам хоть что-нибудь из этих сокровищ?

— Не знаю, — честно признался Бард. — Но вы-то, по счастью, живы, и мы не хотим с вами враждовать. Люди просят лишь об одном — помогите тем, кто прежде помог вам. Откажешь ли ты им в этой милости? Или ты предпочитаешь, чтобы весь мир говорил: «Король Торин — бессердечный скряга»?

— Покамест у вас в руках оружие, с вами я ни о чем говорить не буду. А уж тем паче с королем эльфов, который столь радушно приютил меня в своей темнице! И он еще смеет чего-то требовать! Ступай-те прочь, коли не хотите отведать наших стрел! Пускай эльфы вернутся в свою чащобу, а там поглядим. И в следующий раз приходи без оружия.

— Король эльфов — мой друг, и он поспешил на выручку Эсгароту, бескорыстно, из одной только дружбы. Одумайся, Торин. Как бы тебе не пришлось пожалеть о своих словах! Мы скоро вернемся. Думай! — Бард повернулся и зашагал к лагерю.

Минуло несколько часов. Знаменосцы возвратились вместе с трубачами, которые выстроились у стены и протрубили вызов.

— Торин Дубовый Щит, сын Траина, именующий себя королем Подгорного королевства! — воззвал глашатай. — Внемли голосам Эсгарота и Леса! Вот наши условия: одну двенадцатую долю сокровищ ты должен передать Барду, победителю дракона и наследнику Гириона. Бард готов помочь Эсгароту из своей доли, но если ты хочешь, чтобы впредь тебя любили и уважали, как твоих предков, то и сам поможешь восстановить Эсгарот. Принимаешь ли ты наши условия?

Торин схватил лежавший поблизости лук и выпустил стрелу. Она вонзилась в щит глашатая и так и осталась в нем торчать.

— Если таков твой ответ, — воскликнул глашатай, — мы объявляем тебе войну! Никто из вас не покинет Гору без нашего ведома, покуда вы сами не запросите мира. Мы не будем на вас нападать. Сидите на своем золоте. Хоть ешьте его, коли оно полезет вам в глотки!

Глашатай удалился вместе с охраной. Гномы стали держать совет, решая, как им быть. На Торина было боязно даже смотреть, не то что заговаривать с ним. Впрочем, большинство было заодно с королем и ничуть его не осуждало. Иного мнения придерживался разве что толстяк Бомбур да Фили с Кили. И, конечно, Бильбо. Хоббиту Гора и без того уже надоела до смерти, и тут на тебе пожалуйста — осада! В общем, сплошное невезение.

— Вонница ужасная, — пробормотал Бильбо себе под нос. — Драконом смердит так, что хоть топор вешай. А эти сытники того и гляди встанут поперег горла!

Глава 16

ДЕЛА НОЧНЫЕ

Томительно тянулись дни. Гномы с утра до вечера копались в сокровищах. Только теперь Торин заговорил о Завет-камне и просил всех помочь в розысках этого самоцвета.

— Ибо Завет-камень моего отца, — сказал он, — стоит дороже реки золота, а для меня вообще не имеет цены. Из всех сокровищ только его я возьму себе. И горе тому, кто покусится на него!

Бильбо перепугался — страшно даже представить, что сделает Торин с хоббитом, если найдет самоцвет, который, между прочим, был спрятан в узле тряпья, служившем Бильбо подушкой. Однако он продолжал хранить свою тайну; вдобавок мало-помалу у него начал складываться план.

Вороны принесли известие: Даин и с ним более пятисот гномов спешают от Железного Взгорья, приближаются к Горе с северо-востока и уже находятся всего в двух днях пути от Дола.

— Но незамеченными им не пробраться, — сказал Роэк. — Придется сражаться. Это не мудрое решение. Пусть они отважные, закаленные в боях войны, им не одолеть войско, осаждающее Гору. И даже если они одержат победу, вам нечему будет радоваться. Зима на носу, морозы и снег — вам одним, без помощи извне, ее не пережить. Сдается мне, Смог вас не сумел погубить, а сокровища погубят.

Но Торин стоял на своем.

— Людям с эльфами от морозов тоже не поздоровится, — сказал он. — У нас есть где укрыться, а они в своих палатках замерзнут заживо. А снег, может быть, хоть немного их образумит.

Той ночью Бильбо наконец решился. Когда стемнело, он прокрался к стене у ворот, вытащил из котомки веревку с крюком и завернутый в тряпье Завет-камень. Потом он взобрался на стену по приставной лестнице. По верху стены прохаживался дозором Бомбур — опасаясь внезапного нападения, гномы каждую ночь выставляли часового.

— Ну и холод! — пожаловался Бомбур. — Им-то небось тепло! Вон сколько костров!

— В пещере тоже теплее, чем здесь, — с намеком проговорил Бильбо.

— Я думаю! А мне тут торчать до полуночи, — проворчал Бомбур. — Ну что за невезение! Конечно, с Торином — да удлинится его борода! — я спорить не стану, но уж больно тверд у него лоб!

— Не тверже моих ног, — возразил Бильбо. — А они устали от камней. Я бы отдал почти все на свете, лишь бы побегать по травке!

— А я бы с удовольствием перекусил да на боковую, в теплую постельку.

— Вот снимут осаду, тогда и поспишь на перине. Если хочешь, я могу тебя подменить. Моя оче-

редь была давно, да и вообще спать что-то не хочется.

— Договорились! Если что, разбуди первым меня, ладно? Я лягу в палате слева от прохода. Ты, Торбинс, отличный малый!

— Иди, иди, — отмахнулся Бильбо. — Я разбужу тебя в полночь.

Едва Бомбур скрылся в пещере, Бильбо надел кольцо, закрепил веревку и соскользнул со стены. В запасе у него было около пяти часов. Бомбур наверняка уже храпит (толстяк и прежде мог заснуть когда и где угодно, а после того как искупался в лесной речке, все норовил увидеть вновь те чудесные сны); остальные же во главе с Торинном копаются в сокровищах. Вряд ли кто-нибудь, даже Фили или Кили, заберется на стену прежде, чем настанет его черед нести караул.

Ночь выдалась безлунной, выручало лишь то, что Бильбо шел по дороге, которую сам же помогал прокладывать. Но вскоре эта дорога закончилась, впереди были не очень-то знакомые места. В конце концов хоббит добрался до поворота, у которого, если он хочет попасть в лагерь, надо было перебраться через реку. Переходить вброд широкую, хоть и мелкую воду — серьезное испытание для того, кто мал ростом; все же Бильбо справился — точнее, почти справился. У самого берега нога хоббита соскользнула с камня, и он с громким плеском плюхнулся в воду. А когда встал и выбрался на сушу, по берегу уже бегали с зажженными фонарями эльфы, гадавшие, что случилось.

— Это не рыба! — воскликнул один. — Наверняка вражеский лазутчик. Притушите-ка фонари. Они нам все равно не помогут, если это тот самый малыш, который прислуживает гномам.

Прислуживает? Бильбо насмешливо фыркнул и вдруг почувствовал, что сейчас чихнет. Миг — и хоббит оглушительно чихнул. Эльфы бросились на звук.

— Привет! — сказал Бильбо. — Если вы ищете меня, то я здесь. — С этими словами он снял кольцо и шагнул им навстречу.

Эльфы изумились, но быстро оправались от изумления и окружили хоббита.

— Ты кто такой? Гномов хоббит? Что ты тут делаешь? Как ты пробрался мимо часовых? — Вопросы сыпались один за другим.

— Господин Бильбо Торбинс, к вашим услугам, — степенно ответил Бильбо. — Товарищ короля Торина. Вашего короля я тоже видел, хотя он, верно, при встрече меня не признает. Но Бард меня вспомнит, и к нему-то мне и нужно.

— Неужели? И по какому же делу?

— Дело это, добрые эльфы, наше с ним, и больше ничье. Но коли вы хотите вернуться домой, в свое Лихолесье, — проговорил хоббит, стуча зубами от холода, — позвольте мне обогреться у вашего костра, а потом отведите к Барду. И давайте поспешим, а то у меня осталось от силы два часа.

* * *

Вот так и получилось, что вскоре после того, как Бильбо бежал из-под Горы, он очутился у костра перед королевским шатром. У огня рядком, с любопытством поглядывая на ночного гостя, сидели король лесных эльфов и лучник Бард. Им еще не доводилось видеть хоббита в эльфийских доспехах под рваным плащом.

— Вы, конечно, знаете, что дела обстоят неважно, — начал Бильбо самым деловым тоном, на какой был способен. — Я всем этим уже сыт по горло

и с радостью вернулся бы восвояси — там куда как спокойнее и уютнее. Загвоздка только в сокровищах. Мне кое-что из них причитается — если быть точным, одна четырнадцатая от общей доли. Хорошо, что я сохранил эту бумажку. — Он достал из кармана куртки, которую носил под кольчугой, мятую записку, оставленную, как вы помните, когда-то на каминной полке Торином. — Взгляните. Тут ясно сказано — доля в добыче. Лично я ничуть не возражаю против того, чтобы сперва рассчитаться с вами, а потом уже делить остаток. Но вы не знаете Торина. Покамест вы здесь, он скорее умрет с голоду, чем поделится хотя бы крупинкой золота.

— Туда и дорога! — процедил Бард. — Своим упрямством он ничего другого не заслуживает.

— Может быть, — согласился Бильбо. — Но не забывайте, что зима на подходе. Скоро выпадет снег, и голодать будут не только гномы, но и люди, и эльфы. И потом, известно ли вам о войске Даина с Железного Взгорья?

— Разумеется, — откликнулся король эльфов, — но это нас не пугает.

— Понимаю. Но вы не знаете всего. Даин уже в двух днях пути отсюда. С ним по меньшей мере пять сотен гномов, отважных бойцов — многие из них сражались в ужасных битвах во время гоблиновых войн. Когда они подойдут, вам может не поздоровиться.

— К чему ты клонишь? — угрюмо спросил Бард. — Что-то я не разберу, ты продаешь своих друзей или угрожаешь нам?

— Мой дорогой Бард! — пискнул Бильбо. — Не надо торопиться. Ну что вы за человек, вечно всех во всем подозреваете! Я хочу вам кое-что предложить.

— Предлагай, — согласились Бард с королем.

— Вот, взгляните! — Бильбо вытащил из кармана Завет-камень и сорвал с него тряпье.

Даже король эльфов, в чьем дворце было немало драгоценностей, вскочил в изумлении. Бард, потрясенный, молчал. Казалось, шар наполнен лунным светом и висит в паутине, сотканной из холодного мерцания звезд.

— Это Завет-камень Траина, — сказал Бильбо. — Сердце Горы — и сердце Торина. Гному он дороже реки золота. Я отдаю его вам. Быть может, так будет проще договориться. — Бильбо без всякого сожаления вручил камень Барду, который, похоже, никак не мог оправиться от изумления.

— Но как он к тебе попал? — проговорил лучник, немного придя в себя.

— Ну, это долгая история! — откликнулся хоббит. — Понимаете... В общем, пускай камень будет залогом. Гномы считают меня добытчиком; быть может, так оно и есть, но если я и добытчик, то добытчик честный... Вот и все. А мне пора возвращаться, пускай там делают со мной что хотят. Надеюсь, камешек вам пригодится.

Король эльфов с уважением поглядел на хоббита.

— Бильбо Торбинс, — промолвил он, — ты и вправду достоин носить эльфийские доспехи. И не важно, что они тебе не по росту! Но вот одобрит ли тебя Торин Дубовый Щит? О гномах мне известно побольше твоего. Оставайся с нами, здесь ты будешь в безопасности.

— Спасибо на добром слове, государь. — Бильбо поклонился. — И за приглашение спасибо. Но я не вправе бросать друзей — мы столько всего испытали вместе. И потом, я обещал разбудить Бомбура. Простите, мне пора.

Возразить было нечего. Бильбо выделили охрану, король эльфов вместе с Бардом собрались его проводить. И тут им навстречу поднялся старик в черном плаще, гревшийся у одного из костров.

— Отличная работа, господин Торбинс, — похвалил он, обнимая хоббита и хлопая по спине. — Ты не перестаешь меня удивлять.

Это был Гэндальф!

В первый раз за много-много дней Бильбо понастоящему обрадовался. Но для вопросов, которые ему немедленно захотелось задать магу, времени уже не оставалось.

— Потерпи, — сказал тот. — Если я не ошибаюсь, скоро все кончится. Конечно, тебя ждут крупные неприятности, но не вешай нос. Ты справишься. И знай, на подходе вести, которых не слышали и вороны. Может, так тебе станет спокойнее. Спокойной ночи!

Озадаченный, но повеселевший Бильбо поспешил дальше. Его проводили до брода. Он перешел реку, ни разу не оступившись, попрощался с эльфами и двинулся к воротам. Усталые ноги слушались плохо, но незадолго до полуночи Бильбо уже поднялся на стену по веревке, которая так и свисала сверху. Хоббит отвязал ее, спрятал в котомку и уселся на стене, размышляя о том, что его ждет.

В полночь, как и обещал, он разбудил Бомбура и, отмахнувшись от гнома, благодарности которого, как сам он полагал,нисколько не заслуживал, завалился спать. И стоило ему только лечь, он тут же крепко заснул. Кстати сказать, снилась хоббиту сочная грудинка с яичницей.

Глава 17

ГРОЗА РАЗРАЗИЛАСЬ

На следующее утро спозаранок в лагере запели трубы. Вскоре гномы увидели, что к стене по узкому гребню кто-то идет. На некотором отдалении от стены посланец остановился и окликнул гномов: мол, согласится ли Торин вновь выслушать Барда — ибо поступили кое-какие важные вести, да и обстоятельства изменились.

— Верно, из-за Даина они так всполошились, — сказал Торин. — Ветер донес слух о его приближении. Я согласен! — крикнул он. — Но пускай приходят без оружия.

Около полудня у стены вновь зареяли стяги Леса и Эсгарота. Два десятка воинов сложили у начала гребня свои мечи и копья и лишь потом двинулись дальше. Среди них были Бард и король эльфов, а еще — какой-то старик, закутанный в плащ с капюшоном. Он держал в руках большую, обитую железными обручами корзину.

— Привет тебе, Торин! — сказал Бард. — Ты не передумал?

— По-твоему, на закате у меня на уме одно, а на восходе — другое? — надменно бросил Торин. — Ты пришел задавать глупые вопросы? Я настаивал на том, чтобы эльфы ушли, а они по-прежнему здесь. И пока они тут, мне с тобой говорить не о чем.

— И ты ни за что не поделишься золотом?

— А что ты или твои дружки могут мне предложить взамен?

— Как насчет Завет-камня Траина? — поинтересовался Бард.

При этих словах старик открыл корзину и достал ослепительно сверкающий алмаз.

Торин онемел от изумления. Долгое время все молчали. Наконец Торин нарушил тишину; его голос срывался от ярости.

— Этот камень принадлежал моему отцу, а теперь он мой по праву! — воскликнул гном. — С какой стати мне выкупать свою собственность. — Удивление, однако, взяло верх, и Торин не удержался от вопроса: — Но как он к вам попал? Впрочем, не отвечай — и так все ясно, воры и есть воры.

— Мы не воры, — возразил Бард. — И готовы вернуть твою собственность — в обмен на нашу.

— Но как он к вам попал? — гневно вскричал Торин.

— Это я его отдал, — испуганно пискнул Бильбо, высунув голову из-за стены.

— Ты? Ты! — возопил Торин, хватая хоббита за шкуру обеими руками. — Ах ты, хоббит недобитый! Добытчик недорезанный! — Слов ему не хватило, и он стал трясти беднягу Бильбо, как кролика. — Клянусь бородой Дарина! Был бы тут Гэндальф, уж я бы ему все сказал! Подсунул, понимаешь,

спутника! Да отвалится борода у этого мага! А тебя я просто о стенку размажу! — гаркнул гном, поднимая Бильбо в воздух.

— Стой! — прозвучал суровый голос. — Твое желание исполнилось. — Старик, пришедший с Бардом, поставил наземь корзину и сбросил с плеч плащ. — Вот тебе Гэндальф! Кажется, я весьма кстати. Будь добр, не покалечь моего добытчика. Лучше выслушай его.

— Все вы заодно, — прорычал Торин, швырнув Бильбо наземь. — Чтоб я еще когда-нибудь связался с магом и его дружками — да не в жизнь! Ну, говори, крысеныш!

— Охо-хо-хо, — сказал Бильбо. — Извини, что так получилось, ладно? Помнишь, ты говорил, что я сам могу выбрать свою долю? Может, я понял тебя буквально — но мне рассказывали, что гномы на словах вежливее, чем на деле. Ведь было время, когда я верил, что на что-то гожусь. А теперь я, значит, крысеныш? А кто обещал мне свою признательность до конца моих дней, кто говорил, что он всегда к моим услугам? В общем, я забрал свою долю и потратил ее по собственному разумению.

— Да будет так, — угрюмо отозвался Торин. — Надеюсь, мы с тобой больше не увидимся. — Он обернулся к Барду. — Меня предали. Вы все верно рассчитали — я не могу отказаться от Завет-камня, главного сокровища моего рода. За него я отдаю одну четырнадцатую долю клада — золотом и серебром, но не самоцветами. Это доля вон того изменника, и пускай он вместе с ней катится куда подальше. Думаю, вы сумеете поделить сокровища. И этого негодяя забирайте, глаза бы мои на него не глядели! Пошел прочь, не то я сам тебя сброшу! Надеюсь, тебе достанется шиш без масла. Давай проваливай.

— А как насчет золота с серебром? — справился Бильбо.

— Потом, потом. Все в свой черед. Убирайся.

— Но до тех пор Завет-камень останется у нас, — заявил Бильбо, слезая со стены.

— Не слишком ты хороший король, — заметил Гэндальф, обращаясь к Торину. — Впрочем, все еще может перемениться.

— Очень даже может быть, — согласился Торин. Он уже — столь велика была над ним власть сокровищ — размышлял, сумеет ли с помощью Даина отвоевать Завет-камень и сохранить в целости клад.

Вот так Бильбо покинул Гору, без всякой награды за труды, если не считать эльфийских доспехов. И кое у кого из гномов, глядевших ему вслед, шевельнулись в сердце сожаление и стыд.

— Прощайте! — крикнул хоббит. — Может, еще когда свидимся!

— Проваливай! — рявкнул Торин. — И радуйся, что на тебе кольчуга, выкованная моими предками. Стрелы ее не пробивают, но если ты не поторопишься, я пришилую к земле твои кривые лапы!

— Не горячись! — осадил его Бард. — Мы пождем до завтра. В полдень мы вернемся за той долей сокровищ, которую ты отдаешь за камень. Если все будет по-честному, эльфы уйдут в свой лес, а люди возвратятся к озеру. Прощай, Торин!

Они ушли, а Торин через Роэка отправил весточку Даину, извещая того обо всем случившемся и умоляя поспешить.

* * *

Минул день, минула ночь. Наутро с запада подул холодный ветер, нагнал тучи. Спозаранок в лагере послышались крики. Это прибежали дозорные с

донесением, что у восточного отрога Горы показались отряды гномов.

Даин пришел! Его войско шло всю ночь, без отдыха, и поэтому появилось намного раньше, чем его ждали. Вся рать гномов была в длинных, до колен, кольчугах; ноги обтягивали «чулки» — металлическая сетка в мелкую ячейку, такую умели ковать лишь подданные Даина. Воины выглядели весьма внушительно, у каждого имелась при себе двуручная секира, на поясе висел короткий меч с широким лезвием, а на спинах гномы несли тарчи — круглые щиты. Пышные бороды были заправлены под поясные ремни, над угрюмыми лицами нависали налобники железных шлемов.

Запели трубы, призывая людей и эльфов к оружию. Между тем гномы широким шагом поднимались по долине. Основная часть войска вскоре остановилась между восточным отрогом и рекой, лишь небольшой отряд пересек реку и двинулся к лагерю. Вот остановились и они, сложили наземь оружие и подняли руки в знак мирных намерений. Бард выступил им навстречу, прихватив с собой Бильбо.

— Мы — посланники Даина, сын Наина, — возгласили гномы. — Мы возвращаемся в наше древнее исконное королевство, спешаем на помощь родичам. Посему отвечайте: кто вы такие и зачем, как нам кажется, осаждаете Гору? — Вопрос был задан на старомодный лад, вежливо и витиевато, а по-простому означал: «Вам тут делать нечего. Дайте нам пройти, не то мы пробьемся силой».

Прорываться они собирались, по-видимому, между отрогом и излучиной реки, благо там заслон был не слишком сильный.

Разумеется, Бард наотрез отказался пропустить гномов. Он хотел сперва получить обещан-

ный выкуп за камень Траина, поскольку не верил, что Торин сдержит слово, коль скоро гарнизон его пополнится столь многочисленным войском. Гномы принесли с собой провизию — почти каждый воин Даина нес на плечах огромный мешок (гномы ведь способны таскать очень и очень тяжелые грузы). Если они прорвутся к Горе, осада растянется на недели, а то и на месяцы, а тем временем, весьма вероятно, подойдут и другие гномы, ибо родственников у Торина не счесть. К тому же гномы вполне способны пробить Гору потайным ходом в любом месте, и придется всю ее обставить войском, а на это никак не хватит сил.

Именно таковы и были планы гномов (вороны-посланцы без устали сновали от Торина к Даину и обратно), но Бард их нарушил; после долгих препирательств гномы удалились, бормоча что-то не слишком любезное себе в бороды. Бард немедленно послал отряд к воротам, но там людей ожидал совсем не радушный прием: едва они приблизились на расстояние выстрела, со стены полетели стрелы. Люди торопливо отступили. Лагерь зашевелился, готовясь к бою, а гномы Даина меж тем двинулись по восточному берегу реки.

— Глупцы! — усмехнулся Бард. — Я был о них лучшего мнения. Они, быть может, и умеют сражаться под землей, однако ничего не смыслят в войне на земле. В скалах на правом фланге сидят в засаде наши лучники и копейщики. У гномов крепкие кольчуги, но скоро им придется несладко. Ударимка на них с двух сторон, пока они не успели отдохнуть после перехода!

— На твоём месте я бы не спешил, — возразил король эльфов. — Все равно им нас не миновать, если только они не проруют подземный ход. Будем

надеяться, что мы сумеем договориться миром. А коли дойдет до сражения, за нами численное превосходство.

Однако он не принял в расчет, что у гномов могут быть другие планы. Обозленные тем, что Завет-камень Траина в руках врагов, они решили нанести удар, пока люди с эльфами мешкают и спорят.

Без сигнала, молча, они ринулись вперед. Запели луки, зазвенели стрелы; еще немного — и завязалась бы рукопашная.

Но тут на землю пала тьма. Над Горой распротерлась неведомо откуда примчавшаяся черная туча, прогрехотал гром, из тучи ударила молния и вонзилась в вершину. А с севера надвигалась другая туча — громадная стая птиц, летевших столь плотно, что ни единого просвета не было между их крыльями.

— Стойте! — крикнул Гэндальф. Он появился откуда ни возьмись и встал между ратью гномов и воинством Барда. — Стойте! — воззвал маг громовым голосом, и с его посоха сорвалась ослепительная вспышка. — Вон идут ваши настоящие враги! Увы, они пришли скорее, чем я думал. Гоблины наступают! Их ведет Болг, сын Азога, сраженного в копиях Мории рукой Даина! Смотрите! Нетопыри вьются над ними, точно облако саранчи. Гоблины скачут на волках, а следом бегут варги!

Обе рати пришли в смятение, все были ошеломлены. Гэндальф говорил, а мрак сгущался. Гномы замерли, уставившись в небо. По рядам эльфийских воинов прокатился громкий крик.

— Слушайте! — воскликнул маг. — Мы еще успеем созвать совет. Да прибудет на него и Даин, сын Наина.

Так началось сражение, которого никто не ждал и которое впоследствии прозвали Битвой Пяти Воинств. Сеча была жестокой и кровопролитной. Ордам гоблинов и диких волков противостояли отряды людей, эльфов и гномов.

С тех пор как в Мглистых горах Торин и компания убили Верховного Гоблина, ненависть его соплеменников к гномам стала поистине безудержной. Между поселениями, городами и крепостями гоблинов беспрестанно сновали гонцы, ибо гоблины твердо вознамерились уничтожить гномов и подчинить себе весь север. Долго они следили за происходящим, собирая все вести и слухи, а сами тем временем ковали в пещерах оружие. Потом стали сходить к огромной горе Гандабад, где находился их главный город, и вскоре там уже стояло многочисленное и хорошо вооруженное войско, готовое к походу на юг. Тогда-то гоблины и узнали о гибели Смога, ими овладело нетерпение, и они поспешили выступить. Шли ночами, не делая привалов, и поспели к Горе с севера, наступая на пятки рати Даина. Даже вороны не замечали их, пока отряды гоблинов не вступили в заброшенные земли, отделявшие Одинокую гору от северных хребтов. Сколь многое известно было Гэндальфу, сказать сложно, но маг сам признался, что появление гоблинов застало его врасплох.

На совете с королем эльфов, Бардом и Даином — гном не замедлил откликнуться на призыв, ибо гоблины были всеобщими врагами и с их появлением все распри были забыты — маг предложил такой план. Единственной надеждой было заманить гоблинов в долину между отрогами Горы, а самим оседлать южный и восточный отроги. Это могло

обернуться неприятностями, если гоблинов окажется столько, что они сумеют окружить Гору и нападут с тыла, но выбора не было: ведь времени оставалось в обрез — даже если послать за подмогой, никакая подмога все равно не успеет.

Гроза миновала, ушла на юго-восток, зато налетели нетопыри. Они промчались над отрогами Горы и закружились над головами союзников, вселяя ужас в сердца.

— К Горе! — крикнул Бард. — К Горе! Зайдем отроги, пока нас не смяли!

На южном отроге, на нижних склонах и на осыпях у его подножия расположились эльфы; гномы с людьми заняли восточный отрог, а Бард и с ним самые ловкие из людей и эльфов взобрались на вершину восточного отрога, чтобы лучше разглядеть врагов. Окрестности Горы на севере словно затопило вышедшее из берегов озеро. Куда ни посмотри, всюду гоблины и волки. Вскоре передовые отряды врага обогнули кряж и с воплями ринулись в Дол. Они истребили немногочисленный заслон и всем скопом устремились дальше. Как и надеялся Гэндальф, гоблины кинулись в долину меж отрогами. Над войском развевались бесчисленные знамена — черные и алые; гоблины наступали, точно морской прилив, беспощадный и не ведающий страха.

Это была ужасная битва. В памяти Бильбо она осталась самым жутким, самым отталкивающим воспоминанием — хотя на словах хоббит весьма гордился тем, что участвовал в ней, и частенько принимался рассказывать, как там все происходило. Но вам я могу сказать по секрету, что в самом начале сражения он надел свое кольцо и пропал с глаз долой; впрочем, опасность все равно оставалась — ведь от случайной стрелы или от копья, пущенного наугад, кольцо не уберезет. Зато оно поможет вовремя

убраться с дороги и не позволит какому-нибудь гоблину снести вам голову ударом меча.

Эльфы приняли натиск первыми. Они ненавидели гоблинов холодной, смертельной ненавистью. Их клинки и копья светились во мраке ледяным пламенем. Едва вражеское войско очутилось в долине, в воздух роем взмыли стрелы, и каждая стрела мерцала на лету. Потом вперед двинулись копейщички. Раздались истошные вопли, камни покраснели от гоблиновой крови.

Гоблины быстро оправались, атака эльфов захлебнулась, и тут по долине разнесся воинственный клич. С криками «Мория!» и «Даин, Даин!» гномы с Железного Взгорья ринулись на врага, размахивая своими секирами, а бок о бок с ними шли люди, вооруженные длинными мечами.

Среди гоблинов вспыхнула паника, а когда они опомнились и сомкнули ряды навстречу новой атаке, эльфы снова ударили на них. Многие гоблины, спасая свои шкуры, кинулись обратно к реке, а волки набрасывались на недавних друзей, загрызая их до смерти. Желанная победа над пришельцами казалась такой близкой, но вдруг откуда-то сверху прогремел клич.

Это гоблины, обойдя Гору, взобрались на карниз над воротами. Огромный отряд безрассудно кинулся вниз, на отроги, не обращая внимания на то, что многие из них, вопя от ужаса, низвергались с утесов и обрывов. На отрогах осталось слишком мало защитников, чтобы отразить натиск. Надежда сменилась отчаянием. Оказалось, то была лишь первая волна черного воинства!

День медленно клонился к вечеру. Гоблины снова скопились в долине. Туда же примчалась стая прожорливых варгов, а с ними — дружина Болга, гоблины громадного роста, все как один со стальными

ятаганами. Мало-помалу начали сгущаться сумерки; а нетопыри все кружили над головами эльфов и людей, жадно впивались в поверженных, высасывали кровь. Бард, оборонявший восточный отрог, медленно отступал, а военачальники эльфов столпились возле своего короля на южном отроге близ сторожки Враньего Пика.

Вдруг раздался крики, у ворот пропела труба. Это был Торин, о котором все забыли. Часть стены, сдвинутая рычагами, с грохотом обрушилась в озеро. Из образовавшегося проема выскочил Горный король, а за ним его товарищи. Плащи и колпаки исчезли — на гномах были сверкающие доспехи, во взорах пылало пламя. Торин светился во мраке, точно слиток золота в свете догорающего костра.

По склону покатались пущенные гоблинами камни, но гномы легко увернулись, подбежали к обрыву, с которого река низвергалась в Дол, и ринулись в бой. Волки и всадники падали под их топорами. Торин своей секирой наносил чудовищные удары; казалось, никто и ничто не может пред ним устоять.

— Ко мне! Ко мне! Эльфы и люди! Ко мне, мои родичи! — кричал он, и голос его сотрясал землю, точно пение рога.

Воины Даина откликнулись на призыв первыми. Следом за ними устремились люди, не слушая криков Барда, умолявшего остановиться, а с другой стороны двинулись эльфы-копейщики. Гоблинов смяли, их трупы усеяли Дол, варги разбежались. Торин пробился к дружине Болга, однако до предводителя гоблинов добраться не сумел. За его спиной, вперемежку с гоблинами, лежали и гномы, и люди, и веселые эльфы, которым еще жить бы да жить. Наступление захлебнулось. Отряд Торина был слишком уж малочисленным, и некому оказалось при-

крыть его с флангов. Вскоре Торина окружили со всех сторон; куда ни глянь, всюду виднелись лишь морды гоблинов да оскаленные пасти вернувшихся за добычей волков. Дружина Болга с воплями обрушилась на гномов, будто морской прибой — на песчаный берег. Помочь им никто не мог, ибо сеча закипела с новой силой, и с обоих отрогов людей и эльфов потихоньку оттесняли вниз.

Бильбо глядел на все это, и сердце ему щемила тоска. Он находился на Враньем пике вместе с эльфами — в основном из-за того, что оттуда было легче удрать, а еще потому, что в нем проснулся-таки дух Старого Тука и он твердо решил, буде случится такое, до конца защищать короля эльфов. Гэндальф тоже находился там — сидел, глубоко задумавшись, словно готовясь в последний раз сотворить что-нибудь магическое.

Гибель казалась неизбежной. «Гоблины захватят ворота, — думал Бильбо, — а нас всех перебьют или возьмут в плен. Ну как тут не заплакать! А я-то радовался, что все кончилось! Уж лучше бы старина Смог остался жив — тогда никто не посмел бы покуситься на его сокровища. Бедный Бомбур, бедные Фили с Кили, и Балин, и все остальные! Бедный Бард, бедные люди, бедные эльфы! Бедный, бедный я! Сколько песен сложено о всяких битвах, и в них даже поражения описаны так красиво. А тут — брр! И во что я только ввязался?»

Ветер на миг разорвал облака, и на западе мелькнул алый проблеск заката. Бильбо глянул в ту сторону и вдруг увидел такое, от чего сердце едва не выпрыгнуло у него из груди. С запада приближались птицы!

— Орлы! — завопил хоббит. — Орлы летят!

Зрение редко подводило Бильбо. То и вправду были орлы, мерно, величаво взмахивавшие

крыльями. Они слетались к Горе со всех гнездовых северов.

— Орлы! Орлы! — вопил хоббит, пританцовывая от возбуждения и размахивая руками.

Эльфы не могли видеть Бильбо, но слышать слышали. Они тоже закричали, их крик эхом раскатился по долине. Воины замерли и уставились на небо, хотя пока разглядеть орлов можно было только с южного отрога Горы.

— Орлы! — еще раз крикнул Бильбо. Тут ему на голову свалился камень, он со стоном упал навзничь и потерял сознание.

Глава 18

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Бильбо очнулся и увидел, что вокруг никого нет, а он лежит один-одинешенек у подножия Враньего Пика. Над ним раскинулось стылое безоблачное небо. Холод пробирал до костей, однако лоб хоббита пылал жаром.

— Что со мной стряслось? — пробормотал Бильбо. — Ладно, потом разберемся. По крайней мере, к павшим героям меня уже не припишешь. Ничего, с этим можно и не спешить.

Он сел и скривился от боли. Потом посмотрел на долину. Там громоздились горы трупов, среди которых, как показалось Бильбо, бродили эльфы. Он протер слезящиеся глаза. Так и есть. Вон и лагерь, в долине, цел и невредим. А кто там суетится у ворот? Похоже, гномы восстанавливают стену. Но почему тихо? Где радостные клики, где песни? И тишина какая-то неприятная — печальная, горестная.

— И все-таки мы победили, — проговорил Бильбо, ощущая голову. — Вот только какой ценой?

И тут увидел человека, он поднимался вверх по склону.

— Эй! — закричал хоббит срывающимся голосом. — Эй! Какие вести?

— Что за писк среди камней? — сказал человек, останавливаясь рядом с Бильбо, но явно того не замечая.

Бильбо вспомнил о кольце.

— Да уж, — пробормотал он. — У всего есть свои недостатки. Если бы не колечко, я бы спал уже в теплой постельке! Это я, Бильбо Торбинс, товарищ Торина! — воскликнул хоббит, торопливо сдергивая кольцо с пальца.

— Вот хорошо, что ты нашелся. Тебя уже обыскали. Решили было, что ты погиб, но Гэндальф, маг, сказал, что в последний раз слышал твой голос на Враньем пике. И меня послали проверить, для очистки совести. Ты сильно ранен?

— Кажется, меня шмякнуло по голове, — признался Бильбо. — Но на мне был шлем, да и голова у меня крепкая. В общем, ничего, только ноги не идут.

— Я отнесу тебя в лагерь. — Человек подхватил хоббита на руки.

Он шагал быстро и уверенно. Вскоре Бильбо очутился в Доле. У шатра его встретил Гэндальф с перевязанной рукой. Даже маг не сумел избежать ранения; что уж говорить о тех, кто был в гуще битвы.

При виде Бильбо лицо Гэндальфа просветлело.

— Торбинс! — воскликнул он. — Провалиться мне на этом месте. Жив, курилка! А я уж гадал, не кончилось ли твое везение. Без тебя же тут столько всего случилось! Ну это потом, новости потерпят. Пошли, тебя тут очень ждут. — Маг взял хоббита за

руку и ввел в шатер. — Слышишь, Торин! Я его привел.

В шатре и вправду лежал Торин Дубовый Щит, весь израненный; на земле валялись его продырявленные доспехи и зазубренная секира. Когда Бильбо приблизился, гном поднял голову.

— Прощай, добытчик! — промолвил он. — Я ухожу в палаты ожидания, к своим предкам, и не вернусь, покуда мир не возродится. А коль скоро я оставляю здесь все свое богатство — там оно ни к чему, сам понимаешь, — я хотел бы расстаться с тобой по-дружески, взять обратно свои слова и извиниться.

Опечаленный Бильбо опустился на одно колено.

— Прощай, Горный король, — ответил он. — Горестный конец у нашего похода, и даже гора золота не возместит такой утраты. Но я рад, что делил с тобой тяготы и опасности, — это великая честь, которой не заслуживает никто из Торбинсов.

— Не говори ерунды, — проворчал Торин. — Ты не знаешь себя, дитя светлого запада. В тебе отвага сочетается с мудростью, и сочетается дивно. Когда бы все мы ценили не только золото, а еду, веселье и песни, этот мир был бы гораздо приятнее. Но мне уже все равно, я покидаю его таким, каков он есть. Прощай!

Бильбо вышел из шатра, отыскал свое одеяло и лег, завернувшись в одеяло с головой. Поверите вы или нет, но он горько плакал, плакал, пока глаза не покраснели от слез, а в горле не пересохло. Маленький господин Торбинс был существом добрым и привязчивым. Прошло много времени, прежде чем хоббит успокоился и даже начал шутить.

«Одно хорошо, — сказал он себе. — Не приди я вовремя в себя, не успел бы проститься с Торинном...

Его уже не вернешь, но я рад, что мы расстались друзьями. Какой же ты болван, Бильбо Торбинс! Как ты ни тщился, битва произошла. Так что камень можно было не воровать. Ах, если бы знать загодя!»

Но когда Бильбо узнал обо всем, что произошло после того, как его оглушило, тут уж стало совсем не до радости — он опечалился пуще прежнего, и ему отчаянно захотелось домой. Ноги так и рвались в сторону Лихолесья и Мглистых гор, за которыми лежала Хоббитания. Но и с этим пришлось повременить.

Пока хоббит готовится к возвращению домой, я расскажу вам, чем завершилась битва. Орлы пристально следили за гоблинами, от птиц не укрылось, что те подозрительно оживились. И поэтому, собравшись все вместе, под водительством Повелителя орлов полетели они на северо-восток. И подоспели в самое время. Огромные птицы сбросили вопящих от ужаса гоблинов со склонов Горы, согнали вниз, прямо на копыта эльфов и на мечи людей. Склоны очистились, и эльфы с людьми смогли наконец прийти на выручку своим товарищам в долине.

Однако даже орлы не смогли бы справиться со всеми вражьими полчищами. Хорошо, что вовремя и неизвестно откуда явился Беорн в своем медвежьем обличье.

С яростным ревом, подобным грому тысячи барабанов, он обрушился на гоблинов и на волков, раскидывая их в разные стороны, точно снопы соломы или кучи тряпья. Напав на врагов с тыла, Беорн с оглушительным рыком разметал их ряды и прорвал кольцо, в котором очутились гномы. Он поднял утыканного стрелами Торина, вынес того из гущи сражения, осторожно положил на траву и вновь, с уд-

военной яростью, ринулся в бой. Дружина Болга — и та не устояла перед ним; сам Болг погиб, расплющенный медвежьими лапами. Гоблины в панике бросились наутек. А эльфы, люди и гномы преследовали их до реки и даже дальше. Кого загнали в реку, кого в болота на западе и на юге; немногим удалось удрать, но их всех отловили и перебили на опушках Лихолесья. В песнях поется, что в тот день у Одинокой горы пали три четверти войска северных гоблинов. В горах на много лет установился мир.

Победа стала явью уже вечером, но когда Бильбо вернулся в лагерь, погоня еще продолжалась, а потому в лагере народу было мало — в основном тяжело раненные.

— Где орлы? — спросил хоббит у Гэндальфа, забравшись под груды теплых одеял.

— Одни помчались в погоню, — ответил маг, — другие уже вернулись в свои гнезда. Они улетели с первыми лучами солнца. Даин вручил их вожаку золотой венец и поклялся в вечной дружбе.

— Вот жалость. Я бы хотел повидаться с ними, — сонно проговорил хоббит. — Ну ничего, взгляну к ним на обратном пути. А кстати, скоро ли я смогу отправиться назад, домой?

— Когда пожелаешь, — отозвался Гэндальф.

Прошло несколько дней, прежде чем заветное желание Бильбо осуществилось. Торина похоронили в пещере под Горой. Бард положил на грудь гному Завет-камень.

— Да покоится он тут, куда стоит Гора! — сказал лучник. — Да принесет удачу всем гномам, которые здесь поселятся!

Король эльфов положил на могилу Оркрест, эльфийский клинок, которого Торин лишился, когда попал в плен. В песнях поется, что лезвие Оркреста светится при приближении врагов; с этим клинком

врасплох гномов было уже не застать. Править гномами теперь стал Даин, сын Наина, провозглашенный Горным королем, и многие собрались к его трону в древних чертогах. Из тех двенадцати, что сопровождали Торина, в живых осталось десять. Фили и Кили погибли, защищая своего предводителя и родича — ведь Торин был старшим братом их матери. Все десятеро присоединились к Даину.

Новый Горный король разделил сокровища по справедливости. Разумеется, о прежних договоренностях — по доле каждому гному и долю Бильбо — никто не вспоминал. Четырнадцатую часть сокровищ — золотом и серебром — отдали Барду.

— Мы выполним обещание покойного. Тем более что он получил свой Завет-камень.

Эта четырнадцатая часть представляла собой баснословное богатство, какое и не снилось никому из прежних королей. Бард отправил золото градоправителю Эсгарота, щедро наградил своих друзей и соратников, а королю эльфов, зная, как тот любит драгоценные камни, преподнес самоцветы Гириона, возвращенные ему Даином.

Бильбо же Бард сказал:

— О прежних уговорах можно забыть, ибо слишком многое с тех пор переменилось, но вот эти сокровища твои по праву. Ты отказался от своей доли, однако я не хочу, чтобы слова Торина, те, о которых он и сам сожалел, сбылись. Помнишь? Насчет того, что тебе достанется шиш без масла? Я вознагражу тебя щедрее, чем кого бы то ни было, и это будет справедливо.

— Премного благодарен, конечно, — ответил Бильбо. — Но я, по правде говоря, не знаю. Покамест я его доведу, мне придется день и ночь отбиваться от охотников поживиться за мой счет. И что делать с

сокровищами, когда я попаду домой, я тоже не представляю. Пускай уж оно останется у тебя.

Но в конце концов он согласился взять два сундука, один с серебром, другой с золотом. Сундуки были тяжелые, но ровно настолько, чтобы их мог увести крепкий пони.

— Этого мне вполне хватит, — сказал Бильбо.

И вот наступило время прощания.

— Прощай, Балин! — проговорил хоббит. — Прощай, Двалин! Прощайте, Дори, Нори, Ори, Оин, Глоин, Бифур, Бофур и Бомбур! Да не выпадут во век ваши бороды! — Потом повернулся лицом к Горе и прибавил: — Прощай, Торин Дубовый Щит. И вы, Фили и Кили. Да не изгладится память о вас!

Гномы низко поклонились, но слов ни у кого не нашлось — настолько они были опечалены.

— Счастливого пути, — после долгого молчания произнес наконец Балин. — Куда бы ни пролегла твоя дорога, да сопутствует тебе удача! Навести нас как-нибудь, когда мы отстроимся и приведем все в порядок. Такой закатым пир — мало не покажется!

— А коли вы будете в наших краях, заходите без предупреждения, — отозвался Бильбо. — Чай я обычно пью в четыре, но вам буду рад в любое время.

После этих слов он поспешно отвернулся.

* * *

И вот войско эльфов двинулось в обратный путь. Его ряды поредели, но ликования все же было больше, чем печали: ведь на многие годы в северные земли вернулась радость. Дракон погиб, гоблинов разбили в пух и прах, — сердца эльфов рвались на встречу весне и веселью.

Гэндальф и Бильбо ехали в передовом отряде, позади короля эльфов, а рядом с ними шагал Беорн, вновь принявший человеческий облик. Он смеялся и горланил песни. Так добрались до опушки Лихолесья, севернее того места, где вырывалась на простор лесная река. Там задержались, ибо маг с хоббитом не собирались входить в лес и вежливо отказались от приглашения погостить в королевском дворце. Они намеревались обогнуть чащобы с севера, проехать по пустыне, что пролегла между Лихолесьем и хребтами Серых гор. Путь предстоял долгий и не слишком веселый, но все же он казался лучше ужасной тропы через лес — тем более что гоблинов в Серых горах почти не осталось. Беорн тоже выбрал этот путь.

— Прощай, о король, — сказал Гэндальф. — Да будет весел зеленый лес, пока мир еще молод, да будет весел твой народ!

— Прощай, о Гэндальф! — отозвался король. — Не бросай своего обыкновения — появляйся, когда ты больше всего нужен и когда тебя меньше всего ожидают. Чем чаще я буду видеть тебя в своих чертогах, тем сильнее будет моя радость.

— Прощу тебя, государь, — проговорил с запинкой Бильбо, поджав в смущении одну ногу, — прими от меня это. — Хоббит протянул эльфу жемчужное с серебром ожерелье, подарок Даина.

— Чем же я заслужил столь щедрый дар? — удивился король.

— Ну... Ты вряд ли знаешь... — Бильбо польстило изумление короля. — В общем, это... плата за гостеприимство, что ли. Я хочу сказать... Грабители — народ порядочный. А я съел много твоего хлеба и выпил много вина.

— Я принимаю твой дар, Бильбо Великолепный, — промолвил король. — И нарекаю тебя отны-

не другом эльфов! Да не станет короче твоя тень, да будет прибыльным твое ремесло! Прощай.

Эльфы двинулись к лесу, а Бильбо повернул пони на север.

По дороге домой ему выпало немало трудностей и опасных приключений. Дикий Край оставался все таким же диким, и в те дни там хватало опасностей и без гоблинов. Но Бильбо хорошо охраняли и заботливо опекали — ведь с ним были маг и Беорн, так что по-настоящему он больше ни разу не испугался. К середине зимы, обогнув лес, Бильбо с Гэндальфом подъехали к дому Беорна. Хозяин закатил пир, на который собрались многочисленные гости. Гоблинов в Мглистых горах осталось раз-два и обчелся, да и те настолько перепугались, что не казали носа из своих подземелий, варги тоже куда-то подевались — посему от приглашения никто не отказался.

Впоследствии Беорн стал великим вождем и правил всеми землями от гор до Лихолесья; говорят, что его потомки на протяжении многих поколений обладали способностью превращаться в медведей. Некоторые из них были угрюмыми и даже злыми, но большинство походило на Беорна — хотя бы добрым сердцем, если не размерами и силой. Именно они изгнали последних гоблинов из Мглистых гор, и по всей границе Дикого Края воцарился мир.

В чудесный весенний денек, когда уже всюю пригревало солнце, Бильбо с Гэндальфом покинули дом Беорна. Бильбо рвался домой, но от человека-медведя уезжал с сожалением, ибо весной цветы в садах Беорна были не менее прекрасны, чем летом.

Долгий и утомительный путь по горам привел к тому самому проходу, где на путников когда-то

напали гоблины. Добрались туда утром и, когда оглянулись, увидели в небе ослепительное солнце. Вдалеке синело Лихолесье; его ближняя опушка была темно-зеленой, даже по весне. За лесом возвышалась Одинокая гора. На ее вершине до сих пор лежал искрившийся на солнце снег.

— Где полыхало пламя, выпал снег, и даже драконы погибают! — сказал Бильбо, поворачиваясь спиной к местам своих походов. Беспокойный дух Старого Тука слабел с каждым днем, зато вторая часть его природы заявляла о себе все настойчивее. — Эх, очутиться бы сейчас в моем креслице! — прибавил он со вздохом.

Глава 19

ПОСЛЕДНИЙ ШАГ

Первого мая путники достигли ущелья, в котором стояла Последняя (теперь получалось, что первая) Приветная Обитель. Сгущались сумерки, пони заметно устали — особенно тот, который вез сундуки с золотом и серебром. Всем хотелось отдохнуть. Дорога нырнула вниз, и послышалась песня. Бильбо подумалось, что эльфы Раздола не переставали петь с тех самых пор, как он с гномами здесь побывал. Как только въехали на лужайку, эльфы запели новую песню, удивительно похожую на ту давнишнюю. Звучала она приблизительно так:

*Ах, змей, — ах, он что же?
Распался на части!
Ни кости, ни кожи,
Ни чести, ни власти!
Ах, меч, он заржавлен,*

Престол пошатнулся,
Но будет исправлен —
Король-то вернется!
Ах, люди в надежде,
Ах, гномы с их кладом,
Все будет как прежде,
Все будет как надо —
Тра-ли-ли-лине! —
Как в нашей долине!
Алмазы на своде,
Ах, кажутся близки,
А месяц, он вроде
Серебряной миски!
И золота краше,
И ярче, и чище
Сокровище наше —
Лесное огнище!
Тра-ля-ля-ля-лину!
Спешите в долину!
Откуда, куда вы?
И что же так поздно?
Затихли дубравы,
И ночь уже звездна.
Отбросьте унынье —
С добычей вы ныне
Вернулись к долине!
И ныне в долине
Танцуют эльфины!
Тра-ля-ля-ля-лину —
Спускайтесь в долину!
Тра-ля-ля!
Тра-ля-ля!
Тра-ля!

Эльфы приветствовали путников, помогли переправиться через реку и проводили к Элронду. Владыка Раздола радушно встретил гостей. Эльфам не терпелось послушать, что произошло у Горы. Гэндальф принялся рассказывать, а Бильбо сидел и подремывал. Поначалу маг пересказывал то, что узнал от хоббита по дороге и в доме Беорна; но потом речь зашла о том, что Бильбо не было известно; хоббит встрепенулся, приоткрыл один глаз и прислушался.

Из разговора Гэндальфа с Элрондом наконец-то выяснилось, где маг пропал. Оказывается, после расставания с гномами Гэндальф направился напрямик на большой совет белых магов, хранителей мудрости и доброй магии. Всем вместе, магам удалось изгнать Некроманта из его черной твердыни на юге Лихолесья.

— Скоро лес изменится, — сказал Гэндальф. — Надеюсь, мы прогнали его надолго. Как жаль, что не навсегда!

— И вправду жаль, — согласился Элронд. — Увы, ни в эту эпоху, ни в последующие, боюсь, окончательно его победить не удастся.

Когда Гэндальф кончил рассказ, эльфы принялись вспоминать древние сказанья, петь новые песни и пересказывать неподвластные времени предания. Бильбо забился в уголок, свесил голову на грудь и крепко заснул, похрапывая во сне.

Проснулся он в постели, на белоснежной простыне, а в распахнутое окно светила луна. От реки громко и отчетливо доносились звонкие голоса эльфов:

*Пойте все вместе, пойте все хором!
Ветер над вереском, ветер над бором!*

*Звезды в цвету, и луна расцвела —
Лунная башня бела и светла.
Пляшите все разом, пляшите все вместе!
Ноги, танцуйте, не стойте на месте!
Река под луною полна серебра.
Будем сегодня гулять до утра.
Тише вы, тише! Как в колыбели —
Баюшки-баю! — на мягкой постели
Спит наш скиталец. Сны навевай —
Баюшки-баю! — ласковый май.
Тише вы, Ясени, Ивы, Ольшины,
Сосны, Дубы! Не шумите, вершины!
Скройся, луна! Смолкни, ручей!
Баюшки-баю — до первых лучей!*

— Эгей, добрый народ! — окликнул Бильбо эльфов, высовываясь из окна. — Вы хоть знаете, который час? Да ваша песенка разбудит и пьяного гоблина! Но все равно — спасибо вам.

— А от твоего храпа проснется и каменный дракон, — со смехом отозвались эльфы. — Но и тебе спасибо. Дело к рассвету, а ты почиваешь с самого вечера. Пожалуй, отоспишься за всю дорогу!

— В доме Элронда и сон — лекарство, — сказал хоббит, — будем лечиться, покуда есть возможность. Еще раз доброй ночи, друзья. — С этими словами он нырнул в постель и проспал до самого утра.

Усталость как рукой сняло, он много шутил, пел и танцевал с эльфами. Но даже чудесный Раздол не мог его удержать — он не переставал думать о доме. Через неделю хоббит попрощался с Элрондом, вручил ему на прощание маленький подарок, который тот благосклонно принял, и они с Гэндальфом вновь тронулись в путь.

Едва выехали из долины, небо на западе потемнело, в лицо ударил ветер с дождем.

— Вот тебе и весенний ветерок! — пробормотал Бильбо. — Ну да ладно, мы едем домой. Будем считать, это — привет из дома.

— Впереди еще долгий путь, — возразил Гэндальф.

— Зато последний, — отозвался Бильбо.

Добрались до реки, обозначавшей границу Дикого Края, переправились бродом — вы, должно быть, его помните. В горах таял снег, каждый день шли дожди, поэтому вода в реке поднялась, но перебрались без приключений и поскакали дальше — к Хоббитании.

Все было как прежде, лишь компания уменьшилась и стала тише, да троллей на сей раз не встретилось. Бильбо припоминал прошлый год — что было, о чем говорили (казалось, минул добрый десяток лет), — а потому сразу приметил то место, где свалился в реку и где свернули с тропы после встречи с Томом, Бертом и Биллом.

Неподалеку от дороги нашлось и золото троллей — в целостности и сохранности.

— Мне и так хватит до конца дней, — сказал Бильбо, когда они с Гэндальфом выкопали золото. — Бери его себе. Вдруг пригодится?

— Безусловно пригодится, — ответил маг. — Но, знаешь ли, от тюрьмы да от сумы... По-моему, оно тебе скоро понадобится.

Наполнили золотом переметные сумы, навесили их на пони, которые оказались далеко не в восторге от прибавившейся поклажи, а сами пошли пешком. Кругом зеленела листва, трава вымахала уже в рост хоббита, солнце припекало. Бильбо частенько останавливался отдохнуть и вытирал лицо красным

носовым платком — этот платок он одолжил у Элронда.

Все на свете имеет конец, и наша история — не исключение. Одним июньским днем перед путниками раскинулся край, где Бильбо родился и вырос, где все пригорки и деревья были ему знакомы не хуже собственных пяти пальцев. Поднявшись на взгорок, он увидел вдалеке свою Кручу, остановился и вдруг нараспев произнес:

*Дорога — это значит путь
По чащам, по горам
И под горой, где тьма и жуть,
И по речным волнам,
Зимой — в мороз, а летом — в зной,
Ведь путь всегда таков —
Всегда под солнцем, под луной,
Коль нету облаков!
Дорога — это надо знать —
Всегда на край земли!
А ноги сами тянут вспять
Туда, откуда шли;
Пушкой огонь и тьма кругом,
Пушкой враги вокруг, —
Всегда я вижу милый дом,
Любимый сад и луг!*

— Мой милый Бильбо! — проговорил Гэндальф. — Что с тобой случилось? Ты ли это?

Вот пересекли мост, миновали мельницу и подошли к норке господина Торбинса.

— Хо! — вскричал Бильбо. — Что тут такое?

У дверей толпился народ, хватало всяких — и почтенного вида, и не слишком, а многие сновали в

дверь и выбегали обратно. Мало того, при этом они даже не вытирали ноги!

Если господин Торбинс удивился, то все прочие изумились, если не сказать больше! Ведь Бильбо появился в разгар аукциона. На воротах висело большое объявление, где красным и черным было написано: «Июня двадцать первого числа господа Грабл, Грабл и Копанец будут продавать с аукциона вещи господина Бильбо Торбинса. Аукцион состоится в Торбе-на-Круче, Хоббитания. Начало в десять ноль-ноль». Так как близился полдень, многие вещи уже успели продать по сходной цене — как поется в старых песнях (и как обычно бывает на аукционах), распродали ни за грош. Родичи Бильбо, Лякошель-Торбинсы, старательно измеряли комнаты, прикидывая, поместится ли там их мебель. Короче говоря, Бильбо объявили пропавшим без вести, и отнюдь не все в Хоббитоне обрадовались, когда он неожиданно возвратился.

Вообще возвращение господина Торбинса наделало много шума. Добрых десять дней на Круче и в Приречье не утихали разговоры. А на то, чтобы власти официально признали Бильбо живым, потребовалось несколько лет. С вещами дело обстояло проще: убедившись, что от уговоров толку мало, Бильбо просто-напросто взял да и выкупил свою собственную мебель и прочую хозяйственную утварь. К сожалению, серебряные чайные ложки так и не нашлись; Бильбо подозревал, что они осели у Лякошель-Торбинсов. А те никак не хотели признавать в нем господина Торбинса и даже отворачивались, когда встречали его на улице. (Понимаете, им очень уж хотелось переселиться в чудесную норку Бильбо.)

Вскоре выяснилось, что Бильбо расстался не только с чайными ложками, но и со своей репутацией. Он был другом эльфов, его уважали гномы, маги и тому подобные личности, заглядывавшие порой к нему на огонек, а вот в Хоббитании к Бильбо относились иначе. Соседи держали господина Торбинса за сумасброда; дружили с ним разве что племянники и племянницы по линии Туков, и то тайком от родителей, которые вовсе не поощряли дружбы с «этим Торбинсом».

Мне неловко это говорить, но мнение соседей несколько не тревожило Бильбо. Он наслаждался спокойной, размеренной жизнью; и даже котелок на огне, казалось, посвистывал теперь куда мелодичнее, нежели в те дни, что предшествовали Нежданному Угощению. Свой меч Бильбо повесил над каминной полкой, а кольчуга висела в гостиной, пока он не сдал ее в борошень, то бишь в музей. Золото и серебро господин Торбинс расходовал в основном на подарки, полезные и роскошные, — хотя бы по этому можно судить, как он относился к своим племянникам. А кольцо никому не показывал и надевал, лишь когда надо было спрятаться от незваных гостей.

Соседи качали головами, приговаривали: «Со всем Торбинс спятил», — и стучали себя по лбу; мало кто верил его рассказам. А Бильбо писал стихи, порой навещал эльфов и был счастлив до конца своих дней (а прожил он долго-долго).

* * *

Осенним вечером несколько лет спустя Бильбо сидел в кабинете и писал воспоминания, которые собирался назвать «Туда и обратно, или Прогулка

хоббита». И тут в дверь позвонили. Это оказался Гэндальф, и не один, а с Балином!

— Входите, входите! — засуетился Бильбо. Вскоре все расселись у огня. Балин, наверное, заметил, что жилет господина Торбинса раздался вширь и пуговицы на нем из чистого золота; а Бильбо бросились в глаза удлинившаяся борода гнома и роскошный, отделанный самоцветами пояс. Стали вспоминать былые дни; Бильбо не терпелось узнать, как обстоят дела в окрестностях Горы. Там все было в порядке. Бард построил в Доле новый город, куда переселились многие жители Эсгарота, а также люди с юга и с запада; Дол вновь стал плодороден и богат, а в заброшенных землях пели птицы и цвели цветы, осенью там собирали плоды и пировали. Озерный город тоже восстановили, и он сделался краше и богаче прежнего. Вверх и вниз по реке ходили корабли с товарами, а эльфы, гномы и люди жили в мире и согласии. Но прежний градоправитель кончил плохо. Он не устоял перед соблазном (ведь драконьи чары продолжали действовать) — похитил золото, которое Бард отдал ему на восстановление Эсгарота, бежал и умер с голоду в пустыне, брошенный даже своими слугами.

— Новый градоправитель вроде поумнее, — сказал Балин. — Его все любят, и он немало потрудился на благо Эсгарота. Горожане складывают песни, в которых поется, что реки ныне стали золотыми.

— Значит, пророчество все-таки сбылось, — задумчиво проговорил Бильбо.

— Разумеется! — подтвердил Гэндальф. — А почему бы ему не сбыться? Или ты не веришь

пророчествам с тех пор, как сам помог осуществиться этому? Знаешь, мой милый, это уж слишком. Ты еще скажи, что всем своим богатством обязан одной удаче, опекавшей тебя всю дорогу! Господин Торбинс, вы, конечно, достойная личность, и я не могу на вас налюбоваться, но не забывайте, что на самом деле вы — мелкая сошка в этом огромном мире!

— Вот и славно, — засмеялся Бильбо и протянул магу табакерку.

**КУЗНЕЦ ИЗ
БОЛЬШОГО ВУТТОНА**

*Перевод Андрея Лактионова
и Тахира Велимеева*

Случилось это не так чтобы давно — для тех, у кого долгая память, и не так чтобы далеко — для тех, у кого ноги длинные, а шаг широкий. Стояла на лесной опушке деревня, прозывавшаяся Большим Вуттоном, — не потому, что и вправду была большой и богатой, на зависть прочим, а чтобы не путали с Вуттоном Малым, расположенным в нескольких милях по соседству, в глубине леса. В ту пору в Большом Вуттоне жили не тужили самые разные люди — и хорошие, и плохие, и серединка на половинку, все вместе, как ведется испокон веку.

Деревня эта славилась на всю округу своими умельцами, мастерами на все руки и в любом деле; особым же почетом у окрестного люда пользовались вуттонские повара. Деревенской Кухарней управлял Мастер Повар, особа столь значительная, что отдавать ему распоряжения мог только Совет деревни. Дом Мастера Повара и сама Кухарня помещались подле Хоромины, старейшего в деревне здания, самого большого и самого красивого. Сложенная из доброго камня, сбитая из крепкого дуба,

была она главной вуттонской достопримечательностью и по-прежнему радовала взор, пускай даже краска на ее стенах облупилась, а позолота поблекла от времени. Обыкновенно в Хоромине заседал Совет; простые же вуттонцы сходились туда потолковать о заботах повседневных да хлопотах житейских, а еще — задавали пиры, на которые созывали всех родных и знакомых. А пировали они по всякому поводу, и столы на пирах ломились от яств (какой же это пир, коли угощение скудное да простецкое?). И потому Мастер Повар круглый год не ведал покоя — кому другому, как не ему, было следить, чтобы на столах всегда и всего было вдоволь.

Передохнуть и перевести дух мог он разве что зимой, ибо в зиму справляли в Большом Вуттоне один-единственный праздник. Зато какой! Гуляли неделю подряд, а напоследок, в конце недели, отмечали День Хороших Детей. Приглашали на этот праздник далеко не всех, и без обид, конечно же, не обходилось: достойных пригласить забывали, а других зазывали незаслуженно, однако злого умысла в том не было и в помине, и небрежения тоже, — такое случается сплошь и рядом, уж так устроен свет. Задавали пир раз в двадцать четыре года, а за столом было двадцать четыре места — ни больше ни меньше, и потому праздник Хороших Детей называли еще Пиром Двадцати Четырех. И все ждали, что на этом пиру Мастер Повар подаст что-нибудь особенное, невиданное доселе и неопишимо вкусное. Вдобавок, как повелось с незапамятных времен, ему полагалось испечь Праздничный Пирог. Само имя Мастера Повара и запоминалось-то, по правде сказать, благодаря этому Пирогу: кого потом долго расхваливали, а кого, бывало, и брани-

ли. И уж коли провинился Повар, поправить ничего было нельзя: век людской, а поварской тем паче, слишком короток, чтоб вместить в себя два Праздничных Пирога.

* * *

Однажды в Большом Вуттоне случился настоящий переполох. Тогдашний Мастер Повар, человек почтенный, немногословный и даже суровый, возьми вдруг да скажи, что хочет отлучиться. Отродясь в Вуттоне такого не бывало, и деревенский люд не на шутку забеспокоился. А Повар слово сдержал — ушел, никто не ведал куда, и пропал невесть где не месяц и не два; а возвратился совсем другим. Прежде он все больше стоял в стороне да глядел без улыбки на чужое веселье, а теперь его как подменили: он беспрестанно шутил и смеялся и распевал забавные песенки, что уж Мастеру-то Повару и вовсе не к лицу. А еще — он привел с собой ученика.

Конечно, в самом этом событии ничего удивительного не было. В конце концов, всякий мастер рано или поздно обзаводится подмастерьем — чтоб было кому передать тайны ремесла. А когда годы ученичества остаются позади, мастер отходит от дел и вчерашний ученик сам становится Мастером. Так уж заведено на свете. Но у этого мастера, у вуттонского Мастера Повара, до сих пор ученика не было; когда его спрашивали, отчего он медлит да тянет, Повар обычно отговаривался — мол, время не пришло, как угляжу кого подходящего, сразу возьму. Вот и дождались — привел чужака, мало что нездешнего, так с виду совсем еще юнца безусого. Вежливый такой, тихий мальчонка невысокого роста; поспоровистее да половчее местных, это верно,

только уж больно молоденький. Впрочем, кого брать в ученики — дело мастера, и никому другому мешаться сюда не след. Пришлый мальчонка поселился в доме Повара и жил у своего наставника до самого совершеннолетия, а уж там обустроился как положено, своим умом зажил. Мало-помалу в Вуттоне к нему попривыкли, кое с кем он даже сдружился. Друзья и Мастер Повар звали мальчика Альвом, для всех же остальных был он просто Подмастерье.

* * *

С того приснопамятного дня минуло три года. Жизнь текла размеренно, ничего особо примечательного не происходило. Но одним весенним утром Мастер Повар снял свой высокий колпак и белоснежный фартук, повесил на крючок белую куртку, взял крепкий ясеневый посох и дорожную котомку — и ушел из Большого Вуттона навсегда. Попрощался он только с учеником, никого другого поблизости не случилось.

— Будь здоров, Альв, — сказал Повар. — Старший на Кухарне теперь ты. Коли доведется нам еще свидеться, расскажешь, каково тебе пришлось без меня. Но я верю — ты справишься. Уж мне ли этого не знать! Кто про меня будет спрашивать — скажи: «Ушел без возврата».

Весть мигом разлетелась по Вуттону, и деревня загудела, точно потревоженный улей.

— Ну и дела! Вот тебе на! — толковали вуттонцы. — Сгинул, получается, наш Мастер Повар? Нет бы предупредил или попрощался хотя бы! Куда же нам без него? Кого на Кухарню-то ставить?

Судили да рядили и наконец определили в Повара одного из своих, деревенских. (Поставить

новым Поваром Альва никому и в голову не пришло. И то сказать — проучился всего три года и с виду все такой же оголец — ладно хоть, подрос немного). Нокс — так звали нового Повара — по молодости, бывало, кухарил и помогал, случалось, прежнему Мастеру Повару, стало быть, надлежащий опыт имел. Правда, Мастер Повар Нокса не больно то жаловал и в ученики брать отказывался, но Мастер теперь далече, ищи его свищи, а стряпать кому-то надо. К тому же Нокс был человек семейный, с женой да детишками, на земле стоял крепко и деньгами сроду не сорил, а такой Повар на Кухарне и надобен.

— Этот, по крайней мере, не сбежит, — рассудили вуттонцы. — И уж лучше худая стряпня, чем вообще никакой. А что до Праздничного Пирога, так пир еще не скоро. Семь лет впереди — времени уйма; глядишь, поднатореет наш Повар и такой нам пирог сладит — всем пирогам пирог.

Нокс страшно обрадовался своей новой должности. Он сызмальства мечтал заправлять Кухарней и ничуть не сомневался, что справится. Вечерами, когда все расходились и Нокс оставался на Кухарне один, он надевал поварской колпак и долго смотрелся в начищенную до блеска медную сковородку, приговаривая:

— Как поживаете, Мастер Повар? Колпак-то как на вас шили! У нас все будет как положено, складно да ладно, не извольте сомневаться.

* * *

Поначалу дела и вправду пошли неплохо. Усердия Ноксу было не занимать, он трудился не покладая рук, да и Подмастерье был всегда готов ему подсобить. Честно сказать, Нокс исподтишка

подсматривал за Альвом и многому научился у мальчика, хоть и не признался бы в том никому на свете. А время шло, близился заветный срок — Пир Двадцати Четырех, и Нокса все чаще одолевало беспокойство — а сумеет ли он испечь настоящий Праздничный Пирог? Конечно, за минувшие семь лет он напек преизрядно всяческих пирогов, булочек и сдоб, но ведь тут случай особый. Во-первых, попробуй-ка угоди сразу всем — и детишкам, и взрослым (ведь на Пир Двадцати Четырех полагалось испечь два пирога: один, праздничный, на детский стол, а второй, поменьше, — взрослым, что придут помогать с устройением стола). А самое главное — никак нельзя, чтобы Праздничный Пирог получился похожим на предыдущие, испеченные другими Поварами. И тут уж как ни крути, всяко выходит одно: нужно измысливать что-нибудь этакое, доселе небывалое, да такое, чтобы все вокруг обзавидовались.

Пораскинув умом, Нокс надумал испечь сладкий пирог и полить его сверху сахарной глазурью (благо у Подмастерья глазурь выходила на диво, пальчики оближешь да добавки попросишь). «И вкусно будет, — прикидывал Нокс, — и красиво опять же. Ну просто волшебный пирог получится!» Он твердо верил, что все на свете детишки без ума от сладкого — и от сказок, особенно от волшебных, с эльфами да с феями. Во всяком случае, сам Нокс в детстве обожал и то и другое; из сказок он со временем вырос — какие там сказки, когда семью кормить надо, — а вот сластеной так и остался. «Вот именно — волшебный! — воскликнул Повар. — Чудная мысль!» Он словно увидел пирог воочию. Но чего-то будто бы не хватало... В следующий миг Нокс догадался, чего. Нужно поса-

дить на верхушку пирога крохотную фигурку: белое платье, в руке волшебная палочка, увенчанная звездочкой; а понизу вывести розовой глазурью: «Королева Волшебной Страны».

Нокс повеселел и принялся было за дело, но вдруг сообразил, что знать не знает, из чего вообще пекут Праздничный Пирог и что принято добавлять в тесто. Тогда он пролистал поваренные книги своих предшественников, но только запутался пуще прежнего: там, где ему удалось разобрать почерк, говорилось о таких составных частях, о которых он прежде и слыхом не слыхивал, а о чем слыхал, тем, как оказалось, он забыл запастись. Разве что подсыпать в Пирог щепотку-другую пряностей... Почесав в затылке, Нокс припомнил древнюю черную шкатулку со множеством отделений внутри. Прежний Мастер Повар хранил в этой шкатулке пряности и прочие изыски как раз на особый случай. Но где она может быть? С тех пор как Нокс стал заправлять на Кухарне, черная шкатулка ему на глаза не попадалась.

После долгих поисков шкатулка отыскалась на верхней полке в кладовой. Нокс сдул со шкатулки пыль, откинул крышку — и разочарованно вздохнул. Шкатулка была почти пустой, разве что с доннышка соскрести; и то — одни пряности высохли, другие покрылись плесенью и уже никуда не годились. И тут краем глаза он заметил звездочку, притаившуюся в дальнем уголке, совсем крохотную звездочку, не больше монетки; она тускло поблескивала, будто была из серебра.

— Ишь ты! — хмыкнул Нокс, вынимая находку из шкатулки. — Забавная штуkenция.

— Вовсе нет! — произнес у него за спиной знакомый голос.

От неожиданности Нокс чуть не подпрыгнул. И что этот Подмастерье себе позволяет! Молоко на губах не обсохло, а туда же, поучать вздумал, паршивец этакий! Уж как хотите, а не след мальчишке старшим указывать. Мало ли что он глазурь готовить умеет, невелика заслуга! (По правде сказать, Подмастерье редко разговаривал с Поваром, все больше помалкивал и рот открывал, лишь когда его о чем-нибудь спрашивали, но сейчас вдруг изменил своему обыкновению.)

— Что значит «нет», юноша? — нелюбезно осведомился Нокс. — Разве она не забавная?

— Она волшебная, — ответил Подмастерье. — Эта звезда — из Волшебной Страны.

Мастер Повар расхохотался.

— И то ладно, — сказал он, отсмеявшись. — По мне, так пускай разволшебной будет, лишь бы на дело сгодилась. А ты, парень, как я погляжу, никак не повзрослеешь. Ступай-ка лучше изюм перебирать. Коли попадутся волшебные изюминки, не забудь меня позвать — хоть посмотрю, какие они.

— А зачем вам звезда, Мастер? — спросил Подмастерье.

— В Пирог ее запекли, вот зачем, — ответил Нокс. — Там ей самое место. — Он усмехнулся. — Знаешь ведь небось, есть такой обычай: запекать в пироги всякие пустяковины, монетки и все такое прочее. Или забыл уже, как оно на праздниках бывает? У нас в деревне издавна так повелось, и детишкам нравится.

— Мастер, это не пустяковина! Это волшебная звезда!

— Слыхали, слыхали, — отмахнулся Нокс. — Ладно, детворе расскажу — вот смеху-то будет.

— Зря надеетесь, — сказал Подмастерье, — не будут они смеяться. Но решили вы правильно. Так и сделайте.

— Ты говори, да не заговаривайся! — одернул его Нокс. — Мал еще меня жизни учить!

Когда Пирог вынули из печи и покрыли глазурью (все делал Подмастерье, а Нокс только покрывал), Повар сказал:

— Знаешь что, парень? Коли в голове у тебя сплошные небылицы, тебе и Королеву лепить.

— Хорошо, Мастер, — откликнулся Подмастерье. — Сам бы я не стал, но вам виднее.

— То-то и оно, что мне виднее, — согласился Нокс.

И вот настал долгожданный день, и все, кого пригласили на Пир Двадцати Четырех, собрались в Хоромине за большим столом, посреди которого высился Праздничный Пирог. На столе горели двадцать четыре свечи, освещавшие макушку Пирога в виде заснеженной горы. На горных склонах сверкали крохотные, будто укутанные инеем деревца, а на вершине горы стояла на одной ножке, словно ее запечатлели танцующей, фигурка в белых одеждах, и в руке у нее была волшебная палочка, искрившаяся, точно льдинка в лучах солнца.

Дети глядели на Пирог во все глаза. Кто-то от радости захлопал в ладоши, кто-то проговорил замирающим голосом: «Какая красивая! Совсем как волшебная!» Мастер Повар услышал — и не сдержал довольной улыбки; а Подмастерье нахмурился. Они пришли на Пир вдвоем: Мастеру полагалось собственноручно разрезать Пирог, и не кто иной, как

Подмастерье, по обычаю, должен был вручить ему остро наточенный нож.

Наконец Повар, сжимая в руке нож, подступил к Пирогу.

— Вот что я вам скажу, милые вы мои, — обратился он к детям. — Это необычный Пирог. Сверху у него глазурь, а внутри спрятаны разные пустяковины, монетки и прочие безделки. Смотрите, не проглотите! Их ровным счетом двадцать четыре, достанется всем, если, конечно, Королева Волшебной Страны рассудит по справедливости. Но особо на нее не полагайтесь — уж больно она пошутить любит. Не верите — у моего подмастерья спросите, он вам распишет.

А ученик, отвернувшись от Повара, вглядывался в лица ребятишек.

— Ах да! Чуть не забыл! — продолжал Нокс. — Вообще-то пустяковин в Пироге на одну больше, то есть двадцать пять. Есть там еще маленькая серебряная звездочка. Мой подмастерье говорит, что она — волшебная. Так что кушайте осторожно, не то, неровен час, зубы поломаете. Такому горю никакая звезда не поможет, будь она хоть трижды волшебная. Что ж, приступим, и пусть кому-нибудь повезет!

Праздничный Пирог удался на славу, да вот беда — оказался невелик. Каждому из ребятишек досталось по одному большому куску — и все, на добавку уже не хватило. Дети уписывали свои куски за обе щеки и радостно вскрикивали, когда находили монетку или какую другую вещьцу. Кому попалась одна-единственная, а кому — сразу две, а то и три. (Так оно обычно и бывает — счастье ведь поровну не делится, сколько ни украшай пироги белыми фигурками с волшебной палочкой в руках.) И скоро Праздничный Пирог съели подчистую, однако серебряной звездочки никто почему-то не нашел.

— Что за диво! — воскликнул Повар. — Выходит, она вовсе не серебряная? Растаяла, похоже. Или и впрямь волшебная была — взяла да улетела к себе домой, в Волшебную Страну. Вот уж подшутила, нечего сказать!

Он с усмешкой поглядел на ученика. Тот встретил его взгляд. В темных глазах Подмастерья не было и тени улыбки.

* * *

Разумеется, серебряная звездочка и вправду была волшебной — ученик не ошибся: кому как не ему было знать истину. Случилось же вот что — звездочку, сам того не заметив, проглотил один из ребятишек, сын деревенского кузнеца. Он уже отыскал в своем куске монетку — и отдал ее соседке, девочке по имени Нелл: она сильно огорчилась, оттого что ее кусок оказался пустым. Позже, вспоминая Пир, мальчик частенько гадал, куда же все-таки запропастилась звезда; и невдомек ему было, что звезда в нем, что она затаилась в ожидании назначенного срока.

* * *

Зима миновала, а за ней прошла и весна, и наступил июнь с его длинными днями и совсем короткими, мимолетными ночами. В свой день рождения — ему исполнилось десять лет — сын кузнеца проснулся до зари. Спать не хотелось. Он выглянул в окошко: на дворе было как-то по-особенному тихо, все словно замерло в ожидании чего-то, что должно было вот-вот произойти. Чуть погода задул ветерок, напоенный ароматами трав, едва слышно зашелестела листва на деревьях. Занялся рассвет, издали донеслись птичьи трели, и над окомом взошло солнце; чем выше поднималось светило, тем громче

становились трели, они подступали все ближе — и вдруг нахлынули морской волной, накатили на двор и сад и умчались дальше, на запад.

— Как в Волшебной Стране, — проговорил мальчик. — Там все поют, и птицы, и люди.

И тоже запел, высоким, чистым голосом, и песня эта была на незнакомом языке, а слова приходили сами, будто он где-то их услышал и, сам того не ведая, заучил наизусть. И в тот самый миг звезда сорвалась с его уст и упала бы наземь, не подставь он ладонь. Была она уже не тусклой, как прежде, а ослепительно яркой, точно вобрала в себя солнечный свет. Внезапно она шевельнулась, затрепетала и приподнялась над ладонью мальчика, словно собиралась взлететь. Поддавшись необъяснимому порыву, мальчик прижал ладонь к голове, и звезда будто прилипла к его лбу да так там и осталась, и с тех пор он многие годы носил ее на челе.

Перемены, случившейся с ним, в деревне никто вроде бы и не заметил, словно и не было у него на челе никакой звезды. Казалось, никому и дела нет до того, что глаза мальчика лучатся серебристым сиянием, а голос его сделался необычайно звонким и певучим и год от года становился все чудеснее, и каждое слово, самое что ни на есть обыкновенное, оттого получалось своеобразным и звучало на особенный лад. Впрочем, до голоса-то его вуттонцам дело было, и они нарочно искали повода перемолвиться о том о сем с кузнецовым сыном, лишь бы послушать, как он говорит; и только звезды на челе не видели — верно, не очень-то приглядывались.

А годы шли, и мальчик вырос и превратился в мужчину, и скоро по всей округе его принялись расхваливать за умение и сноровку. Ремесло свое он унаследовал от отца; пока тот был жив, мальчика

называли Кузнецовым Сыном, а со смертью старика стали величать Кузнецом. И все окрест сходились на том, что лучшего кузнеца не найти, сколько ни ищи, хоть обойди весь край, от Дальнего Истона до Западной Опушки. Народ к нему в кузню стекался отовсюду, и никому он не отказывал и трудился от зари до зари — ковал вилы да косы, плуги да лопаты, плотницкий инструмент да сковородки с кастрюлями, а еще петли и засовы, кочерги и ухваты, подковы и крючья, чтобы котлы над очагом вешать. И вещи эти, простые, обыденные, в хозяйстве нужные, получались у него на диво крепкими и по-своему изящными, и глазу приятными, и руке удобными, и служили они куда дольше прочих, сработанных другими кузнецами.

А когда выдавался свободный часок, брался Кузнец за иную работу, чтоб потешиться своим умением. Яростно бил по наковальне молот, и рождались на свет затейливейшие поковки, с виду тонкие и легкие, точно лист древесный или цвет полевой; однако хранили они в себе суровую крепость металла и были прочнее железа. Всякий, кому случалось пройти мимо сработанных Кузнецом узорной решетки или ворот с причудливой вязью на створках, надолго замирал в изумлении, не в силах отвести взор; а войти в эти ворота было не так-то просто, ибо открывались они только перед хозяевами и никого чужого не пропускали. За такой работой Кузнец пел, и все, кому привелось очутиться поблизости, спешили к кузне послушать, как он поет.

Скует, что ни попросишь, да песни петь горазд — вот и все, что ведали в деревне о Кузнце. (Сказать по правде, о многих других ведомо было и

того менее, хоть были они тоже мастеровиты и трудолюбивы, но — не заслужили, не сподобились, чтоб о них узнали.) А между тем была у Кузнеца тайна. Уж так сложилось, что однажды он пересек рубежи Волшебной Страны и с тех пор не раз бродил тамошними тропами, жадно познавая чудеса, доступные смертному; поделиться же своей тайной мог он разве что с женой да с детьми — остальные вутгонцы, не все, конечно, но почти все, были как Нокс и считали Волшебную Страну вздорной выдумкой. Жену Кузнеца звали Нелл — он женился на той самой девочке, которой когда-то, на Пиру Двадцати Четырех, отдал серебряную монетку из Пирога; детей у них было двое: дочь Нэн и сын Нед. Им одним Кузнец и рассказывал о том, что видел, ведь от них у него секретов не было; к тому же они, и только они, замечали порой звезду, мерцавшую на его челе, когда он возвращался домой с долгой вечерней прогулки или из дальних странствий.

Время от времени он покидал дом и отправлялся неведомо куда, когда верхом, когда пешком, и в деревне думали, что Кузнец ушел по делам — набрать заказов или закупить чугуна, угля и других припасов. Подчас так оно и бывало, но гораздо чаще он уходил по иной причине и влекли его вовсе не дела (хоть и был он, как говорится, сметлив да оборотист, выгоду свою знал и умел честным трудом один пенни превратить в два). Нет, его влекла Волшебная Страна, где он был желанным гостем: ведь во лбу Кузнеца сияла звезда, хранившая его от многочисленных опасностей, которые там подстерегают смертного на каждом шагу. Малые Напасти избегали света звезды, от Больших же Бед Кузнеца оберегала неведомая сила.

И он не скрывал своей признательности за такую заботу, ибо к нему пришла мудрость и он постиг, что к чудесам Волшебной Страны так просто не подступиться и что против многочисленных Напастей с кулаками не выйдешь — против них потребно оружие, овладеть которым смертному не дано. Он приходил не как воин, а как любознательный ученик. Со временем он узнал достаточно, чтобы выковать оружие, равного которому у людей никогда не было, оружие, на которое не хватило бы королевской казны и о котором славали бы песни и предания; но он к тому вовсе не стремился, ведь в Волшебной Стране его научили смотреть на все иначе. И потому никто не припомнит среди всего, что выковал Кузнец, хотя бы одного меча, хотя бы одного копья или наконечника стрелы.

Очутившись в Волшебной Стране, Кузнец сперва не смел уходить далеко, водил знакомство с короткими созданиями и малыми народцами, бродил в медовых лугах и тихих лесах у самых рубежей или спускался в долины, к светлым водам, — по ночам над ними сверкали неведомые звезды, а на заре в них отражались осененные солнцем вершины далеких гор. А то и вовсе никуда не ходил, а садился и неотрывно глядел на какой-нибудь цветок или любовался диковинным деревцем. Позже он осмелел и стал заходить все дальше, и ему открылись новые чудеса, пробуждавшие в сердце восторг пополам с ужасом. И поведать об этих чудесах друзьям не хватало слов, ибо они были превыше человеческого разума, но память о них, то смутная, то необыкновенно ясная, сладко щемила сердце и призывала возвращаться вновь и вновь.

* * *

Поначалу, отважно пускаясь в долгие странствия, он чаял достичь дальних пределов чудесного края. Но путь ему преграждали высокие горы, а кружные тропы привели на пустынный берег Моря Безветренных Бурь. Кузнец стоял на берегу и смотрел, как синие волны, похожие на увенчанные снеговыми шапками холмы, возникают из Бессветия и беззвучно накатываются на песчаную косу. Эти волны несли по морю белые ладьи, спешившие домой с битвы у Черных Топей, — битвы, о которой людям, по счастью, доселе неизвестно. На глазах у Кузнеца море выбросило на берег величавый челн; ценный прибой неслышно отхлынул, и на берег сошли эльфийские мореходы, высокие и грозные, их клинки сверкали, их копья блистали, а очи словно металы пламя. Внезапно они возвысили голоса в победной песне, и Кузнеца обуял страх; он упал ничком, а эльфы твердой поступью прошли мимо и скрылись в холмах. Их давно уже не было видно, а песня все гремела над холмами.

* * *

Больше на тот берег Кузнец не ходил, рассудив, что достиг дальнего предела, что он — на острове, со всех сторон окруженном морем; и тогда он обратился мыслями к горам и возжелал отыскать сердце островного королевства. Однажды он угодил в густую пелену серого тумана и надолго заблудился. Когда же туман наконец рассеялся, Кузнецу открылась равнина. Вдалеке клубилась тень, очертаниями напоминавшая огромный холм, а из этой тени, погружив в нее свои корни, возносилось ввысь Королевское Древо. Мнилось, будто ветви Древа достают до небес; оно испускало ослепительный свет, подобный

свету полуденного солнца, а на ветвях его трепетала листва, распускались цветы и наливались соком плоды, все сразу, и каждый лист, каждый цвет и каждый плод был не таким, как другие.

* * *

Сызнова узреть Королевское Древо Кузнецу не довелось, сколько он его ни искал. Как-то раз, когда он разыскивал дорогу через Окраинные Горы, тропа вывела в глубокую долину, на дне которой раскинулось озеро. В лесу, подступавшем к воде, задувал ветерок, однако водная гладь оставалась безмятежно ровной. Долина утопала в пламени заката, но то был вовсе не закат — алым светилось само озеро. Кузнец взобрался на утес, нависавший над водой, и посмотрел вниз; ему почудилось, будто он глядит в бездну. В этой бездне причудливо колыхались огненные языки, схожие с громадными водорослями; а среди них сновали туда-сюда некие пламенные существа. Пораженный увиденным, Кузнец спустился на берег и опустил в озеро ногу. Точнее, попытался опустить — поверхность озера была тверже камня и каверзнее льда. Он шагнул вперед, тотчас поскользнулся и упал, а над озером раскатился звон, и меж берегов заметалось гулкое эхо.

И в тот же миг ветерок обернулся бешеным Вихрем. Взревев чудовищным зверем, Вихрь подхватил Кузнеца, швырнул его на берег и повлек вверх по склону, крутя и вертя, точно опавший лист. По чистой случайности Кузнец наткнулся на березку, прильнул к деревцу и вцепился в него обеими руками, а Вихрь яростно боролся с человеком, норовя унести его прочь; но березка не уступала неистовым порывам и лишь склонялась все ниже, к самой земле, и обнимала Кузнеца ветвями. Когда же Вихрь

наконец стих, Кузнец поднялся и увидел, что березка стоит нагая. На деревце не осталось ни единого листика; березка плакала, и слезинки каплями дождя срывались с ее ветвей. Тогда Кузнец погладил белую кору и промолвил: «Будь благословенна, ты, спасительная береза! Чем я могу отблагодарить тебя? Чем помочь?» И дерево ответило — легким трепетом, который Кузнец ощутил своей ладонью. «Ничем ты мне не поможешь, — ответила береза. — Уходи. Вихрь преследует тебя. Ты не из этого мира. Уходи и не возвращайся никогда!»

Поднимаясь по склону, Кузнец чувствовал, как сбегают по его щекам слезы дерева, и горечь этих слез обжигала ему губы. Обратный путь был долог и печален. Прошло много времени, прежде чем он снова переступил рубеж Волшебной Страны, томимый желанием проникнуть в ее сердце.

* * *

В конце концов Кузнец отыскал дорогу, перевалил через Окраинные Горы и шел, пока не добрался до подножия Внутренних Гор, неприступно высоких и устрашающе крутых. Впрочем, ему посчастливилось найти тропинку, которая привела к перевалу, и вот наступил долгожданный день — преодолев теснину, он увидел перед собой Долину Вечного Утра, хоть и не знал, что она так зовется. Мурава в той долине была зеленее, чем на лугах по другую сторону Окраинных Гор, — а уж людская, привычная трава и вовсе ей не чета. Воздух был невероятно прозрачен, и взгляд различал даже крохотные алые язычки птах, выводивших трели на дальнем склоне широкой долины.

Горы ниспадали в долину длинными и пологими склонами, по которым журча сбегали бесчисленные ручейки. Охваченный восторгом, Кузнец устре-

мился вниз. Едва он ступил на траву Долины, его слуха коснулось эльфийское пение, и он устремился на звук и на лугу у пестревшей лилиями реки встретил прекрасных девушек. Они танцевали — кружились, расходились, чтобы снова сойтись, ступали почти невесомо; Кузнец зачарованно следил за чудесным танцем, и ноги сами понесли его к танцующим. Девушки замерли, и вдруг навстречу Кузнецу шагнула юная дева — ее волосы струились по плечам, платье перехватывал тонкий пояс.

Она засмеялась и промолвила:

— Ты стал смелее, Осененный Звездой! Неужто не боишься Королевы? Что скажет она, узнав о твоей дерзости? Или у тебя есть ее дозволение?

Кузнец смутился: дева будто прочла его мысли. Ему и вправду мнилось, что вместе со звездой он получил разрешение бродить где вздумается. Выходит, он заблуждался...

Но дева улыбнулась, и ее улыбка рассеяла страхи.

— Идем! — молвила она. — Раз пришел, так потанцуй со мной. — И, взяв Кузнеца за руку, увлекла его в круг.

Они танцевали, и на краткий миг Кузнец познал всю радость и силу, все упоение этого стремительного танца. Но очень скоро — во всяком случае, так ему почудилось — они остановились. Дева наклонилась, сорвала белый цветок и приладила к его волосам.

— А теперь прощай! — сказала она. — Быть может, мы встретимся вновь, если того пожелает Королева.

* * *

Кузнец не помнил, как вернулся из Волшебной Страны. Ни как выбирался из долины, ни как пересек рубеж — очнулся он уже поблизости от родных мест; народ в деревнях, через которые он

проезжал, провожал его удивленными взглядами и долго смотрел вслед. На пороге дома Кузнеца радостно обняла дочь — он вернулся раньше, чем обещал, но семья уже заждалась.

— Отец! — воскликнула Нэн. — Где ты был? Как ярко сияет твоя звезда!

Кузнец переступил порог, и звезда померкла. Жена взяла Кузнеца за руку, подвела к очагу, обернулась и взглянула ему в лицо.

— Милый мой муж, — сказала она, — где ты побывал и каких навидался чудес? И откуда этот цветок у тебя в волосах?

Она осторожно вынула цветок и положила себе на ладонь. Казалось, что цветок этот находится сразу и здесь, и где-то в неведомой дали; он неярко светился, и на стены ложились тени, почти черные в сгущающихся сумерках. Тень Кузнеца, стоявшего со склоненной головой, была самой большой из всех.

— Отец, ты как великан, — проговорил молчаливый до того Нед.

Этот цветок не засох, и свет его ничуть не потускнел. Семья Кузнеца хранила его в тайне, как бесценное сокровище. Кузнец смастерил для него ларец с особым ключиком, и в этом ларце цветок передавали из поколения в поколение. Многие потомки Кузнеца открывали ларец и любовались Живым Цветком, пока ларец не закрывался сам собой, и изменить такой уклад было не в людской воле.

* * *

А годы шли своим чередом. О том Празднике Хороших Детей, на котором Кузнец — ему тогда не исполнилось еще и десяти лет — получил звезду, уже и не вспоминали. В деревне справили следую-

ший Пир Двадцати Четырех, и Праздничный Пирог испек Альв, вступивший в должность Мастера Повара и взявший себе ученика по имени Харпер. Спустя двенадцать лет Кузнец возвратился из Волшебной Страны с Живым Цветком, затем минула еще дюжина лет, и подступил срок очередного Праздника, третьего на памяти Кузнеца. Стояла поздняя осень, на ветвях деревьев трепетала золотая листва, землю устилал багряный ковер опавших листьев. Кузнец бродил по лесу у подножия Окраинных Гор, бродил, погруженный в раздумья, и потому не услышал шагов у себя за спиной.

На сей раз он вступил в Волшебную Страну званым гостем. Ему выпал дальний путь — пожалуй, так далеко в глубь Страны он еще не заходил. Его направляли и охраняли, но дорогу он помнил плохо, ибо взор ему нередко застилал туман и мгла; помнил только, что очутился на пригорке под ночным небом, усыпанном мириадами звезд, и предстал перед Королевой. У нее не было короны, и она не сидела на троне, а стояла на пригорке, во всем своем королевском величии, окруженная бесчисленным воинством; оружие и доспехи мерцали и искрились, точно звезды в вышине, а Королева была выше копий, вздымавшихся под самые небеса, и над ее головой горело белое пламя. Знаком она велела Кузнецу приблизиться. Он робко шагнул вперед, чувствуя, как подгибаются колени. Высоко и чисто пропела труба — и вдруг они остались одни.

Кузнец стоял перед Королевой, в смятении забыв преклонить колени; вдобавок он ощущал себя полным ничтожеством — а разве дозволено такому выказывать почтение Королеве Волшебной Страны? Наконец он поднял голову и встретился

с Королевой взглядом; и сколь велико было его потрясение, когда он узнал в Королеве прекрасную деву из Зеленой Долины, ту самую, под чьими стопами распускались цветы. Она улыбнулась, подтверждая его догадку, и приблизилась к Кузнецу. Они долго беседовали — в молчании, ибо слова были не нужны. Многое узнал Кузнец от Королевы, и знания эти подарили ему и радость, и печаль. Внезапно его мысли обратились к прошлому, Кузнец припомнил всю свою жизнь, день за днем, вплоть до того давнего Пира Двадцати Четырех, на котором он получил звезду; вспомнил крохотную белую фигурку с волшебной палочкой в руке — и, терзаемый стыдом, опустил взор, не в силах выдержать ослепительной красоты Королевы.

Она лишь рассмеялась — как тогда, в Долине Вечного Утра.

— Не казни себя, Осенний Звездой, — промолвила Королева. — И не кори своих сородичей. Пускай хотя бы фигурка на пироге напомнит им о Волшебной Стране. Одни вспомнят — и тут же забудут, а другие словно воспрянут ото сна. Ведь ты грезил о нашей встрече с того самого дня, как увидел эту фигурку, и я исполнила твое желание. Но большего не жди — власть моя, увы, не безгранична. Простимся же навсегда. И на прощанье окажи мне услугу. Если повстречаешь Короля, скажи ему: «Время настало. Выбирать ему».

— Владычица... — Кузнец запнулся. — Где же мне найти Короля?

Сколько уже раз он спрашивал об этом обитателей Волшебной Страны! Сколько уже раз получал один и тот же ответ: «Он нам не сказал».

— Коли он до сих пор не открылся тебе, Осенний Звездой, значит, есть на то причина, и не мне

выдавать его тайны. Повстречать же его ты можешь в любой миг, ибо он без усталости бродит по свету и появляется, где захочет. А теперь преклони колени.

Кузнец опустил на колени, а Королева наклонилась и возложила руку ему на голову, и все внезапно будто замерло в неподвижности; и помнилось ему, будто он сразу и в людском мире, и в Волшебной Стране, а еще — где-то вонне, где-то там, откуда видны, как на ладони, оба мира, и он ощутил разом и бремя утраты, и счастье обладания, и безмятежный покой. Но вот неподвижность минула, и Кузнец вскинул голову и медленно поднялся с колен. На рассветном небе тускнели звезды. Королевы рядом не было. Вдалеке, в горах, пропели трубы, а на пригорке было тихо и пустынно. И Кузнец понял, что отныне и до конца дней ему суждено печалиться и тосковать, ибо утрата его невосполнима.

* * *

Пригорок, где Королева распрощалась с ним навсегда, остался далеко позади. Кузнец брел по ковру палой листвы, размышляя обо всем, что видел и узнал. А шаги за спиной приближались, и вдруг кто-то окликнул Кузнеца:

— Не по пути ли нам, Осененный Звездой?

* * *

Кузнец вздрогнул. Очнувшись от раздумий, он увидел рядом с собой мужчину в темно-зеленом плаще. Тот был высок и статен, ступал легко и быстро; лицо скрывалось под капюшоном плаща. Кузнец не знал, что и думать — незнакомцу известно имя, каким его нарекли в Волшебной Стране, а он этого человека никогда раньше не встречал. Впрочем, было все же в нечаянном попутчике что-то смутно знакомое.

— А куда ты идешь? — спросил Кузнец.

— Я возвращаюсь в твою деревню, — ответил незнакомец. — Надеюсь, ты держишь путь туда же.

— Так и есть, — сказал Кузнец. — Что ж, пойдём вместе, вдвоем дорога короче. Но я чуть не забыл! Владычица поручила мне кое-что исполнить, передать послание, а мы вот-вот покинем Волшебную Страну и, сдается мне, я сюда больше не вернусь. Как же быть? А ты вернешься?

— Непременно. Можешь передать послание через меня.

— Оно для Короля. Ты знаешь, где его найти?

— Да, знаю. А что за послание?

— Владычица просила меня передать: «Время настало. Выбирать ему».

— Понятно. Ты исполнил поручение. Король обо всем узнает.

* * *

Дальше пошли вдвоем, и оба молчали, словно прислушиваясь к шуршанию листвы под ногами; а через несколько миль, когда оставалось уже сделать шаг-другой — и прощай, Волшебная Страна, спутник вдруг остановился, повернулся к Кузнецу и откинул капюшон. И только теперь Кузнец узнал в попутчике Альва — того самого, нынешнего Мастера Повара, которого по привычке называл про себя Подмастерьем. Всякий раз, когда он видел Альва, ему вспоминались давний Пир Двадцати Четырех и ученик с остро наточенным ножом для разрезания Праздничного Пирога в руках, юный ученик, в чьих глазах отражались огоньки свечей. С тех пор минуло много лет, однако казалось, будто время не властно над Альвом; вот и сейчас Кузнецу почудилось, что перед ним — прежний Подмастерье, разве что немного повзрослевший: в волосах ни сединки, на

лице ни морщинки, и глаза все так же сияют, словно в них отражается солнечный свет.

— Нам нужно поговорить, Кузнец, сын Кузнеца, — сказал Альв, — и разговор наш состоится здесь, под пологом Украинного Леса.

Кузнец не мог не подивиться этакому совпадению: ему самому частенько хотелось потолковать с Альвом, да все как-то не было случая; вдобавок Альв хоть и относился к Кузнецу уважительно и по-дружески приветствовал при встречах, но как будто избегал разговоров наедине. А Подмастерье дружелюбно поглядел на Кузнеца и вдруг поднял руку и тронул указательным пальцем звезду у него на челе. И в тот же миг глаза Альва словно потускнели, и Кузнец догадался, что в них отражался свет звезды, а звезда, должно быть, померкла, когда к ней прикоснулись. В смятении он отпрянул.

— Мастер Кузнец, — проговорил Альв, — не пора ли тебе с нею расстаться?

— А тебе до этого какое дело, Мастер Повар? — нелюбезно ответил Кузнец. — И с какой стати мне с нею расставаться? Разве она не моя? Уж так было суждено, что она попала ко мне, и я ее никому не отдам, оставлю себе на память.

— Не гневайся, Мастер Кузнец. И запомни — оставлять себе можно то, что подарено от чистого сердца или дано на память. Но кое-что — и твою звезду в том числе — не дарят, не хранят как семейную реликвию и по наследству тоже не передают. Подобные вещи люди получают всего лишь на время, и рано или поздно наступает срок их возвращать. Ты, верно, и не думал, что звезда может понадобиться другому? Но она понадобится, и очень скоро.

Выслушав Альва, Кузнец припомнил все то, чем обязан был звезде, — и устыдился своего гнева.

— Как же быть? — спросил он. — Наверно, я должен отдать ее кому-то из Владык Волшебной Страны? Может, самому Королю? — И в сердце Кузнеца зародилась трепетная надежда: быть может, ему позволят еще раз перейти заветные рубежи...

— Ты можешь отдать звезду мне, — промолвил Альв. — А коли не хочешь так сразу отдавать ее в чужие руки, положи в ту шкатулку, в которую когда-то положил звезду твой дед. Эта шкатулка стоит в моей кладовой.

— Мой дед? — Кузнец несказанно удивился.

— Он положил ее в шкатулку у меня на глазах. Больше никто этого не видел.

— Раз ты был с ним, тебе, должно быть, известно, как звезда к нему попала и зачем он спрятал ее в шкатулку?

— Он принес звезду из Волшебной Страны, — ответил Альв, — об этом ты и сам наверняка догадался. А в шкатулку положил затем, чтоб она досталась его единственному внуку -- тебе, Кузнец, сын Кузнеца! Так он сказал мне на прощанье и попросил присмотреть, чтобы звезду получил ты, только ты и никто другой. Быть может, мать тебе рассказывала — да нет, вряд ли ей было ведомо... Райдер-конник, отец твоей матери и твой дед, был великий путешественник. Он многое повидал и многому научился задолго до того, как осел в твоей деревне и стал Мастером Поваром. Ушел он, когда тебе не исполнилось и двух лет, — и кого поставили взамен? Лучше бедолаги Нокса никого не нашли! Впрочем, в итоге вышло все, как мы и рассчитывали, и Мастер Повар теперь я. В этом году я снова испеку Праздничный Пирог — и сдастся мне, что еще никому не случалось испечь такой Пирог дважды. И твою звезду я положу в этот Пирог.

— Хорошо, я отдам ее. — Кузнец испытующе поглядел на Альва, словно стараясь прочесть его мысли. — Ты знаешь, кому она попадет?

— А тебе до этого какое дело, Мастер Кузнец?

— Если угодно, Мастер Повар, я не прочь узнать заранее. Может, мне тогда будет легче с нею расстаться. Жаль, сын моей дочери слишком мал...

— Может, легче, а может, и нет, — задумчиво произнес Альв. — Там видно будет.

* * *

На том разговор и закончился, и они в молчании покинули пределы Волшебной Страны. На закате они возвратились в Большой Вуттон и сразу направились в Хоромину. Окна Хоромины атели в лучах заходящего солнца, позолота на резной двери тускло светилась, а из-под крыши, с водосточных труб, взирали на деревенскую улицу диковинные, причудливо раскрашенные каменные лики. (Не так давно Хоромину заново покрасили и покрыли свежей позолотой. Совет согласился не сразу, споры были долгие и жаркие, у «новомодных затей» нашлось немало противников, но все же их убедили, что это вовсе не новомодные затеи, что Хоромине просто-напросто хотят вернуть первозданный облик. Тем паче все расходы взял на себя Мастер Повар; этот довод оказался решающим, и Повару позволили делать с Хороминой что заблагорассудится.)

Кузнец замер в изумлении, ибо впервые видел Хоромину при таком освещении. Он стоял и смотрел на здание, забыв обо всем на свете, и мог бы простоять так хоть до утра, когда бы не Альв. Мастер Повар тронул Кузнеца за плечо и повел за собой в обход Хоромины, к задней двери. Темным коридором они прошли в кладовую, Альв зажег высокую свечу, открыл буфет и снял с полки черную

шкатулку, подновленную и украшенную серебряной вязью.

Крышка откинулась. Отделения внутри шкатулки были заполнены всяческими пряностями, пустовало одно-единственное, в уголке. От пряного аромата на глаза у Кузнеца навернулись слезы, он прижал руку ко лбу — и звезда сама легла ему на ладонь; вдруг он почувствовал боль, да такую резкую, что слезы сами собой полились из глаз. Звезда ярко сияла у Кузнеца на ладони, но слезы застилали ему взор, и он различал разве что тусклое пятнышко света, размытое и неизмеримо далекое.

— Я плохо вижу, — сказал Кузнец. — Положи ее сам.

Он протянул руку. Альв взял звезду с его ладони и опустил в шкатулку, и звезда мгновенно погасла.

Кузнец молча повернулся и на ощупь двинулся к двери. Едва он переступил порог кладовой, как зрение нежданно возвратилось. Уже пали сумерки, на безоблачном небе, рядом с луной, сверкала вечерняя звезда. Кузнец на мгновение застыл, залюбовавшись величавой красотой небес, и тут ему на плечо легла рука. Он обернулся.

— Ты расстался со звездой по доброй воле, — промолвил Альв. — И потому я открою тебе, кому она достанется, — если, конечно, ты все еще хочешь это узнать.

— Да, хочу.

— Кого ты назовешь, тот ее и получит.

Пораженный этими словами, Кузнец надолго задумался.

— Хорошо, — нерешительно проговорил он. — Только вот не знаю, придется ли тебе по нраву мой выбор. По-моему, со стариком Ноксом у вас давние

нелады... На Пиру будет его правнук Тим, из таунсендовских Ноксов. А Ноксы из Таунсенда — они совсем другие.

— Верно подмечено, — согласился Альв. — У Тима мудрая мать.

— Еще бы! Она сестра моей Нелл. Но не в родстве дело. Тим — хороший паренек. Не то чтоб оно само собой разумелось, но...

Альв улыбнулся.

— С тобой было так же. Не беспокойся, я тоже выбрал Тима.

— Тогда зачем ты меня спрашивал?

— Так пожелала Королева. Будь твой выбором, я бы уступил.

Кузнец долго смотрел на Альва. Потом вдруг низко поклонился.

— Наконец-то я понял, государь, — сказал он. — Вы оказали нам великую честь.

— Меня щедро отблагодарили, — отозвался Альв. — Ступай с миром!

* * *

Дом Кузнеца стоял у западной околицы. Кузнец еще издали заметил своего сына. Нед только что управился с дневной работой, запер дверь кузни и глядел на белевшую в сумерках дорогу, по которой его отец обычно возвращался из дальних скитаний. Заслышав отцовские шаги за спиной, Нед удивленно обернулся, бросился навстречу и крепко обнял Кузнеца.

— Я жду тебя со вчерашнего вечера, отец! — воскликнул он. В его глазах промелькнуло беспокойство. — Ты сильно устал, да? Далеко ходил?

— Очень далеко, сынок. Я проделал весь путь от Восхода до Заката.

Отец и сын вместе вошли в дом. Внутри было темно, в очаге теплился слабый огонек. Сын зажег свечи и присел у очага рядом с отцом. Оба молчали: Нед ждал, чтобы заговорил отец, а того лишило слов тяжкое бремя усталости и утраты. Наконец Кузнец будто очнулся, оглянулся по сторонам и спросил:

— Почему ты один?

Сын пристально посмотрел на него.

— Как почему? Мама пошла к Нэн, в Малый Вуттон. Малышу ведь сегодня два годика исполнилось. Они думали, ты тоже придешь.

— Я собирался, Нед, правда собирался, но меня задержали в дороге. Да еще надо было кое-что обдумать, вот и вышло, что я не успел. Зато принес маленькому Тому подарок!

Кузнец сунул руку за пазуху и вытащил кошель из мягкой кожи.

— Вот мой подарок, Нед. Старик Нокс, пожалуй, назвал бы его пустяковиной, но эта пустяковина — из Волшебной Страны.

Он раскрыл кошель и достал из него игрушку. Тонкий серебряный стебель, три серебряных цветка с изящными чашечками-колокольцами. Когда Кузнец качнул стебелек, колокольцы тихонько зазвенели, и пламя свечей вдруг замерцало, а потом на миг сделалось белым.

Потрясенный Нед глядел на игрушку, широко раскрыв глаза.

— Можно, отец? — Он осторожно принял вещь и стал разглядывать серебряные цветки. — Настоящее чудо! Отец, они же пахнут! А запах такой знакомый... очень знакомый... нет, не вспомнить.

— Да, стоит колокольцам прозвенеть, они сразу начинают пахнуть. Не бойся, Нед, ты ее не сломаешь. Это ведь детская игрушка, а значит, и сломаться не

сломается, и ребенка не поранит. — Кузнец забрал цветок, положил его обратно в кошель и спрятал кошель за пазуху. — Завтра возьму с собой в Малый Вуттон. Может, Нэн с Томом простят меня, и мама тоже простит. А малышу Тому не приспело еще время считать дни... недели, месяцы и годы...

— Верно, отец, непременно сходи. Я бы с тобой пошел, да у меня дел невпроворот. Работы много, а завтра будет и того больше. Я потому и сегодня дома остался — ну, и тебя, конечно, ждал.

— Нет, сын Кузнеца, так не годится! Пора и тебе отдохнуть. Пускай я стал дедом, руки у меня еще крепкие. Пусть несут работу! Будем управляться в четыре руки, каждый день, с утра до вечера. Я больше никуда не уйду, Нед. Не уйду надолго... Понимаешь?

— Так вот оно что, отец! А я все гадаю, куда звезда подевалась! — Нед взял отца за руку. — Тяжко, да? Знаешь, отец, может, это и к лучшему? Для нашего дома, для всех нас? Не печалься, прошу тебя, Мастер Кузнец! И научи меня всему, что тебе ведомо, — всему, что знаешь и умеешь сам.

Они вместе поужинали и долго еще сидели за столом: Кузнец рассказывал сыну о своем последнем путешествии в Волшебную Страну и о многом другом, что только приходило ему на ум, — но о том, что сам выбрал нового хранителя звезды, не обмолвился ни словом.

Под конец разговора сын спросил:

— Отец, помнишь тот день, когда ты принес Живой Цветок? Помнишь, я сказал, что тень у тебя как у великана? Выходит, глаза меня не обманули. Ты и вправду танцевал с Королевой Волшебной Страны. И все же ты отдал звезду... Надеюсь, она попадет к достойному, и он хотя бы скажет спасибо...

— Кому? — невесело усмехнулся Кузнец. — Это особые дары, они приходят тайно. Ну да ладно, что

сделано, то сделано. Звезду я отдал, отныне моя забота — молот да щипцы.

Как ни удивительно, но старый Нокс и через столько лет не забыл о звезде, таинственно исчезнувшей из Праздничного Пирога. Годы брали свое — он растолстел и обленился и ушел на покой, едва ему стукнуло шестьдесят (хотя среди вуттонцев этот возраст вовсе не считался преклонным). Теперь-то ему было под девяносто и раздобрел он так, что стал похож на пузатую бочку, а все потому, что меры в сде не знал и по-прежнему был падок на сладкое. Днями напролет сиживал он в своем кресле и глазел из окна, в погожие деньки выбирался на крыльцо и вставал с кресла только для того, чтобы пересесть за стол и чего-нибудь откусать. Он частенько судачил с соседями, тем паче что обо всем на свете имел собственное мнение и всегда был готов его высказать, лишь бы нашелся повод; в последнее время все разговоры Нокса неизменно сводились к тому Праздничному Пирогу, который он когда-то испек собственными руками (вот этими самыми, не извольте сомневаться). Пирог виделся ему даже во сне.

Изредка к Ноксу захаживал Подмастерье — что называется, перекинуться словечком-другим. Старик по-прежнему называл Альва Подмастерьем, себя же продолжал величать Мастером, и Подмастерье иначе к нему не обращался, что говорило в пользу юнца, хотя, конечно, бывали у Нокса собеседники и поприятнее.

Однажды, после плотного обеда, Нокс сидел на крыльце в своем кресле и клевал носом. Вдруг он проснулся — и увидел перед собой Подмастерье. Тот молча смотрел на старика.

— А, это ты! — сказал Нокс. — Рад тебя видеть. Знаешь, сижу вот и думаю про этот Пирог. Только

что его вспоминал. Лучший мой пирог, уж мне ли не знать. Да ты-то, верно, давно о нем забыл?

— Нет, Мастер, я отлично его помню. Но что вас тревожит? Пирог и вправду был хорош — кому досталось, все хвалили.

— Еще бы! Ведь это я его испек, не кто-нибудь там! А тревожит меня та пустяковина, звездочка серебряная. Ума не приложу, куда она запропастилась. Растаять-то она не могла, это я так сказал, чтоб детишки не пугались. Может, кто ее проглотил? Да вряд ли, не монетка, небось; какая-никакая, а все ж звезда. Такую незаметно не проглотишь, уж больно лучики у нее острые.

— Так и есть, Мастер. Но откуда вам знать, из чего она была на самом деле? Забудьте вы о ней, тем более что ее и впрямь проглотили.

— Да ну? И кто же? Нет, не говори, я сам угадаю. Память у меня как у молодого, и тот день в ней накрепко засел — всех детишек по именам назвать могу. Сдается мне, это Мельникова Молли! Та еще прорва была, утроба ненасытная, а нынче и вовсе разъелась — ни дать ни взять мешок с мукой.

— Да, Мастер, и такое с людьми бывает. Но это не Молли. Она нашла в своем куске пирога целых две монетки, но звезда досталась не ей.

— Вот как? Тогда, значит, Гарри, сынок бондаря. Он и с виду как бочонок, и большеротый, как лягушка.

— В те годы, Мастер, был он коренастым паренком с широкой улыбкой. Свой кусок он раскрошил, чтоб невзначай не проглотить чего полезного, но ничего не нашел.

— Ну, тогда та девчонка, бледная такая. Лили ее звали, Ткачева дочка. Она, бывало, по малолетству и булавки глотала, а до сих пор жива-здоровехонька.

— Нет, Мастер, и не Лили. Она съела только глазурь и корку, а начинку отдала соседу.

— Сдаюсь. Так кто это был, господин всезнайка? Ты, похоже, глаз с них не спускал — или на ходу сочиняешь?

— Звезда досталась сыну Кузнеца. По-моему, она принесла ему счастье.

— Да брось ты! — Нокс рассмеялся. — Что за глупости! Наш Кузнец был паренек тихий, недалекий. Теперь-то от него шуму поболее будет; я слышал, он даже песенки распевает. Да только он всю жизнь был из тех, кто на воду дует. Сначала прожует, а уж потом глотает, вот он какой! Так что не морочь мне голову!

— Воля ваша, Мастер, хотите верьте, а хотите нет. Это уже не важно. Верно, вам станет спокойнее, если я скажу, что звезда снова в шкатулке? Глядите!

Только сейчас Нокс заметил, что на плечах у Подмастерья — темно-зеленый плащ. Из складок плаща Альв извлек черную шкатулку и раскрыл ее прямо перед носом у старого повара.

— Вот она, Мастер. В уголку.

Прокашлявшись и прочихавшись, Нокс заглянул в шкатулку.

— Вижу, вижу, — проговорил он. — Ничего не скажешь, похожа.

— Звезда та же самая, Мастер. Я положил ее в шкатулку несколько дней тому назад. И скоро она вновь окажется в Праздничном Пироге.

— Ага! — Нокс с хитрецей покосился на Подмастерья и вдруг захохотал, сотрясаясь всем телом, точно студень. — Понял, понял! Ребятишек двадцать четыре и подарков столько же, а звездочка лишней оказалась! Выходит, это ты ее вытащил из Пирога, припрятал до лучших времен! Ловкий ты малый, Подмастерье, можно сказать, пройдопистый, всегда таким был. И выгоды своей ни за что не упустишь. Ха-ха-ха! Вот, значит, как оно было! Мне давно бы догадаться. Ладно, разобрались, что да как, теперь и

соснуть можно. — Он заерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. — Гляди, как бы твой ученик тебя не обмишулил. На всякого хитреца найдется кто похитреет, слышал? — Он закрыл глаза.

— Прощай, Мастер! — сказал Подмастерье. Крышка шкатулки захлопнулась с громким стуком, и глаза Нокса открылись словно сами собой. — Мудрость твоя столь велика, что я всего дважды осмелился открыть тебе истину. Первый раз — когда поведал, что звезда из Волшебной Страны, а второй — когда сказал, что досталась она Кузнецу. Но ты посмеялся надо мной. На прощанье скажу тебе еще одно. И не вздумай смеяться! Ты — самодовольный старый мошенник, толстый, ленивый пройдоха. Я делал за тебя твою работу, у меня ты научился всему, чему только смог, — и где твоя благодарность? Да, ты научился у меня всему, но невежей как был, так и остался. И Волшебная Страна для тебя по-прежнему небылица, пустая, вздорная сказка.

— Невежа, говоришь? — возмутился Нокс. — А вежливо, по-твоему, старших поносить, жизнью умудренных, в ремесле своем изрядно сведущих? Проваливай! Вот тебе моя благодарность! Тоже мне, умник выискался! — Он пренебрежительно махнул рукой. — А коли на Кухарне твои дружки из Волшебной Страны прячутся, зови их сюда, поглядим, какие они из себя. Вот сделают меня снова худым, тогда, пожалуй, я в них поверю. — И он вновь расхохотался.

— К твоим услугам, — был ему ответ. — Узри Короля Волшебной Страны!

К ужасу Нокса, Подмастерье вдруг сделался гораздо выше ростом. Его молодое лицо посуровело. Он распахнул плащ, являя взору белое праздничное платье Мастера Повара, только теперь это платье сверкало и искрилось, а на челе Подмастерья ослепительно сиял огромный самоцвет.

— Старик, — промолвил Король, — ты вовсе не старше меня. И в ремесле не тебе со мной тягаться. Ты частенько глумился надо мной за глаза. Посмеешь ли бросить мне вызов в открытую?

Он сделал шаг вперед, и перепуганный Нокс съезжился в своем кресле. Повара била дрожь; он силился закричать, позвать на помощь, но сумел только прошептать:

— Нет, государь! Пощадите меня! Я всего лишь бедный старик.

Лицо Короля смягчилось.

— Увы, это так! В кои-то веки ты говоришь правду. Не бойся, я не трону тебя. Однако негоже Королю Волшебной Страны просто уйти, ничем тебя не одарив на прощанье. Пусть исполнится твое желание! Прощай, Нокс! А теперь — спи.

Подмастерье вновь запахнул в плащ и зашагал прочь, в сторону Хоромины. Прежде чем он скрылся из виду, глаза старика закрылись, и Нокс захрапел.

* * *

Когда Нокс пробудился, солнце уже клонилось к закату. Задувал прохладный ветерок. Старик протер глаза и зябко поежился.

— Уф! И приснится же такое! — пробормотал он. — Не иначе лишку за обедом съел.

С того дня он стал кушать куда меньше прежнего, потому что боялся снова «расстроиться» и увидеть вновь этот жуткий сон. И умеренность не замедлила сказаться: скоро он похудел, да так, что кожа свисала складками, а одежда вся сделалась велика. Зато он, как в былые годы, расхаживал по деревне, пускай даже ему и шага было не сделать без палки, а детвора кричала вслед: «Кожа-да-Кости навестрился в гости!» Наверное, не похудей Нокс, он бы

столько не прожил — а поговаривали, что ему единственному во всей деревне довелось разменять век (тем он и прославился, ибо иного о нем было не вспомнить). И до последнего своего дня он твердил одно и то же:

— Страшно было, кто ж спорит. Да только сон это, глупый сон, и все! Король Волшебной Страны, скажите на милость! Да у него и палочки-то волшебной не было! А есть перестанешь, так в два счета похудеешь. То-то! А вы говорите — волшебство!

* * *

Приспело время для Пира Двадцати Четырех. Кузнеца звали на праздник вместе с женой — Кузнец пел песни, а его жена помогала накрывать столы. Ребятишки тоже пели и танцевали, и Кузнецу подумалось, что сам он в их возрасте был, пожалуй, не таким веселым и не таким красивым. Казалось, каждый из ребят достоин звезды, но взор Кузнеца все чаще задерживался на Тиме — экий увалень, право слово, как встанет, так споткнется, а вот голосок у него звонкий... За столом Тим сидел тихо, не болтал, молча смотрел, как точат нож и начинают резать Праздничный Пирог. И вдруг попросил:

— Мастер Повар, отрежьте мне, пожалуйста, кусочек поменьше. Я столько уже всего съел, Пирог не поместится.

— Хорошо, Тим, — отозвался Альв. — Я отрежу тебе особый кусочек. Думаю, ты легко с ним управишься.

Кузнец смотрел, как Тим берет кусок Пирога, как он ест, медленно, жмурясь от удовольствия. Кусок оказался пустым — ни монетки, ни другой пустяковины, — и мальчик было загрустил. Но вскоре глаза его засияли, он повеселел, засмеялся и тихонько зашел. А потом вскочил и пустился в пляс, и каждый

шаг, каждое движение выходили у него на диво ладными. Остальные ребятишки тоже засмеялись и захолопали в ладоши.

«Значит, все в порядке, — подумал Кузнец. — Вот мой наследник. В какие края уведет его звезда, какие чудеса она ему откроет? Бедняга Нокс! Знал бы он, что стряслось в его семействе!»

* * *

Старый Нокс, разумеется, ни о чем не догадался. Однако на Пиру случилось нечто, изрядно обрадовавшее старика. Прежде чем Пир закончился, Мастер Повар обратился к ребятишкам и взрослым с такими словами:

— Хочу попрощаться. Через день-другой я вас покину. Мое место займет Мастер Харпер. Он очень хороший повар, да и родом из вашей деревни. А я отправляюсь домой. Сдается мне, сильно скучать вы не будете.

Дети сказали хором: «Спасибо за угощение!» — и весело попрощались с Мастером Поваром. Только малыш Тим взял его за руку и прошептал:

— Как жалко...

Вуттонцы и вправду не слишком огорчились, когда Альв ушел. Скучали по нему разве что его друзья, Кузнец да Харпер; в память об Альве они время от времени подкрашивали Хоромину и подновляли позолоту на ее стенах. Остальные же скоро забыли Подмастерья: ведь на чужаков у людей память короткая, а своим в Большом Вуттоне Альв так и не стал. А старый Нокс стукнул палкой по крыльцу и веско промолвил:

— Ну наконец-то! Скатертью дорога! Мне он никогда не нравился. Уж больно шустрый был, одно слово — пройдоха!

**ФЕРМЕР ДЖАЙЛС
ИЗ ХЭМА**

Перевод Галины Усовой

***Aegidu Ahenobarbi Aulu de Rammo
Domini de mito Ane Draconarie
Comitis Regiti Minimi Regis et Basilei
mira Facinora et mirabilis exorris,***

или — на простонародном языке —

*Возвышенные и удивительные
приключения фермера Джайлса, господина
Ручного Ящера,
графа Ящерного
и короля Малого Королевства*

Предисловие

До наших дней дошли всего лишь немногочисленные отрывочные сведения об истории Малого Королевства; но по чистой случайности сохранились данные относительно его происхождения: вероятно, они скорее легендарные, чем достоверные, ибо эти данные, очевидно, представляют собой более позднюю компиляцию, изобилующую чудесами. Источник этой компиляции следует искать не в достоверных документах, но в народных песнях, на которые часто ссылается автор. Для него события, о которых он повествует, происходят в далеком прошлом — тем не менее можно подумать, что он сам жил на территории Малого Королевства. Он проявляет точное знание географии (хотя эта наука не является его сильной стороной), касающееся только данной страны, и в то же время оказывается в полном неведении относительно земель, лежащих к северу или к западу от нее.

Оправданием для перевода этой любопытной истории с весьма скудной латыни на современный

язык Соединенного Королевства может служить то обстоятельство, что она дает некоторое представление о жизни Британии в темный период ее истории, не говоря уже о том, что она проливает свет на происхождение некоторых труднообъяснимых названий данной местности. Возможно, некоторые читатели найдут, что характер и приключения главного героя интересны сами по себе.

Границы Малого Королевства как во времени, так и в пространстве нелегко определить по тем скудным сведениям, которыми мы располагаем. С тех пор как в Британии высадился Брут, здесь сменилось много королей и царств. Разделение на Локрин, Камбр и Альбанак было только первым из многих последующих переделов. Так что из-за пристрастия мелких государств к независимости с одной стороны и стремления королей постоянно расширять свои владения — с другой многие годы проходили в частой смене войны и мира, радостей и горестей — именно так рассказывают нам об этом историки времен короля Артура. То было время неуставленных границ, когда люди имели возможность внезапно возвыситься — или пасть, а менестрели располагали весьма богатым материалом для своих песен и полной энтузиазма аудиторией. Вот к этим-то давним годам, вероятно после царствования короля Коля, но до короля Артура и Семи Английских Королевств, нам следует отнести события, изложенные здесь; местом же действия является долина Темзы с экскурсом к северо-западу, к пределам Уэльса.

Столица Малого Королевства, очевидно, находилась, как и наша, в юго-восточной части, но протяженность его рубежей мы представляем себе смутно. Вероятно, они никогда не простирались далеко ни к западу по верхнему течению Темзы, ни к северу

от Отмура; нельзя с уверенностью определить и восточную границу. В дошедших до нас отрывках легенды о Джордже, сыне Джайлса, и о его паже Суоветаврилиусе (он же Суэт) имеются указания на то, что одно время аванпост против Среднего Королевства находился в Фартингоу. Но эта подробность не имеет никакого отношения к нашей истории, которая далее и предлагается читателю без изменений и без дальнейшего комментария, хотя пышный заголовок оригинала для удобства сокращен до простого:

«Фермер Джайлс из Хэма».

Жил в средней части острова Британия человек, которого звали Эгидиус де Хэммо. Полностью его имя звучало так: Эгидиус Агенобарбус Юлиус Агрикола де Хэммо. Ведь в те давнопрошедшие времена именами людей надеяли щедро, а остров еще был благополучно разделен на множество королевств. Время тогда тянулось медленно, а людей было меньше, поэтому большинство из них было чем-нибудь примечательно. Однако те годы давно миновали, и я в моем повествовании буду называть этого человека коротко, как это принято у простых людей. Итак, звали его фермер Джайлс из Хэма, и была у него рыжая борода. Жил он в деревне, но в те времена деревни еще сохраняли свою независимость, а их жители были люди гордые.

Была у фермера Джайлса собака. Звали ее Гарм. Собакам приходилось довольствоваться короткими именами, взятыми из местных наречий: книжную латынь приберегали для благородных. Гарм не владел даже вульгарной латынью, зато, как и большин-

ство собак того времени, он умел пользоваться грубым простонародным языком, чтобы задираться, хвастаться и подольщаться. Задирал он нищих и прохожих, которым случалось забрести на чужую землю; хвастал перед другими собаками, а подольщался и подлизывался к своему хозяину. Гарм гордился Джайлсом и в то же время весьма боялся его: ведь фермер умел задираться и хвастать еще почище.

Время тогда текло без всякой спешки или суеты. Ведь суета к делу не имеет никакого отношения. Люди спокойно делали свое дело, они успевали и потрудиться, и потолковать. А потолковать тогда было о чем, потому что памятные события случались часто. Но к моменту начала этой истории в Хэме давно уже не происходило никаких памятных событий. И это вполне устраивало фермера Джайлса; человек он был медлительный, поглощенный своими делами, привычки его давно устоялись. По его словам, у него был хлопот полон рот, он постоянно заботился о хлебе насущном, а вернее, о собственном удобстве и благополучии; как до него его отец, Гарм помогал хозяину. Никто из них не думал о том большом мире, который простирался за их землями, за деревней и за ближайшим рынком.

А этот большой мир существовал. Неподалеку от деревни находился лес, а к западу и к северу располагались Дикие Горы и гибельные болота горной страны. Там происходило много удивительного, например разгуливали великаны, грубые, неотесанные, а порой и опасные. Особенно один, который был больше и глупее остальных. Я не нашел в исторических хрониках его имени, но это неважно. Был он громадный, разгуливал тяжелой поступью и всегда носил палку величиной с дерево. Вязы, попадавшиеся ему на пути, он приминал, точно

высокую траву, дороги он разрушал, сады опустошал: ведь его ножищи протаптывали ямы глубокие, как колодцы. Наступит нечаянно на какой-нибудь дом — и дому конец. Куда бы он ни шел, он сокрушал все на своем пути, потому что голова его возвышалась над всеми крышами и ничуть не заботилась о том, что творят ноги. Кроме того, он страдал близорукостью и был туг на ухо. К счастью, жил он далеко, в Диком Краю, и лишь случайно забредал в населенные людьми земли. Далеко в горах стоял его полуразрушенный дом, но мало кто дружил с великаном — по причине его глухоты и глупости, да и великанов кругом было мало. Он имел обыкновение разгуливать сам по себе в Диких Горах и в безлюдных районах у их подножия.

Однажды в погожий летний денек этот великан вышел погулять. Он бесцельно бродил, производя в лесах великие разрушения. Вдруг он заметил, что солнце уже садится — значит, приближается время ужина. Тут-то он и обнаружил, что заблудился и попал в совершенно незнакомую местность. Он все шел и шел неведомо куда, пока совсем не стемнело. Тогда он присел и стал ждать, когда взойдет луна. Затем пошел дальше при лунном свете — большими шагами, потому что хотел скорее попасть домой. Там у него на огне был оставлен лучший медный котел, и великан боялся, что дно прогорит. Но горы остались позади, и он уже вступил в населенные людьми земли. Он бродил в окрестностях фермы Эгидиуса Агенобарбуса Юлиуса Агриколы, возле деревни, в просторечии называвшейся Хэм.

Ночь выдалась ясная. Коровы паслись в поле, а пес фермера убежал по своим делам. Гарм любил лунный свет и кроликов. У него, разумеется, и в

мыслях не было, что великан тоже вышел на прогулку. Тогда он, конечно, имел бы основание уйти со двора без разрешения, но еще больше оснований у него было бы остаться дома и притаиться на кухне. Великан вступил на поле фермера Джайлса около двух часов ночи. Он сломал изгородь, стал топтать посевы и мять скошенную траву. За пять минут он навредил больше, чем королевская охота за пять дней.

Гарм услышал чью-то тяжелую поступь на берегу: ТОП... ТОП... ТОП... — и помчался к западному склону пригорка, на котором стоял дом. Он хотел узнать, что происходит. Вдруг он заметил великана, который шагал прямо через реку и наступил ногой на Галатею, любимую Джайлсову корову. Корова расплющилась, точно черный таракан под ногой фермера. Для Гарма это было уже слишком. Он взвыл от ужаса и стремглав бросился домой. Он даже позабыл, что бегал гулять без разрешения: примчался под окно хозяйской спальни, завыл и залаял. Ему долго не отвечали: не так-то легко было разбудить фермера Джайлса.

— Караул! Караул! — лаял Гарм.

Окно вдруг распахнулось, и оттуда вылетела пустая бутылка.

— У-у у! — Пес привычно увернулся. — Караул! Караул!

Тут из окна высунулась голова фермера:

— Проклятый пес! Ты что это вытворяешь?

— Ничего, — ответил Гарм.

— Я тебе покажу — ничего! погоди, вот я утром шкуру с тебя спущу! — пригрозил фермер, захлопывая окно.

— Караул! Караул! — не унимался пес.

Джайлс снова высунулся из окна.

— Будешь еще шуметь — убью! — пообещал он. — Что это с тобой приключилось, дурак ты этакий?

— Со мной-то ничего, — отвечал пес, — а вот с тобой кое-что приключилось.

— Ты это о чем? — Джайлс несколько опешил, несмотря на всю свою ярость: никогда прежде Гарм с ним так дерзко не разговаривал.

— Великан по твоим полям бродит, громадный великан, прямо сюда идет, — сообщил пес. — Караул! Овец твоих топчет. На бедняжку Галатею наступил, и теперь она плоская, точно коврик у двери. Караул! Все твои изгороди сокрушил и вытаптывает твой урожай. Поживей — и смелей, хозяин, иначе у тебя ничего не останется! Кара-у-у-ул! — Гарм завыл.

— Заткнись! — Фермер захлопнул окно. — Господи Боже! — сказал он про себя, весь дрожа, хотя ночь выдалась теплая.

— Ложись-ка снова спать, не будь дурнем, — посоветовала жена. — А утром утопи ты эту собаку. Собака лает — ветер носит, они что угодно наговорят, когда попадутся на бродяжничестве или на воровстве.

— Может, и так, Агата, — сказал он, — а может, и не так. Но что-то в поле действительно происходит, если Гарм собака, а не кролик. Очень уж он перепугался. С чего бы ему явиться сюда и поднять шум, ведь он мог тихонько прошмыгнуть через заднюю дверь, а утром получил бы свое молоко!

— Не трать времени на споры, — посоветовала жена. — Раз уж веришь псу, так выполняй его совет: поживей, да смелей!

— Сказать-то легче, чем сделать, — поежился фермер. Ведь он не совсем поверил Гарму. Не очень хотелось верить в великанов среди ночи.

Но собственность есть собственность; и фермер Джайлс не особенно церемонился с теми немногими бродягами, которые забредали в его владения. Он натянул штаны, пошел на кухню и снял со стены мушкетон. Вы, может, спросите, что это такое? Говорят, именно такой вопрос однажды задали четверем ученым клирикам из Оксенфорда, и они, немного подумав, ответили: «Мушкетон — это короткоствольное ружье с широким раструбом, стреляет на небольшом расстоянии сразу несколькими пулями; из такого ружья можно попасть, не особенно тщательно прицеливаясь (ныне в цивилизованных странах вытеснен другими видами огнестрельного оружия)».

Как бы то ни было, мушкетон фермера Джайлса действительно заканчивался широким раструбом наподобие рога, а стрелял он не пулями, но всем, чем только его ни заряжали. Однако мушкетон не поразил еще ни одной цели, потому что фермер заряжал его редко, а уж затвор и вовсе никогда не спускал. Страна эта не была еще цивилизована, и пока ничто не вытеснило мушкетона: только этот вид огнестрельного оружия там и имелся, да и то попадался редко. Люди предпочитали лук со стрелами, а порох чаще использовали для фейерверка.

Итак, фермер Джайлс снял со стены мушкетон и зарядил его порохом на тот случай, если понадобятся крайние меры, а в широкий конец напихал гвоздей, обрывков проволоки, глиняных черепков, костей, камешков и прочее. Потом натянул высокие сапоги, куртку — и вышел через огороды.

Луна висела низко-низко, он видел только длинные черные тени кустов и деревьев, но слышал ужасный топот. ТОП... ТОП... ТОП... — доносилось со склона пригорка. Что бы ни говорила Агата, не

хотелось ему действовать ни живей, ни смелей, но о своей собственности он тревожился гораздо больше, чем о своей шкуре. И вот, чувствуя странную пустоту в желудке, он направился к вершине пригорка.

Тут над пригорком показалось лицо великана, бледное в лунном свете, мерцающем в его огромных круглых глазах. Ноги его были еще далеко внизу, вытаптывая поля на склоне. Лунный свет бил великану в глаза, и он не замечал фермера, зато фермер Джайлс прекрасно его разглядел и перепугался до полусмерти. Недолго думая, он дернул затвор — и мушкетон с оглушительным треском разрядился. К счастью, он был более или менее нацелен в безобразное лицо великана. Вылетело все, чем фермер набил ствол: камешки, кости, черепки, обрывки проволоки, гвозди. Поскольку расстояние в самом деле было небольшим, то случайно, а не по воле фермера много чего попало прямо в великана: один черепок угодил ему в глаз, а большой гвоздь проткнул нос.

— Проклятие! — воскликнул великан со свойственной ему грубостью. -- Меня кто-то ужалил!

Выстрела он и не услышал (он же был глухой!), а вот гвоздь ему не понравился. Давно уже ни одно насекомое не могло прокусить его толстую кожу, но он слышал, что где-то на востоке, на болотах, водятся стрекозы, которые кусаются, точно клещи.

— Гнилая здесь местность, это точно, — сказал он. — Не пойду я сегодня дальше.

Он подобрал парочку овец, чтобы съесть их дома, и отправился назад через реку, огромными шагами двигаясь к западу. Теперь он нашел дорогу домой, но дно котла совсем прогорело.

А фермер Джайлс, которого выстрел опрокинул на землю, лежал на спине, глядя в небо, и ждал, что

великан, проходя мимо, наступит на него. Но ничего подобного не случилось, и он услышал, как топот замирает вдали:

ТОП...

ТОП...

ТОП...

Тогда он поднялся, потер плечо и подобрал мушкетон. И вдруг услышал крики толпы, которая его приветствовала.

Оказалось, что большая часть населения Хэма смотрела в окна, а некоторые оделись и вышли (после того как великан удалился). Теперь они с криками взбегали на пригорок.

Как только жители деревни услышали ужасный топот великана, многие тут же поплотнее закутались в одеяла, а кое-кто залез под кровать. Но Гарм и гордился своим хозяином, и боялся его. Он считал, что хозяин в гневе и ужасен, и великолепен, и был убежден, что великан подумает то же самое. И когда он увидел, что Джайлс выходит из дому с мушкетонном (как правило, это было признаком сильного гнева!), он с лаем помчался по деревне, крича:

— Вставайте! Вставайте! Выходите! Все выходите и посмотрите, какой великий человек мой хозяин! Сейчас он будет стрелять в великана за нарушение границ. Выходите!

Вершина пригорка была видна почти из всех домов. Когда над ней показалось лицо великана, все перепугались и затаили дыхание. Все думали, что это чересчур и что Джайлсу с великаном не справиться. Но тут прогремел выстрел, великан вдруг повернулся и зашагал прочь, а люди от изумления и радости громко закричали, приветствуя Джайлса. Гарм лаял так, что у него едва не оторвалась голова.

— Ура! — кричали все. — Великана проучили! Эгидиус ему показал! Теперь великан помрет — и поделом ему!

Снова все хором закричали «ура». И взяли себе на заметку, что Джайлсов мушкетон и в самом деле стреляет. В деревенских трактирах прежде обсуждали этот вопрос. Теперь же все стало ясно, и никто больше не осмеливался забредать на землю фермера Джайлса.

Когда опасность миновала, отдельные храбрецы отважились взобраться на пригорок и пожать руку фермеру Джайлсу. Кое-кто — священник, кузнец, мельник и еще два-три значительных лица — похлопал его по спине. Ему это не понравилось (плечо ведь сильно болело), но он счел себя обязанным пригласить их к себе. На кухне все уселись в кружок, пили за его здоровье и громко его расхваливали. Он не скрывал зевоту, но гости не обращали на это внимания, пока не кончилась выпивка. Когда выпили по второй, а фермер — третью, он окончательно почувствовал себя храбрецом, а когда все выпили по три (а Джайлс — пять или шесть), он почувствовал себя именно таким смельчаком, каковым считал его Гарм. Расстались добрыми друзьями, фермер от души похлопал гостей по спине. Руки у него были большие, красные и сильные, так что он отыгрался.

* * *

На другой день он обнаружил, что чем дальше распространяется слух о его подвиге, тем большим количеством подробностей он обрастает. Джайлс стал значительной фигурой в округе. К середине следующей недели новость дошла до деревень, лежащих за двадцать миль вокруг. Он стал Героем Округи и

находил это чрезвычайно приятным. В ближайший базарный день ему поднесли столько вина, что хоть лодку пускай, и он вернулся домой, распевая старинные песни о героях.

Наконец о событии прослышал сам король. В те счастливые времена столица этого государства (Среднего Королевства) была расположена примерно в двадцати лигах от Хэма, а при дворе, как правило, не больно обращали внимание на то, что происходит в захолустной провинции. Но столь скорое изгнание такого вредного великана стоило внимания и некоторой учтивости. И по прошествии надлежащего времени, месяца через три, к празднику святого Михаила, король направил в Хэм послание, начертанное красными чернилами на белом пергаменте. В нем выражалось монаршее удовлетворение поведением «преданного нам подданного, нашего возлюбленного Эгидиуса Агенобарбуса Юлиуса Агриколы де Хэммо». Подпись была в виде красной кляксы, а ниже придворный писец вывел затейливым почерком:

Я, Август Бонифаций Амброзий Аурелиан Антоний, благочестивый и достославный Государь, Базилевс и Повелитель Среднего Королевства, руку приложил.

К посланию была прикреплена большая красная печать, что говорило о несомненной подлинности документа. Большую радость доставил он Джайлсу, им восхищались все соседи, особенно когда обнаружилось, что каждого, кто желает полюбоваться этим документом, фермер охотно приглашал к столу и угощал на славу.

Еще лучше грамоты был присланный вместе с нею подарок. Король пожаловал фермеру пояс и длинный меч. Сказать по правде, сам король этим

мечом никогда не пользовался. Он принадлежал королевской семье и с незапамятных времен висел в оружейной. Хранитель королевского оружия не мог сказать, как он туда попал и для чего предназначен. При дворе такие тяжелые мечи без украшений как раз вышли из моды, потому-то король и подумал, что для подарка неотесанному деревенщине он будет в самый раз. Фермер Джайлс был в восторге, а слава его сильно возросла.

Джайлса очень радовал такой поворот событий. И Гарма тоже. Пса так и не выпороли. Джайлс был, в общем, справедливый человек, в глубине души он отдавал должное Гарму, хотя никогда не говорил об этом вслух. Он все еще награждал собаку нелестными эпитетами и при случае швырял в Гарма тяжелые предметы, зато стал закрывать глаза на его самовольные отлучки. Теперь Гарм свободно бегал по полям. Дела у фермера пошли в гору, счастье ему улыбалось. Осень и начало зимы прошли благополучно. Все шло прекрасно, пока не явился дракон.

Ко времени описываемых событий драконы уже стали редкостью на острове. Вот уже много лет в Среднем Королевстве Августа Бонифация не встречали ни одного дракона. Конечно, к западу и к северу попадались топкие болота и ненаселенные горы, но они находились очень далеко. Некогда в тех местах обитало множество разных драконов, и они делали дальние набеги. Но в те времена Среднее Королевство славилось отвагой королевских рыцарей, и было убито и ранено так много странствующих драконов, что остальные перестали летать в том направлении.

Еще остался обычай подавать королю драконий хвост на рождественский обед; ежегодно выбирали рыцаря для охоты на дракона. Предполагалось, что

в день святого Николая он отправлялся на охоту, а к Рождеству возвращался с драконьим хвостом. Но уже много лет королевский повар готовил к Рождеству поддельный драконий хвост: огромный торт из тертого миндаля с чешуей из жженого сахара. Под музыку скрипок и труб избранный рыцарь относил торт в праздничный зал. Поддельный драконий хвост съедали на сладкое после рождественского обеда, и все уверяли (чтобы сделать приятное повару), что на вкус он гораздо лучше настоящего.

Так обстояло дело, когда снова появился настоящий дракон. И все из-за того великана. После своего приключения он частенько разгуливал по горам, навещая живущих в разных местах родственников, — гораздо чаще, чем обычно, и много чаще, чем им этого хотелось. Дело в том, что он все пытался одолжить у кого-нибудь большой медный котел. Удавалось ему это или нет, но он усаживался и нескладно и нудно рассказывал о прекрасной стране, лежащей далеко на востоке, и обо всяких чудесах большого мира. Он ведь воображал себя великим и отважным путешественником.

— Прекрасная местность, — говорил он, — земля ровная, почва мягкая, массу еды можно раздобыть повсюду, знаете ли, коровы да овцы, заметить их легко, если глядеть хорошенько.

— А как насчет людей? — спрашивали его.

— Ни одного я не видел, — отвечал он. — Ни одного рыцаря там не видать и не слышать, дорогие мои. Только возле реки какие-то мухи водятся — ужасно больно жалятся.

— Что же ты туда не вернешься? — удивлялись родственники. — Там бы и остался!

— Недаром ведь говорится, что лучше всего дома, — отвечал он. — Но я, возможно, туда схожу,

если будет настроение. Во всяком случае, я-то уже там побывал — этим ведь не каждый может похвастаться. А вот медный котел...

— Так где же они, эти богатые земли, — поспешно спрашивали у него, — где чудесные поля, изобилующие скотом, который никто не сторожит? Далеко ли?

— Да к востоку, — отвечал он, — вернее, к юго-востоку. Но добираться долго.

И тут же он давал такой преувеличенный отчет о пройденном тогда расстоянии, о преодоленных лесах, горах и лугах, что ни одному великану не хотелось отправляться в путь: ведь ни у кого не было таких длинных ног. Но слухи распространялись.

После теплого лета наступила суровая зима. В горах стояли сильные морозы, с едой стало плохо. Разговоры стали громче. Вспоминали овец и коров, пасущихся на сочных пастбищах. Драконы навестили уши. Они хотели есть, а слухи были заманчивы.

— Значит, рыцари — существа мифические, — рассуждали молодые, неопытные драконы. — Мы всегда так и думали.

— Во всяком случае, попадают они, вероятно, редко, — рассуждали старые и мудрые, — они далеко, их мало, и нечего их бояться.

* * *

Особенно подействовали слухи на одного дракона. Звали его Хризофилакс Дайвз, так как он принадлежал к древнему царскому роду и был очень богат. Он был хитер, любопытен, жаден, отлично вооружен — и не очень храбр. Однако он ничуть не боялся насекомых любых размеров и видов, кроме того, он был ужасно голоден.

Так что в один прекрасный зимний день, примерно за неделю до Рождества, Хризофилакс расправил крылья и пустился в путь. Среди ночи он благополучно приземлился в самом центре королевства Августа Бонифация, государя и повелителя. За короткое время он натворил немало бед, круша и сжигая все на своем пути, пожирая овец, коров и лошадей.

Это происходило далеко от Хэма, но Гарм на смерть перепугался. Он как раз отправился в путешествие, воспользовавшись благосклонностью хозяина, и отважился ночевать далеко от дома. Он шел на привлекающий его запах вдоль лесного оврага и вдруг почуял за поворотом новый и тревожный запах; оказывается, он налетел прямо на хвост Хризофилакса Дайвза, который только что приземлился. Никогда еще ни одна собака не мчалась домой, задрав хвост, с такой скоростью, как Гарм. Услышав его визг, дракон повернул голову и фыркнул, но Гарм был уже далеко. Он бежал всю ночь и поспел домой только к завтраку.

— Караул! Караул! — затыкал он у задней двери. Джайлс услышал — и ему это не понравилось. Эти звуки напомнили ему о тех неожиданностях, которые могут случиться, когда все как будто идет хорошо.

— Жена, впусти-ка эту проклятую собаку, — приказал он, — и угости ее палкой!

Гарм проковылял в кухню, глаза его сверкали, а язык свешивался набок.

— Караул! — воззвал он.

— Чем это ты занимался на этот раз! — спросил Джайлс, швыряя в него колбасой.

— Ничем, — запыхавшись отвечал Гарм, слишком взволнованный, чтобы воздать должное колбасе.

— Ты мне это прекрати, не то шкуру спущу, — пригрозил Джайлс.

— Ничего я плохого не делал. Ничего дурного не хотел, — заскулил пес. — Только я нечаянно на дракона наткнулся — и он меня напугал.

— На дракона? — Фермер даже пивом подавился. — Будь ты проклят, нечего совать свой нос куда не надо! Чего ради ты наткнулся на дракона в такое время года, когда у меня хлопот полон рот? Где хоть он был?

— Да к северу, за холмами, а потом еще дальше, за Стоячими Камнями, — отвечал пес.

— А, вон как далеко! — У фермера отлегло от сердца. — Слышал я, что там водится нечисть, всякое в тех местах может приключиться. Пусть сами управляются. Не лезь ты ко мне с этими баснями, убирайся вон!

Гарм ушел — и разнес новость по всей деревне. Он не забыл отметить, что его хозяин ничуть не испугался:

— Совершенно спокойно продолжал себе завтракать!

Люди, стоя в дверях домов, с удовольствием обсуждали новость.

— Как это напоминает прежние времена! — говорили они. — И Рождество на носу. Как раз по сезону. Ну и доволен же будет король! На нынешнем Рождестве он сможет полакомиться настоящим хвостом.

На другой день — опять новость. Оказывается, этот дракон необыкновенно крупный и свирепый. Громадные разрушения производит. Люди спрашивали друг у друга:

— А где же королевские рыцари?

Тот же вопрос уже задали другие. Посланцы деревень, более других пострадавших от нашествия Хризофилакса, шли к королю и спрашивали так громко, как только осмеливались:

— Государь, где же ваши рыцари?

Но рыцари ничего не предпринимали, ведь им официально не сообщали о появлении дракона. Так что король в соответствующей форме довел новость до их сведения и просил приступить к необходимым действиям при первой же возможности. Он страшно разгневался, убедившись, что они пока не видят ни малейшей возможности и откладывают действия со дня на день.

Однако оправдания рыцарей звучали вполне убедительно. Прежде всего — королевский повар, имевший привычку все делать заблаговременно, уже приготовил рождественский драконий хвост. Нехорошо было бы его обидеть, принеся в последний момент настоящий. Слуга он был весьма ценный.

— При чем тут хвост? Отрубить ему голову — и дело с концом! — недовольно кричали посланцы деревень.

Но вот наступило Рождество, и, к несчастью, на день святого Джона был назначен большой турнир. На него пригласили рыцарей многих королевств, чтобы они сражались за ценный приз. Очевидно, неразумно было бы лишить рыцарей Среднего Королевства возможности испытать себя, отправив лучших бойцов на охоту за драконом до окончания турнира. А после турнира наступил новогодний праздник.

Но каждую ночь дракон все продвигался — и оказывался все ближе к Хэму. Накануне Нового года люди увидели вдалеке зарево. Дракон расположился в лесу, всего за десять миль, и лес полыхал веселым

пламенем. Дракон ведь был довольно горячим, особенно под настроение.

Тут-то народ начал поглядывать на фермера Джайлса и шептаться у него за спиной. Ему стало здорово не по себе, но он все делал вид, будто ничего не замечает. На следующий день дракон продвинулся еще на несколько миль. Тогда фермер Джайлс сам заявил вслух, что королевские рыцари оскандалились.

— Хотел бы я знать, как они оправдают свое жалованье, — говорил он.

— Мы тоже хотели бы, — соглашались жители Хэма. А мельник добавил:

— Ведь некоторые и сейчас получают рыцарство за личные заслуги, я слышал. За примером недалеко ходить, наш славный Эгидиус — настоящий рыцарь. Разве король не прислал ему письмо, написанное красными буквами, и меч?

— Одного меча для рыцарства мало, — поспешно возразил Джайлс. — Посвятить еще должны, и всякое такое, я так понимаю. А у меня и без того хлопот полон рот.

— Не сомневаюсь, что король тебя посвятит, попросить только, — сказал мельник. — Попросим, пока не поздно!

— Ни в коем случае! — испугался фермер. — Не для меня всякие там эти посвящения. Я фермер и горжусь этим, простой честный человек, а честным людям, я слышал, плохо при дворе приходится. Это вам больше по вкусу, господин мельник!

Священник улыбнулся, но не возражению фермера, ведь Джайлс и мельник слыли кровными врагами и в своих спорах за словом в карман не лезли, как поговаривали в Хэме. Просто священнику кое-что пришло в голову, и мысль эта ему понра-

вилась, но вслух он пока ничего не сказал. Мельник не был так доволен, и он нахмурился.

— Конечно, простой, а может, и честный, — отпаривал он. — Но разве так уж необходимо являться ко двору и быть посвященным в рыцари, чтобы убить дракона? Кроме храбрости, ничего для этого не требуется, не далее как вчера я слышал, что Эгидиус это утверждал. Несомненно, храбрости у него не меньше, чем у любого рыцаря!

Народ кругом зашумел:

— Конечно! Ура в честь героя Хэма! Ура, ура, ура!

Тогда фермер Джайлс в крайнем смущении отправился домой. Оказывается, местную репутацию нужно поддерживать, а это иной раз нелегко. Он пнул ногой пса и спрятал меч в кухонный буфет. До того меч красовался над очагом.

* * *

На следующий день дракон добрался до деревни Кварцетум (по-простонародному — Оукли). Питался он не только овцами и коровами, проглотил не только двух-трех ребятишек, но и священника, который несколько необдуманно пытался убедить его свернуть с пути зла. Тут уж началась ужасная суматоха. Все население Хэма во главе со священником взобралось на пригорок и ожидало фермера Джайлса.

— Мы ждем тебя, — воззвали они, а сами стояли и глядели, пока лицо фермера не запылало ярче его рыжей бороды.

— Когда ты выступаешь? — спросили они.

— Ну, сегодня я уж точно не смогу, — отговаривался он. — Хлопот полон рот, а тут еще работник заболел. Я подумаю.

Все разошлись, а к вечеру поползли слухи, что дракон подобрался еще ближе, и народ вернулся.

— Мы за тобой, мастер Эгидиус, — позвали люди.

— Да вы что, — возразил он, — именно сейчас мне совсем не до того. Кобыла охромела, и овцы ягнятся. Потом видно будет.

Все опять разошлись, ворча и переглядываясь. Мельник ехидно посмеивался. Священник остался, и от него никак было не избавиться. Он напросился на ужин и все на что-то намекал. Даже спросил, где меч, и настойчиво попросил его показать.

А меч лежал себе на верхней полке буфета, коротковатой для него, и, как только фермер Джайлс взял его в руки, выскочил из ножен, а фермер выронил ножны, будто они обожгли ему руки. Священник так и вскочил, даже пиво опрокинул. Он осторожно поднял меч и попытался снова вложить его в ножны, но меч входил туда всего на какой-нибудь фут, и, как только священник снял руку с рукоятки, он снова выскочил.

Господи Боже! Как странно! — воскликнул священник. Он хорошенько осмотрел и ножны, и клинок. Он ведь был человеком образованным: не то что фермер, который с трудом разбирал заглавные буквы унциального письма и не был уверен, что прочтет верно собственное имя. Потому он и не обратил внимания на чудные буквы, которые с трудом можно было разобрать на ножнах и на мече. Хранитель же королевского оружия так привык к рунам, именам и другим символам власти и знатности, начертанным на мечах и ножнах, что не забивал ими голову; кроме того, он считал, что они устарели.

А священник долго их разглядывал и хмурился. Он рассчитывал найти какую-нибудь надпись на

мече или на ножнах, именно эта мысль и осенила его накануне, но то, что он сейчас увидел, его поразило: там действительно были начертаны буквы, но он никак не мог разобрать их.

— На ножнах какая-то надпись, а на мече изображены эпитафические знаки, — сказал он.

— В самом деле? — удивился Джайлс. — Что же они означают?

— Буквы старинные, а язык варварский, — сказал священник, чтобы выиграть время. — Надо их повнимательней изучить.

Он попросил меч до утра, и фермер с радостью его отдал.

Придя домой, священник снял с полок множество ученых книг и сидел над ними до глубокой ночи. Наутро стало известно, что дракон продвинулся еще ближе. Жители Хэма заперли двери домов на все засовы и закрыли окна ставнями; те же, у кого были погреба, спустились туда и дрожали при свете свечей.

Но священник крадучись вышел из дому и, переходя от двери к двери, рассказывал в щелку или в замочную скважину всем, кто хотел его слушать, об открытии, которое сделал ночью у себя в кабинете.

— Наш добрый Эгидиус, — говорил он, — благодаря милости короля оказался владельцем знаменитого меча Кодимордакса, в романсах на простонародном языке его называют Хвостосеком.

Услышав эти слова, люди открывали двери. Всем была известна слава Хвостосека: ведь этот меч когда-то принадлежал Белломариусу, величайшему в королевстве победителю драконов. Согласно некоторым сведениям, возможно не совсем достоверным, он

был прапрадедушкой нынешнего короля по материнской линии. О его подвигах сложили множество песен и легенд, и если их забыли при дворе, то в деревнях помнили прекрасно.

— Этот меч, — объяснял священник, — не лежит в ножнах, если дракон находится в пределах пяти миль. Несомненно, он сразит любого дракона, если будет в руках храбреца.

И люди начали собираться с духом, иные даже окна раскрыли и выглянули на улицу. В конце концов священник убедил нескольких человек выйти и следовать за ним, но охотно это сделал один мельник. Он решил — стоит рискнуть, чтобы поглядеть, как попался Джайлс. Люди поднялись на пригорок, бросая беспокойные взгляды на север через реку. За рекой не было ни малейших признаков дракона. Возможно, он спал: он ведь отлично питался все рождественские праздники.

Священник с мельником забарабанили в дверь Джайлса. Ответа не последовало, они забарабанили еще сильнее. Наконец вышел Джайлс. Лицо у него было красное. Он вчера тоже засиделся допоздна и выпил много пива. Утром встал и начал снова.

Все толпой окружили его, называя добрым Эгидиусом, храбрым Агенобарбусом, великим Юлиусом, стойким Агриколой, гордостью Хэма, героем всей округи. И заговорили о Кодимордаксе, Хвостосеке, мече, не уходящем в ножны, знаменующем Победу или Смерть, Славу Иоменов, Опору Страны и Благо Народа, и в голове фермера все перепуталось.

— Эй! Давай по одному, — вставил он, как только получил такую возможность. — Что все это значит? У меня же с утра самая работа.

Разъяснить ситуацию предоставили священнику. Тут мельник, к своей радости, увидел, как Джайлс

попался в самый крепкий силоч — крепче и пожелать было нельзя. Но все обернулось не совсем так, как ожидал мельник. Во-первых, Джайлс выпил много крепкого пива. Во-вторых, он необыкновенно возгордился и воодушевился, узнав, что его меч и есть самый настоящий Хвостосек. В детстве он очень любил сказки о Белломариусе, и, пока не научился уму-разуму, иной раз ему хотелось владеть таким же замечательным, героическим мечом. И ему вдруг пришло в голову, что надо взять Хвостосек и отправиться охотиться на дракона. Но он слишком привык торговаться, так что опять попытался отсрочить это событие.

— Что? — воскликнул он. — Мне охотиться на дракона? Это в моих-то старых гамашах и жилетке? На дракона в хороших доспехах ходят, так я слышал. А в моем доме их нет, это уж точно, — обрадовался он.

С минуту все неловко молчали, потом послали за кузнецом. Кузнец покачал головой. Человек он был медлительный и мрачный, а прозвали его Солнечным Сэмом, хотя настоящее его имя было Фабрициус Кунктатор. Он никогда не свистел за работой, за исключением тех случаев, когда происходило несчастье из числа предсказанных им ранее. А так как он без конца только и делал, что предсказывал всякие несчастья, редко могло случиться что-нибудь такое, чего бы он до того не успел предсказать, а потому все, что бы ни произошло, предписывали его пророчествам. Для него это была главная радость, поэтому он никогда ничего не делал для предотвращения несчастья. Он снова покачал головой и объявил:

— Из ничего оружия не сделаешь. Да и не по моей это части. Лучше бы попросили плотника

изготовить деревянный щит, да и это мало поможет: дракон горяч.

Лица жителей Хэма вытянулись, но мельник не собирался так легко отступить от своего плана отправить Джайлса на бой с драконом, а если тот все-таки откажется, он мечтал увидеть, как лопнет мыльный пузырь его славы.

— А как насчет кольчуги? — спросил он. — С ней надежней, только чтоб не слишком тонкая была. Она ведь для дела, а не для щегольства при дворе. У тебя найдется старая кожаная куртка, друг Эгидиус? А в кузнице отыщется куча металлических колец. Думаю, мастер Фабрициус и не подозревает, что там могло завалиться.

— Ничего ты не смыслишь. — Кузнец повеселел. — Настоящая кольчуга все равно не получится. Нужна ювелирная ловкость гномов, чтобы каждое крошечное колечко соединить с четырьмя другими. Если бы я даже владел таким искусством, пришлось бы трудиться много недель. К тому времени мы все окажемся в могиле, — заключил он, — во всяком случае, в драконьем брюхе.

Жители Хэма в отчаянии заломили руки, кузнец улыбнулся. Но теперь все были в такой панике, что никак не хотели отказаться от плана мельника и повернулись к нему, ища совета.

— Что ж, — сказал тот. — Слышал я, что в старину те, кто не мог купить настоящую кольчугу из южных стран, нашивали стальные кольца на кожаную рубаху — и сходило. Поглядим, что в таком роде можно сделать.

Так что пришлось Джайлсу притащить старую кожаную куртку, а кузнеца заставили живо вернуться в кузницу. Порылись там во всех углах и разворошили кучу старого железа, которую не трогали много лет. В самом низу нашли массу колечек, тра-

ченных ржавчиной, — очевидно, они остались здесь от забытой когда-то куртки, именно такой, о какой говорил мельник. По мере того как дело оказывалось не таким уж безнадежным, Сэм все больше мрачнел, но его заставили приняться за работу. Он собирал, сортировал и чистил эти кольца; и когда (о чем он радостно сообщил) выяснилось, что их совершенно недостаточно для такого широкоплечевого человека, как мастер Эгидиус, кузнеца заставили разбить старые цепи и расплющить звенья в тонкие колечки — насколько хватило мастерства. Колечки помельче нацепили на куртку спереди, а те, что покрупнее и поглубже, укрепили на спине. Кольцо все прибавлялось, потому что бедный Сэм трудился в поте лица, и тогда жители Хэма нашли кольца еще и на штаны фермера. А высоко на полке в темном уголке кузницы мельник разыскал железный каркас шлема и засадил за работу сапожника, чтобы тот обшил каркас кожей.

Так трудились весь остаток дня и весь следующий день, а после наступления Двенадцатой ночи пришел канун Крещения, но было не до праздника. Фермер Джайлс выпил по этому случаю больше пива, чем обычно, а дракон милостиво спал. Он совсем позабыл на это время о голоде и о мечях.

Рано утром в день Крещения все поднялись на холм, держа в руках диковинный результат своей работы. Джайлс ждал их. Отговорок у него не осталось, пришлось надевать куртку, кольчугу и штаны. Мельник презрительно хихикал. Потом Джайлс натянул болотные сапоги, прикрепил к ним пару шпор и нахлобучил обшитый кожей шлем.

Но в последний момент прикрыл сверху шлем старой фетровой шляпой, а на кольчугу накинул серый плащ.

— Зачем это, мастер? — спросили люди.

— Ну, — отвечал он, — неужели вы воображаете, что на дракона надо идти звеня и грохоча, точно Кентерберийские колокола? Мне как-то кажется, что ни к чему оповещать дракона о своем приближении раньше времени. А шлем — это вызов на битву. Пусть ящер видит поверх изгороди только мою старую шляпу, тогда я, может, подберусь поближе, пока не начнется суматоха.

Кольца пришили так, что они звенели, задевая друг за друга. Прижатые плащом, они не звенели, но Джайлс в таком снаряжении выглядел довольно странно, однако ему об этом не сказали. Поверх плаща с трудом нацепили пояс и привязали ножны, но меч пришлось держать в руках: в ножны его было никак не упрятать, разве что прижать изо всех сил.

* * *

Фермер кликнул Гарма. Он был человек справедливый в меру своего разума.

— Пес, — позвал он. — Пойдешь со мной.

— Спасите! Караул! — взвыл пес.

— Перестань! — прикрикнул Джайлс. — Не то вздую тебя не хуже любого дракона! Ты же ящера по запаху знаешь и сможешь на этот раз оказаться полезным.

Потом фермер Джайлс кликнул свою серую кобылу. Она наградила его недовольным взглядом и фыркнула, увидев шпоры, однако дала ему сесть в седло и быстро понесла его вперед, хотя никто из них не испытывал при этом удовольствия. Они проскакали через всю деревню; жители радостно приветствовали их из окон и аплодировали. Фермер и его кобыла старались не показывать виду, что что-то не так, а Гарм стыдиться не умел, он просто плелся за ними, опустив хвост.

Они проскакали через мост над рекой в конце деревни. Когда наконец никто не мог их видеть, они замедлили скорость до шага и все-таки очень быстро миновали владения фермера Джайлса и других жителей Хэма и оказались в тех местах, которые успел посетить дракон. Кругом были сломанные деревья, сожженные изгороди, почерневшая трава — и зловещая тишина.

Солнце светило вовсю, и фермер Джайлс уже подумывал, не скинуть ли что-нибудь из одежды и не хватил ли он лишнюю пинту пива. «Хорошенький конец Рождества, — подумал он. — Счастье еще, если жив останусь». Он вытер лицо большим носовым платком — зеленым, а не красным: он слышал, что красный цвет разъяряет драконов.

Но дракона он не обнаружил. Он миновал множество просек, широких и узких, много опустошенных фермерских полей, а дракона все не было. От Гарма, конечно, не было никакого проку: пес трусил за лошадью и вовсе не собирался принимать.

Наконец выехали на извилистую дорогу, почти тронутую, она казалась спокойной и ровной. Проехав по ней с полмили, Джайлс подумал, что, пожалуй, он уже исполнил свой долг и все, к чему обязывает его репутация. Он решил, что хватит с него, и уже подумывал о том, как вернется и сядет обедать, а друзьям расскажет: дракон только увидел, как он подъезжает, так сразу просто-напросто улетел, — и тут дорога резко повернула. А за поворотом лежал дракон, загородив своей отвратительной мордой самую середину дороги.

— Караул! — тьякнул Гарм и кинулся прочь.

Серая кобыла резко осела, и фермер свалился в канаву. Когда он высунул голову, дракон окончательно проснулся и смотрел прямо на Джайлса.

— Доброе утро, — поздоровался дракон. — Вы, кажется, удивлены?

— Доброе утро, — ответил Джайлс. — Я и в самом деле удивлен.

— Прошу прощения, — сказал дракон. Когда при падении фермера зазвенели кольца, он что-то заподозрил и насторожил уши. — Прошу прощения за такой вопрос, но не меня ли вы случайно ищете?

— Нет, что вы! — заверил фермер. — Кто бы мог подумать, что вы здесь окажетесь? Я просто катался.

Он поспешно выбрался из канавы и направился к своей серой кобыле. Она была уже на ногах и с совершенно безразличным видом щипала траву у обочины дороги.

— Значит, мы встретились благодаря счастливой случайности, — заметил дракон. — Мне очень приятно. Это что же, ваш праздничный наряд? Новая мода, вероятно?

Фетровая шляпа слетела с фермера Джайлса, а плащ распахнулся, но он решил держаться понахальнее.

— Да, — сказал он, — самая последняя. Но я должен догнать свою собаку, боюсь, что она за кроликами погналась.

— Боюсь, что это не так, — возразил Хризофилакс, облизываясь (он всегда облизывался, когда его что-нибудь забавляло). — Полагаю, она доберется до дому гораздо раньше вас. Но прошу вас, продолжайте ваш путь, мастер — не припомню вашего имени.

— А я вашего, — подхватил Джайлс, — наверно, так оно и лучше.

— Как вам угодно, — Хризофилакс снова облизнулся и притворился, будто закрыл глаза. Сердце у него было злое (как у всех драконов), но не очень

смелое (что тоже не так редко встречается). Он предпочитал такие блюда, за которые не приходится сражаться, но после долгого сна аппетит его возрос. Священник из Оукли был довольно поджарым, упитанного человека дракон давненько не пробовал. Вот он и вздумал полакомиться мясом, которое само так и шло ему в рот, он ждал только, чтобы этот дурень ослабил бдительность.

Но дурень был вовсе не так глуп, как казалось, он не спускал глаз с дракона, даже взбираясь на лошадь. У нее, однако, были совсем иные намерения, и она ляглась, когда Джайлс стал пытаться на нее сесть. Дракон начал проявлять признаки нетерпения и приготовился к прыжку.

— Извините, — сказал он, — вы, кажется, что-то уронили?

Старый трюк сработал: Джайлс и в самом деле кое-что уронил. Падая, он выронил Кодимордакс (а попросту — Хвостосек), и меч лежал на обочине. Джайлс наклонился за ним, а дракон прыгнул. Но Хвостосек оказался проворнее. Едва фермер подобрал его, как он молнией скользнул вперед, прямо к драконьим глазам.

— Эй! — Дракон остановился. — Что это там у вас?

— Да всего-навсего Хвостосек, мне его король подарил, — ответил Джайлс.

— Как я в вас ошибся! — воскликнул дракон. — Прошу прощения. — Он лег перед фермером ниц, тому стало чуть полегче. — А вы нечестно со мной обошлись.

— Разве? — удивился фермер. — А с какой стати я должен был поступать с вами честно?

— Вы скрыли свое славное имя и притворились, будто наша встреча случайна, но ведь вы знатный

рыцарь. Прежде в таких случаях рыцари имели обыкновение открыто вызывать на битву, объявив свой титул и полномочия.

— Может, так и было, а может, и нынче так принято, — сказал Джайлс. Он был очень доволен собой. Можно извинить человека за некоторое самодовольство, если перед ним пресмыкается огромный величественный дракон. — Но ошибка ваша гораздо больше, старый вы ящер. Вовсе я не рыцарь. Я фермер Эгидиус из Хэма и терпеть не могу браконьеров. Мне уже случалось стрелять из мушкетона в великанов, а они куда меньше навредили, чем вы. Их я тоже и не думал вызывать.

Дракон несколько обеспокоился. «Проклятый великан солгал, — подумал он. — Ввел меня в заблуждение. Как же себя вести с таким храбрым фермером, да еще владеющим столь блестящим и воинственным мечом?» Дракон не мог припомнить ни одного подобного прецедента.

— Меня зовут Хризофилакс, — представился он. — Хризофилакс Богатый. Что я могу сделать для вашей милости? — льстиво спросил он, косясь одним глазом на меч и надеясь избежать боя.

— Ты можешь отсюда убраться, рогатый безобразник, — сказал Джайлс, которому тоже хотелось избежать битвы. — Мне нужно только от тебя избавиться. Убирайся в свою грязную берлогу! — Он шагнул к дракону, размахивая оружием так, будто ворон пугал.

Хвостосеку это только и было нужно. Сверкнув в воздухе, он описал круг и опустился, поразив дракона в сочленение правого крыла. Удар сильно испугал дракона. Конечно, Джайлсу было неизвестно, как надо убивать драконов, не то меч попал бы в более уязвимое место; но Хвостосек сделал все, что

мог в неопытных руках. Хризофилаксу и этого хватило: он долго не мог пользоваться крыльями. Он вскочил и попробовал взлететь, но убедился, что не в состоянии это сделать. Фермер прыгнул в седло. Дракон побежал, кобыла за ним. Дракон с пыхтением и свистом пересек поле, кобыла не отставала. Фермер кричал и улюлюкал, будто на скачках. При этом он все время размахивал Хвостосеком. Чем быстрее мчался дракон, тем становился растеряннее, а серая кобыла скакала во весь опор и не отставала от него.

Они скакали сквозь просеки и проломы в изгородях, по полям и ручьям. Дракон изрыгал дым, ревел — он потерял всякое представление о направлении. Наконец они стремительно вступили на Хэмский Мост, с грохотом проскакали по нему и помчались по деревенской улице. Здесь Гарм имел наглость выскочить из переулка и присоединиться к погоне.

Жители прильнули к окнам или вылезли на крыши. Кто смеялся, кто кричал «ура», а кто бил в кастрюли, сковородки и котлы. Некоторые дули в рожки или свистки, а священник велел звонить в колокола. Лет сто в Хэме не было такой суматохи.

Дракон сдался у входа в церковь. Он лег посреди дороги и пытался отдышаться. Подоспел Гарм и начал нюхать ему хвост, но Хризофилаксу уже ничуть не было стыдно.

— Люди добрые и храбрый воин, — начал он, едва переведя дух, когда подъехал фермер Джайлс, а жители деревни окружили его (правда, на безопасном расстоянии), вооружась кто вилами, кто коллом, а кто и кочергой. — Люди добрые, не убивайте меня! Я очень богатый. Возмещу весь ущерб, который вам причинил. Оплачу похороны всех убитых,

особенно священника из Оукли, роскошный памятник ему поставлю, хотя покойный и был худоват. Щедро вас вознагражу, если только вы отпустите меня домой за выкупом.

— Сколько? — спросил фермер.

— Ну, — дракон быстро подсчитывал в уме. Он заметил, что толпа собралась порядочная. — Тринадцать шиллингов восемь пенсов на каждого?

— Чепуха какая! — фыркнул Джайлс.

— Ну и ерунда! — завопил народ.

— Чушь! — тьякнул Гарм.

— Две золотые гинеи каждому, детям полцены?

— А собакам? — уточнил Гарм.

— Дальше! — предложил фермер. — Мы слушаем!

— Десять фунтов и кошелек с серебром на душу, а собакам по золотому ошейнику, — неуверенно предложил Хризофилакс.

— Убить его! — в нетерпении завопил народ.

— Каждому по мешку с золотом, а женщинам — бриллианты? — поспешил вставить Хризофилакс.

— Так-то получше, да не совсем ладно, — заметил Джайлс.

— Опять собак забыл, — пролаял Гарм.

— Какого размера мешок? — поинтересовались жители Хэма.

— Бриллиантов сколько? — спросили их жены.

— Боже, боже, — простонал дракон. — Я же разорюсь!

— Поделом тебе, — сказал Джайлс. — Выбирай: или разоришься — или тебя убьют. На этом самом месте. — Он взмахнул Хвостосеком, дракон так и съежился.

— Решайся! — Жители Хэма, смелая, подступали все ближе.

Хризофилакс заморгал, но незаметно для всех рассмеялся в глубине души. Торговля начала его развлекать. Очевидно, люди хотели что-то из нее извлечь. Они так мало знали об окружающем мире — ведь ни один житель королевства никогда не имел дела с драконами и не был знаком с их штучками. Постепенно Хризофилакс отдышался и успокоился. Он облизнулся.

— Назовите свою цену, — предложил он.

Тут все разом заговорили, перебивая друг друга. Хризофилакс слушал с интересом. Один только голос ему не понравился — голос кузнеца.

— Ничего хорошего не выйдет, помяните мое слово! — воскликнул кузнец. — Врет он все, не вернется он. Да и в любом случае ничем хорошим это не кончится

— Можешь от своей доли отказаться, если ты так считаешь, — предложили ему, а сами продолжали рядиться и спорить, не очень-то следя за драконом.

Хризофилакс поднял голову, но если он и подумывал прыгнуть на кого-нибудь или улизнуть под шумок, то ему пришлось испытать разочарование. Рядом стоял фермер Джайлс, жуя соломинку и размышляя. Держа Хвостосек в руке, фермер не сводил глаз с дракона.

— Лежи, где лежишь, — приказал он, — не то получишь что заслужил, и золото не поможет!

Дракон поник. Наконец священника выбрали говорить от имени всех, он шагнул вперед и встал рядом с Джайлсом.

— Гнусный червяк! — заявил он. — Ты должен принести сюда все свое несправедливое богатство. После того как ты возместишь убытки всем, кого ограбил, остальное мы поделим по справедливости.

Затем, если ты дашь нам торжественную клятву никогда больше не разорять наших земель и не подстрекать никакое другое чудовище нападать на нас, мы дадим тебе уйти и унести и голову, и хвост. А теперь ты должен поклясться, что вернешься, — такой клятвой, какую даже дракон обязан выполнить.

Хризофилакс правдоподобно изобразил колебание — и согласился. Он даже поплакал горючими слезами над своим богатством и оплакивал его до тех пор, пока на дороге не задымились большие лужи, но его слезы никого не тронули. Он принес самые торжественные и твердые клятвы, что вернется со всем своим достоянием к празднику святого Хилариуса и святого Феликса. В его распоряжении было восемь дней — даже самые несведущие в географии могли бы сообразить, что срок для такого путешествия маловат. Тем не менее дракона отпустили и проводили до моста.

— До встречи! — сказал он, переправляясь через реку. — Уверен, что все мы будем ждать ее с нетерпением.

— Уж мы-то будем, — сказали люди.

И понятно, поступили неразумно. Клятвы, которые он давал, должны были бы тяжким грузом лечь на его совесть, но — увы — совести у него не было вовсе. Если эти доверчивые люди в простоте своей не допускали столь досадного недостатка у существа столь высокого происхождения, то уж священник (при его книжной учености) мог бы об этом догадаться. Возможно, он и догадывался. Он ведь был человек образованный и мог предвидеть будущее гораздо лучше других.

По дороге в кузницу кузнец качал головой.

— Недоброе сулят эти имена, — повторял он, — Хилариус и Феликс. Не нравится мне, как они звучат.

Король, конечно, скоро узнал эту новость. Она молниеносно пронеслась по всему королевству и ничуть не исказилась по пути. Король был сильно задет — по разным причинам, не последняя из которых была финансовая. Он решил сейчас же лично отправиться в Хэм, где происходили такие странные события.

Он прибыл спустя четыре дня после ухода дракона — проехал по мосту на белом коне в сопровождении множества рыцарей, герольдов и целого обоза с багажом. Жители Хэма принарядились и выстроились вдоль улицы, чтобы приветствовать его. Кавалькада остановилась перед церковными воротами. Фермер Джайлс преклонил перед королем колена, его представили, король велел ему подняться и запросто потрепал его по спине. Рыцари сделали вид, будто не заметили такой фамильярности.

Король приказал всем жителям деревни собраться на обширном пастбище Джайлса на берегу реки. Когда все были в сборе (включая и Гарма, который считал, что происходящее имеет к нему прямое отношение), Август Бонифаций, государь и повелитель, милостиво обратился к ним с речью. Он четко объяснил, что все богатства негодника Хризофилакса принадлежат ему как господину здешних земель. Он ловко обошел вопрос о своих притязаниях на право повелителя горной страны, каковые были весьма спорны, но объявил, что «мы нимало не сомневаемся, все сокровища дракона были украдены у наших предков. Но мы, как всем известно, столь же справедливы, сколь великодушны, и наш любезный вассал Эгидиус будет должным образом вознагражден, и ни один из наших верных подданных в здешних местах не останется без какого-либо знака нашего расположения, начиная священником и кончая самым малым ребенком. Ибо мы очень довольны

Хэмом. Здесь по крайней мере остались еще смелые и мужественные люди, оправдывающие древнюю славу нашей нации». Рыцари тем временем обсуждали новые фасоны шляп.

Жители кланялись и приседали, униженно благодаря монарха. Но жалели, что сразу не приняли предложения дракона получить по десять фунтов и не держали сделку в секрете. Они прекрасно понимали, что расположение короля не дойдет и до этой суммы. Гарм заметил, что опять не вспомнили о собаках. Доволен был только фермер Джайлс. Он был уверен, что его наградят, и уж во всяком случае радовался, что выпутался из этой истории, благополучный конец которой придал ему еще больше веса в глазах соседей.

* * *

Король не уехал. Он велел раскинуть шатры на поле фермера Джайлса и ждал четырнадцатого января, стараясь развлекаться, насколько это было возможно в жалкой деревушке вдали от столицы. В первые же три дня королевская свита съела почти весь хлеб, масло, яйца, цыплят, сало и баранину и выпила до капли все запасы старого эля, какие были в деревне. Потом стали ворчать, что их плохо кормят. Король великодушно за все заплатил (квитанциями, которые после можно будет обменять на деньги: ведь он надеялся, что скоро казна сильно пополнится), так что жители Хэма обрадовались, не зная истинного состояния казны.

Наступило четырнадцатое января, праздник Хилариуса и Феликса. Все встали очень рано. Рыцари надели кольчуги. Фермер нацепил свою самодельную кольчугу, и рыцари откровенно смеялись над ним, пока не поймали на себе гневный взор короля.

Фермер пристегнул Хвостосек — меч вошел в ножны легко, как нож в масло, и остался там. Священник внимательно поглядел на меч и только головой покачал. Кузнец посмеивался.

Наступил полдень. От волнения никто не мог есть. День тянулся медленно. Хвостосек по-прежнему не проявлял ни малейшего стремления выскокить из ножен. Никто из наблюдателей на холме, даже мальчишки, взобравшиеся на деревья, ни на земле, ни в воздухе не замечал признаков приближения дракона.

Кузнец расхаживал, посвистывая, но остальные жители деревни только вечером, когда появились звезды, начали подозревать, что дракон и не думает возвращаться. Но они вспоминали его торжественные клятвы и продолжали надеяться. Когда же наступила полночь и назначенный день истек, разочарованию жителей Хэма не было предела. Зато кузнец торжествовал.

— Я же говорил, — напомнил он. Но они еще ничего не поняли.

— Он все-таки тяжело ранен, — говорили одни.

— Мало мы ему времени дали, — соображали другие. — В горы так тяжело и долго добираться, а ему нужно столько нести. Может, помочь ему надо.

Но миновал следующий день и еще один. Надеяться уже перестали. Король пришел в ярость. Еда и питье кончились, и рыцари начали громко роптать. Им хотелось вернуться к дворцовым развлечениям. Но королю нужны были деньги. Он простился со своими подданными поспешно и холодно и аннулировал половину квитанций. Фермеру Джайлсу он на прощание едва кивнул.

— Мы обратимся к вам позже, — сказал он и уехал со своими рыцарями и герольдами.

Самые простодушные энтузиасты надеялись, что скоро придет письмо от короля, он призовет мастера Эгидиуса к себе и хотя бы посвятит его в рыцари. Через неделю письмо действительно пришло, но совершенно иного содержания. Оно было в трех экземплярах: для Джайлса, для священника, а третий надлежало вывесить на дверях церкви. Только из экземпляра, предназначенного священнику, можно было извлечь какую-то пользу, потому что написано письмо было особым шрифтом, столь же непонятным жителям Хэма, как книжная латынь. Но священник перевел его на простонародный язык и прочел с церковной кафедры. Письмо было не королевски коротким и сугубо деловым: король торопился:

«Мы, Август Б. А. А. А., б. и д. Государь и пр., сообщаем, что решили для безопасности нашего Королевства и поддержания нашего престола дракона, именующего себя Хризофилаксом Богатым, разыскать и жестоко наказать за его коварные дела и злонамеренные поступки. Рыцарство нашего двора должно незамедлительно вооружиться и быть готовым к свершению этого подвига, как только Мастер Эгидиус А. Ю. Агрикола прибудет к оному двору, поскольку означенный Эгидиус показал себя человеком преданным и способным сражаться с великанами, драконами и прочими врагами, нарушающими Королевский покой, мы приказываем ему немедленно отправиться в путь и присоединиться к нашим рыцарям со всей возможной быстротой».

Жители Хэма считали, что это большая честь и следующим шагом будет посвящение в рыцари. Мельник страшно завидовал.

— Высоко поднимется друг Эгидиус, — сказал он. — Надеюсь, он нас не забудет, когда вернется.

— Может, он и вовсе не воротится, — сказал кузнец.

— Хватит, заткнись, морда лошадиная, — оборвал Джайлс. — Будь проклята такая честь! Если вернусь, даже общество мельника будет мне приятно. Все-таки меня утешает то, что некоторое время я не увижу вас обоих. — С этими словами он ушел.

Для короля не изобретешь отговорки, как для соседей: овцы, пахота, молоко или вода, — пришлось оседлать серую кобылу и отправиться в путь. Провожал его священник.

— Надеюсь, ты взял крепкую веревку? — спросил он.

— Это зачем? — удивился Джайлс. — Повеситься?

— Никоим образом! Мужайся, мастер Эгидиус! — сказал священник. — Мне кажется, ты можешь положиться на свою удачу. Но все же захвати веревку подлиннее, она тебе пригодится, если меня не обманывает моя проницательность. Ну, прощай же, да смотри возвращайся невредимым!

— Ох! Вернуться и увидеть свой дом и землю совсем запущенными... Будь они прокляты, драконы! — ответил Джайлс. Потом запихнул в седельную сумку большой моток веревки и отправился в путь. Пса он не взял — тот все утро старался не попадаться на глаза. Когда хозяин уехал, Гарм прокрался в дом и выл всю ночь. За это его поколотили, но он продолжал свое.

— Караул, караул! — тьякал он. — Не увижу я больше моего дорогого хозяина, а ведь он такой был грозный и великолепный! Лучше бы я с ним пошел.

— Заткнись! — прикрикнула жена фермера. — Не то не доживешь до того, чтобы увидеть, вернется ли он.

Вытье собаки услышал кузнец и объявил:

— Дурной знак! — При этом вид у него был довольный.

Прошло много дней — вестей не было.

— Отсутствие вестей — дурные вести, — провозгласил кузнец и громко запел.

Фермер Джайлс прибыл ко двору усталый и запыленный, но рыцари в начищенных кольчугах и сверкающих шлемах стояли наготове возле своих коней. Им не нравилось, что король вызвал фермера и включил его в их славные ряды, поэтому они настояли на буквальном выполнении приказа и ждали появления Джайлса, чтобы сразу же выступить в поход. Бедный фермер едва успел проглотить кусок хлеба и запить его вином, как снова оказался в пути. Кобыла его обиделась. К счастью, ее мнение о короле осталось невысказанным: оно было весьма непочтительным.

День клонился к вечеру. «Слишком поздно начинать охоту на дракона», — думал Джайлс. Но много они не проехали. Рыцари не спешили: ведь главное — это выступить в поход. Они ехали шагом нестройными рядами: рыцари, эсквайры, слуги и пони с поклажей. Позади на своей усталой кобыле трясся фермер Джайлс.

Когда наступил вечер, сделали привал и раскинули шатры. О съестных припасах для фермера Джайлса никто не позаботился, пришлось ему одалживать у других. Кобыла негодовала и отреклась от верности династии Августа Бонифация.

На второй день продолжали путь. На третий различили вдали туманные очертания негостеприимных гор. В скором времени оказались там, где пол-

ностью не признавалась власть Августа Бонифация. Ехали осторожно, держась ближе друг к другу. На четвертый день добрались до Диких Холмов, до границы таинственной страны, где, по слухам, обитали сказочные жители. Вдруг ехавший впереди всадник заметил на песке у ручья огромные следы. Подозвали фермера.

— Что это, мастер Эгидиус? — спросили у него.

— Драконьи следы, — отвечал он.

— Вперед!

Теперь устремились на запад. Фермер Джайлс оказался во главе колонны, кольца на его кожаной куртке так и звенели. Но это было неважно, потому что рыцари громко болтали и смеялись, а ехавший среди них менестрель пел песни. Припев то и дело громко подхватывали хором. Пение всех приободряло: песня была хорошая, ее сложили в прежние времена, когда битвы случались чаще, чем турниры. Но петь было неблагоприятно: из-за этого все здешние обитатели слышали приближение рыцарей, во всех западных пещерах драконы настораживали уши. Трудно было надеяться застигнуть Хризофилакса спящим.

То ли судьба так захотела, то ли кобыла сама была виновата, но у самого подножия темных гор она охромела. Все как раз начали подъем по каменистой тропе, продвигались с трудом и со все возрастающим беспокойством. Серая кобыла все больше отставала, спотыкаясь и хромя, вид у нее был такой терпеливый и печальный, что фермер Джайлс наконец счел нужным спешиться и пойти за ней. Вскоре они отстали от самых последних пони, но никто этого не заметил. Рыцари были заняты тем, что обсуждали, кому за кем следовать, согласно этикету. Иначе они заметили бы, что драконьи следы

стали отчетливей и многочисленней. Они и в самом деле попали в места, где частенько бродил Хризифилакс, приземлившись после разминки в воздухе. По обе стороны тропы земля была выжжена и вытоптана. Травы осталось мало, а стебли вереска и дрока торчали черными прутиками среди обширных прогоревших участков земли. Здесь была площадка драконьих игр. Над ней темной стеной нависала гора.

Фермер Джайлс беспокоился о своей кобыле, но радовался предлогу не быть в центре внимания. Не нравилось ему возглавлять кавалькаду в таком мрачном и ненадежном месте. Вскоре он обрадовался еще сильнее и с полным основанием благодарил судьбу (и кобылу): ровно в полдень (а это был праздник Сретенья и седьмой день пути) Хвостосек выскочил из ножен, а дракон — из пещеры.

Дракон ринулся в бой без предупреждения и не соблюдая формальностей. С ревом и свистом обрушился он на людей. Вдалеке от дома он, несмотря на свое высокое происхождение, не проявлял особенной храбрости. Но теперь он был исполнен ярости, потому что сражался у собственных дверей и защищал свои сокровища. Он кружил вокруг горы, точно грозовая туча, шумя, подобно ветру, изрыгая красные молнии.

Препирательства о порядке следования тотчас прекратились. Лошади кинулись в разные стороны, некоторые рыцари с них свалились. Пони с поклажей и слуги бросились бежать: они ведь не думали об этикете.

Тут все окутали клубы дыма, а среди них возник дракон и кинулся на голову кавалькады. Несколько рыцарей погибли, так и не успев произнести традиционный вызов на битву; многие были сброшены на землю. Об остальных позаботились кони,

которые повернули и понесли своих хозяев прочь, не спрашивая их согласия. Но многим именно того и хотелось.

А серая кобыла и с места не сдвинулась. Возможно, боялась переломать ноги на каменистой тропе, а может, слишком устала. Она инстинктивно понимала, что дракон представляет гораздо большую опасность, летя позади нее, чем впереди, и что тут может помочь только скорость отличной скаковой лошади. Кроме того, она не забыла, как гналась за Хризофилаксом через поля и ручьи в родных своих местах и как он улегся, точно ручной, прямо на главной улице деревни. Одним словом, она расставила ноги и зафыркала. Фермер Джайлс страшно побледнел, но остался стоять рядом, так как другого выхода, по-видимому, у него не было.

* * *

И вышло так, что дракон, налетев на кавалькаду, увидел прямо перед собой своего старого врага с Хвостосеком в руке. Этого он никак не ожидал. Он кинулся в сторону, как гигантская летучая мышь, и свалился на склоне холма возле дороги. Серая кобыла двинулась к нему, позабыв, что хромает. Приободрившись, фермер Джайлс поспешно вскарабкался в седло.

— Прошу прощения, но не меня ли вы случайно ищете?

— Что вы, нет! — заверил его Хризофилакс. — Кто бы мог подумать, что вы здесь окажетесь? Я просто пролетал мимо.

— Значит, мы встретились благодаря счастливой случайности, — сказал Джайлс, — и мне очень приятно, ведь я искал именно вас. Более того, я должен уладить с вами одно неприятное дело, вернее несколько дел.

Дракон захрапел. Фермер Джайлс поднял руку, чтобы защититься от его горячего дыхания, и тут Хвостосек, угрожающе сверкнув, подлетел к самому носу дракона.

— Ой! — Дракон даже храпеть перестал, он задрожал и попятился, весь огонь в нем мигом остыл. — Надеюсь, вы явились сюда не для того, чтобы убить меня, добрый мастер? — спросил он жалобно.

— Да нет, — сказал фермер. — Разве я это сказал?

Серая кобыла фыркнула.

— В таком случае что вы тут делаете со всеми этими рыцарями, можно узнать? — спросил Хризифилакс. — Рыцари всегда убивают нас, драконов, если мы сами не успеем их убить.

— Ничего я не делаю, да и они вовсе не со мной, — заверил его Джайлс. — У них теперь кто убит, а кто убежал. Как насчет того, что вы обещали в Крещение?

— Это вы о чем же? — удивился дракон.

— Месяц уже просрочили, — напомнил Джайлс, — а долг платежом красен. Вот я и приехал с вас получить. А вам бы надо прощения у меня попросить, что я из-за вас угодил в эту передрыгу.

— Простите, — взмолился дракон. — Мне, право, совестно, что вы взяли на себя этот труд.

— На этот раз — все сокровища, до последней монетки, и никаких фокусов, не то я порешу вас на месте и вывешу вашу шкуру на церковном шпиле, чтобы другим неповадно было.

— Это ужасно жестоко, — поежился дракон.

— Уговор дороже денег, — отпарировал Джайлс.

— Нельзя ли мне оставить себе два-три колечка и золотую монетку — мало ли придется наличными за что-нибудь платить? — спросил дракон.

— Нет уж, ни одной медной пуговицы!

Они торговались и спорили, точно на ярмарке. Но результат был именно таков, как следовало предвидеть: ведь мало кто мог переспорить фермера Джайлса на ярмарке.

Пришлось дракону отправиться в пещеру, так как Джайлс с Хвостосеком наготове не отставал от него ни на шаг. Тропа, которая вилась вокруг горы, была узкой, на ней едва хватало места для двоих. Кобыла с задумчивым видом следовала за ними. После пяти миль тяжелой дороги фермер Джайлс тащился с трудом, пыхтя и отдуваясь, но не сводя глаз с ящера. Наконец они подошли ко входу в пещеру на западном склоне горы. Вход был широкий и черный, его загораживали медные двери, которые раскачивались на железных столбах. Очевидно, в былые времена здесь жили сильные и гордые существа, драконы не строят подобных сооружений и не выкапывают пещер, они просто живут где придется — в гробницах или в сокровищницах древних героев и великанов. Двери этого подземного жилища были массивными, и они остановились в их тени. До сих пор у Хризофилакса не было случая обратиться в бегство, но теперь, у дверей своего дома, он неожиданно прыгнул вперед и собирался исчезнуть в глубине пещеры. Фермер плашмя ударил его мечом.

— Эй! — крикнул он. — Пока ты еще тут, я должен кое-что тебе сказать. Если ты живо не выйдешь и не принесешь что-нибудь стоящее, я войду следом и для начала отрублю тебе хвост.

Лошадь фыркнула: она не могла себе представить, чтобы фермер Джайлс вошел в драконье логово даже за все деньги на земле. Но Хризофилакс с готовностью в это поверил: острый Хвостосек так и сверкал в руке фермера. А может, он говорил правду,

и лошадь при всей ее мудрости просто не поняла, что ее хозяин переменялся. Фермеру Джайлсу везло, и после двух встреч он вообразил, будто его не одолеет ни один дракон. Как бы то ни было, вышел Хризофилак довольно скоро. Он притащил фунтов двадцать золота и серебра да еще сундук, полный колец, ожерелий и других драгоценностей.

— Вот! — объявил он.

— Что — вот? — передразнил фермер. — Что ты такое говоришь? Здесь и половины твоего добра нет.

— Конечно! — поспешно согласился дракон, немало обеспокоенный тем, что фермер, кажется, стал сообразительнее со дня их разговора в деревне. — Мне сразу все и не принести.

— Держу пари, и за два раза всего не принесешь, — согласился Джайлс. — Давай иди, да возвращайся поскорее, не то дам тебе отведать Хвостосека!

— Нет! — испугался дракон и сбегал на этот раз с двойной скоростью. — Вот! — Он выложил огромный мешок золота и два сундука с бриллиантами.

— Еще давай! — скомандовал фермер. — Да побольше!

— Тяжело же! — простонал дракон, углубляясь в пещеру.

Теперь уже серая кобыла забеспокоилась. «Интересно, кто всю эту тяжесть потащит домой?» — подумала она и с такой тоской поглядела на мешки и сундуки, что фермер догадался, о чем она загрустила.

— Не горюй, голубушка, — успокоил он ее. — Заставим-ка мы ящера самого доставить поклажу.

— Боже милостивый! — воскликнул дракон, который услышал его, выбираясь из пещеры. На этот

раз он принес массу драгоценных камней, сияющих зелеными и синими огнями. — Боже милостивый! Если я все потащу, мне и конец придет! А еще мешок добавить — так и вовсе не управиться, хоть убивайте!

— Значит, еще есть? — спросил фермер.

— Есть, — признался дракон. — Достаточно, чтобы пользоваться уважением. — Он говорил правду, что с ним бывало редко, и это, как выяснилось впоследствии, было весьма благоразумно. — Если вы мне оставите остальное, — добавил он лукаво, — я навеки стану вашим другом. И сам все это снесу к дому вашей милости, а не к королевскому дворцу. И что еще важнее, помогу вам сохранить сокровища.

Фермер левой рукой вытащил зубочистку и с минуту размышлял.

— По рукам! — воскликнул он, проявляя похвальное благоразумие.

Рыцарь, конечно, стал бы настаивать на целом кладе — и испытал бы на себе его проклятие. Вполне возможно, что, если бы фермер Джайлс продолжал спорить и довел бы ящера до отчаяния, тот бился бы до последнего, несмотря на меч. А в этом случае, если бы даже Джайлс уцелел, он вынужден был бы собственными руками уничтожить свою тягловую силу и оставить большую часть сокровищ в горах.

На том и порешили. На случай, если что выйдет неладно, фермер набил драгоценностями карманы и нагрузил лошадь. Остальное, сундуки и ящики, взвалил на спину Хризофилакса, так что дракон стал похож на фургон с королевской мебелью. У него не было ни малейшей возможности улететь, ибо груз был тяжелым, да и крылья ему фермер связал.

— Вот и веревка пригодилась, — сказал Джайлс, с благодарностью вспоминая священника.

Пыхтя и отдуваясь, дракон затрусил вперед, лошадь за ним, а позади всех – фермер с Хвостосеком в руке, так что дракон никаких трюков не выкидывал. Несмотря на груз, дракон и кобыла теперь двигались быстрее, чем кавалькада на пути в горы. Фермер Джайлс спешил еще и потому, что съестные припасы в его мешке подходили к концу. Да и Хризофилаксу доверять не приходилось после того, как тот нарушил столь торжественные клятвы. Джайлс все раздумывал, как бы ему за ночь не лишиться жизни или богатства. Но еще до наступления ночи ему снова повезло: они догнали нескольких слуг и пони, которые заблудились после своего поспешного бегства в Диких Холмах. В изумлении и страхе те бросились наутек, но Джайлс их окликнул:

– Эй, ребята! Назад! У меня есть для вас работа и хорошее жалованье, пока идет перевозка груза!

И они поступили к нему на службу, радуясь, что нашли проводника, и полагая, что теперь они, возможно, станут получать более регулярное жалованье, чем до сих пор. Так и пустились в путь: семь человек, шесть пони, лошадь и дракон. Джайлс, чувствуя себя господином, выпятил грудь. Останавливались как можно реже. На ночь Джайлс привязывал дракона за лапы к четырем кольям, три человека по очереди стерегли его. Но серая кобыла поглядывала, чтобы слуги не учинили какого-нибудь фокуса в свою пользу.

Через три дня они уже были на родной земле. Появление их вызвало ликование, невиданное между морями. В первой же деревне, где они появились, их бесплатно накормили и напоили, а половина молодых местных жителей захотела присоединиться к ним. Джайлс отобрал дюжину молодцов,

обещал им хорошее жалованье и купил самых лучших лошадей. Он становился все более сообразительным.

Отдохнув денек, он двинулся дальше в сопровождении нового эскорта. Спутники Джайлса распевали в его честь песни, грубые и неприхотливые, но ему они нравились. Кто его приветствовал, а кто смеялся. Зрелище было и веселое, и удивительное. Вскоре фермер Джайлс свернул к югу, по направлению к дому; к королевскому двору он не пошел и письма не отправил. Но весть о возвращении мастера Эгидиуса распространилась, подобно пожару, идущему с запада, вызывая удивление и смутнение. Ведь он явился вслед за приказом короля объявить во всех городах и деревнях траур по случаю гибели рыцарей в горном походе.

Везде, где появлялся Джайлс, о трауре мгновенно забывали, колокола начинали вовсю звонить, а люди толпились на улицах, крича и размахивая шапками и шарфами. Все они улюлюкали в морду бедному дракону, и тот начал горько сожалеть о заключенной сделке. Для потомка древнего царского рода она оказалась унижительной. Когда прибыли в Хэм, все собаки презрительно на него залаяли. Все, кроме Гарма: он был слишком поглощен хозяином, обратив к Джайлсу и глаза, и уши, и нос. От радости он прямо голову потерял и ходил колесом по всей улице.

В Хэме, разумеется, встретили Джайлса бурной радостью, но приятнее всего ему было видеть, как безуспешно пытается усмехнуться мельник и как изменился в лице кузнец.

— Помяните мое слово, это еще не все! — буркнул кузнец и, не в силах придумать более мрачное пророчество, угрюмо повесил голову.

Фермер Джайлс со свитой, с драконом и с поклажей поднялись на пригорок. В дом пригласили только священника.

* * *

Скоро новость дошла до столицы; позабыв официальный траур и собственные дела, люди толпились на улицах. Было много шума и крика.

Король во дворце кусал ногти и выдираал себе бороду. Он так горевал и гневался, так оплакивал свои финансы, был так мрачен, что никто не осмеливался с ним заговорить. Наконец уличный шум достиг его ушей: не похоже было на траур и рыдания.

— Что за шум? — спросил он. — Велите народу отправляться по домам и соблюдать траур как подобает. Шумят, будто гуси на ярмарке!

— Дракон вернулся, государь, — отвечали ему.

— Как? — изумился король. — Так соберите немедленно рыцарей — вернее, то, что от них осталось!

— В этом нет нужды, государь, — объяснили ему. — Ведь с ним едет мастер Эгидиус, и при нем дракон, совсем ручной и послушный. По крайней мере, так говорят. Новость только что дошла до нас, слухи разные.

— Боже милостивый! — воскликнул король с явным облегчением. — Подумать только, что на послезавтра мы заказали торжественную мессу по случаю гибели этого человека! Отменить ее! А что слышно о наших сокровищах?

— Говорят, их там целая гора, государь, — доложили ему.

— Когда же они прибудут? — заволновался король. — Ну и славный человек этот Эгидиус — проведите его прямо к нам, как только явится!

Придворные в нерешительности ничего не отвечали. Наконец один из них набрался храбрости:

— Извините, государь, но мы слышали, что фермер миновал столицу и направился к себе домой. Несомненно, при первой же возможности он должным образом переоденется и поспешит сюда.

— Несомненно, — согласился король. — Но к чему эти переодевания? Какое право он имел пройти мимо не доложившись? Мы очень недовольны.

* * *

Первая возможность давно представилась — и прошла, как и многие другие. Фермер Джайлс уже целую неделю жил дома, но так и не написал во дворец ни слова. На десятый день король совсем разъярился:

— Послать за негодеем!

И послали. До Хэма был целый день пути в один конец. Через два дня посыльный явился и, трепеща, доложил:

— Он не желает ехать, государь!

— Гром и молния! — рассердился король. — Так велите ему явиться в следующий вторник, не то его пожизненно заключат в тюрьму!

— Извините, государь, но он все равно не явится, — доложил несчастный посыльный, возвратившись во вторник.

— Десять тысяч молний! — воскликнул король. — Так отправить его в тюрьму! Сейчас же пошлите людей заковать этого грубияна в цепи! — приказал он слугам, которые попались ему под руку.

— Сколько же людей посылать? Там ведь дракон, да Хвостосек, да еще...

— Да еще палки от метелок да смычки от скрипок! — передразнил король. Затем приказал подать

ему белого коня, собрал рыцарей (вернее, то, что от них осталось) и оруженосцев и отправился в путь, кипя от ярости. Народ в удивлении высыпал из домов.

Но фермер Джайлс теперь был не только Героем Округи, он уже стал Любимцем Страны. Народ и не думал приветствовать рыцарей и королевскую свиту на пути их следования, хотя перед самим королем еще снимали шляпы. Но чем ближе он подъезжал к Хэму, тем угрюмее на него глядели, в иных деревнях люди запирались в домах и не выглядывали из окон.

От кипящего гнева король перешел к холодной ярости. Когда наконец он подъехал к реке, за которой лежал Хэм и виднелся дом Джайлса, он совсем помрачнел. Ему захотелось даже сжечь деревню. Но на мосту восседал на своей серой кобыле сам фермер Джайлс и держал в руке Хвостосек. Кроме Гарма, разлегшегося на дороге, никого больше не было видно.

— Доброе утро, государь, — вежливо поздоровался Джайлс, не ожидая, когда к нему обратятся.

Король посмотрел на него холодно и сказал:

— Твои манеры в нашем присутствии оставляют желать лучшего, но это не освобождает тебя от обязанности явиться, когда за тобой посылают.

— И правда, государь, я об этом и не подумал, — ответил Джайлс. — У меня и своих дел по горло, а я на ваши поручения и так столько времени потратил.

— Десять тысяч молний! — закричал король, опять раскаляясь от гнева. — Иди ты к дьяволу вместе со своей наглостью! Раз так, ничего ты не получишь, и благодари Бога, если тебя не повесят! А надо бы тебя повесить, если ты не попросишь у нас прощения и не вернешь нам меч!

— Что такое? — переспросил Джайлс. — Помоему, я все уже получил. Нашел — храни, а хранишь — значит, имеешь, так уж у нас говорят. И я думаю, Хвостосеку у меня лучше, чем у ваших слуг. А для чего вам все эти рыцари и свита? Если вы в гости, так добро пожаловать, но тогда хватило бы и поменьше людей. А если меня хотите взять, так вам бы побольше надо.

Король чуть не задохнулся от негодования, а рыцари покраснели и опустили головы. Некоторые оруженосцы заулыбались за спиной у короля.

— Отдавай мой меч! — громко потребовал король, позабыв величать себя во множественном числе.

— Отдайте нам вашу корону! — возразил Джайлс. Вот это было требование, такого еще никогда не слышали в Среднем Королевстве.

— Гром и молния! Схватить его и связать! — Король разъярился до последней степени. — Да что вы топчетесь? Хватайте его — или убейте на месте! Оруженосцы выступили вперед.

— Караул! Караул! — залаял Гарм.

* * *

Именно в эту минуту дракон вылез из-под моста. Он прятался глубоко в реке, у дальнего берега. Он выдохнул могучую струю пара, потому что выпил немало воды. Образовался густой туман, в котором сверкали только красные глаза дракона.

— Домой, дурни! — загремел он. — Или я разорву вас всех в клочья. В горах уже лежат трупы рыцарей, скоро новые появятся, в реке. Вся королевская конница, вся королевская рать!

Он прыгнул и вонзил коготь в бок белого королевского коня, и тот помчался прочь, как десять тысяч молний, так часто поминаемые королем. Остальные

лошади поскакали следом с той же скоростью: кое-кто из них встречался с драконом раньше, и воспоминание это было не из приятных. Оруженосцы разбежались кто куда, подальше от Хэма.

Белый конь был только слегка поцарапан, но ему не удалось убежать далеко. Король заставил его вернуться: ведь для своей лошади он по крайней мере еще был господином, никто не посмел бы сказать, что он боится хоть одного человека или дракона на свете. Когда он вернулся, туман рассеялся, но рассеялись и рыцари с оруженосцами. Положение изменилось: король оказался один на один со здоровенным фермером, а ведь тот был господином Хвостосека и дракона! Переговоры ни к чему не привели. Фермер Джайлс заупрямился. Он не уступал и не вступал в бой, хотя король неоднократно вызывал его на поединок.

— Нет уж, государь, — отвечал он улыбаясь. — Ступайте-ка домой и успокойтесь. Не хочу вас поранить, но, если вы немедленно не уедете, за дракона я не ручаюсь. Всего хорошего!

Так окончилась битва на Хэмском мосту. Не получил король ни единого пенса и ни слова извинения от фермера Джайлса, который возвысился таким образом в собственных глазах. Более того, с этого дня Среднее Королевство утратило власть над здешними землями. Люди признали Джайлса своим господином. При всех своих титулах король не мог найти ни одного человека, который выступил бы против бунтовщика Эгидиуса, потому что тот стал Любимцем Страны, менестрели пели о нем, и невозможно было запретить все песни, воспевающие его деяния. Самой популярной была баллада из ста насмешливых куплетов о знаменитой встрече на мосту.

Хризофилакс надолго остался в Хэме, к великой выгоде Джайлса: ведь естественно, что человек, владеющий ручным драконом, пользуется большим уважением. С разрешения священника дракона держали в амбаре для хранения церковной десятины, и его стерегли двенадцать молодцов. Так возник первый из титулов Джайлса: Доминус Де Домито Серпенте, что на простонародном языке означает: Господин Ручного Ящера, сокращенно — просто Ручного. Джайлсу воздавали большие почести, но он все еще платил дань королю: шесть бычьих хвостов и пинту пива в день святого Маттиаса — это была как раз дата встречи на мосту. Однако через некоторое время он заменил «господина» на «графа» — размера его владений было вполне достаточно для этого титула.

Через несколько лет он стал принцем Юлиусом Эгидиусом, и выплата дани прекратилась. Джайлс, будучи сказочно богат, выстроил величественный дворец и окружил себя многочисленными оруженосцами. Все они были довольны и веселы, одежда их поражала роскошью. Двенадцать молодцов стали капитанами. У Гарма появился золотой ошейник, и пес до конца своих дней свободно шатался везде, где хотел. Он стал гордым и счастливым псом и презирал других собак, считая, что они должны оказывать ему почести, соответствующие богатству и власти его хозяина. Серая кобыла в мире дожила свои дни, так и не поделившись ни с кем своими мыслями.

В конце концов Джайлс, конечно же, стал королем — Малого Королевства. Его короновали в Хэме под именем Эгидиуса Дракониуса, но чаще называли Старым Ящерным Джайлсом. При его дворе в моду вошел простонародный язык, сам король

никогда не произносил речей на книжной латыни. Его жена стала весьма величественной королевой и держала под строгим контролем хозяйственные счета. Трудно было перехитрить или обойти королеву Агату, по крайней мере на это требовалось немало времени.

Так Джайлс дожил до преклонных лет. Он отрастил седую бороду до колен и завел представительный двор, где заслуги людей часто вознаграждались по достоинству. Им был основан совершенно новый рыцарский орден — Орден Ящера, эмблемой его стал дракон, а старшими членами — все те же двенадцать молодцов.

Следует признать, что Джайлс обязан своим возвышением случаю, хотя использовал он этот случай с умом. И удача, и ум остались при нем до конца дней, к великой выгоде его друзей и соседей. Он щедро вознаградил священника, и даже кузнец с мельником получили свою долю, ибо Джайлс мог позволить себе щедрость. Но, став королем, он издал суровый закон против любителей дурных предсказаний и сделал помол королевской монополией. Кузнец переменял профессию и стал гробовщиком, зато мельник подобострастно служил короне. Священник сделался епископом и учредил кафедру в Хэмской церкви, которую для этого перестроили.

* * *

Нынешние жители бывшего Малого Королевства найдут в этой истории правдивые объяснения названий, которые и в наше время носят некоторые города и деревни этой местности. Ведь сведушие люди уверяют, что, когда Хэм стал столицей нового королевства, из-за естественной путаницы между прозвищами Лорд Хэма и Лорд Тэма (Tame — по-английски «ручной». — Прим. ред.) город этот ста-

ли ошибочно называть Тэмом. А в память о драконе, благодаря которому они прославились и разбогатели, драконарии (Рыцари Дракона) построили большой дом на расстоянии четырех миль к северо-западу от Тэма, в том самом месте, где Джайлс познакомился с Хризофилаксом. Это место во всем королевстве стало известно как Аула-Драконаргш, или, на простонародном языке, Чертог Ящера — в честь короля, господина Ящера, и его знамени.

Ландшафт местности с тех пор изменился, королевства образовывались и рассыпались, реки поменяли русла; остались только холмы, но и они разрушаются ветрами и дождями. А название еще сохранилось, хотя теперь, как мне говорили, его исказили и произносят — Черт из Ящика, ибо нынешние деревни утратили свою былую гордость. Но в те дни, о которых повествует эта история, место называлось Чертог Ящера и было королевской резиденцией, а над деревьями развевалось знамя с изображением дракона. Дела там шли хорошо и жилось весело, пока Хвостосек был на страже.

* * *

Хризофилакс часто просил отпустить его, да и кормить его оказалось дорого: он продолжал расти — все драконы растут, пока жизнь сохраняется в них. Так что через несколько лет, когда Джайлс надежно укрепил свое положение, он отпустил бедного ящера домой. Расстались они с многочисленными уверениями во взаимном уважении и заключив пакт о ненападении. В глубине своей недоброй души дракон чувствовал самое доброе расположение к Джайлсу, на какое только способен дракон. А тут еще и Хвостосек: дракон легко мог лишиться жизни и клада. У него в пещере, как подозревал Джайлс, сохранилось еще достаточно сокровищ.

Хризофилакс полетел с горы медленно и осторожно, потому что крылья у него сделались неуклюжими от долгого бездействия, а размеры и броня сильно увеличились. Прибыв домой, он первым делом выставил из своей резиденции молодого дракона, который нахально ее захватил в отсутствие Хризофилакса. Говорят, что шум битвы был слышен по всей округе. Когда он с удовлетворением сожрал своего побежденного врага, ему сразу стало легче. Раны былого унижения затянулись, и он очень долго проспал. Наконец, внезапно пробудившись, он отправился на поиски того самого огромного и глупого великана, который много лет назад затеял всю эту кутерьму. Дракон высказал ему все, что о нем думает, и бедняга был очень подавлен.

— Так это был мушкетон? — переспросил он и поскреб в затылке. — А я-то думал — это слепни!

FINIS,

или —

на простонародном языке —

КОНЕЦ.

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТОМА БОМБАДИЛА
и другие стихи из
Алой Книги**

Перевод Владимира Тихомирова

Предисловие

В Алой Книге немало стихов. Некоторые вошли в летописи «Властелина Колец» или в хроники и истории, так или иначе к ней относящиеся; гораздо больше их обнаружено на отдельных листах, а кое-что небрежно писалось на полях и в пробелах существующих рукописей. В основном это — вздор, зачастую — невнятица, хоть и разборчиво начертанная, или обрывки забытого. Из таких вот маргиналий извлечены опусы 4, 11, 13, но наилучшим образчиком можно признать отрывок, найденный на полях страницы со стихотворением Бильбо «Страшит зима, когда мороз...» Вот он:

*«Никак флюгарка-петушок
Хвост на ветру не мог поднять;
“Что так нежарко?” — петушок
Живой никак не мог понять.
“Жизнь — дрянь!” — воскликнул жестяной.
“Все тлен!” — откликнулся живой.
И стали хором жизнь ругать».*

В этот сборник включены древнейшие фрагменты, по преимуществу легенды и байки, бытовавшие в Хоббитании конца Третьей Эпохи и написанные, судя по всему, хоббитами, точнее — Бильбо и его друзьями или же их прямыми потомками. Однако ссылки на их авторство встречаются нечасто, поскольку строфы, не попавшие в летописи, переписывались множество раз и сохранились, скорее всего, благодаря тому, что на протяжении многих лет передавались из уст в уста.

В Алой Книге опус 8 помечен инициалами С.С., то есть Сэм Скромби. Теми же инициалами, С.С., помечен и опус 12, хотя здесь Сэм всего лишь воспроизвел, немного переиначив, старинные вирши из комического бестиария, весьма почитаемого хоббитами.

Опус 3 — пример совершенно иного рода: хоббитов весьма забавляла песня или история, конец которой возвращался к началу и ее можно было повторять сколь угодно долго, пока слушателям не надоест. Такие тексты встречаются в Алой Книге, но они в большинстве своем незамысловаты и неотделанны. Опус 3 пространнее и витиеватее прочих. Это, несомненно, сочинение Бильбо. На авторство указывает явное сходство этого стихотворения с длинной поэмой, которую Бильбо возгласил в доме Элронда. Оригинал — «вздорные вирши» — в Раздольской версии был переиначен господином Торбинсом, хотя и несколько несуразно, под предания Вышних Эльфов и нуменорцев об Эарендиле. Возможно, эти стихи потому были предметом особой гордости Бильбо, что метрику их придумал он сам. Ничего подобного в Алой Книге более не встречается. Изначальный же вариант, здесь представленный, можно отнести к тем далеким дням, когда Бильбо только что возвратился из своего путешествия. Эльфийская традиция в нем еще не слишком преобладает, а имена (Дерри-

лин, Белмаре, Теллами, Эйери) — всего лишь подражание эльфийским, но никоим образом не подлинно эльфийские.

На иные стихи явно повлияли события конца Третьей Эпохи, когда кругозор жителей Хоббитании намного расширился благодаря контактам с Раздолом и Гондором. К таким стихотворениям относятся, например, опусы 6 (в летописи «Властелина Колец» вошли вирши Бильбо на ту же тему) и 16 (последний), восходящие к гондорским источникам. В их основе лежат традиционные представления жителей Побережья, отсюда — местные названия впадающих в море рек. Так, в опусе 6 прямо упомянут Белфалас (бурлящий залив Бэл), а также маяк Тирит-Азар в Дол-Амроте. В опусе 16 упоминается Семиречьье — это семь рек Южного Королевства¹, и употреблено гондорское имя, эльфийское по происхождению, Фиризэль² — то есть смертная женщина. На Побережье и в Дол-Амроте сохранилось много напоминаний о древнейших обитателях этих мест, эльфах, — еще во времена Второй Эпохи, вплоть до самого падения Эригиона, из гавани, что в устье Мортонда, уходили в море «западные корабли». Таким образом, два эти стихотворения представляют собой лишь обработку южных песней, и Бильбо вполне мог их услышать в Раздоле. Опус 14 также почерпнут из хранимых в Раздоле сведений, эльфийских и нуменорских, о героических днях конца Первой Эпохи; как представляется, здесь нашла отражение нуменорская легенда о Турине и гноме Миме.

Опусы же 1 и 2 — безусловно забрендийского происхождения. Такие подробности об этих местах, о лесистой Лощине, где протекает Ветлянка³, ни одному хоббиту, жившему западнее Топей, просто не могли быть известны. Из стихов видно, что забрендийцам был знаком Бомбадил⁴, хотя о его

могуществе они догадывались не больше, чем жители Хоббитании — о могуществе Гэндальфа: оба представлялись им героями добродушными, может быть, несколько таинственными и непредсказуемыми, но неизменно комическими. Опус 1 — ранний, и составлен из различных легенд о Бомбадиле, бытовавших среди хоббитов. В опусе 2 использованы те же традиционные сюжеты, хотя здесь бранчливая перепалка Тома воспринимается окружающими как шутка — с удовольствием (однако и не без страха), и стихотворение это можно отнести к тому более позднему периоду, когда Фродо и его спутники уже побывали в доме Бомбадила.

Собственно хоббитанской поэзии, представленной в Алой Книге, присущи две основные особенности: пристрастие к причудливым оборотам и к вычурным размерам и ритмам, — при всей своей простоте хоббиты, безусловно, отдают предпочтение стихосложению искусному и изящному, хотя это не более чем подражание эльфийским образцам. Стихи эти только на первый взгляд кажутся легкомысленными и игривыми — со временем возникает ощущение, что за словами скрывается нечто большее. Особняком стоит опус 15, имеющий явно хоббитанское происхождение, однако написанный гораздо позже других и относящийся к Четвертой Эпохе. Опус этот включен в сборник, поскольку в верхней части листа, на котором он обнаружен, помечено: «Сон Фродо». Знаменательная пометка! Конечно, ни о каком авторстве Фродо здесь и речи не может быть, важно другое — стихотворение с такой пометкой дает четкое представление о тех темных, тягостных снах, посещавших Фродо каждые март и октябрь в течение последних трех лет. Оно же созвучно и традиционным представлениям о хоббитах, пораженных «безумием странствий», которые если и возвраща-

ются в родные места, то становятся замкнутыми и нелюдимыми. Надо сказать, что в мироощущении хоббитов всегда присутствовало Море, но страх перед ним и недоверие ко всему эльфийскому преобладали в Хоббитании конца Третьей Эпохи, и недоверие это не вполне исчезло даже после событий и перемен, ознаменовавших завершение этой Эпохи.

Примечания

1. Семь рек Южного Королевства — Лефнуи, Мортонд, Кэрил, Рингло, Гилраин, Сернуи и Андуин.

2. Имя Фириэль носила гондорская принцесса, к которой по Южной Линии восходит родословная Арагорна. Так же звали дочь Эланор, дочери Сэма, однако ее имя заимствовано из этого стихотворения — никак иначе в Западном Четверике оно появиться не могло.

3. На северном берегу Ветлянки находилась Запруда — небольшая гавань, расположенная за Отпорной Городьбой, хорошо охраняемая и защищенная деревянной изгородью. Над гаванью на пригорке между Сенной и Брендивином была деревушка Брередон (Вересковый Холм). Другая пристань, Причал, была возле Схода, в устье Ивлянки, откуда начинался Проселок, проходивший через Дикули, Камыши и Прозапасье.

4. Возможно, именно хоббиты из Забрэндии и нарекли Бомбадила Бомбадиллом — имя это забрендийское по форме — в дополнение ко всем его древнейшим именам.

Приключения Тома Бомбадила

Том веселый, Бомбадил, ходил в куртке синей,
Шляпа — дрянь, зато перо — белое, как иней,
Кушачок зеленый, кожаные штанцы,
А ботинки желтые — хоть сейчас на танцы!
Жил Том под Холмом, где исток Ветлянки —
Родничок среди травы на лесной полянке.

Том вселый, Бомбадил, в летние денечки
По лугам любил гулять, собирать цветочки,
Пчел пасти и щекотать шмелей толстобокых,
А еще любил сидеть у бочагов глубоких.

Вот однажды бороду свесил с бережочка:
Золотинка тут как гут, Водяницы дочка,
Дерг его за волосье, он — бултых в кувшинки
И пускает пузыри, промочил ботинки.

«Эй, Том Бомбадил, — говорит девица, —
Ты чего забыл на дне? Хватит пузыриться!
Рыб да птиц напугал и ондатру даже.
Шляпу, что ли, утопил и перо лебяжье?»
Том в ответ: «Искать не буду — холодна водица.

Шляпу мне достань-ка ты, милочка-девица.
 Да ступай, спи-усни, где спала донине —
 Под корнями старых ив в темной бочажине».

К дому матушки своей, в бучило на донце
 Золотинка уплыла. Том прилег на солнце
 Среди корней корявой ивы: мол, мы здесь приляжем
 Башмаки сушить и шляпу с перышком лебяжьим.

Тут проснулся Дядька-Ива, тихой песней сонной
 Убаюкал Бомбадила под разлапой кроной,
 А потом — хватъ его: сцапал, прямо скажем,
 Тома вместе с башмаками и пером лебяжьим.

«Ох, Том Бомбадил, разве же учтиво
 Залезать в чужой дом, даже будь он — ива?
 С тебя лужа натекла под древесным кряжем,
 Еще хуже — щекотаться перышком лебяжьим!»

«Дядька-Ива, отпусти! Что-то ломит спину —
 Не похожи твои корни на мою перину.
 Чур-чур! Глотни, старик, ключевой водицы.
 Баю-бай, спи-усни, как дочь Водяницы».

Дядька-Ива, услышав это его слово,
 Бомбадила отпустил, запер дом, и снова
 Закряхтел, забормотал, глядя сон древесный.
 Вдоль Ветлянки Том пошел —
 день-то был чудесный! —

А потом в лесу сидел, слушал по привычке,
 Как свистят, свиристят, чирикают птички;
 Над ним бабочки кружились, крыльями играя,
 Но под вечер встала туча с западного края.
 Том спешит! Закрапал дождь, по воде текучей
 Побежали круги, ветер вместе с тучей

Налетел, зашумел, и с листвы на темя
Брызнуло. В нору нырнул — самое время!

А Барсук, белый лоб, — нора-то барсучья! —
Барсучиха, черноглазка, и детишек куча
Понарыли ходов под холмом, и Тома
Хватъ за плащ — поволокли в глубь темного дома.

«Ох-ох, Том Бомбадил! — в самом дальнем зале
Вкруг него они уселись и забормотали. —
Влез ты чрез парадный ход к барсучьему роду.
Только выхода там нет назад, на свободу».

«Слышь-ка, старый друг Барсук, брось-ка эти шутки!
Недосуг мне тут гостить. Нету ни минутки.
Черным ходом проводи, где шиповник белый.
Почисть когти, вытри нос. Я сказал — ты сделай!
Чур-чур, спи-усни на своей соломе.
Ива спит и Золотинка — каждый в своем доме».

Тут сказали барсуки: «Просим прощенья!» —
Проводили Тома в сад, прочь из помещенья,
В страхе двери затворили и на всякий случай
Все землю завалили — спит народ барсучий.

Дождь прошел, почти стемнело, небо стало звездно.
Погулял — пора домой, хоть еще не поздно!
Том веселый, Бомбадил, дверь открыл, окошко,
Засветил на кухне лампу — налетела мошка;
За окном, видит он, полумрак сгустился,
Звезды — ярче, юный месяц долу опустился.

Тьма ночная над Холмом. Со свечой шандалной
Том — наверх, скрипят ступеньки;
вот он возле спальни.

«О-хо-хо, Том Бомбадил! Я пришел из мрака!
 Я за дверью. Я тебя изловил, однако!
 Ты и думать позабыл о кургане давнем,
 Об Умертвии с вершины, обрамленной камнем.
 А он вырвался на волю! И вот ждет могила
 Хладного и бледного Тома Бомбадила».

«Чур меня! Сгинь навек! Прочь, исчадье ночи!
 Прочь, загробный хохотун, огненные очи!
 Воротись на курган, на каменное ложе,
 Спи-усни! Спит Золотинка, Дядька-Ива тоже,
 И барсучий спит народец у себя в деревне.
 Вернись к золоту в подземье и к печали древней!»

Тут Умертвий — из окна, распахнувши ставни,
 Через двор и над стеной на курган тот давний,
 За ограду из камней, в темный склеп обратно,
 Дребезжа костями мчится, воя неприятно.

Старина Том Бомбадил на своей перинке
 Глубже спал, чем Дядька-Ива, слаще Золотинки
 И уютней, чем барсук иль Умертвий вечный,
 А храпел он, между прочим, будто мех кузнечный.

С первым светом, как скворец, он запел, свистая:
 «Дерри-дол, мерри-дол, приди, дорогая!»
 Он надел штаны и шляпу, выглянул в оконце:
 Шляпа — дрянь, зато с пером, а в оконце — солнце.

Мудрый Том Бомбадил был не без хитринки,
 Куртка синяя на нем, желтые ботинки,
 Где хотел, там и гулял — по лесной полянке,
 По холмам, по долам или вдоль Ветлянки,
 Или в легком челноке по реке средь лилий, —
 И везде его ловили, да не изловили.

Сам же Том поймал в куге дочь Водяницы:
Дева пела песнь воды, ей внимали птицы.

Хвать ее, не отпускает! Сердце в ней трепещет,
Цапли — в крик, ондатра — шмыг, куга воду хлещет.
И сказал Том Бомбадил: «Вот моя невеста!
В моем доме под Холмом — там твое место,
За столом, где белый хлеб, желтый мед и масло,
Розы все окно увили, стену всю и прясла.
Не войдете ли в мой дом? Замуж не хотите ль?
В бочаге какого мужа вам пайдет родитель?»

Том веселый, Бомбадил, на свадебной пирушке
Шляпу снял — из мотыльков венчик на макушке,
А невестин венок — ирис, незабудки,
Платье — зелень с серебром. Скворчьи побудки
Том свистел, гудел пчелой, попевал за скрипкой,
Горделиво обнимая стан невесты гибкой.

В доме всюду свет, а в спальне — белые простынки;
Под медовую луной пляшет по старинке
Род барсучий, а на страже до утра, до солнца —
Дядька-Ива, паветью брякает в оконце;
Водяница же вздыхает в камышах в тумане,
Слыша, как Умертвий плачет у себя в кургане.

Том веселый, Бомбадил, спал, не знал о том он,
Что всю ночь был стук и бряк, топот ног и гомон,
А на зорьке встал, запел, как скворец, свистая:
«Дерри-дол, мерри-дол, моя дорогая!»
На крыльце лозу строгал — будет корзинка,
Пока волосы золотые чешет Золотинка.

Прогулка Бомбадила

Старый год побурел, ветер дул с Норд-Веста,
Том поймал сухой листок, сорванный с места.
«Ветерок его принес — хорошая примета!
День счастливый — для чего же дожидаться лета?
Поплыву наугад, починивши лодку,
По Ветлянке вниз, на запад, — это мне в охотку!»

Села птаха на сучок: «Вижу, вижу Тома!
Знаю, знаю, куда собрался из дома.
Хочешь, хочешь я снесу туда весть о госте?»

«Я тебя поймаю — съем, обглодаю кости,
Коли станешь разносить сплетни да вести!
А коль скажешь Дядьке-Иве, я тебя на месте
Испеку, сварю, зажарю! Помолчи-ка, птаха!»

Птаха — порх, задравши хвост, и пицит без страха:
«На, лови, лови меня! Я же не простушка —
Лишь ему одному просвищу на ушко:
На закате, мол, встречай, где Сход и горушка.
Поспеши, мол, поспеши! Будет пирушка!»

Хмыкнул Том: «А может быть, мне туда и надо?
Ведь куда бы ни приплыть — мне туда и надо!»
Залатал свою лодчонку — не в дырявой плавать! —
Из кустов и камышей вывел ее в заводь,
И — вниз по реке. Пел он: «Силли-сэлли,
Где, Ветлянка, твои бочаги и мели?»

«Эй, Том Бомбадил! Ты куда? Куда ты
На скорлупке доплывешь с помощью лопаты?»

«К Брендивину, может быть, — там, быть может, ныне
Ждут меня мои друзья и огонь в камине
На Сенном конце. Они — народ-невеличка,
К ним, быть может, доплыву, синяя птичка».

«Передай привет родне, принеси мне вести,
Как там рыба, много ль есть и в котором месте?»

«Не сегодня, — Том в ответ. Я ведь по теченью
Просто так себе плыву — не по порученью».

«Чив-чив! Дерзкий Том! На корягу, глянь-ка,
Налетит твоя лохань — будет тебе банька!»

«Что ты, Синий Рыбоглот, разболтался? Лучше
Свои перышки почисть косточкой щучьей!
Ты на ветке — франт нарядный, дома — замарашка,
В доме — грязь, а на груди — алая рубашка!
Говорят, вы, зимородки, по небу летали,
Ветер думали поймать. Ну и как, поймали?»

Зимородок-рыболов клюв захлопнул, Тому
Дал дорогу, а сам — фью! — и помчался к дому,
Уронив перо синё — синей самоцвета.
Том поймал перо, сказал: «Добрая примета!»

Его в шляпу мы воткнем, старое кинем, —
 Было белое перо, стало оно синим!»

Вдруг вокруг водоворот, из водоворота —
 Пузыри! Том хлоп веслом и задел кого-то.
 «Фу, Том Бомбадил! Ты чего дерешься?
 Вот я лодку-то пырну — враз перевернешься!»

«Что? Да я тебя, Усатый, оседлаю сходу,
 Чтобы ты не баламутил чистую воду!»

«Фу! А я отца и мать позову, и брата,
 И сестрицу! Я скажу: гляньте-ка, ребята,
 Спятил Том Бомбадил, он сидит в лоханке
 Враскорячку и гребет вниз по Ветлянке!»

«Тебя, выдра, выдрать мало! Пропадешь ты сдуру,
 А Умертвии твою выделают шкуру,
 Мать родная не узнает — разве по усищам!
 Не дерзи! Уж на тебя мы управу сыщем!»

«Ух!» — сказал выдрин сын и нырнул в середку,
 Окотивши Бомбадила, раскачавши лодку,
 А потом на бережок лег, лежебока,
 А уж песня Бомбадила — далеко, далёко.

Там, где Эльфов островок, старый Лебедь злобно
 Выгнул шею, зашипел, тут, мол, неподобно
 Плавать всяким. Том смеется: «Ах ты, краснолапый!
 Подари-ка мне перо новое для шляпы!
 У тебя, у старого шея — просто диво,
 А из клюва только шип! Это некрасиво!
 Погоди, король вернется, хватъ тебя за горло —
 И прочистит, чтобы спесь из тебя не перла!»

Лебедь крылья распустил — и вниз по Ветлянке,
Том вдогонку за ним на своей лоханке.

До Запруды на пути — буруны, стремнина,
Всем известно это место возле Брендивина:
Крутит, вертит меж камней, как на речке горной,
Словно пробку — так до самой Городьбы Отпорной!

«Эй! Смотрите, Лесовик, Том с брадатой рожей! —
Весь Сенной Конец хохочет, бредедонцы тоже. —
Стой, Том, а не то мы стрелой ошпарим!
Ни лесному тут народу, ни курганным тварям
Нет пути за Брендивин — ни плоту, ни лодке!»

«Кыш, вы, толстопузые! Не дерите глотки!
Видел я, как хоббиты прячутся в норки,
Испугавшись барсука, а барсук — не орки!
Вы же тени собственной трусите, ребятки.
Орков я нашлю на вас — засверкают пятки!»

«Бородой не подавись, орков призывая!
В шляпе стрелы посчитай — первая, вторая,
Третья! То-то! Коль за пивом ты плывешь в лодчонке,
Знай: в Забрендии малы для тебя бочонки!»

«Брендивин широк, глубоковод — на моей-то лодке
Мне, пожалуй, не доплыть даже до середины.
Переправьте меня. Вам же за это
Пожелаю доброй ночи, а потом — рассвета».

Заалел Брендивин, солнце катит низом,
Закатилось за холмы, Брендивин стал сизым.
Никого на берегу нет, ни у Причала,
Ни на тракте. Том сказал: «Веселое начало!»

Он потопал по дороге. Сумерки сгустились.
 В Камышах, впереди, огни засветились.
 «Эй, ты кто?» Лошадки стали, не скрипят колеса.
 Том идет, не отвечает на его вопросы.

«Эй! Ты что, из Заболони? Вор? Или бродяга?
 Чего ищешь и откуда у тебя, бедняга,
 В шляпе стрелы? Воровство боком вышло, что ли?
 Эй! Иди сюда, поведай о своей доле.
 Эль у хоббитов хорош! Только ты без денег
 Не получишь ничего, коль молчишь, бездельник!»

«Ладно, ладно, грязнопятый! Опоздал, не встретил,
 Да еще бранится! — Том ему ответил. —
 Ты, Бирюк, бурдюк с одышкой, ты, пивная кадка,
 Тебя поги не несут — так везет лошадка!
 Повезло, что нищий мирный! Дело-то за малым:
 Прочь с колес, тряси жирами, топай пешедралом!
 Эй, подвинься! За тобой будет кружка пива —
 Не признавать меня, хоть ночью, это неучтиво!»

И поехали, смеются, мимо деревни —
 Хотя пивом их манил аромат харчевни, —
 И свернули к Бирюку, а дорога тряска —
 Тут уж Тома растрясла на колесах пляска.
 В небе звезды. В окнах свет. А на кухне ждал их
 Очага огонь трескучий, гостей запоздалых.

Бирючата-сыновья поклонились, дочки
 Книксен сделали, жена с пивом из бочки
 Уже кружки несет. Пили, ели, пели.
 Сам Бирюк пустился в пляс — при его-то теле!
 Выпив кружку, Том — вприсядку, по-моряцки, лихо,
 Дочки — чинно, ручейком; смеется Бирючиха.

Спать легли: кому — солома, а кому — перина.
Том толкует с Шерстолапым, сидя у камина,
О вестях с Пригорков, новостях о Башне,
Про овсы, про ячмени, про пажити и пашни,
Кто где был, куда ходил, пеший или конный,
Что деревья нашептали, ветер заоконный,
О Высоких Стражах там, возле Брода, или
О Тенях, что у границы в этот год бродили.

Наконец Бирюк уснул, пледом укрытый.
А с рассветом Том исчез, как сон полузабытый,
Чуть веселый, чуть печальный и немного в руку;
Дверь открылась и закрылась — ни бряку, ни стуку,
Ливень смыл его следы возле причала,
Ни его шагов, ни песен будто не звучало.

У Отпорной Городьбы лодку-лоханку
Три дня видели. Потом уплыла в Ветлянку.
Будто некий хоббит видел ночью, говорят, там
Ее выдры волокли, вверх по перекатам.

Там, где Эльфов островок, Старый Лебедь встретил,
За бечевку потащил, важен и светел,
Выдры плыли по бокам, чтобы ненароком
За корягу Дядьки-Ивы не задела боком.
Зимородок на корме, а птаха на банке —
Так ее и волокли вверх по Ветлянке
До стоянки. Тут сказал выдрин сын: «Смогли бы
Дураки ходить без ног или плавать рыбы,
Не имея плавников? Весла где, разини?»
У Отпорной Городьбы Тома ждут доньне.

Странствие

Жил-был веселый скороход —
И пешеход, и мореход,
Решил он с вестью по реке
В кораблике поплыть, и вот
Он погрузил провизию
В ладью свою из лопуха:
Взял мандарин с овсянкой он
И кардамон для запаха.

Он ветры звал приятные,
Попутные, чтобы несли
Его за трижды девять вод, —
И вот приплыл на край земли.
Там он один среди равнин, —
Где Деррилин издавека
По камушкам-камениям
Течением течет река,
И обитают Призраки
У той реки ужасные, —
Устал ходить он вдоль реки
На поиски напрасные.

И сел на свежем воздухе
Для роздыха, забыв дела,
Пел песни бабочке одной,
Чтобы женой ему была.
Она же прочь отпрянула
И глянула с презрением.
Учиться стал он всяческим
Магическим умениям.

И сделал сеть воздушную,
Бездушную чтобы поймать,
И крылышки из перышка
Воробушка, чтобы летать.
Волшебной паутиною
Невинную поймал гонец,
Воздвигнул без усилия
Из лилии шатер-дворец,
Фату накинул брачную
Прозрачную, как лунный свет,
Поставил ложе... Но твердит
Она сердито: «Нет, нет, нет!»

Ей дарит он сокровище.
«Ну вот еще! Какая чушь!» —
Ругается красавица,
Не нравится ей этот муж.
Тогда он опечалился,
Отправился он поутру
На крылышках из перышка
Воробушка да по ветру.

Внизу мелькали острова,
На них трава как изумруд,

И золотом блестит гора,
 И серебра ручьи текут.
 И тут он стал воинственным,
 Единственным, чьи шли стези
 И в Теллами и в Белмаре,
 И за море, и в Фэнтэзи.

Имел он щит опаловый,
 Коралловый носил он шлем,
 А меч был аметистовый, —
 Неистовый, грозил он всем:
 И с эльфами, и с Эйери,
 И с Фэйери в сраженьях был,
 И бил зеленоглазых он,
 Не раз он златовласых бил.

Броня на нем алмазная
 И грозное при нем копьё,
 Чье в полнолуние ковано
 Серебряное острие,
 И дротик изумрудный был —
 Столь чудный был! — он сам летел!
 И прибыл рыцарь в Парадиз,
 Где первый приз добыть хотел.

Стрекозлиц победил сей муж
 И Жужалей к тому ж, и Рой,
 И первый приз — Медовый Сот
 Он взял! И вот поплыл герой,
 Руля осиновым листком,
 Под лепестком под парусом,
 Он чистил латы, песню пел,
 И песнь летела к небесам.

Он посетил безвестные
Чудесные те острова,
Что видел сверху, но на них
Нет гор золотых — одна трава.
Домой пустился скороход,
Медовый Сот добыв и честь.
Откуда нес, куда принес —
Вот в чем вопрос! — свою он весть?
Повсюду он ходил, бродил,
И победил, и приз добыл,
Но по пути, как ни верти,
Весть отнести совсем забыл!
А значит, завтра, как вчера,
Ему с утра опять в поход!
И весть ту носит до сих пор
Тот очень скорый скороход!

Принцесса Ми

Очень мала
И очень мила
Принцесса Ми, говорят,
Блистают в прическе
Жемчужные блески,
И золотом вышит наряд.
Платочек на шее
Звезд серебрее,
И паутинки нежней
Накидка из льна,
Бела, как луна,
А то, что поддето под ней —
Исподнее платье, —
Украшено, кстати,
Узором алмазной росы.

В плаще с капюшоном
В серо-зеленом
Таится в дневные часы,
В часы же ночные —
Одежды иные,

Сияют, как в небе звезда;
В чешуйки рыбешки
Обутые ножки,
Сверкая, ступают туда,
На пруд танцевальный,
Где гладью зеркальной
Застыла вода в полумгле, —
Там прозрачен свет,
Там легкий балет
Танцует она на стекле,
И каждый шажок,
И каждый прыжок
Стежок оставляет на нем.

Глядит она ввысь,
Где звезды зажглись
В небесном шатре, а потом
Глянула вниз,
А там — вот сюрприз! —
Принцесса по имени Ши,
Такой же талант,
К пуанту — пуант,
Так же танцует в тиши.

И так же легка,
И так же ярка,
Но — страшно подумать! — она
В пучине-то оной
Книзу короной
Висит, а пучина — без дна!
И эта принцесса
Не без интереса,
Точнее, с восторгом глядит,
Как книзу короной

В пучине бездонной
Другая принцесса висит!

И только носочки
В некоей точке
Друг друга касаются там.
А где это «там»,
Неведомо нам, —
Где вниз головой к небесам! —
Познаний волшебных,
На это потребных,
Не хватит и эльфам самим.

От века доньше
Танцуют эльфини:
Танцует прекрасная Ми —
Мелькают одежды
И стройные ножки
В туфельках из чешуи,
Такие же ножки
И те же одежды
И туфельки из чешуи —
Танцует прекрасная Ши!

Как Лунный Дед поспешил на обед

Лунный Дед был серебряно сед
и в серебряных башмаках,
Венец из опала, но этого мало —
поясок у него в жемчугах,
А поверх всего серый плащ у него,
под ногами — сверкающий пол;
И вот хитрым ключом — ключ хрустальный причем! —
тайный ход он открыл и вошел.

И с блаженной улыбкой по лесенке зыбкой,
по ступенькам ажурным идет,
Наконец-то он волен и премного доволен,
что пустился в безумный поход.
Надоело ему век сидеть одному
в лунной башне на лунном холме —
Даже чистый алмаз уж не радует глаз! —
и одно у него на уме:

Чтобы алый коралл на плаще засверкал,
и рубин — у него на челе,

Чтобы яркий берилл его жизнь озарил, —
 он решил побывать на Земле,
 Чтобы впредь не сидеть, без конца не смотреть
 на течение светил, например:
 Скука — смерть! — эта твердь и ее круговерть
 и веселая музыка сфер.

Он на лунном бугре, когда все в серебре,
 в полнолуние мечтал на Луне
 Не о бледных огнях в бледных лунных камнях —
 о багряном и рьяном огне,
 Чтобы жарок он был, чтобы ярок он был,
 чтобы тлел в глубине уголек,
 Чтобы, ало горя, занималась заря,
 предвещая хороший денек.

Видел он под собой океан голубой
 и зеленых лесов океан,
 Но хотелось ему быть с людьми самому,
 чтобы сам он был весел и пьян,
 Чтоб смеяться и петь и горячую снедь
 поедать, запивая вином.
 Ибо снежный был бел тот пирог, что он съел,
 лунным светом запивши потом.

Но на лесенке зыбкой это было ошибкой —
 размышлять о горячей еде:
 Он ногами протренировал по скользким ступенькам
 и сорвался, подобно звезде
 Иль чему-нибудь вроде. Ночь была. Новогодье.
 И вот, путь в небесах прочертив,
 Все ступеньки минуя, в Бэл, в купель ледяную
 ухнул — прямо в бурлящий залив.

Так лежал он в водице и, боясь раствориться,
свою жизнь поминал и Луну.
Но как раз тут баркас, рыбаки тут как раз —
потому не пошел он ко дну!
Из воды неводок его вверх поволок —
так он в лодку с уловом попал:
Его хлипкое тело было зелено, бело,
и мерцало, как мокрый опал.

А когда б рыбаки б не ловили там рыб?
А когда бы не сеть, а крючок?
«Есть тут город немалый, в нем же двор постоялый, —
говорят, — там проспексь, старичок!»
В этот час неурочный в темноте полуночной
только колокол на маяке
Возвестил похоронным гулким звоном об оном
прилетевшем с Луны старике.

И — ни хлеба, ни соли, ни жаркого тем боле!
До зари пробродил наш лунарь:
Вместо пламени — сажа, вместо озера — лужа,
вместо солнца — коптящий фонарь,
И нигде нет людей, ни веселых затей,
и никто ни о чем не поет,
Только храп из домов — видно, спать он здоров
на заре, этот смертный народ.

Он и в двери стучал, он стучал и кричал —
все напрасно, повсюду молчок,
Двери все на запор. Но вот видит он двор
постоялый, в окне огонек.
Бряк в стекло! Но на стук дверь открылась не вдруг:
«И кого там опять принесло?»

«Не найдется ль огня и вина для меня,
древних песней прекрасных зело?»
А хозяин в ответ: «Чего нет, того нет!
Заходи, коль сойдемся в цене,
Мы берем серебром, мы и шелком возьмем,
так и быть, — пригодится жене».
Чтоб ступить за порог, отдал он поясок,
отдал он серебро, и был рад
Все отдать жемчуга за тепло очага,
за все прочее — больше в сто крат!

Вот так Лунный Дед был разут и раздет,
отдал плащ, башмаки и венец,
Чтобы сесть в уголке при разбитом горшке
и чего-нибудь съесть наконец.
Так сидел он над плоской, деревянной ложкой
скреб холодной овсянки комок.
Поспешил Лунный Дед! Новогодний обед
не готов — и сливовый пирог.

Перри-Пекарь

Печальный Троль сидел в Холмах,
печальные пел песни:
«На всей земле — увы и ах! —
я одинок, хоть тресни.
Давно ушла моя родня,
ушла навек — о горе!
Остался я, последний я
от Бурных Гор до Моря.

Не златокрад, не мясояд
и пива не хочу я,
А все же хоббиты дрожат,
мою походку чую.
Ах, если б я бесшумно шел!
Другие ноги мне бы!
А так я весел, я не зол
и печь умею хлебы.

Всю Хоббитанию пройду, —
подумал Троль, — но тихо,
И друга, может быть, найду,
а то без друга лихо!»

Он от Холмов всю ночь бежал,
 обувши мехом пятки —
 Никто не слышал, не дрожал,
 не драпал без оглядки.

На зорьке в Норгорде народ
 еще зевал спросонку.
 Бабуся Бамс идет, несет
 с печеньем плетенку.
 «О, мэм, — сказал он, — здрасьте, мэм!»
 и улыбнулся мило.
 Не «мэм» ей слышится, а «съем»...
 И вот что дальше было:

Услышав этот страшный глас,
 Старшой Горшок с испуга,
 Весь красный, лезет в узкий лаз,
 да пузо лезет туго,
 Бабуся Бамс — домой, под стол,
 забыв свои печенья,
 А Троль руками лишь развел,
 сказав: «Прошу прощенья!»

Визжит свинья, блажит овца
 и гусь гогочет тоже
 При виде тролльского лица,
 сказать точнее — рожки.
 Тут фермер Хряг свой эль пролил,
 тут Биллов Лай без лая
 Пустился прочь, а следом Билл —
 бежали, жизнь спасая.

Сидит у запертых ворот
 печальный Троль и плачет,
 А юный Перри, он идет,
 к нему подходит, значит,

И хлоп по шее: «Не дури!
Тебе, коль ты верзила,
Снаружи лучше, чем внутри...»
И вот что дальше было:

Смеется Тролль: «Отныне мы
друзья, как понимаю!
Давай, поехали в Холмы,
ко мне на чашку чаю».
А Перри вроде как струхнул,
но, севши на закорки,
Он крикнул: «Ну!», — ногами шнул —
и замелькали горки.

Потом, как маленький, сидел
у Тролля на коленке,
Не столько пил он, сколько ел
ватрушки, пышки, гренки,
Калач, кулич, большой пирог
и маленькую сдобу —
И съел он все, что только мог,
но это все — на пробу.

Трещал огонь и чайник пел,
штаны по швам трещали,
Тролль улыбался, Перри ел —
немного помолчали.
И Тролль сказал: «О чем, бишь, речь?
Ах, да! Тебя в учебу
Возьму, и сам ты будешь печь
и черный хлеб, и сдобу!»

Спросили Перри, где он был,
что стал такой дебелый?
А он ответил: «Чай я пил
и хлебушек ел белый».

Спросили: «Где же задарма
нальют такого чаю?»
Но Перри был не без ума,
сказал: «Я сам не знаю!»

А Джек сказал: «Я видел сам,
как Перри в чистом поле
скакал верхом вон к тем Холмам,
скакал верхом на Тролле!»
И все — кто пеший, кто верхом —
они пошли толпою,
И видят: холм, в холме же — дом,
дым вьется над трубою.

«О, милый Тролль, ты испеки, —
они стучатся в двери, —
Да, испеки, нет, испеки
нам сдобного, как Перри!»
А он в ответ: «Не будет вам
ни хлеба, ни застолья!
Я хлеб пеку по четвергам
для Перри лишь и Тролля.

Ступайте прочь! Мне не до вас!
Не стойте зря у двери!
Ведь то, что я вчера припас,
вчера же слопал Перри!
Бабуся Бамс, и Хряг, и Билл,
вчера, по крайней мере,
О хоббиты, я вас любил!
Теперь люблю лишь Перри!»

На сытных троллевых харчах
отъелся Перри! Вскоре
Не мог он влезть — увы и ах! —
в свои штаны — о горе!

По четвергам он приезжал
на Троллевы застолья:
Росточком Тролль пониже стал,
а Перри — ростом с тролля.

Вот какова его судьба,
так в песне говорится:
Пек Перри лучшие хлеба
от Моря до Границы,
Но все же хлеб его не столь
хорош был, как те сдобы,
Что пек ему печальный Тролль
по четвергам для пробы.

Хлюпогубы

У хлюпогубов смельчака
Ждет тьма черней чернил
И колокольца звон, пока
Он угрязает в ил.

Покуда поглощает вас
Болото у ворот,
Горгульи с вас не сводят глаз
Под шум текущих вод.

Вдоль топких берегов речных —
Капель с плакучих ив,
И вороны сидят на них —
Вороний грай тосклив.

*За Мерлоксские горы путь неблизок туда,
Вдоль вонючих болот по замшелым лесам, —
Где в долине без ветра загнивает вода,
От луны и от солнца они прячутся там.*

В подвалах тот народ живет,
Где сыр, и мразь, и хлад,
Свечу единственную жжет
И стережет свой клад.

За хлюпогубом хлюпогуб —
К дверям на ваш звонок:
Носами — «хлюп», губами — «хлюп»,
«Хлюп-хлюп» — стопами ног.

И в щелку робко так глядят,
Но скользкая рука
Вас хват! — и косточки гремят
Уже на дне мешка!

*За Мерлокские горы по замшелым лесам,
Где гнилые туманы и стояча вода,
По дороге нелегкой вы пройдете и там
Хлюпогубов найдете — хлюпогубам еда!*

Фаститокалон

Вот остров Фаститокалон,
Который не населен.
Он пустой.
А все же земля пригодная для
Того, чтоб сойти с корабля,
Погулять, поиграть, порезвиться.
Ой! Постой!
Примечай-ка:
Даже белая чайка
На его берегах не гнездится —
Намекает нам птица:
Этот остров совсем не простой!
И беда моряку,
Если, качкой морской утомлен,
Он сойдет на Фаститокалон
Отдохнуть и сварить чайку.
Ох и олухи те моряки,
Что разводят на Нем костерки, —
Знать, не варят у них котелки!
Его шкура хотя и толста,
Притворяется Он неспроста,

Будто спит — это чистый обман:
Он хитер,
Он плывет в океан.
И едва разгорится костер,
Ухмыляется Он,
Обращается Он
Кверху брюхом, Фаститокалон.
С кораблем заодно
Гости канут на дно,
Они с жизнью прощаются
И тому удивляются.

Будь, моряк, начеку!
Ведь грозит моряку
В Море множество чудищ морских.
Но воистину страх —
Он,
Фаститокалон!
Он, страшнейший из них
И последний в роду Черепах.
Надо помнить старинный завет:
Коль вам жизнь дорога,
Вылезать вам не след
На неведомые берега.
Ну а лучше со всеми
Мирно жить в Средиземье
Ныне и впредь,
Веселиться и петь.

Кот

Вот спит кот-обормот,
И он видит сон:
То сметанку, вишь, то мышь,
То жирен бульон,
То он вроде на свободе
Средь котов готов,
Яр и скор, влиться в хор
Ста котовьих ртов;
А то вдруг — будто юг,
Зной, томленье, лень,
Люди ходят, звери бродят,
А он — в тень на весь день.

А вот лев — кровавый зев,
Клык на нож похож, —
Превелик и очень дик;
Пард, он тож хорош,
Тоже грозный, в шкуре звездной,
Востроок, быстроног,

Для ловитвы — когти-бритвь;
Скок — и поволок.
Дикий в чащах настоящих
Жив народ —
Рычит, ревет.
Обормот в тепле живет —
Но свой род
Помнит кот!

Невеста-тень

Был одинокий человек,
Сидел всю ночь, весь день,
Сидел он камнем целый век —
Без тени! Где же тень?
Для белых сов он был шестком
Под зимнею лупой,
А летом птиц не счесть на нем, —
Ведь камень — не живой.

Однажды в сумерках — она
Пришла из темноты,
Вся в сером, волосы — волна,
А в волосах — цветы.
И вышел он из камня вон,
Распалось колдовство,
В свои объятия принял он
Ее, она — его.
И под звездой ночной, и днем
С тех пор своих дорог

Нет у нее: она — при нем,
Внизу, в тени, у ног.
Но ежегодно суть вещей
Выходит изнутри:
И вновь их двое, и он с ней
Танцует до зари.

Клад

Было солнце юно и месяц млад,
Когда выпевали боги свой клад:
Серебряную россыпь в зелени трав
И золота в водах прозрачных расплав.
Щель Хелля еще не разверзлась тогда,
Дракон не рожден был, ни гном — в те года
Здесь жили издревние эльфы одни,
Волшебным пеньем творили они
В холмах средь лесов много дивных вещей
И чудо-венцы для своих королей.
Пришел им закат, звук волшебных словес
Сталь заглушила и грохот желез;
Нет песен у жадности, только ощер
Угрюмый во мраке тесных пещер
Над грудой сокровищ, — вековечного зла
На родину эльфов тень напозла.

Жил в темной пещере старый гном,
Пленный золотом и серебром,

В работу он вкладывал силу и злость,
Ладони истерты по самую кость:
Монеты ковал и снизки колец,
И власть королевскую думал кузнец
Купить! Но вовек не покинул свой склеп,
И сморщился он, и оглох, и ослеп,
И скрючились руки и стали дрожать, —
Он камушка в пальцах не мог удержать.
И он не услышал, как недра горы
Дрожали, когда, молодой в те поры,
Свою жажду сокровищ дракон утолил —
В пещеру заполз и огнем опалил.
В том пламени алом сгорел гном дотла,
Осталась от гнома на камне зола.

Жил старый дракон. Под серой скалой
Свой век пролежал он, одинокий и злой;
Когда-то был счастлив, когда-то млад,
Но, к злату прикован, стал он горбат,
Иссох, и померк алый свет его глаз,
И даже огонь в его сердце угас.
Алмазы вросли в его шкуру, привык
Сокровища пробовать он на язык,
Знал каждую вещь и каждый излом
Того, что лежит под черным крылом.
Он думал всегда об одном — о ворах:
Как плоть он сожрет и сотрет кости в прах,
И кровью напьется. Его голова
Бессильно поникла, он дышит едва
И звона кольчуги не слышит. На бой
Дракона зовет воитель младой;
Сверкнул у героя в руках острый меч,
И тот, кто сокровища должен стеречь,

Чьи зубы — кинжалы, чья шкура была
 Как сталь, — змей погиб, не поднявши крыла.

Жил старый король. Белоснежно седа
 До костлявых колен отросла борода
 С тех пор, как, юный, на трон воссел.
 Веселья не знал он, не пил, не ел,
 И думал всегда об одном — о своем
 Богатстве в большом сундуке под замком,
 О золоте том и том серебре,
 Что за кованой дверью хранятся в горе.
 Его меч заржавел, его слава прошла,
 Бесчестен был суд и неправы дела,
 Хоромы безлюдны, темны — оттого ль,
 Что был он эльфийского клада король?
 Не чуял он крови, не слышал врагов,
 Ни стука копыт, ни звука рогов —
 Сгорели хоромы, погибла земля,
 И в холодную щель брошен труп короля.

Был он и есть, под горой древний клад,
 Забытый за створами кованных врат,
 И смертный вовек в те врата не войдет.
 Зеленая травка по склонам растет,
 И овцы пасутся, и птица свистит,
 И ветер морской в листве шелестит.
 Да! ночь охраняет извечный клад,
 Пока земля ждет, пока эльфы спят.

Вот рифов гряда, где вскипает вода,
 и вот он, тот берег иной.
 В мерцающем свете там море, как сети,
 где звездные блещут тела,
 Над морем утесы, как кости, белесы,
 и лунная пена бела.
 Сквозь пальцы протек самоцветный поток
 жемчужен песок и лучист:
 Свирель из опала, цветы из коралла,
 берилл, изумруд, аметист.

Но там, под скалой, под морскою травой —
 пещера темна и страшна,
 И будто мороз коснулся волос...
 Я — прочь, и померкла луна.

Бежал я от моря в зеленые взгорья,
 напился воды из ручья,
 И, вверх по теченью, ступень за ступенью,
 в край вечного вечера я
 Взошел — на ступень, где свет — это тень,
 где падшие звезды — цветы,
 Где в синем зеркале, как луны, мерцали
 кувшинки, круглы и желты.
 Там ива тиха и сонлива ольха,
 не бьется река в берега,
 Там на берег ирис мечи свои вынес
 и с копьями встала куга.
 А небо все в звездах, и полнится воздух
 музыкой у тихой реки,
 Где зайцы и белки играют в горелки,
 глазают из нор барсуки
 И, как фонари, горят цветом зари
 глаза мотыльков в полутьме, —

Там свирель и рожок, и танцующих ног
 легкий шорох на ближнем холме.
Они, кажется, тут, но меня-то не ждут —
 ни танцующих нет, ни огня:
Свирель и рожок от меня со всех ног,
 и шуршание ног — от меня.

Трав речных-луговых я нарвал и из них
 драгоценную мантию сплел,
С жезлом-веткой в руке и в цветочном венке
 на высокий курган я взошел
И, как ранний петух, прокричал во весь дух
 горделивый и резкий указ:
«Да признает земля своего короля!
 Все ко мне на поклон сей же час!
Где же вы, наконец? Вот мой жезл и венец,
 меч мой — ирис, тростина — копьё!
Почему же вас нет? Что молчите в ответ?
 Все ко мне! — вот веленье мое!»

И тут же на зов, словно черный покров,
 тьма пала, и я, будто крот,
Пластаясь внизу, на ощупь ползу
 то ли по кругу, то ли вперед;
Вокруг — мертвый лес, где опала с деревьев,
 шуршит под руками листва:
Я сижу на земле, мысли бродят во мгле,
 и кричит надо мною сова.
Год единый и день я сидел там, как пень,
 и в трухе копошились жуки,
Ткали сеть пауки, из-под пальцев руки
 грибы выросли, дождевики.
Ночь — как тысяча лет, но увидел я свет
 и увидел я, что поседел:

«Пусть я прах и тлен, пусть я слаб и согбен,
но покину этот предел
И найду как-нибудь к морю путь!»
Брел я, брел. А летучая мышь
Всю дорогу парила, перепончатокрыла,
надо мной. Я кричал ей «кыш-кыш»
И шиповником бил. Весь изранен я был.
На плечах моих старости груз.
Но вот дождь — и какой! Пахнет солью морской
и соленый на вкус.

Там чайки летали, кричали, стонали,
и кто-то в пещерах сопел,
Тюлень глухо тявкал, прилив в камнях чавкал,
а кит своим дыхалом пел.
Чем дальше, тем хуже, край суши все уже,
к тому же настала зима:
Лед на воде, лед в бороде, —
кромешное место и тьма!

И вдруг в полынье, вижу, лодка ко мне,
та же самая лодка плывет;
Упал я на дно, мне уже все равно —
куда хочет, туда пусть несет.
Вот остров тот, старый, где птичьи базары,
корабль весь в огнях, волнолом,
Вот берег родной, безмолвен и тьмой
укрыт, как вороньим крылом.

Был ветер и дождь. Дома била дрожь.
Присел я на чей-то порог
И в безлюдную ночь выбросил прочь
сокровища дальних дорог:
Прочь с ладони песок, прочь морской завиток —
ракушка мертва и молчит:

На темный тот брег не вернусь я вовек,
и колокол не зазвучит.

Оборван и нищ, от скучных жилищ
вовек не уйду в белый свет,

Не встречу зарю. Сам с собой говорю,
ибо мне собеседника нет.

Последний корабль

Фириэль через стекло
Глянула в рассветки,
Золотой петух светло
Пропел у соседки.
Темен лес, бледна заря,
Но щебечет птица,
Тихо листья шевеля,
Ветер шевелится.

Так стоит она, пока,
Озарив округу,
Свет не прынул в облака,
В кроны и по лугу,
От росы седому, — тут
Белые ножки
На крыльцо ее несут
И вниз по дорожке.

От росы намок подол,
Шитый самоцветом;
Вот река — широкий дол,
Озаренный светом.

Камнем зимородок пал
В омут, синей вспышкой,
Камыши чуть раскачал
С желтой кубышкой.
У воды стоит она
В драгоценной ткани,
На плечах — волос волна
В утреннем сияньи;
Слышит: флейта на реке,
Арфа в отдаленьи,
Колокольцы вдалеке,
Будто ветра пенье.

Вплыл корабль — золотая грудь,
Белое кормило,
И ему торила путь
Стая белокрыла;
Вся команда корабля —
Эльфы в серебро-сером,
Их ведут три короля
К морю, к темным шхерам.

И поют три короля,
Вторя взмахам весел:
«О зеленая земля,
Еще много весен
И восходов золотых,
И цветов застанешь,
И листочков молодых,
Прежде чем увянешь».

«Так зачем, зачем же вам
Плыть к речному устью?
Иль к скалистым островам,

Где чайки кличут с грустью?
 Иль к лесам, где тьма весь год?
 Или в край безлесный
 Стая лебедей несет
 Вас, народ чудесный?»
 «Нет! — в ответ ей. — Не в пример
 Дальше! Там, на створе
 Западных угрюмых шхер,
 Есть Призрачное море.
 Мы пройдем его! Туда
 Мы прорвемся, дева,
 Где наш Дом, где Звезда,
 Где — Белое Древо!

Прощай, смертный предел,
 Средиземья пашни!
 В Доме Эльфов прозвенел
 Колокол на башне.
 Мрет здесь зелень, на луне
 И на солнце пятна;
 Звон в далекой стране
 Нас зовет обратно».

Встал корабль, примолкла трель:
 «Дочь Земли, внемли же —
 Фириэль! Фириэль! —
 Звон как будто ближе.
 Место есть на корабле,
 Ты, как эльф, прекрасна, —
 К нам иди! На земле
 Ты времени подвластна».

И решилась! Шаг... другой...
 Только, все едино,

Расступилась под ногой
И сомкнулась глина;
И несла корабль вода
В дальнюю обитель:
«Не уйти мне никуда!
Мне Земля — родитель!»
На подоле у нее
Не было камней,
Когда шла в свое жилье,
На крыльцо и в сени.
Заплела она косу,
 затрапез надела —
В доме, в поле и в лесу
На день хватит дела.

С той поры немало лет
Прошло над Семиречьем,
И все тот же солнца свет
 в мире человечьем,
Но на запад корабли
 не несет течение,
Как в те дни. Они ушли,
И смолкло их пенье.

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
БЕОРХТНОТА,
сына Беорхтхельма**

Перевод Владимира Тихомирова

При Этельреде Втором в августе 991 года неподалеку от Мэлдона в Эссексе произошло сражение между викингами, уже разорившими Ипсвич, и защитниками Эссекса. Английским войском командовал Беорхтнот, сын Беорхтхельма, правитель Эссекса, человек, известный своей силой, мужеством и гордостью. Был он уже немолод, но все еще полон сил и отваги; его седовласая голова возвышалась над всеми прочими — он отличался чрезвычайным ростом*. Войском же «данов» — состоявшим в основном, скорее всего, из норвежцев, — согласно одной из англо-саксонских хроник, предводительствовал Анлав, известный в норвежских сагах как Олаф Трюггвасон, позднее король Норвегии. Скандинавы, иначе норманы, вошли в устье реки Панты и встали лагерем на острове Нордей**. Таким образом,

* 9 футов и 6 дюймов, согласно промерам костей в его гробнице в Эли, произведенным в 1769 году. (Здесь и далее примечания переводчика).

** Вряд ли Олаф Трюггвасон на самом деле был

англичан и норманов разделял речной рукав; перейти протоку можно было только по «мосту», или каменному броду, оборона которого не требовала больших сил*. Проход оказался заперт накрепко. Однако викинги знали — во всяком случае, так представляется, — с кем они имеют дело, и запросили у Беорхтнота позволения переправиться, дабы условия были равные и справедливые для обеих сторон. Беорхтнот принял вызов и разрешил им перейти на свой берег. Этот поступок, продиктованный гордостью и неуместным благородством, имел последствия фатальные: сам Беорхтнот погиб, англичане бежали, но «малая дружина» вождя, его *heordwerod*, состоявшая из избранных воинов и телохранителей, часть из которых была в родстве с господином, билась до конца и вся сложила головы.

До нас дошел фрагмент поэмы, современной тем событиям — немалый фрагмент в 525 строк, — не имеющий ни начала, ни конца, ни названия. Ныне он известен как «*Битва при Мэлдоне*». Начинается он с того, что викинги требуют дани в обмен на мир, Беорхтнот отвечает высокомерным отказом и вызовом; следует бой у брода, затем коварное предложение викингов и переправа через поток, затем последняя схватка Беорхтнота, в которой он теряет руку вместе с мечом с золотой рукоятью, и язычники убивают его. Почти половина всего текста

при Мэлдоне. Однако англичане, без сомнения, слышали его имя. Он бывал в Англии прежде и, несомненно, появился вновь в 994 году.

* Согласно представлениям Э.Д. Лабура, теперь общепринятым, брод, или «мост», между островом Нордей и берегом существует поныне.

повествует о последней битве ближней дружины; здесь приводятся имена, деяния и речи многих английских воинов.

Беорхтнот поддерживал церковь и покровительствовал монахам, особенно Элийскому аббатству. Тело Беорхтнота было доставлено в это аббатство и похоронено в нем. Вместо отсеченной и так и не найденной головы в могилу положили шар из воска.

Согласно позднему и не слишком достоверному свидетельству в *Liber Eliensis* двенадцатого века, аббат с несколькими монахами сам прибыл на поле битвы. Однако предлагаемая пьеса основывается на предположении, что аббат и монахи в день сражения добрались до Мэлдона только к вечеру и что, оставшись в Мэлдоне, они послали на недалекое поле боя двух дружинных Беорхтнота. Те взяли подводу для перевозки тела и, оставив ее возле брода, пустились на поиски — в битве полегло немало людей и с той, и с другой стороны. Тотта (разговорное от Торхтхельм) — юнец, сын песносказателя. Голова его забита старинными преданиями о героях северной древности — о фризском короле Финне, о хадобардском Фроде, о Беовульфе, а также о Хенгесте и Хорсе, легендарных вождах англо-викингов из времен Вортигерна (на древнеанглийском — Вюртгеорна). Тида (уменьшительное от Тидвальд) — старый *ceorl*, земледелец, участник множества битв в рядах ополчения. Однако в этом сражении ни один из них не участвовал. Смеркалось, когда они, оставив подводу, разошлись в разные стороны. Настала безлунная, темная ночь. И Торхтхельм оказался среди поля один на один со множеством мертвецов.

В древней поэме приведена гордая речь Оффы на совете перед сражением, а также имя юного смельчака

Эльфвина (отпрыска древнего княжеского рода Мерсии), чье мужество одобрил Оффа. Еще говорится о двух Вульфмарах: о сыне сестры Беорхтнота и о юном Вульфмаре, сыне Вульфстана, который, как и Эльфвин, бился, защищая Беорхтнота, и пал от руки язычников. Завершается фрагмент словами старого слуги, Беорхтвольда, одного из немногих оставшихся в живых: готовясь к последней отчаянной схватке, он произносит слова, определяющие самую суть героического кодекса чести, которым бредит Торхтхельм:

*«Hige sceal, þe heardra, heorte þe cenre,
mod sceal þe mare, þe ure maegen lytlað».*

*«Духом владейте, доблестью укрепитесь,
сила иссякла — сердцем мужайтесь».*

Скорее всего, это не его «собственные» слова, но древняя и общепринятая формула выражения героической воли; тем более что у Беорхтвольда были все основания произнести ее в свой последний час.

В конце пьесы, когда уже слышится *Dirige**, еще один голос произносит рифмованные строки, знаменующие закат героической аллитерационной поэзии.

«*Битва при Мэлдоне*» с ее свободной аллитерированной** строкой — последний осколок древнеанглийского героического песносказительства. Предлагаемая поэма, хотя и имеет форму диалога, написана точно таким же стихом, что и «*Битва при Мэлдоне*». А рифмованные строки — отзвук стро-

* Латинская заупокойная молитва.

** Аллитерированная строка состоит из двух полустихий, связанных тремя созвучиями на удар-

фы о короле Кнуде, сохранившейся в *Historia Eliensis*:

*Merie sungen ðe muneches binnen Ily,
ða Cnut ching reu ðerby.
'Roweð, cnites, noer the land
and here we ther muneches saeng.*

*«Возносили молитвы к Марии монахи в ограде Эли,
Когда король Кнут грабил окрестные земли:
По водам явились воины в наши пределы,
Вот почему мы, монахи, возносим молитвы».*

ных слогах (а в древнеанглийском языке удар всегда приходился на первый слог слова). Приблизительный эквивалент в русском: «Чуждый чарам | черный... корабль».

*Слышится неуверенная поступь и тяжелое
дыхание — кто то пробирается в темноте.
И тут же — окрик, громкий и резкий.*

Торхтхельм

Чур меня! Отвечай —
не молчи! — кто идет?

Тидвальд

То-то, слышу, у Тотты
стукают зубы.

Торхтхельм

Тида! Ты?
Ох, как тянется время
подле тел, павших
на поле брани;
сколь странно они застыли.
Стал я слушать,
и вот: вздохи ветра
словам подобны —

будто шепот умерших
в ушах у меня.

Тидвальд

А в глазах у тебя — то мертвяк,
то всякая нечисть.

Тьмущая тьма!

Потому как месяц за тучами.

Но сдастся, вождя мы найдем

где-то здесь,

вот увидишь.

*Тидвальд приоткрывает потайной фонарь
и ставит его на землю. Ухает филин; тень
мелькает в луче света. Торхтхельм пятится
и опрокидывает фонарь.*

Чего ты?

Торхтхельм

Спаси, Господь! Опять!

Тидвальд

Ты этак, парень, спятишь,
себя пугая.

Помогай! Мне одному

ворочать несподручно

всех этих тучных,

длинных тож,

и тощих, и коротких.

А нечисть? Ты о ней

не поминай, не думай —

себе ж во вред. Все — бредни

преданий древних.

Ведь души эти, надо думать,
уже в аду или в раю.
И никаких волков —
а сколько было
при Водене! Но если
есть в Эссексе они —
те волки о двух ногах.
Вот! этого давай!

Опять ухаёт филин.

Фи! Это ж филин!

Торхтхельм

Филин — вестник.
То знаменье дурное.
Но меня пугают
не пустяки какие-то.
Пускай я глуп, но кто
в кромешной тьме,
среди смерти неприкрытой,
здесь не опешит, в поле?
Оно — как пекло нехристей:
тьма мглистая,
владенья беспросветные,
где век ищи —
все тщетно.
Во тьме нам, Тида,
тело не найти.
О, где ж ты, господин,
седина головы,
как иней, ныне
склонил на камни?

И тело на постели жесткой
простер ты где?

Тидвальд вновь приоткрывает фонарь.

Тидвальд

Эй, парень, не зевай!
Наш здоровей всех прочих.
Вот с этим помоги!
Эге, знакомый!
Неужто Вульфмар?
От друга и вождя,
готов поспорить,
он пал неподалеку.

Торхтхельм

Сын его сестры?
Гласят преданья:
в беде племянник с дядей
всегда стоят бок о бок.

Тидвальд

Да нет, не он.
Тот где-нибудь еще.
Сей из восточных саксов,
сын Вульфстана.
Недоброе то дело —
что не созрело жать.
Из малого возрос бы славный муж.

Торхтхельм

Помилуй, Боже,
ведь мы погодки,
иль года на два он моложе был.

Тидвальд

А это Эльфнод —
лег с ним рядом.

Торхтхельм

Так и хотел он.
В деле, в играх
все были неразлучны,
и лучше, чем родня,
служили государю.

Тидвальд

Фонарь проклятый,
ничего не вижу.
Но, верно говорю,
его оберегая,
они погибли,
и где-то здесь он тож.
Уложим их рядком.

Торхтхельм

Да, храбрецы! Беда,
коли брадатые мужи
щит за плечо и мчатся
прочь из сечи
резвей косуль, и режет
рыжий нехристь
сынов их. Небо,
низринь огонь
и покарай тех трусов,
что бросили их гибнуть,
бесчестя Англию.
Но есть же здесь и Эльфвин -

едва брада пробилась,
но бой он принял.

Тидвальд

Да, Тотта, вот беда!
Подобный вождь
нам нужен: был он,
как новый меч
из старого железа,
как пламя, вспылчивый
и прочный, словно сталь;
порой был строг,
но прям и откровенен,
как Оффа.

Торхтхельм

Оффе затыкали рот.
Он многим не по нраву.
Позволь им вождь —
и вовсе бы заткнули.
«Слетелись на совет
спесивые вороны,
куриные сердца», —
так он сказал в совете,
то сам я слышал.
И в песне говорится:
«Давши клятву
в медовом застолье,
наутро исполни
или, беспутный бражник,
выблуй что выпил».
Но вянут песни,
мир захирел.

Ах, как хотел бы я
здесь быть, а не в обозе
среди рабов ленивых
при кухне и обслуге.

Слушай, Тида,
ведь я, ей-Богу, больше
любил его, чем эрлы;
к тому ж безродный муж
не хуже, на поверку,
и даже тверже в деле,
чем господа,
что к Водену
свой род возводят.

Тидвальд

Зря, Тотта, не болтай!
Дай время, сам узнаешь —
что на словах легко,
не таково на деле:
вкус железа,
укус клинка холодного
тебе еще придется
когда-нибудь отведать.
Храни тебя Господь!
А песни не помогут.
Когда крошится щит,
поди реши, что лучше,
стыд иль смерть...
Посмотрим, это кто?
Ну, пособи! Ах, чтоб его,
собачий потрох,
и здоров же, нехристь!

Торхтхельм

Не надо, Тида!
Свет погаси!
Он смотрит на меня
так зло и грозно!
Как Грендель под луной.
Я не могу...

Тидвальд

Угу, угрюмый,
но вовсе мертвый малый.
Нимало не страшусь я
клинков и копий данов:
коль ад их взял,
пусть щерятся и щурятся.
Тащи вот этого!

Торхтхельм

Глянь, нога какая!
Долга и толста —
в обхват, как три бедра!

Тидвальд

Так я и думал.
Склони-ка голову и смолкни.
То вождь наш, Тотта!

Короткая пауза.

Да, он. Вернее, то,
что от него осталось
по воле Неба: ноги,
длинней которых не было на свете.

Торхтхельм

(Голос его возвышается до песнопения).

Главой он был превыше
увенчанных короной
шеломов вражьих,
был он тверже духом
и сердцем чище, чем
точеные мечи,
испытанные в битвах,
был он
дороже злата.

Вождь, безупречный
в войне и в мире,
праведный судья,
податель щедрый,
подобный государям
златых времен,
он этот мир покинул.
Любимый Беорхтнот,
взыскупя Божьей славы,
ушел от нас.

Тидвальд

Ты хорошо сказал!
К узорам строк
не зря, знать, человека
влечет в печали.
Но сначала — дело,
плакать будем после.

Торхтхельм

Однако, Тида,
ведь это меч его!

Я заприметил сразу
златую рукоять.

Тидвальд

Да ну! И взять никто не взял?
Вот чудо! Впрочем,
испорчен напрочь он.
Да! мало что осталось
от старого меча,
и вождь так изувечен —
узнать нельзя.

Торхтхельм

О, звери! О, язычники!
О, злое горе!
Глава отсечена,
а нам остался остов,
и тот истерзан сталью.
И столько крови —
Не бой, а бойня!

Тидвальд

Вот тебе и битва.
Не хуже тех,
которые воспеты,
в которых Фрода пал
и Финн убит был.
Земля тогда
рыдала, как сегодня,
и в звуках струн
доныне слышен стон.
Давай-ка, шевелись!
Теперь осталось
нам унести останки.
Ты — за ноги!

Так. Подымай. Тихонько.

Вот так. Еще повыше.

Медленно уходят, унося тело.

Торхтхельм

Хоть изувечена,
но вечно будет
мила нам плоть его.

*Голос Торхтхельма вновь возвышается
до песнопения.*

Внемлите,
англы и саксы,
от лесов на закате
до скал приморских!
Пала крепость,
жены плачут,
разожжено кострище —
пылает пламя,
путеводный светоч.
Курган насыпьте, в коем
мы упокоим кости,
и тоже щит и меч
положим,
златы латы,
богатые одежды,
блескучи кольца,
сколь ни есть, —
их, люди, не жалеите
для мужа лучшего:
он другом благородным

народу был,
 чад привечал своих
 и домочадцев тоже,
 и людям всем
 был любящим отцом.
 Любил он славу,
 и добыл он славу.
 Курган его да будет зелен,
 доколь земля и море,
 помин и песнь
 пребудут в мире этом.

Тидвальд

Нехудо спето,
 песносказитель Тотта!
 Видать, недаром
 трудился ты ночами,
 когда одни во мраке
 не спят лишь дураки.
 Сам я не прочь поспать
 да позабыть печали.
 Но мы-то — христиане,
 хотя и тяжек крест,
 не Беовульф у нас,
 а Беорхтот, — ему
 не будет ни кургана,
 ни погребального костра,
 пойдет в уплату злато
 аббату доброму,
 монахи отпоют,
 отслужат мессу
 и под ученую латынь
 проводят ныне

вождя, коль мы дотащим.

Ну и тяжесть!

Торхтхельм

Мертвых

к земле гнетет.

Ох, спину ломит,

дыханье сбилось!

Тидвальд

Болтал бы меньше,

устал бы меньше!

Однако до подводы

уж недалече. Ну, давай —
раз-два — вперед!

Да в ногу! В ногу —
так будет легче. Ну!

Торхтхельм вдруг останавливается.

Опять споткнулся, дурень?

Гляди, куда идешь.

Торхтхельм

Да погоди ты, Тида!

Послушай, ради Бога,
и погляди.

Тидвальд

Куда глядеть-то, парень?

Торхтхельм

Туда, налево.

Там что-то темное,
как тень во тьме,

она темнее неба.

Пригнулась и крадется.
А вон еще! Их двое. И на вид,
как выходцы из ада
или тролли.

То ли идут, то ли стоят.
И шарят, шарят
ужасными руками.

Тидвальд

Ночные нелюди?

Да нет... не видно...
Пусть ближе подойдут.
Тут колдовские зенки
нужны, чтоб распознать,
где нелюди, где люди.

Торхтхельм

А ты послушай, Тида.
Слышь, голоса —
то будто стон, то бормот,
то будто смех.
Все ближе, ближе.

Торхтхельм

Ишь, и вправду,
там кто-то есть.

Тидвальд

Завесь фонарь!

Торхтхельм

Положим тело наземь,
ты тоже рядом ляг,

нишкни, окаменей.

Они подходят...

*Оба припадают к земле. Крадущиеся шаги
все явственней и ближе. Уже рядом —
рукой подать,
и тут Тидвальд кричит:*

Эй, вояки!

Вы к драке поспешали,
да опоздали, видно;
чтоб не обидно было,
не прочь я вам помочь,
хотя б и ночью.

За это дело
недорого возьму.

*В темноте слышится шум потасовки.
Затем чей-то вопль и пронзительный
голос Торхтхельма:*

Ах, грязная свищья!

Да я тебя!

Да вот тебе!

Эй, Тида, слышь,
уже не убежит —
я уложил его.

Хотел он сталь найти,
а сталь нашла его
ему же на погибель.

Тидвальд

Эх, потрошитель пугал,
тебе меч Беорхтнота

не добавил, знать,
 отваги? Хватит хвастать!
 Да вытри насухо —
 не на таковских кован
 такой клинок,
 и тут был ни к чему:
 тут в морду кулаком,
 пинком под зад —
 и ладно.
 Ничтожнейшие твари,
 но за что же
 губить их зря
 да и трубить об этом?
 Иль мало мертвых здесь?
 Заметь, будь это дан,
 кичиться было б чем
 в тот час, заметь, когда
 проклятых татей
 рать где-то рядом;
 вот кто мне ненавистен:
 и нехристь, и крещеный —
 равно отродья ада.

Торхтхельм

Тут, рядом, говоришь?
 Идем! Скорее! Как-то
 о том я не подумал.
 Убийцы бродят
 бок о бок с нами.
 А вдруг со всей округи
 сбегутся шайки,
 а мы шумим.

Гидвальд

Мой смелый меченосец!

Не норманы то были.

Ночью им
зачем тут быть?

Убить и взять добычу
успели днем, и пусто
поле это.

Теперь, наверно,
пир в Ипсвиче у них,
иль к Лондону ушли
на длинных лодках
и там за Тора пьют
и топят горе,
исчадья пекла, в пиве.

А эти — попросту
голодные бродяги,
бездельники и воры.
Дерут, что могут, с трупов:
срам и мерзость,
подумать стыдно.

Эй, ты чего дрожишь?

Торхтхельм

Уйти б отсюда!

Прости, Господь,
меня и наши дни,
когда одни лежат
среди гнили, не погребены,
иные же, как волки,
страшась и алча,
без жалости приходят
обдирать и грабить

братьев мертвых.
Гляди, вон там!
Там тень как будто —
то третий тать.
Вот дать бы и ему!

Тидвальд

Оставь, не то
мы заплутаем вовсе,
и так уж толком,
куда идти, не знаю.
Он в одиночку
на нас не нападет.
Давай-ка, подымай.
Повыше! Ну же,
иди, шагай!

Торхтхельм

Куда идти-то, Тида?
В кромешной тьме
ума не приложу,
далече ли телега?
Мне легче будет сзади.

Молча меняются местами.

Эй, берегись!
Тут берег вроде!
Река, как есть река!
Вот-вот, еще бы
шажок иль полшажка,
и с бережка — бултых:
как дураки, пускали б пузыри —
река-то глубока.

Гидвальд

Вот, стало быть, и брод,
 подвода близко;
держись, дружок,
 мы живо
дойдем: тогда
 полдела сделано.

Шаг их становится шире.

Я головою Эдмунда* клянусь —
 лишившись головы,
не стало тело легче!
 Стой. Клади-ка наземь.
Подвода, вот она.
 Коль повезет нам
по берегу проехать без помех, —
 эх, браги выпьем
за упокой вождя.
 Какое пиво
всем выставлял он!
 Как веселило сердце!
Хмельное, темное!
 Передохнем —
взопрел я что-то.

Торхтхельм (*после паузы*)

Мне вот что непонятно:
они-то через реку
как переправились,

* Имеется в виду король Эдмунд I, дед Этельреда, погибший насильственной смертью.

иль вовсе наше войско
 их прозевало и не билось?
 Ведь нет примет
 на этом месте:
 где вражьих трупов груды?
 Тут их нет.

Тидвальд

Нет, к сожалению.
 Наш вождь, дружище,
 у Мэлдона дал маху,
 так молвят многие.
 Был горд да благороден,
 но гордость подвела,
 великодушье тоже —
 осталось доблесть славить.
 Уж так хотел он
 тему дать
 для песней песнопевцам,
 что уступил брод данам.
 Пустое благородство!
 Ну разве можно было
 поклоны бить,
 дарить им землю,
 а после, в рукопашной,
 числом им уступая, биться?
 Что ж, вызвался на смерть,
 вот и погиб.

Торхтхельм

Так пал последний эрл,
 чей древний род
 восходит к саксам, кои,

гласит преданье,
из-за моря, с заката,
где земли англов,
в Уэльс приплыли
и мечу предали,
и взявши земли
здешних королей,
весь остров покорили —
то древле было.
А теперь опять
напасть к нам севера:
вновь буря битв
пришла на землю бриттов.

Тидвальд

Вновь людям лупит
тот лютый ветер
в хвост и в гриву.
Живи, болтай, певец,
враги же да погибнут!
Угодья потеряв
и поле, что он холил,
сам обездоленный
собой удобрит землю
без погребальных песней,
а дети и жена его
обречены на рабство.

Торхтхельм

Но Этельред — не Вюртгеорн,
он вряд ли
добыча легкая.
Бьюсь об заклад,

норвежец этот, Анлав,
 он нашим не чета —
 ни Хенгесту, ни Хорсу.

Тидвальд

Худо будет, парень!
 Однако потрудись
 в последний раз —
 и дело сделано.
 Подыдем тело.
 Ты — под колени,
 я — за плечи.
 Так! Взяти! Поднатужься!
 Ну же! Готово!
 Укрой его попоной.

Торхтхельм

Холстом беленым бы,
 не грязной тряпкой.

Тидвальд

Укрой, чем есть, покуда.
 Нас в Мэлдоне
 монахи ждут
 с аббатом вместе,
 а мы невесть где бродим.
 Поехали! Теперь
 ты без помех, коль хочешь,
 молись иль слезы лей.
 Коней я поведу.
 Ну, милые, пошли!

Щелкает кнутом.

Пошли, пошли. Вперед.

Торхтхельм

Господь, нам укажи
путь верный.

*Молчание. Слышится только стук
и скрип колес.*

Ох, как скрипят!
Над пустошью и топью,
разносится, должно быть,
на много миль их стон.

Еще более долгое молчание.

Куда мы дальше?
Долго ли еще?
Ночь кончилась почти.
Я тоже.
Эй, Тида, что молчишь?
Иль проглотил язык?

Тидвальд

Устал язык молоть.
Хоть отдохнул немного.
«Куда, куда?»
Да! вот вопрос дурацкий.
К монахам в Мэлдон,
а может быть, и дальше,
в Элийское аббатство.
Не близкий путь,
к тому же, в наше время
дороги — хуже не бывает.

Мечтаешь о постели?
 Тут не найти ее.
 На лучший случай
 получишь: вот подвода,
 а труп подушкой будет.

Торхтхельм

Ты, Тида, груб.

Гидвальд

Сказал, как есть.
 А если песнопевец
 споет: «И вот,
 главу склонил я
 на грудь вождя,
 объятый сном в печали;
 так вместе мы —
 муж благородный
 и слуга его --
 по гатям и камням
 путь продолжали
 к последнему пристанищу любви...» —
 то было бы не грубо?
 Устал я думать,
 а в сердце, Тотта,
 своих забот хватает.
 Тебя мне жаль,
 себя мне жаль не меньше.
 Ты, парень, спи!
 Спи, коль охота.
 Мертвец и скрип колес
 сну не помеха.

Кричит на лошадей:

А ну, ребятаки,
прибавьте шагу!
Там стойла ждут,
и будет вам кормежка
от щедрот монашских.
Марш! Марш вперед!

*Некоторое время слышится только скрип
и дребезжание подводы да цокот копыт.
Вдали зажигаются огни. Голос Торхтхельма
с подводы звучит вяло, полусонно.*

Торхтхельм

Там свечи в сумраке
и голоса, как будто
по душе ушедшей
вершится служба
в ограде Эли.
Так люди чередой
идут-бредут сквозь вечность.
И будто в голос
рыдают жены там.
Так день за днем
мир умирает,
в прах обращаясь;
могильный камень
веками весь изглодан,
соратники и родичи
прочь отошли.
Так вспыхнет человек
и вновь во мрак уходит.

Вот свет свечей исчез,
 и чахнет мир,
 и ветер веет,
 и вечна ночь.

*С каждым его словом огни угасают. Голос же
 Торхтхельма возвышается, но все же остается
 голосом вещающего во сне.*

Мрак! Мрак!
 Рок на пороге.
 Где свет? Навек погас?
 Нет! Вот он! Вот
 пламя взвилось,
 огонь пробудился,
 поленья пылают,
 жильё озарилось,
 собрались в нем люди
 из мглистой дали,
 а там, за порогом,
 рок караулит.
 Внемлите! В хоромаш
 хора могучего
 слово суровое
 снова звучит:

Поет.

Духом владейте,
 доблестью укрепитесь,
 сила иссякла —
 сердцем мужайтесь!
 Разумом тверды,
 веселы сердцем,

хоть рок на пороге
и мрак неизбежен.

Сильный удар сотрясает подводу.

Что это, Тида?

Аж кости загремели,
а сна как не бывало.
Темно и знобко.

Тидвальд

Холодно и худо
на ухабах, парень,
и спать, и просыпаться.
Но, право, странные
рек ты речи

о встречном ветре,
о судьбе неизбежной,
о победе мрака —
совсем будто нехристь.

Мне то не по нраву.

Ночь и ночь,
и огней не видно,
тьма и тьма,
и мертв наш хозяин.

А утро, как утро,
настанет, и будут
труд и утраты,
покуда мир не рухнет,
работа и битвы,
доколе земля пребудет.

Подвода раскачивается и подпрыгивает.

Вот, как на подводе,
то трясет, то качает.

Не гладкая дорога
да недолгий отдых —
так-то нам, британцам,
достанется при Этельреде.

*Грохот подводки замирает вдали. Некоторое
время царит полная тишина. Затем слышатся,
постепенно приближаясь, поющие голоса. Вскоре
можно, хотя и с трудом, различить слова.*

Dirige, Domine, in conspectu tuo viam meam.
Introibo in domum tuam: adorabo ad templum
Sanctum tuum in timore tuo.

Голос из темноты:

Элийских монахов печальное пенье
послушаем, люди, в час погребенья.

*Пение звучит все громче. Катафалк,
сопровождаемый монахами, проезжает по сцене.*

Dirige, Domine, in conspectu tuo viam meam.
Introibo in domum tuam: adorabo ad templum
sanctum tuum in timore tuo.
Domine, deduc me in iustitia tua:
propter: inimicos meos
dirige in conspectu tuo viam meam.
Gloria Patri et Filio et Spiritui Sancto:
sicut erat in
principio et nunc et semper et in saecula
saeculorum.

Dirige, Domine, in conspectu tuo viam meam.

Уходят; песнопение затихает.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Написанная прежде всего ради стихотворной версификации¹, несколько более длинная, чем фрагмент древнеанглийского текста, вдохновивший ее, эта пьеса может быть одобрена или отвергнута как таковая. А чтобы занять свое место среди *эссе и штудий*, в послесловии к ней должен быть, я полагаю, заключен хоть какой-то критический анализ формы и содержания древнеанглийской поэмы (или критика оного).

С этой точки зрения ее можно считать расширенным комментарием к стихам 89 и 90 оригинала: *ða se eorl ongan for his ofermode alyfan landes to fela lapere ðeode* — «тогда эрл в своей гордыне уступил им землю, а не должен был». Сама же «*Битва при Мэлдоне*» обычно рассматривается как расширенный комментарий или иллюстрация к словам старого слуги, Беорхтвольда, — стихи 312—313, процитированные выше и использованные в этой пьесе.

Это, вероятно, самые известные строки из всей древнеанглийской поэзии. Но, несмотря на их великолепие, нас не меньше интересуют строки предыдущие; во всяком случае, поэма много теряет, если не рассматривать эти два пассажа в совокупности.

Слова Беорхтовольда считаются прекраснейшим выражением героического северного духа — и норвежского, и английского, яснейшим утверждением идеи наивысшей стойкости в служении неукротимой воле. Поэма в целом именуется «единственной вполне героической в древнеанглийской поэзии». Однако упомянутая идея явлена с такой ясностью и (предположительно) чистотой именно потому, что вложена в уста подчиненного, в уста человека, цели которого определялись не им самим, ответственность которого не распространялась на нижестоящих, верность которого обращена на вышестоящих. Поэтому личное достоинство в нем умалется, а любовь и верность возрастают в высшей степени.

Вот почему «героический северный дух» никогда не бывал совершенно чист: это — золото с примесью. Беспримесный, он требовал от человека при необходимости бесстрашно встретить даже смерть, и сама смерть в таком случае служила для достижения желанной цели, а жизнь можно было бы купить только ценой отречения от убеждений. Но поскольку такое поведение почиталось наилучшим, то в нем как примесь неизбежно присутствовала забота о собственном добром имени. Леофсуну² в *«Битве при Мэлдоне»* изъясняет свою верность именно потому, что страшится укоров, коль скоро вернется домой живым. Разумеется, подобная мотивация едва ли стоит выше «совести»: самосуждение здесь обусловлено мнением равных, с которыми «герой» полностью согласен; точно так же он поступил бы и без свидетелей³.

Однако желание чести и славы, как одно из составляющих чувства собственного достоинства, имеет тенденцию к возрастанию, чтобы стать основным мотивом, ведущим человека от суровой героической необходимости к избыточности — к рыцарству. А оно, конечно же, «избыточно», даже если одобрено обществом, поскольку не только выходит за пределы необходимого и обязательного, но и противоречит им.

Таким образом, Беовульф⁴ (в полном согласии с мотивами, которые приписал ему сторонник героико-рыцарского направления, создавший о нем поэму) совершил нечто большее, чем было необходимо: он отказался от оружия в схватке с Гренделем, дабы схватка стала «состязанием». Это могло преумножить его славу, хотя не только его самого ставило в излишне опасное положение, но и уменьшало вероятность того, что даны избавятся от напасти. Однако Беовульф ничего не должен был данам, он все еще оставался подчиненным, не несущим ответственности за нижестоящих; его же слава принадлежала его народу, геатам, и прежде всего, как он сам утверждал, упрочивала доброе имя его господина, Хигелака⁵, которому он хранил верность.

Однако от чрезмерного рыцарства Беовульф не избавился даже тогда, когда на него, уже старого короля, возлагал надежды весь его народ. Он не изволил повести дружину против дракона, на что хватило бы ума даже у героя, и объяснил это в своем длинном «самовосхвалении» тем, что после многочисленных побед ему уже нечего бояться. Впрочем, на этот раз, вступая в единоборство с драконом, безнадежное даже для рыцарского духа, он не отказался от меча. Зато отказался от помощи своих двенадцати спутников. Избежать поражения и достичь поставленной цели, уничтожения дракона, удалось только благодаря преданности подданного. Если бы

не эта помощь, все рыцарство Беовульфа привело бы к единственному итогу — к его собственной бесполезной смерти, а дракон остался бы жив и невредим. В результате его подданный подвергся излишней опасности, хотя ему и не пришлось заплатить собственной жизнью за *mod*⁶ своего господина, а народ внезапно утратил короля.

В Беовульфе мы имеем дело всего лишь с легендой об «избыточности» в правителе. История же с Беорхтнотом подается скорее как быль, и она взята из реальной жизни автором — современником героя. Здесь перед нами словно Хигелак, ведущий себя подобно Беовульфу в молодости: принимающий условия «состязания на равных». Но с совершенно иными людскими потерями в результате. В этой ситуации он был не подданным, но властителем, которому следовало подчиняться беспрекословно, он нес ответственность за всех своих и не должен был посылать их на смерть иначе, как только ради защиты королевства от непримиримого врага. Он сам говорит, что цель его — защитить владенья Этельреда, его людей и земли (52-53). По справедливости, он и его воины шли на подвиг, готовые погибнуть, чтобы уничтожить или остановить захватчиков. И совершенно никуда не годится, что это отчаянное сражение, имевшее единственную реальную цель, он превратил в спортивное состязание, тем самым не достигнув поставленной цели и нарушив свой долг.

Почему Беорхтнот сделал это? Вследствие изъяна в характере? Вне всяких сомнений. Однако характер этот, как можно предположить, был дан ему не только от природы, но и запечатлен «аристократической традицией», сохраненной в преданиях и стихах, от которых до нас дошли лишь отголоски. Беорхтнот был больше рыцарем, чем героем. Для него слава была самодостаточным мотивом, и он

добивался ее, рискнув поставить свой *heordwerod*, свою ближнюю дружину, самых дорогих ему людей, в ситуацию истинно героическую, которая для них могла разрешиться только смертью. Это, может быть, и прекрасно, но, безусловно, никуда не годится. Глупейшее геройство! И гибель Беорхтнота не искупает его безрассудства, во всяком случае, полностью.

Это же признает и автор «*Битвы при Мэлдоне*», хотя строки, в которых выражено его мнение, либо не замечены, либо ими пренебрегли. Их перевод, приведенный выше, я уверен, точно передает прямой смысл и подтекст, хотя большинству скорее известен перевод Кера:

*«Тогда эрл нахрабрейший дал земли им,
слишком много, ненавистным людям».⁷*

На самом же деле, в этих строках звучит порицание, серьезное, хотя и вполне совместимое с преданностью и даже любовью. Хвалебные песни при погребении, славословившие Беорхтнота, вероятно, мало чем отличались от плача двенадцати дружинников по Беовульффу, но не менее вероятно, что завершались они на той же зловещей ноте, что звучит в последнем слове величайшей поэмы: *lofgeornost* — «жаждущий славы».

Если судить по сохранившемуся фрагменту, автор «*Мэлдона*» не разработал тему, обозначенную в строках 89-90. Но, если поэма имела закругленную концовку и выводы (что весьма возможно, поскольку в тексте не заметно следов спешки), эта тема, вероятно, имела продолжение. Однако, если автор и был расположен к критике и вообще к выражению неодобрения, то его описание поведения «малой дружины» лишено той остроты и трагичности, какой он хотел добиться, даже при условии, что его критическое от-

ношение не могло быть одобрено. Оно лишь подчеркивает верность дружинников. Их дело было терпеть, гибнуть и не сомневаться, в то время как автор, описывающий события, имеет возможность справедливо указать на грубый просчет. Их долг не обращать внимания на просчет вождя, и (больше того) любовь к старику в сердцах дружинников ничуть не умаляется. Таков всякий подвиг, совершенный во имя повиновения и любви, а не во имя гордости или своеволия, подвиг, исполненный наивысшего героизма и трогательности — от Виглафа под щитом его родича до Беорхтнота при Мэлдоне и до Балаклавы, даже если в стихах он сохранится под названием «Атака кавалерийской бригады».⁸

Беорхтнот был неправ, и пал по собственной оплошности. Но это была рыцарственная, благородная ошибка, ошибка благородных. Дружина не винила вождя в ошибке; наверное, в глазах многих он не заслуживал порицания. Но поэты стоят выше рыцарства и даже героизма и потому, если они достаточно глубоко рассматривают эти темы, вопреки себе подвергают сомнению подобные «настроения» и деяния их носителей.

У нас есть два старинных поэта, которые глубоко и художественно трактуют о героическом и рыцарском: первый — автор «*Беовульфа*», второй — написавший «*Сэра Гавейна*». А третьим, похоже, посередине между ними, стал бы автор «*Битвы при Мэлдоне*», сохранись у нас его текст целиком. Все эти три произведения взаимосвязаны. «*Сэр Гавейн*», позднейший по времени, — полностью осознанная и явно намеренная критика и оценка всего комплекса чувств и поступков, только частью которого является героическая доблесть, отличаемая от верности господину. И все же эта поэма обладает большим внутренним сходством с «*Беовульфом*», куда более тесным,

нежели простое использование старого аллитерационного стиха⁹, что, тем не менее, тоже существенно. Сэр Гавейн, как образец рыцарства, конечно, блюдет свою честь, и пускай древние представления о благородстве, возможно, изменились, верность слову, преданность и неустрашимая храбрость остались прежними. Они подвергаются испытаниям в приключениях, которые не ближе к обыденной жизни, чем Грендель и дракон, однако поступки Гавейна более достойны и более осмотрительны именно потому, что он — подданный. Он подвергает себя смертельной опасности из верности сюзерену и из желания обеспечить безопасность и достоинство своего господина, короля Артура. В странствиях от него зависит честь и его господина, и всей «малой дружины» Круглого Стола. Не случайно в этой поэме, так же как в «Мэлдоне» и в «Беовульф», присутствует и критическое отношение к господину, на коего обращена преданность. Это замечательные строки, хотя, как и в «Мэлдоне», почти не замеченные исследователями — придворные осуждают великого короля Артура, в тот час, когда Гавейн отправляется в путь:

*Стыд и срам,
 Что обречен на смерть столь благородный рыцарь!
 Господь свидетель, равного ему найти не просто:
 Он осмотрителен, но смел, боец искусный,
 Правитель мудрый и своих земель владыка,
 Вассалам славный лорд, монарху — ленник.
 И он ли должен смерть от колдовской секиры
 Принять покорно ради гордой клятвы?
 Найдется ли еще король, какой одобрил бы
 Убийство на пиру в рождественскую ночь!*

«Беовульф» — поэма богатая по содержанию и по стилистике; конечно, смерть героя рассматривает-

ся в ней со многих точек зрения, и об изменении отношения к рыцарству в молодости и в старости, а также об ответственности в ее тексте упоминается лишь вскользь. И все же упоминается. Несмотря на полет фантазии и широчайший охват, автор не забывает о критическом отношении к господину, объекту вассальной преданности.

Итак, господин действительно может получить пользу от деяний своих рыцарей, но он не должен использовать их верность или подвергать их опасности по своей прихоти. Это не Хигелак, который послал Беовульфа в Данию ради хвастовства или опрометчиво данной клятвы. Его слова, обращенные к Беовульфу по возвращении воина, безусловно, противоречат сказанному прежде (что хорошо видно в словах о *snotere ceorlas*¹⁰, стих 202—204), но они показательны. Из них мы узнаем, что Хигелак пытался отговорить Беовульфа от безрассудного дела (стих 1992—1997). И так и должно было быть. Однако в конце поэмы ситуация полностью меняется. Мы видим (стих 3076—3085), что Виглаф и геаты расценивали поход на дракона как безрассудство и пытались отговорить короля от рискованного предприятия почти теми же словами, что и Хигелак намного раньше. Однако король жаждал славы или славной смерти — а навлек беду. Нельзя выразить отношение к «рыцарству» и долгу острее и короче, чем это сделал Виглаф, воскликнув: «*Oft sceall eorl monig anes willan wraec adreogan*» — «Порою гибель одного многим приносит горе». Эти слова автор «*Битвы при Мэлдоне*» мог бы предпослать своей поэме.

Примечания

¹ Пьеса рассчитана на простую декламацию двух исполнителей, двух призраков «в мгlistой тени», с использованием проблесков света, соответствующих

шумов и пения в конце. И, разумеется, она никогда не будет поставлена.

² Один из воинов Беорхтнота, «Битва при Мэлдоне», стих 244.

³ «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь», 2127—2131.

⁴ Беовульф — главный герой одноименного древнеанглийского героического эпоса, единоборствовавший с чудовищем Гренделем, потомком Каина, затем с его матерью, и погибший в битве с драконом.

⁵ Хигелак — король геатов (гетов), сюзерен Беовульфа.

⁶ См. примеч. 7.

⁷ *To fela* в древнеанглийском — идиоматический оборот, означающий, что землю вообще нельзя было отдавать. А *ofermod*, даже если сделать акцент на *ofer*, не значит «нахрабрейший», поскольку вкус и рассудок англичан (это не касается их поступков) чужд «чрезмерности». Кроме того, *mod*, если и означает или подразумевает храбрость (*courage*), то храбрость ничуть не большую, чем среднеанглийское *corage*. *Mod* значит «дух», или, при отсутствии определения, «высокий дух», самым обычным проявлением которого является гордыня. Однако *ofermod* несет определенно отрицательное значение: по существу, *ofermod* всегда употребляется в осуждение. В поэзии это слово используется всего лишь дважды: один раз в отношении Беорхтнота, другой — Люцифера.

⁸ Имеется в виду стихотворение Р. Кипплинга.

⁹ Здесь, наверное, аллитерационный стих впервые используется «на письме», чего по существу никогда не бывало.

¹⁰ *snotere ceorlas* (древнеангл.) — о мудрых мужах.

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Перевод Кирилла Королева

Я не люблю распространяться о себе и обычно выдаю «сухой остаток», то есть факты, которые имеют такое же отношение к моим произведениям, как и более пикантные подробности. Этой позиции я придерживаюсь не только потому, что такой уж у меня характер, но и потому, что мне не нравится современная критика, уделяющая повышенное внимание подробностям биографии автора или художника. Биографические подробности лишь отвлекают внимание от произведений (разумеется, я исхожу из допущения, что сами произведения внимания заслуживают) и мало-помалу становятся предметом самостоятельного исследования. Но познать истинную суть связи между произведениями писателя и фактами его биографии дано лишь ангелу-хранителю этого человека, если не Господу, а никак не самому писателю (хотя он знает больше любого исследователя) и, конечно же, не так называемым «психологам».

Эти «психологи» (а также писатели, которые пишут о других писателях) чаще всего обращают внимание на факты, совершенно не существенные для

понимания текстов того или иного автора, зато имеющие привкус скандальности: один пил, второй колотил жену, и так далее. К счастью, со мной ничего подобного не случилось. Но если бы даже и случилось — мне представляется, что художественное произведение возникает вовсе не из человеческих слабостей, а из неких «незамутненных» уголков души. Современные «изыскатели» сообщают, что Бетховен обманывал заказчиков и злобно третировал своего племянника. И что же? Не верю, что эти подробности имеют какое-то отношение к его музыке.

Отдельные биографические факты, несомненно, проявляются в художественных произведениях (но отсюда ни в коей мере не следует, что знание этих фактов помогает понять книгу или картину). К примеру, я не люблю французский язык, а испанский предпочитаю итальянскому, — однако, чтобы выяснить связь между моими языковыми пристрастиями и языками во «Властелине Колец», потребуется много времени; вдобавок это ничего не даст читателю — как ему нравились (или не нравились) диковинные имена и названия в тексте, так они и дальше будут нравиться (или не нравиться), вне зависимости от того, что он узнает о моих языковых вкусах.

Что касается «сухого остатка», он таков. Я родился в 1892 году и ранние годы жизни провел в «Хоббитании» домеханической эпохи. Что гораздо важнее, я — христианин (как можно догадаться по моим произведениям) и принадлежу к римско-католической церкви. О последнем факте вряд ли можно догадаться по моим текстам; правда, один критик в письме уверял меня, что описание Галадриэли (как авторское, так и «глазами» Гимли и Сэма) и эльфийская песня-обращение к Элберет напоминают о существующем в католичестве культе Девы Марии. Другой критик обнаружил, что под путлибами скры-

ваются облатки: поскольку они укрепляют волю и, затвердевая, становятся более «действенными», то здесь (по его мнению) мы имеем явный намек на эвхаристию.

Вообще-то я — хоббит (разве что рост великоват). Я люблю деревья, сады и немеханизированные сельские просторы. Я курю трубку и с удовольствием поглощаю простую деревенскую еду, а французскую кухню не выношу. Обожаю вышитые жилеты и даже осмеливаюсь носить их в наши скучные серые дни. У меня простецкое чувство юмора (утомительное даже для моих почитателей), спать я ложусь поздно и встаю тоже поздно — естественно, когда удастся. Путешествую я не особенно много. Люблю Уэльс (то, что от него осталось после строительства всех этих шахт и омерзительных приморских курортов) и валлийский язык, однако не был в Уэльсе уже много лет. Часто бываю в Ирландии (в Эйре — южной Ирландии), люблю этот остров и большинство его жителей, но вот ирландский язык вызывает у меня отвращение.

(Из письма Д. Уэбстер)

Теперь — что касается, так сказать, начала начал. Спрашивать об этом — приблизительно то же самое, что интересоваться, откуда появился язык. Я шел к своему миру с самого рождения. Лингвистические структуры всегда действовали на меня, как музыка или цвет; я с детства любил растения и с детства же прикипел (не подберу иного слова) к тому, что называется нордическим характером и северной природой. Если человеку хочется написать что-нибудь в этом духе, он должен обратиться к своим корням, и тот, кто родом с Северо-Запада, волей-неволей, подчиняясь велению сердца, передаст дух этого края. Безбрежное море бесчисленных поколений предков на Западе, бескрайние просторы (откуда обычно появляются враги) на Востоке. Кроме того, такой человек, пускай даже совершенно не знакомый с устной традицией, может вспомнить о молве, что идет о Морском Народe.

Во мне присутствует то, что некоторые психологи именуют «комплексом Атлантиды». Вполне возможно, я унаследовал его от родителей, хотя они умерли слишком рано, чтобы поведать мне о чем-то

подобном, слишком рано, чтобы я сам мог что-то такое о них узнать. От меня же, полагаю, этот комплекс унаследовал лишь один сын. До недавнего времени я об этом и не подозревал, а он до сих пор не знает, что мы с ним видим одинаковые сны. Я имею в виду сон, в котором Гигантская Волна поднимается в море и накатывает на берег, сметая деревья, заливая поля. В трилогии этот сон видит Фарамир. Правда, после того, как написал «Падение Нуменора», последнюю легенду Первой и Второй Эпох, я больше не видел во сне ничего похожего.

Трудно остановиться, когда рассказываешь о себе, но я все же попробую, и о годах учебы упомяну лишь вкратце. Я поступил в школу короля Эдуарда и большую часть времени тратил на изучение латыни и греческого. В школе я выучил англосаксонский (а также готский — по чистой случайности, в расписании его не было).

Вот истоки моего мира. Пожалуй, следует еще сказать, что меня с детства зачаровывали валлийские имена — и очарование не пропадало даже когда взрослые, к которым я приставал с вопросом: «А что это значит?», давали мне книги, непосильные для ребячьего ума. По-настоящему валлийским я занялся в колледже и получил от него громадное лингвистико-эстетическое удовольствие. Как, впрочем, и от испанского. Мой опекун был наполовину испанцем, и подростком я часто заглядывал в его книги, пытаюсь что-нибудь запомнить. Испанский — единственный из романских языков, на котором мне приятно говорить... Но самое главное — в библиотеке Эксетерского колледжа я однажды наткнулся на грамматику финского языка. Я ощутил себя человеком, который обнаружил винный погреб, битком набитый бутылками с вином, какое никто и никогда не пробовал. Я бросил попытки изобрести «новый»

германский язык, а мой собственный — точнее, их было несколько — приобрел явное сходство с финским в фонетике.

Именно на этом фундаменте и зиждется мое мироздание. Для меня языки и имена неотделимы от моих произведений. Они были и остаются попыткой создать мир, в котором получили бы право на существование мои лингвистические пристрастия. Вначале были языки, легенды появились потом.

Первое свое произведение я написал в возрасте семи лет. Речь в нем шла о драконе. Больше в памяти ничего не сохранилось, за исключением маленького курьеза. Матушка, прочитав мой опус, не сказала ни слова о самом драконе, зато заметила, что надо писать не «зеленый большой дракон», а «большой зеленый дракон». Честно говоря, я не понял, почему, и не понимаю до сих пор.

Финский я упомянул по той причине, что именно он побудил меня снова взяться за перо. Меня восхитила и очаровала «Калевала». Свод моих легенд, частью которых (заключительной) является трилогия, возник из стремления «переписать» «Калевалу», в первую очередь — трагическую историю Куллерво.

Все, что я помню о том, как начинался «Хоббит»: я корпел над школьным аттестатом и вдруг отложил его в сторону и на чистом листе бумаги написал: «В земле была нора, и в этой норе жил хоббит». До сегодняшнего дня не знаю, что меня подтолкнуло. Потом вышла заминка, долгое время не было ничего, кроме этой фразы и карты Трора, а книга сложилась только к началу тридцатых годов.

По причине большой популярности «Хоббита» у читателей от меня потребовали продолжения, однако мои «древнеэльфийские» легенды были отвергнуты: как написал рецензент издательства, в них

чересчур много того кельтского очарования, которое в больших дозах приводит англосаксов в бешенство. Может быть, может быть. К тому времени я и сам «убедился в пригодности» хоббитов — эти существа могли вернуть героической эпопее твердую почву под ногами, а еще из них можно было сделать героев, более доблестных, чем «профессионалы».

Тем не менее, писать продолжение детской сказки я вовсе не собирался. Мне хотелось написать «волшебную историю», адресованную никак не детям, а также нечто большое, можно сказать, масштабное.

Разумеется, труд предстоял немалый, ибо необходимо было как-то связать продолжение с «Хоббитом»; вдобавок пришлось изрядно повозиться с мифологией моего мира. А языки! Когда бы я думал не столько о возможных читателях, сколько о собственном удовольствии, в трилогии было бы куда больше эльфийских слов и выражений. Но и так, те «обрывки», которые встречаются в тексте, подразумевали существование двух фонетических систем, двух грамматик и двух довольно внушительных по объему лексиконов.

Я не имел ни малейшего представления о том, кто такой Некромант из «Хоббита» (для меня он просто символизировал возрожденное зло), и не подозревал, что он как-то связан с Кольцом. Впрочем, мысль о Кольце должна была возникнуть неминуемо: если продолжать «Хоббита» впрямую, история с кольцом Бильбо — самая подходящая логическая связка. А в масштабном произведении это кольцо сразу стало Кольцом с большой буквы, и незамедлительно возник Черный Властелин. Иными словами, завязка сюжета имелась. Однако чем дальше я углублялся в тему, тем чаще мне встречались персонажи и события, повергавшие меня самого в изумление. О Томе Бомбадиле я знал, но в

Бри никогда не бывал. О Бродяжнике, сидевшем в уголке трактирной залы, я знал не больше Фродо. Рудники Мории были всего лишь названием на карте, а Лориэн я увидел впервые вместе с Хранителями. До меня доходили слухи, что далеко на юге, на рубежах древнего королевства людей, живут «хозяева лошадей», но вот Дом Эорла, наместники Гондора и лес Фангорн объявились словно по собственной воле. Хуже того: Саруман ухитрился отвести глаза не только членам Светлого Совета, но и мне, и я, опять-таки подобно Фродо, дивился неожиданному отсутствию Гэндальфа. О палантирах я тоже ничего не знал; правда, когда «зрячий камень» был сброшен с Ортханка, я мгновенно понял, что это такое, и так обрела смысл строчка, крутившаяся у меня в голове: *«Семь звезд, семь камней и белое древо»*.

С другой стороны, роль Горлума, как и роль Сэма, я себе более или менее представлял и знал, что проход в Мордор стережет огромный паук. Возможно, образ паука связан с тем, что в детстве меня укусил тарантул; во всяком случае, если кому-то угодно так думать — я ничуть не возражаю. Скажу лишь, что сам ничего о том не помню (если бы мне не рассказывали, забыл бы напрочь), а к паукам как таковым антипатии не испытываю, не давлю их и не топчу ногами. Наоборот — выпускаю на улицу тех, которых время от времени нахожу в ванной.

(Из письма У.Х. Одену)

Я никогда не считал свои произведения шедеврами, никогда не верил в их исключительность, и даже теперь, когда они, к немалому моему удивлению, получили такое признание, я по-прежнему полагаю, что произошла какая-то ошибка, и по-прежнему не слишком склонен выставлять на всеобщее обозрение мир, сотворенный моим воображением. Ведь того же «Властелина» могли встретить совершенно иначе — скажем, облить презрением и осыпать насмешками.

(Из письма К. Килби)

Мой мир появился вместе со мной — впрочем, это вряд ли интересно кому-либо, кроме меня самого. Я хочу сказать, что не проходило и дня, чтобы я не продолжал его придумывать. Мои произведения основываются на вымышленных языках... У тех существ, которых я ошибочно назвал эльфами*, имеются два родственных языка, возникших из одного и того же источника; эти языки представляют две стороны моего «лингвистического вкуса». Из первого позаимствованы почти все имена, встречающиеся в моих легендах, что, как я полагаю, придает ономастикону своеобычность, которая обыкновенно отсутствует в подобного рода произведениях.

Кроме тяги к языкам, меня с самого детства привлекали мифы (но не аллегории!) и сказки, а в осо-

* Это слово я употребляю в первоначальном значении, которому следовал еще Спенсер, — и чума на Уилла Шекспира с его пресловутыми крылатыми малютками! (*Прим. автора*).

бенности — героические предания на грани волшебной сказки и исторической хроники; таких преданий, к сожалению, было не слишком много. Кстати, только поступив в колледж, я наконец-то осознал, что между волшебной сказкой и исторической хроникой существует крепкая внутренняя связь. Не могу сказать, что стал знатоком мифов и сказок: дело в том, что я всегда искал не просто знаний, а знаний определенных. Вдобавок — надеюсь, мои слова не покажутся нелепыми, — меня с малых лет печалила бедность моей родной страны, у которой не было собственных легенд (выросших, как говорится, на местной почве). Греческие, кельтские, германо-скандинавские, финские (в которые я влюбился раз и навсегда), рыцарские романы — пожалуйста, сколько угодно, но ничего чисто английского, за исключением дешевых литературных поделок. Конечно, у нас есть артуровский цикл, однако, несмотря на все свое могучее притяжение, он недостаточно натурализован, связан с Британией, но не с Англией, а потому не мог восполнить ту пустоту, которую я ощущал. Иными словами, его «волшебность» чрезмерна, он чересчур фантастичен и условен, и в нем слишком много повторов. К тому же, что гораздо важнее, в этом цикле отчетливо ощущается влияние христианства.

По причинам, в которые я не стану вдаваться, это представляется мне роковой ошибкой. Как и всякое искусство, миф и волшебная сказка должны содержать в себе моральные и религиозные принципы (не важно, истинные или ошибочные), однако нельзя, чтобы они выпирали, имели ту же форму, что и в «первичном», реальном мире.

В незапамятные времена (с тех пор много воды утекло) я намеревался сочинить цикл более или менее связанных между собой легенд, от космогонических

до сказочно-романтических (первые получали бы от вторых некоторую «приземленность», а последние приобретали толику великолепия первых), и хотел посвятить эти легенды моей стране, моей Англии. По манере изложения легенды должны были соответствовать нашим традициям (под «нашими» я разумею Северо-Западную Европу в противовес Эгейскому побережью, Италии и Европе Восточной) и обладать, если у меня получится, неким неизъяснимым очарованием, которое кое-кто именует «кельтским» (хотя в исконно кельтских преданиях оно встречается весьма редко); затем их следовало сделать «высокими», то есть избавить от всякой вульгарности и грубости, каковые вовсе не подобают стране, давшей миру столько великих поэтов. Главные события я собирался изложить во всех подробностях, а прочие изобразить двумя-тремя мазками. Цикл должен был представлять собой единое целое и в то же время производить впечатление незаконченности, чтобы и другие — не только писатели, но и художники, музыканты, драматурги — могли поучаствовать в его создании. Смешно, не правда ли? Наивно и смешно.

Разумеется, столь великая цель возникла не сразу. Ей предшествовали сюжеты, приходившие ко мне с детства; чем больше их становилось, тем явственнее проступали связи. Несмотря на то, что меня постоянно отвлекали (сначала домашние заботы, потом учеба и работа), я продолжал их записывать, чувствуя при этом, что лишь «фиксирую» существующее в действительности, а вовсе не «изобретаю».

Не люблю Аллегория, тем более возникшую не случайно, созданную совершенно сознательно, — однако всякая попытка объяснить содержание мифа или волшебной сказки требует аллегорического языка. И, естественно, чем больше в произведении «жизни», тем легче оно поддается аллегорическому истолкованию;

тогда как чем лучше явная аллегория, тем ближе она к «обыкновенным» произведениям. Так или иначе, перед нами всегда три проблемы — Грехопадение, Смерть и Машина. Падение неизбежно, хотя происходит может по-разному. Смерть оказывает несомненное влияние на искусство и на творческую (наверное, следует сказать — субтворческую) способность, которая, похоже, никак не связана с физиологией. Эта способность проистекает из страстной любви к реальному, «первичному» миру и позволяет создавать новые варианты «грехопадения». Может случиться так, что творческая способность станет одержимостью, болезненной привязанностью к тому, что создано «собственными руками»; что создатель вторичного мира пожелает стать верховным божеством своего творения. Он восстанет против Творца и установленных им законов — в первую очередь, против Смерти. Отсюда рукой подать до жажды Власти, до стремления как можно быстрее осуществить свои желания, а следовательно — и до Машины (Магии). Под последней я разумею применение внешних средств вместо того, чтобы обратиться к внутренним силам, а также использование этих внутренних сил в недобрых целях. Проутюжить мир, словно бульдозером, подчинить себе волю других... Проблема Машины выросла из проблемы Магии.

В своих легендах я нечасто прибегаю к «магии»: эльфийская княгиня Галадриэль укоряет хоббитов за то, что они обозначают этим словом и происки Врага, и действия эльфов. Жаль, что в человеческом языке нет слова, которое позволило бы подчеркнуть разницу между той и другой магией. Впрочем, мои эльфы всячески стараются показать, что их магия — другая. Это Искусство, лишенное множества ограничений, какими его наделили люди, искусство свободное, смелое, совершенное (ибо предмет и образ

существуют в нем как единое целое). И цель такого искусства — не Власть, а Вторичный Мир — создается не для того, чтобы покорить и перекроить Первичный. Эльфы бессмертны — по крайней мере, если и погибнут, то вместе с мирозданием, поэтому сильнее озабочены тяготами бессмертия, чем бременем смертности. Враг же, который возрождается всякий раз в новом обличье, помышляет, естественно, лишь о Власти, а посему является властелином магии и машин.

(Из письма М. Уолдмену)

Во «Властелине Колец» нет и следа «символизма», тем паче — аллегорий. Для меня аллегорический способ мышления, при котором, к примеру, под пятью магами подразумеваются пять чувств, абсолютно чужд. Эти пять магов просто есть, они — *полноправные участники событий*, описанных в моих книгах, и все. Спрашивать, разумелись ли под орками коммунисты, по мне все равно что интересоваться, коммунисты ли орки.

Однако отсутствие преднамеренной аллегории не означает, конечно, что во «Властелине» отсутствует «прикладное значение». Это значение есть всегда и везде. Белое и черное в моих персонажах перемешано: хоббиты туповаты и ленивы, эльфы горды до спесивости, гномы алчны, люди легкомысленны и даже маги вероломны и охочи до власти; наверное, можно сказать, что «Властелин» имеет прикладное значение и в наши дни. Но если меня спросят, о чем это повествование, я отвечу так: оно не о Власти и Могуществе (история борьбы за власть — всего лишь основа сюжета), оно — о Смерти и Бессмертии. Или, выражаясь иначе, это книга, написанная человеком, который есть прах и во прах обратится.

(Из письма Г. Шайро)

Боюсь, я слишком неосторожно употреблял слово «магия», причем и сам это сознавал — вспомните: Галадриэль, и не она одна, с недовольством отзывается о смысле, который придают этому слову смертные. Вопрос этот весьма сложный... Я не собираюсь вступать ни в какие споры относительно того, существует ли магия в реальности. Однако полагаю, что в литературном произведении она вполне может существовать, и что имеется скрытое различие между собственно магией и, как говорили в старину, готикой, то есть колдовством... Считается, что магия по определению добра, а готика — зла. В моей книге и магия, и готика становятся добрыми или злыми в зависимости от намерений того, кто к ним прибегает. Каков мотив, каково побуждение, таковы и подручные средства. Главное побуждение Зла в моей книге — стремление подчинить себе свободную волю других. Действия Врага представляют собой по преимуществу магические ритуалы, которые вызывают те или иные явления в посюстороннем мире. Но магией он пользуется, дабы устранять препятствия, а готикой — чтобы устрашать и покорять. Магия же Гэндальфа и эльфов направлена к добру,

а «сопутствующие» ей эффекты служат лишь своего рода украшением: эти украшения никогда не обманывают самих эльфов (хотя порою смущают людей), ибо налицо огромное различие между эффектами и подлинной магией — столь же огромное, как различие между литературой (живописью, скульптурой) и реальной жизнью.

Обе стороны в основном применяют «обиходные» средства. Враг, сея зло и разрушение, обратился к «машинам», что вполне естественно для «мага», использующего магию во имя все большего могущества. К магии прибегают прежде всего (философскими рассуждениями о принципах магии мы пренебрегаем) для скорейшего достижения цели: так гораздо проще и легче что-либо осуществить, так сводится практически к минимуму временной промежуток от возникновения идеи до ее материального воплощения. Но сама по себе магия — штука капризная. Поэтому, если у вас есть машины — или тысячи рабов, — можно обойтись и без магии и свернуть горы, вырубить леса или возвести пирамиды, не прибегая к магическим обрядам...

Магией, о которой говорится в моей книге, нельзя овладеть, изучив заклинания из древних «кладезей премудрости», то есть колдовских фолиантов, она передается по наследству, и люди, как правило, ею обделены. Исцеление Арагорном Фарамира и Эйовин можно, конечно, воспринимать как магию — либо как сочетание магии с познаниями в травах и с гипнотическими способностями, но не стоит забывать, что (по тексту) мы узнаем об этом исцелении со слов хоббитов, которые не имеют представления об истинной магии, и что Арагорн — дальний потомок Лютинэн, то есть ведет свой род от эльфов.

(Из письма Н. Митчисон)

Господина Торбинса я представляю себе как человека, а вовсе не как «чудесного кролика» — почему-то некоторые читатели мнят его именно кроликом. Это низенький человечек с короткими ногами и объемистым брюшком. Добродушное, круглое лицо, уши совсем чуть-чуть заострены «по-эльфийски» кверху, волосы — темно-русые, короткие и вьющиеся. Ноги от лодыжек до стоп покрыты коричневой шерсткой. Одежда: зеленые бархатные штаны, красный или желтый жилет, коричневая или зеленая куртка с золотыми (или медными) пуговицами, темно-зеленый плащ с капюшоном (подаренный гномами).

Рост хоббита — около трех футов или три фута шесть дюймов.

*(Из письма редактору издательства
«Хафтон-Миффлин»)*

Моя книга — литературное произведение, а не историческая хроника, в которой описываются реальные события. То, что выбранная мною манера изложения, придающая произведению «историческую достоверность» и иллюзию трехмерности, оказалась удачной, доказывают письма, судя по которым, «Властелин Колец» воспринимается как «отчет» о реальных событиях, как описание реальных мест, чьи названия я искажил по невежеству или небрежности. Кстати, меня неоднократно укоряли в том, что я не потрудился как следует изобразить экономику, науку, религию и философию Средиземья.

Что касается отношений между Творением и Вторичным Миром. Я бы сказал, что отказ от «использования средств, уже примененных Творцом» является основополагающим свойством вторичного творения, своего рода благодарственным подношением Творцу. Я не метафизик, однако приведенная выше фраза явно пахнет метафизикой, причем весьма любопытной (различных метафизик на свете много, скорее всего, и не перечесть).

«Реинкарнация» применительно к роду человеческого означает уже не метафизику, а дурного толка теологию. В основе же моего легендарiums — в особенности это относится к «Падению Нуменора», которое непосредственно примыкает к «Властелину Колец», — лежит убеждение, что люди смертны, а потому к ним не следует относиться как к «бессмертным во плоти»*. Однако мне непонятно, каким образом, даже в Первичном Мире, любой теолог или философ, если только он не осведомлен лучше других о взаимоотношениях духа и тела, может отрицать возможность реинкарнации как модуса существования, присущего определенным видам разумных существ.

Полагаю, основные трудности, с которыми я столкнулся, — научного, биологического характера, причем наука заботит меня ничуть не меньше, нежели теология и метафизика. Эльфы и Люди, с точки зрения биологии, принадлежат к одному и тому же виду, иначе они не могли бы заключать между собой браки и производить здоровое потомство (пусть такое бывает крайне редко, оно все же случается). Кое-кто считает, что основной биологической характеристикой вида является продолжительность жизни; если придерживаться этого мнения, то «бессмертные», «не умирающие от старости» Эльфы попросту не могут состоять в родстве со смертными, как и в Первичном Мире, Людьюми. Что тут можно

* Поскольку Второе Поколение Детей Божьих (Эрухины, «Дети Единого Бога») получило смерть в дар, а не в наказание, здесь мы тоже, можно сказать, сталкиваемся с «дурного толка теологией». В Первичном Мире, наверное, так и есть, но тут нас выручает воображение, способное прояснить истину. (Прим. автора).

сказать? Биология — всего лишь теория, геронтологи, или как они там себя называют, недавно установили, что старение человеческого организма — штука весьма загадочная и не настолько неизбежная, как представлялось раньше. Кроме того, мне, признаться, все равно, что говорит наука. Родство между Эльфами и Людьми — неотъемлемая черта моего мира, воображаемого, рудиментарно «вторичного», но моего. И если Творцу будет угодно «оживить» его в том или ином измерении, тогда всякий, кто захочет, сможет войти в него и изучать тамошнюю биологию в полевых условиях.

Пока же мой мир таков, каков он сейчас — честно говоря, порой мне кажется, что не я его создаю, а он «проявляется» через меня, — прежде всего продукт воображения, а описание этого мира — произведение литературное и, не побоюсь сего слова, дидактическое.

(Из письма П. Гастингсу)

«**В**ластелин Колец» писался для собственного удовольствия: я проверял, способен ли написать большое произведение, и пытался выразить «веру во Вторичный Мир». Создавалась книга медленно, поскольку я старался не пропускать ни единой подробности, и превратилась в конечном итоге в Картину-без-Рамы. Я выхватил из мироздания крошечный кусочек, историю которого и попробовал отразить. Этим, возможно, и объясняется налет «историчности», а также то, что трилогию издали и она пользуется популярностью у множества самых разных людей. Однако понять, как она возникла, достаточно сложно. Оглядываясь назад, на события, следовавшие сразу за выходом книги из печати, я ловлю себя на странном ощущении: мне кажется, что испокон веку нависавшие над головой облака неожиданно разошлись, и на землю вновь хлынул почти забытый солнечный свет. Как будто я стал Пиппином, который услышал Рог Надежды. Тем не менее вопросы «Как?» и «Почему?» остаются.

Пожалуй, я догадываюсь, что ответил бы Гэндальф. Несколько лет назад в Оксфорде ко мне заглянул человек, чье имя я, к сожалению, позабыл (хотя оно, по-моему, достаточно известно). Его поразило, что многие старинные художники, сами того не подозревая, словно иллюстрировали «Властелина Колец». В подтверждение своих слов он показал пару репродукций. Думаю, сначала ему просто хотелось убедиться, что мое воображение подстегивали не только литература и языкознание, но и живопись. Когда же стало ясно, что я никогда не видел этих картин и к тому же не слишком хорошо ориентируюсь в живописи вообще, он пристально поглядел на меня и вдруг спросил: «Надеюсь, вы не думаете, что написали всю книгу самостоятельно?»

Вопрос как раз для Гэндальфа! Я неплохо знаком с Г., а потому не стал грубить в ответ. Кажется, я сказал: «Нет, больше я так не думаю». Не правда ли, весьма тревожный сигнал для пожилого филолога, полагавшего, что пишет для собственного развлечения? Но для того, кто считает, что все «инструменты в руках Божьих» несовершенны, заключение вполне логично.

Вы говорите о «здравомыслии и святости» во «Властелине Колец», который «поистине великолепен». Я глубоко тронут вашими словами. Мне никогда еще не говорили ничего подобного. Однако вот странное совпадение: сегодня я получил письмо от человека, который называет себя «неверующим» или, по крайней мере, лишь понемногу приближающимся к вере. Он пишет: «Вам удалось создать мир, в котором вера как будто существует, но напрямую о ней нигде не говорится; она — свет, исходящий от невидимой лампы». Что можно ответить? Ни один человек не может судить о собственной святости. Она

исходит не от него, а через него, и ее не почувствовать, если думать иначе. Кстати сказать, в этом случае «инакомыслие» грозит обернуться презрением, отвращением, ненавистью...

Разумеется, «Властелин Колец» мне не принадлежит. Он появился на свет потому, что так было суждено, и должен жить своей жизнью, хотя, естественно, я буду следить за ним, как следят за ребенком родители. Мне радостно сознавать, что у него уже нашлись хорошие друзья, способные защитить от коварства и злобы врагов. Но, к несчастью, далеко не все глупцы собрались под знамена противника.

(Из письма К. Бэттен-Феллс)

ТАЙНЫЙ ПОРОК

(Доклад, прочитанный
в Оксфорде в 1931 г.)

Перевод Дениса Афиногенова

Некоторые из вас, возможно, слышали, что около года назад в Оксфорде состоялся конгресс эсперантистов. Я сам искренне верю в то, что можно создать «искусственный язык» — по крайней мере, для Европы; точнее, я верю в то, что такой язык весьма желателен, ибо он мог бы объединить европейцев прежде, чем Европа падет под натиском остального мира. Кроме того, подобный язык желателен и по многим другим причинам — в частности, потому, что, насколько мне известно, мировая история свидетельствует о неуклонном возрастании человеческого влияния на область нематериального, а также об увеличении числа более или менее «стандартных» языков. Я большой поклонник эсперанто, не в последнюю очередь потому, что этот язык — творение одного-единственного человека, причем вовсе не филолога; следовательно, он представляет собой «человеческий язык, лишенный двусмысленностей и темных мест благодаря упорному труду» (кстати сказать, лучшего описания идеального искусственного

языка — применительно к эсперанто, разумеется — я не знаю).

Не стану повторять все те доводы, которые обычно приводят в защиту эсперанто ярые приверженцы этого языка, поскольку собираюсь говорить о совершенно другом типе искусственных языков. Вы должны извинить меня за то, что я начинаю издалека и изъясняюсь обиняками: того требует тема моего выступления. Ведь я собираюсь ни больше ни меньше, как публично признаться в своем тайном пороке. Итак, начнем — смело и решительно. Я бы мог назвать свой доклад «Словом в защиту Нового Искусства» (или Новой Забавы), если бы личный опыт, довольно дорого обошедшийся, не убедил меня в том, что этот тайный порок — удел не только мой, но и многих других людей, пришедших к нему независимо друг от друга, и что это искусство (или забава) уже давно стало общественным достоянием.

Впрочем, мои «коллеги» все настолько робки и стеснительны, что даже не отваживаются показывать свои штудии друг другу, поэтому никто из них не знает, кому принадлежит пальма первенства, кто добился выдающихся успехов, а кто остался «позабыт-позаброшен» — чьи работы пылятся в ящиках письменных столов с тем, чтобы спустя какое-то время стать предметом вождения коллекционеров: в самом деле, американские музеи наверняка будут покупать эти работы (разумеется, не у авторов, даже не у наследников и не у поверенных) — когда это «новое искусство» проторит себе дорогу. Не стану говорить: «добьется признания», ибо признание — процесс утомительно медленный; сомневаюсь, чтобы кому-либо удалось за отпущенный человеку срок создать больше одного настоящего шедевра и нескольких замечательных набросков.

Никогда не забуду невысокого — ниже меня ростом — человека, чье имя, увы, я благополучно забыл; человека, который внезапно явил себя моим единомышленником — в тот миг, когда мной овладела отчаянная скука. Дело было во время войны. Мы сидели в большой и грязной палатке, за колченогими столиками, вокруг были люди, в большинстве своем мокрые и несчастные, и пахло там просто омерзительно. Мы слушали кого-то, кто вещал об искусстве чтения карт, или о правилах гигиены, или об умении проткнуть врага насквозь (помнится, Киплинг предупреждал, что за каждого убитого нам придется держать ответ перед Господом); точнее, мы старались не слушать. И тут этот человек, сидевший рядом со мной, мечтательно произнес: «Вот именно! Я бы выразил аккузатив через префикс»!

Великолепная фраза! Разумеется, повторяя ее, я невольно выдаю все то, что столь тщательно пытался скрывать. Однако забудем пока об этом. Вслушайтесь в его фразу, сколько в ней величия! «Я бы выразил», именно так! Не «выражается», не более раболепное «порой выражается», не угрюмое «вы должны научиться тому, как выражать». Какое богатство выбора заключено в столь, казалось бы, обыденной фразе, какая бездна сомнений, испытанных перед принятием окончательного решения — в пользу дерзновенного префикса, решения самостоятельного и тем самым вдвойне привлекательного. Это решение сродни движению, каким каменщик завершает кладку; движению, благодаря которому некий узор обретает завершенность. Тут не приходится говорить о «практичности», столь характерной для «современного человека» — речь идет о личных предпочтениях, о вкусе, о том, что и как должно быть устроено по мнению конкретного человека.

Произнеся те слова, мой сосед улыбнулся, и его улыбка выражала восторг, словно улыбка поэта, сумевшего наконец совладать с непокорной строчкой, или художника, который добился желаемого от своей картины. Но затем улыбка исчезла, и он замкнулся в себе, точно устрица в раковине. Мне так и не удалось узнать что-либо еще о его «тайной грамматике»; вдобавок превратности военной поры вскоре нас разделили, и с тех пор я этого человека не встречал. Но я запомнил на всю жизнь, как он, такой застенчивый, даже робкий, особенно после того, как ненароком раскрыл постороннему свою тайну, отстранялся от тягот войны, изобретая собственный язык, некую личную систему, или симфонию, не предназначенную для чужого уха и глаза. Не знаю, творил ли он язык в голове (что под силу лишь великим) или на бумаге. Кстати сказать, одна из наиболее привлекательных черт увлечения искусственными языками состоит в том, что это хобби не требует каких-либо сложных подручных средств. Не знаю также, насколько далеко он продвинулся в своей работе. Вполне возможно, его разнесло в клочья гранатой в тот самый миг, когда он придумал уникальный способ выразить сослагательное наклонение. Война не слишком благосклонна к тем, кто дает свободу воображению.

И этот человек был отнюдь не единственным в своем роде. Я отважусь на подобное утверждение, хотя прямых доказательств у меня нет. Но ведь иначе просто-напросто не могло быть, это закономерный результат образования, когда мы преподаем языкознание стольким людям, большинство из которых не очень-то восприимчивы к языкам и в различной степени наделены фантазией и способностью к творчеству. Немного найдется филологов, лишенных «творческого нюха», однако почти все они знают,

что строить нужно из кирпичей, имеющихся под рукой. Наверное, среди изобретателей языка существует тайная иерархия. Понятия не имею, какое место в ней занимал мой сосед, но могу предположить, что довольно высокое. И могу лишь догадываться о достижениях этих творцов; по моим представлениям, эти достижения восходят от каракулей деревенского мальчишки к высотам палеолитического искусства (или выше). Но на стремление к совершенству в этой области неминуемо накладывает ограничения разобщенность «зодчих», их одиночество, отсутствие соперничества и даже прямого подражания, копирования чужой техники.

В качестве примера могу привести искусственный язык, если можно так выразиться, начального уровня. Двое моих знакомых — *двое!* — что само по себе заслуживает удивления — придумали язык, который они назвали «животным» и который состоял почти целиком из названий пород животных, птиц и рыб. Между собой на этом языке они говорили довольно бегло, приводя в замешательство окружающих. Сам я так и не научился на нем говорить, да и многие правила грамматики остались для меня загадкой; но в памяти почему-то засело, что фраза «*собака соловей дятел сорок*» означала «*Ты — осел*». В общем, грубо до неприличия. Согласно цифровому представлению алфавита, слову «осел» соответствует цифра «40», которая поэтому и приобрела в «животном языке» такое значение. Любопытно отметить, кстати, что в этом языке начисто отсутствовало фонематическое творчество, которое, как правило, является по меньшей мере зародышем подобных конструкций.

Во избежание возможных недоразумений хочу сразу предупредить — не торопитесь с выводами,

хотя ночью и вправду, как говорят в народе, все кошки серы. Предмет моего выступления — отнюдь не «детские языки», как их порой называют (хотя те двое, о ком я упоминал, творцы «животного языка», были, конечно же, детьми). Тем не менее, эти языки чрезвычайно распространены, некоторые из них кочуют из детской в детскую, из школы в школу, даже из страны в страну, распространяются без какого-либо участия взрослых и, вопреки мнению тех, кто только-только начинает на них говорить, вовсе не являются «тайными». Прекрасно помню свой ужас, когда я подростком, затратив много времени и сил, овладел одним таким языком — и вдруг, совершенно случайно, услышал, как на нем беседуют двое незнакомых ребят! А ведь я полагал этот язык величайшей на свете тайной! Детские и школьные языки — явление весьма любопытное, родственное жаргону, аргю, «блатной музыке» и прочим разновидностям языков общественного дна; также оно, безусловно, связано с играми. Но сейчас я говорю не об этих языках, хотя они, несомненно, имеют опосредованное отношение к теме моего рассуждения, поскольку и в них иногда обнаруживается чисто лингвистический элемент. Как мне кажется, граница между языками, о которых пойдет речь, и языками, которые останутся за пределами моего выступления, пролегает вот где. Языки группы аргю не интересуются соотношением звука и смысла, их — за редкими и нечаянными исключениями, характерными и для языков естественных — нельзя назвать «художественными» (если, разумеется, такая вещь, как непреднамеренная «художественность», допустима вообще). Это языки практические, причем, в реальности или хотя бы в замысле, гораздо более практические, нежели язы-

ки естественные. Они возникают из стремления сузить круг посвященных, то есть понимающих данный язык, ограничить его сравнительно небольшим числом сотрудников и соратников, и доставляют тем, кто их использует, удовольствие самой своей непостижимостью для остальных. Эти языки служат нуждам отвергаемых и преследуемых обществом — а еще тех, кто почему-то возымел желание притвориться, будто принадлежит к отвергаемым и преследуемым. И «практичность» этих языков имеет оборотную сторону — чаще всего их подхватывают юнцы (и невоспитанные взрослые), ничуть не стремящиеся понять, как устроен такой язык, даже не претендующие на то, чтобы постичь его суть.

Исходя из сказанного выше, мне, наверное, не следовало бы приводить цитату из детского «животного языка», но дело в том, что создатели этого языка вовсе не стремились сохранить свое изобретение в тайне.

Их язык был доступен всякому, кто потрудился бы его изучить. И говорили на нем не для того, чтобы сбить с толку взрослых и посмеяться над ними. Иными словами, в нем присутствовало нечто новое. Удовольствие от языка проистекало не из ограниченной посвященности в его конструкции. Зададимся вопросом — откуда же? Мне думается — из присущего детям своеобразного языкового ощущения, из желания создать собственный язык ради него самого, ради восторга творения. Мысль эта, на мой взгляд, весьма притягательна и порождает дальнейшие размышления, каковые, надеюсь не без робости, затронут и вас, моих слушателей.

Способность к созданию графических символов присуща всем людям без исключения, однако она

находится, если можно так выразиться, в дремлющем состоянии; пробужденная в достаточно раннем возрасте, эта способность позволяет нам воспринять и изучить, с чисто утилитарными целями, по крайней мере одну графическую систему — я разумею письмо. В некоторых людях эта способность более развита, вследствие чего они достигают заоблачных высот в каллиграфии, которая, как известно, уже во многом сродни творчеству художника.

Языковое ощущение (и способность артикулировать звуки) также присуще всем людям без исключения и также находится в дремлющем состоянии; пробужденное, как то обычно и бывает, в достаточно раннем возрасте, это ощущение позволяет нам воспринять и изучить, с чисто утилитарными целями, по крайней мере один язык. В некоторых людях это ощущение более развито, и такие люди становятся полиглотами — или поэтами; это подлинники хранители языка, с радостью и наслаждением сберегающие его для тех, кто данным языком пользуется. И это ощущение сродни высокому искусству, о котором я говорю и которое, пожалуй, пришло время назвать и описать, искусству, для которого жизнь человеческая слишком коротка. Это искусство есть искусство создания искусственных языков, в набросках или во всей полноте, искусство измышления оных ради собственного удовольствия или даже ради удовольствия гипотетических критиков. Безусловно, этому искусству приобщаются втайне, однако таинственность тут — не более чем случайное стечение обстоятельств. Так уж повелось... Пускай создатели языков — закоренелые индивидуалисты, работающие «для себя», ищущие самовыражения и самоутоления; им все равно необходима аудитория, ибо всякий творец без публики не

полноценен. Их усилия вряд ли удостоятся всенародной славы и обретут популярность (и они это понимают); тем не менее, им жизненно необходимо признание, сколь угодно камерное — и, желательно, профессиональное.

Впрочем, я несколько отвлекся и нарушил логику своего выступления, в котором собирался идти по нарастающей, от грубых, первозданных языков к языкам-шедеврам. Поэтому с вашего позволения вернусь к тому, о чем рассказывал, то есть к языкам примитивным. Разумеется, языки нижних уровней иерархии в общем и целом схожи между собой, однако даже среди них наблюдается существенная разница, что вполне естественно: ведь понятие языка необозримо широко и вряд ли возможно исчерпать его до конца, во всяком случае, в теории.

Хорошим примером языка примитивного, но стоящего в иерархии выше «животного», может послужить язык под названием «*Невбош*», то есть «Новая чепуха», созданный (и потом заброшенный) человеком, принадлежавшим к приверженцам «животного языка». Этот игровой язык, эта «новая чепуха», как мне кажется, не устарела до сих пор и по-прежнему претендует на роль средства общения (не будем забывать, что на нижних уровнях иерархии различиями между языками группы арго и «языками-творениями» допустимо пренебречь).

Признаюсь вам: я был одним из тех, кто говорил на *невбоше*. Мало того — я предавался тайному пороку (он был тайным, поскольку говорить на *моем* языке мне было не с кем) дольше своего сверстника, изобретателя *невбоша*. Правда, мое участие в этом «проекте» было не слишком значительным: я всего лишь пополнил словарь да слегка подправил орфографию. Как бы то ни было, *невбош* служил нам

языком повседневного общения, даже с учетом того, что, во-первых, был он сложнее «животного языка», а во-вторых, игры играми, но еще нужно было и учиться — зубрить латынь, корпеть над математическими задачками; и все же мы писали друг другу письма на *невбоше* и сочиняли стишки и песенки.

Не считите за преувеличение, но лексикон *невбоша* был гораздо обширнее словаря крымских готов, составленного Бусбеком. Целиком же мне вспоминается один-единственный связный фрагмент:

Dar fys ma vel gom co palt 'hoc
Pys go iskili far maino woc?
Pro si go fys do roc de
Do cat ym maino bocte
De volt fac soc ma taimful gyróc!

Ныне и словарь *невбоша* (если бы мне взбрело в голову составить его заново), и этот фрагмент, перевести который под силу разве что последнему «аборигену», то есть вашему покорному слуге, — кажутся грубоватыми; не грубыми, а именно грубоватыми. И я не стал их облагораживать. Но в них уже содержится пища для размышления. Конечно, это, по сути, не более чем сырой материал, не представляющий интереса для ученого сообщества. И все же я рискну задержать на нем ваше внимание, ибо, на мой взгляд, тут есть нечто общее с темой доклада, который вы благосклонно согласились выслушать.

Прежде всего, поставим вопрос так: что происходит, когда люди начинают изобретать новые слова (то бишь группы звуков) для обозначения привычных понятий? Меняется ли в этом случае исконный смысл понятия, нас не касается; применитель-

но к *невбошу*, грамматика которого подчинялась правилам грамматики естественного языка, такая погрешность, буде она и возникнет, вполне допустима. Процесс изобретения слов, очень может быть, продолжается постоянно, вплоть до полного извращения этимологии, которая предполагает — или предполагала изначально — раз и навсегда установленное соответствие между звуком и смыслом. *Невбош*, как и прочие родственные ему языки, примеров которым можно найти сколько угодно, если знать, где искать, способен послужить неоценимым подспорьем для выяснения взаимоотношений этимологии и семантики. В традиционных языках «изобретательство» ограничено рамками и бременем традиции, тесно увязано с иными лингвистическими процессами и проявляет себя, как правило, в «подгонке» существующих звуковых групп под тот или иной смысл («подгонка» — явление весьма любопытное, но здесь мы не станем его обсуждать) или даже в «подгонке» смысла под те или иные звуковые комбинации. Именно этими двумя способами и создаются новые слова, поскольку слово есть не что иное, как фиксированная во времени комбинация звуков плюс более или менее определенное понятие, зафиксированное по отношению к самому себе и к сочетанию звуков. Мастеровитость, но не творчество. В традиционном языке, будь то язык естественный или искусственный, творчества нет и в помине.

В *невбоше* мы не найдем, разумеется, кардинальных изменений по сравнению с английским или любым другим традиционным языком. Понятия *невбоша*, их связи с определенными звуками, даже смешение комбинаций, равно преднамеренное и случайное, объем словаря и его пределы, — все это вполне

консервативно. *Do* обозначает предлог *to* и выражает инфинитивную форму глагола. *Pro* обозначает слово *four* («четыре») и предлог *for*. И так далее. Как я уже говорил, с этой точки зрения язык не представляет ни малейшего интереса. Иное дело фонематика. По какому же принципу подбирались нетрадиционные комбинации звуков, выражавшие абсолютно традиционный смысл и подменявшие собой «устарелые» слова и словосочетания?

Ясно, что фонетические пристрастия (творческий подход к фонетике) играли не слишком значительную роль, поскольку *невбош* воспринимался всего лишь как шифр на основе родного языка, в котором все фонетические изменения с первого взгляда кажутся случайными, произвольными и противоречивыми. Вдобавок у создателей *невбоша* не было ни малейшего фонетического опыта; ни о чем подобном они и не помышляли. Однако им удалось, должно быть, бессознательно, провести ряд элементарных фонетических параллелей; изменения затрагивали в основном группы согласных, например, дентальные: *d, t, p, th* и т.д. *Dar* означало *there, do — to, cat — get, volt — would*. В других случаях мы, опять же инстинктивно, ощущали, что, скажем, у *m* и *n* есть нечто общее — они произносятся в нос и резонируют, отсюда замена второго на первое: *ym — in*; кстати сказать, схожее явление наблюдается и в традиционных языках (в том же греческом), и в поэзии — лично мне ничуть не режет слух ассонанс «м-н» в рифмовке.

На *невбош*, кроме того, оказали огромное влияние те языки, которым нас учили, — назовем их «зубрильными», ибо учить приходится любой язык, родной в том числе. Это влияние также снижает профессиональный, филологический интерес к не-

вбошу — и в то же время оказывается весьма полезным для наших целей. Разве не любопытны заетливые кружева из корней родного языка и иноязычных вкраплений (причем заметно, что «зубрильные» языки подвержены тем же произвольным фонетическим изменениям, что и родной)? *Roc* — *rogo* (ask), *go* — *ego* (I), *gom* — *homo* (man), *pys* — *can* (из французского), *si* — *if* (откровенный плагиат), *pal* — *parler* (speak), *taim* — *timeo* (fear), и так далее. Имеются и не столь явные заимствования: *volt* — *volo* + *will* (would); *fys* — *fui* + *was* (were); *co* — *qui* + *who* (who); *far* — *fero* + *bear* (carry). А вот чрезвычайно любопытный пример: слово *шос*. Это и слово из родного языка, прочитанное наоборот (*cow*), и заимствование — от *vacca*, *vache* (возникло оно именно отсюда); вдобавок оно послужило своего рода основой шифра, этим «звуковым законом», правилом словообразования: благодаря превращению *-ow* в *-oc* возникли такие слова, как *hoc* — *how* и *gyroc* — *row*.

Возможно, я чересчур увлекся и заставил вас скучать? Да, код, шифр не представляет собой ни малейшего интереса. Внимание привлекают лишь те слова, которые вроде бы никак не связаны с традиционными и «зубрильными» языками; правда, чтобы разобраться в фонематике таких слов, необходимо выяснить состав каждого из них — причем желательно, чтобы подобных слов в языке оказалось как можно больше.

Учитывая сказанное, довольно странным выглядит слово *iski-li* — possibly («возможно»). Кто сможет его проанализировать? Припоминаю также слово *lint* — quick, clever, nimble («ловкий, остроумный»); если мне не изменяет память, мы решили, что это слово будет означать то, что оно означает,

потому что нам так захотелось, потому что сочетание звуков *l-i-n-t*, по нашему мнению, замечательно выражало идею ловкости и остроумия. И тут мы подходим к новому, восхитительнейшему элементу в создании языка. Как и в языке традиционном, слово, возникшее благодаря чувству «пригодности», чувству удовлетворения, быстро превращается из комбинации звука и смысла в случайный набор символов, которым управляет понятие со всем своим комплексом ассоциаций; так начинается словообразование и получают *catlint* — learn («учиться», то есть «становиться *lint*») и *faclint* — teach («учить», то есть «делать *lint*»).

Подытоживая, скажу, что только удовольствие от лингвистического изобретательства, только освобождение от ограничений, установленных традицией, — только они и способны пробудить у исследователя интерес к этим начаткам искусственного языка.

Удовольствие от языка... Эта мысль преследует меня с детских лет. Невольно напрашивается сравнение с курильщиком опиума, который ищет любых оправданий — этических, медицинских, творческих — для своего пагубного пристрастия. Впрочем, я себя таковым не считаю. Приверженность лингвистическому изобретательству вполне рациональна, в стремлении сопоставлять понятия с комбинациями звуков так, чтобы их сочетание доставляло удовольствие, нет и малой толики извращенности. Удовольствие от изобретения языков гораздо острее, нежели удовольствие от выучивания иностранного языка — во всяком случае, для людей с определенным складом ума; оно — более свежее, более личное, ибо в нем в полной мере осуществляется пресловутый метод проб и ошибок. Вдобавок оно способно перерасти в творчество: изобретатель языков творит, шли-

фуя очертания символов, совершенствуя комплекс понятий.

Пожалуй, наибольшее удовольствие доставляет именно размышление о природе связи между звуком и понятием. Оно сродни тому восторгу, тому восхищению, какое вызывают поэзия и проза на иностранном языке у филологов — и на подступах к овладению чужим языком, и впоследствии, когда этот язык уже освоен (постепенное проникновение в суть чужого языка ведет к тому, что восторг и восхищение уступают место преклонению). С мертвыми языками сложнее: и самому крупному специалисту не дано осознать всю совокупность понятий такого языка, не дано ощутить и прочувствовать тончайшие вариации смысла, возникавшие в таком языке на протяжении его бытования. Для нас любой мертвый язык — все равно что ограниченный самоцвет в оправе, он не подвержен изменениям, и восполнить это постоянство может лишь новизна восприятия. Вот почему, пускай нам неведомы мельчайшие подробности древнегреческого произношения, мы благоговеем перед греческим языком Гомера (в его письменной форме); а современники Гомера, скорее всего, не находили в его слогe ничего сколько-нибудь особенного. То же верно и в отношении древнеанглийского. И в этой новизне восприятия заключается одна из причин, побуждающих братья за изучение древних языков. Самообмана тут нет — нам не нужно верить, будто мы ощущаем что-то, чего на деле не существовало; просто кое-что с расстояния видится намного лучше (а кое-что — и хуже).

Удовольствие способно доставить и слово само по себе, лишенное связи со смыслом, то есть бессмысленная, на первый взгляд, комбинация звуков;

эта комбинация звуков обладает особой красотой, вызывающей в памяти красоту игры света и тени на зеленой листве, или плавных линий гряды холмов, или многоцветья радуги. Мне подобное удовольствие отнюдь не кажется нелепым. Назову наугад традиционные языки, одаряющие нас этим удовольствием, — греческий, финский, валлийский; красота этих языков открывается всякому, кто может хотя бы вообразить, как звучит на них то или иное слово. Для меня валлийский — поистине прекрасный язык, и мне было чрезвычайно приятно, когда другие люди, не подозревавшие о моем расположении к нему, рассказывали, что любовались надписями по-валлийски на бортах грузовиков.

Это удовольствие, необычайно острое, творческое удовольствие открылось мне и в изучении словаря готского языка; вполне возможно, что фрагменты поэзии готов, которые я также штудировал, еще усилили это удовольствие, сделали его более насыщенным.

Но вернемся к иерархии искусственных языков. *Невбош* и родственные ему языки остались ступенью ниже, мы подошли к стадии шлифовки символов. К величайшему сожалению, на этой стадии процесс лингвистического изобретательства, если позволительно так выразиться, уходит в подполье.

Творцам надоедают языковые игры, у них появляются иные, куда более насущные интересы: одни обращаются к изящным искусствам, будь то поэзия, проза или живопись; вторые предаются приятному времяпрепровождению — играют в футбол, в крикет или во что-нибудь еще столь же бесполезное; третьих снедают повседневные заботы и хлопоты. Продолжают лишь немногие, самые преданные, самые увлеченные, но они робеют, стесняются своего

увлечения, стыдятся того, что тратят бесценное время на этакую чепуху, и прячут свои творения в укромнейших закутках. В отличие от других, увлечение это нисколько не прибыльно — никто не проводит конкурсов, не вручает наград и призов; искусственный язык не подаришь бабушке на день рождения, он не принесет ни ученой степени, ни славы среди сверстников. Кроме того, творением языка (как и сочинением стихов) занимаются вопреки основным обязанностям, урывками, жертвуя при этом уроками или работой.

Посему мне придется в дальнейшем говорить о *своих* языках — то есть о том, что мне известно, хотя я предпочел бы, разумеется, проанализировать чужие проекты: мои оценки были бы объективнее. Но ничего не попишешь... По правде сказать, *невбош* был гораздо более языком (в традиционном понимании), нежели те проекты, о которых сейчас пойдет речь. Он предназначался для общения, устного и письменного. Он был общим. Чтобы в *невбоше* появилось и закрепилось новое слово, оно должно было получить одобрение по крайней мере двух человек. Поэтому в нем недоставало той симметрии, грамматической и фонетической, которая свойственна языкам традиционным. Чтобы такая симметрия, с наложениями звука и смысла, могла возникнуть, необходимы два условия — длительный срок бытования и широкий круг говорящих. Тем не менее *невбош* представлял собой вершину коллективного творчества (пусть и малочисленной группы), а вовсе не частный успех одного из представителей этой группы, пускай и самого одаренного. В *невбоше* присутствовал коммуникативный аспект — то, что принято считать основой любого языка (впрочем, мне кажется, что эта точка зрения ошибочна — ведь не

станем же мы утверждать, что единственная или даже главная цель стихотворца — говорить с другими на особом языке).

Да, коммуникативный аспект весьма важен для развития языка, но не будем забывать и о дополнительном, отягчающем обстоятельстве — более личном, так сказать, персонализированном: я разумею удовольствие от комбинирования звуков, расстановки их в определенном порядке и присвоения им конкретного смысла, удовольствие, не зависящее от коммуникации, но подспудно тесно с ней увязанное.

Примером персонализированного языка может послужить *наффарин* — язык моего изобретения, отчасти основанный на *невбоше*, «язык-удовольствие», так и не удостоившийся признания и не вошедший в обиход (отнюдь не по воле автора). Мальчишеское пренебрежение к собственным деяниям вынудило меня со временем забросить *наффарин* и уничтожить все свои записи, однако мудрая память сохранила и словоформы, и целые фразы, которых вполне достаточно для анализа этого языка. В *наффарине* конкретная комбинация звуков — созданная совершенно произвольно, по принципу «а мне так нравится» — могла выражать и отдельное слово, и фразу целиком. Фонетическая система *наффарина* была не слишком обширной и основывалась на родном языке лишь в том отношении, что в ней отсутствовали звуки, чужеродные для английского; грамматика также строилась на личных и абсолютно произвольных предпочтениях. (Что касается фонетики, мне могут заметить: отсутствие чужеродных элементов не столь уж важно, самое что ни на есть чужеродное слово можно составить из чисто английских звуков, речь

ведь идет о персональных, вкусовых комбинациях фонем, созданных произволом автора. Схожего результата можно достичь, скажем, развернув наоборот слова английского языка — фонетически, не по написанию. В результате «родное» слово *scratch* превратится в «чтаркс» — фонемы останутся английскими, а само слово таковым быть перестанет, ибо в английском нет слов, которые начинались бы с «чт-». Между прочим, подобным образом мы, англичане, обходимся с греческим языком — стремясь передать его звуки, создаем нечто вроде копии с фонетическими значками; аналогичной копией, только уже английского и с точки зрения семантики, был *невбош*. Хотя не знаю, что нам мешает передавать греческие звуки английской фонетикой, не прибегая к многообразным ухищрениям, каковые лишь затрудняют восприятие.)

Позвольте мне процитировать текст на *наффарине*:

*O Naffarinos cutà vu navru cangor
luttos ca vùna tiéranar,
dana maga tier ce vru encà vùn' farta
once ya merùta vùna maxt' amàmen.*

Не стану утомлять вас и подвергать сей отрывок столь же подробному анализу, какой был проделан ранее с фрагментом текста на *невбоше*. Этимологически — потрудись я перевести этот отрывок — *наффарин* не представляет интереса; единственное любопытное слово — это *vrú*, то есть *ever* («когда-либо»). Любопытно оно тем, что присутствует во всех без исключения изобретенных мною языках; должно быть, сказывается некое детское впечатление, которое невозможно выбросить из памяти. Что ж, у человека,

изобретающего языка, появляются пристрастия, от которых он не в силах отказаться, он создает свой собственный стиль, — при том, что в процессе лингвистического изобретательства необходимо уяснить себе, из чего и каким образом этот самый стиль складывается.

Из традиционных языков на *наффарин* оказали влияние, кроме английского, латынь и испанский; это влияние отчетливо прослеживается в комбинациях звуков и в словообразовании и, опять-таки, характеризует вкусы и предпочтения автора, в распоряжении которого в то время были, помимо названных выше, французский, немецкий и греческий языки, но он ими для своих целей практически не пользовался. «Вкусовщину» можно обнаружить и в фонетике — прежде всего, в отсутствии ряда звуков, типичных для английского языка (*w, p, š, ž, c*), и в предпочтении одних звуковых комбинаций другим. Можно сказать, что *наффарин* являл собой «романский» подход к языкотворчеству. И на этом, пожалуй, мы с ним закончим.

Снова прошу прощения у почтенной аудитории: все примеры, которые я буду приводить далее, взяты из *моих* языков. Встреча с тем человеком, который пытался выразить аккузатив через префикс, была слишком скоротечной, чтобы опираться на нее в анализе искусственных языков. Надеюсь, вы простите мне мою дерзость и разделите то восхищение, какое ваш покорный слуга испытывает перед вымышленными языками, будь то его собственные или чужие, созданные другими людьми. Также надеюсь, что у нас найдется немало поводов для дискуссии (не считая того, который напрашивается сам собой, — а все ли у языкотворцев в порядке с головой?).

Как и везде, в языкотворчестве умение и опыт приходят с практикой, но для того, чтобы набраться опыта, не всегда нужно работать с холстами размером 80 квадратных футов — порой достаточно листа бумаги; главное здесь — фантазия. Я собираюсь предложить вашему вниманию искусственный язык, который по мнению — точнее, по ощущению его создателя занимает одно из высших мест в иерархии подобных языков, благодаря абстрактной красоте своих словоформ и уникальности соотношения смысла и звука, не говоря уже об изысканных грамматических конструкциях и гипотетической исторической основе (как выяснил в процессе работы создатель данного языка, историческая основа необходима и для удовлетворительного построения словоформ, и для придания языку законченности, единства и внятности).

Прежде чем перейти к анализу этого языка, позволю себе остановиться на том, какое удовольствие и какую пользу (по отдельности или вместе) приносит творцу сложного игрового языка его, казалось бы, абсолютно оторванное от реальной жизни увлечение. А также — на том, чем его труд может заинтересовать исследователей и критиков. Подбирая тему для своего выступления, я выбрал именно искусственный язык по той причине, что это явление представляет интерес не только для филологов, но и, по моему мнению, для тех, кто изучает мифологию, поэзию и искусство в целом. Убежден, что для создания игрового языка, для того, чтобы этот язык стал настоящим языком и приобрел все те качества, какими обладает язык традиционный, следует измыслить, хотя бы вчерне, соответствующую мифологию. И не только потому, что стихи на искусственном языке тяготеют к объединению в циклы

мифологического характера, но и потому, что создание языка и создание мифологии взаимосвязаны и вытекают одно из другого, точнее, язык и мифология родственны и даже единовременны друг другу: лишь мифология придает языку индивидуальность и лишь язык наделяет мифологию достоверностью, причем эти личные индивидуальность и достоверность существуют в русле традиции, будь то мифопоэтическая традиция архетипов или европейская фонетическая традиция. Пожалуй, не будет преувеличением сказать даже, что язык порождает мифологию.

Возможно, мои рассуждения покажутся вам куцыми и скомканными, но краток ваш покорный слуга был вполне сознательно — потому, что еще не готов к подробному изложению этой теории и упомянул о ней лишь по той причине, что она имеет опосредованное отношение к теме выступления.

Перейдем теперь к иной составляющей языковорчества. Меня, как создателя, «измыслителя» языков, более всего привлекает конструирование словоформ, а в этом конструировании — сочетание звука и смысла (так называемая фонетическая подгонка). Мне чрезвычайно любопытно находить в словоформах привнесенные элементы и высвободить их, отделяя личное от традиционного. Разумеется, личное и традиционное зачастую переплетены почти неразрывно — личное опирается на традицию «по наследственности» (так принято считать, хотя это и не доказано); вдобавок оно с раннего детства автора подвергается ежедневному и весьма настойчивому воздействию среды, то бишь традиции. Кстати говоря, личное, в свою очередь, состоит из: а) индивидуального, характерного лишь для конкретного человека, пускай и основанного в той или иной степени на его родном языке и на всех тех языках, которые

он изучил; и б) общего, принадлежащего группе людей, сколь угодно малой или большой. Как правило, люди не осознают этого разделения, поскольку не стремятся постичь суть языка, на котором говорят. По-настоящему особое слово, сочетание звука и смысла, удастся создать крайне редко; тут необходим солидный опыт, освобождающий от бремени звуков и ритмики родного, шире — любого традиционного языка. Чаще всего словоформы измышляются с оглядкой на полюбившийся иностранный язык; и так возникает то, что мы обычно, применительно к поэзии и литературе вообще, называем стилистикой, а я бы, разумея предмет увлечения, назвал персональной лингвопоэтикой.

Конечно, тем, что было перечислено выше, интерес к созданию языков не ограничивается. Можно подходить к этому процессу по-филологически (от филологии нам никуда не деться в любом случае, но все-таки сначала возникает язык и уже потом появляется филология): скажем, придумать некий псевдоисторический фон и как бы вывести сконструированное слово из предшествовавшего ему по времени или наметить несколько направлений развития языка и посмотреть, к каким изменениям словоформ они приведут. Первый способ позволяет установить общий характер изменений для данного слова; благодаря второму выявляется конкретное слово. Оба способа равно привлекательны и придают языку точность и весомость — правда, конечным результатом будет красота ради красоты и не более того.

Кроме того, можно предаваться грамматическим и логическим штудиям, каковые являются занятиями более интеллектуальными, нежели филологические изыскания. Например, оставляя в стороне,

на время, если не насовсем, фонетику и благозвучность словоформ, определить категории слов в языке, разработать иерархию и самые разные, наиточнейшие, совершенно невообразимые для других способы выражения смысла. В таком случае придется поломать голову над логическим аппаратом, который должен быть абсолютно нетривиальным и тем не менее эффективным, то есть рабочим; к несчастью, учитывая, сколько людей брались за решение этой задачи и сколько они потратили времени, придумать что-либо действительно невероятное попросту не получится, даже случайно. Но это не должно останавливать; допустим, вы по редчайшему стечению обстоятельств (гораздо чаще мы ни о чем не подозреваем и твердо убеждены в своем первенстве) узнали, что ваш метод уже был использован. Что тогда? Продолжайте трудиться, и пусть вас вдохновляет тот факт, что за вами — творческий опыт безымянных гениев, вложивших свою фантазию в наши традиционные языки на благо (а также, к сожалению, на поругание) менее искусных и менее искусенных собратьев.

Что ж, полагаю, не стоит оттягивать далее. С вашего разрешения я процитирую несколько фрагментов на языке, созданном мною в часы досуга. На мой взгляд, это лучшие фрагменты, по которым вполне можно судить о принципах построения языка. Думаю, вас не интересуют ни фонологические ряды, над которыми я столько корпел, выводя на бумаге, сопоставляя и, так сказать, пробуя на вкус, ни фонетические конструкции, выпестованные мною в детстве и благополучно канувшие в Лету. Посему позволю себе не вдаваться в подробности строения этого языка и сразу перейду к текстам. Впро-

чем, некое предварение все же необходимо. Этот язык выражает мои личные фонетические пристрастия, причем, если можно так выразиться, в их обобщенном варианте, который есть результат взаимодействия моих предпочтений и сторонних влияний. У этого языка долгая — по моим меркам, разумеется — история, иначе писать на нем, тем более стихи, было бы невозможно. Повторюсь: это мой язык, и он выражает (и одновременно фиксирует) мои вкусы. Подобно мифологии, язык изначально выражает вкусы своего творца, а затем оседает в сознании и сливается с ним воедино, и разделить их уже не под силу никому. Я могу придумать множество слов и множество правил, коренным образом отличающихся от слов и правил этого языка, но в конечном итоге все равно возвращаюсь к нему, неумолимо и неотвратно, потому что это — мой язык.

Пожалуйста, примите во внимание, что язык этот предназначался для личного пользования, что создавался он «для себя», а вовсе не для того, чтобы с ним проводили научные эксперименты (даже носитель у него был один-единственный — сам автор). И потому в нем, тщательно — и напрасно — оберегаемом от посторонних взглядов, в избытке «красивостей», потому он семантически и фонетически сентиментален, притом, что значения слов, вероятнее всего, банальны донельзя, что в них не ощущается того кровотока, тех отголосков мировых потрясений, каких обыкновенно требуют критики. Прошу вас: будьте благожелательны и снисходительны, ибо, если у подобных творений имеются какие бы то ни было достоинства, они заключаются в их интимности, особенности, в их робкой индивидуальности. Публичное

обнажение души — тяжелейшее испытание, и я прекрасно понимаю стремление моих безвестных коллег сохранить свое увлечение в глубокой тайне.

Oilima Markirya

*Man kiluva kirya ninqe
oilima ailinello lúte,
níve qímari ringa ambar
ve maiwin qaine?*

*Man tiruva kirya ninqe
valkane wilwarindon
lúnelinqe vear
tinwelindon talalinen,
vea falastane,
falma pustane,
rámali tine,
kalma histane?*

*Man tenuva síru laustane
taurelasselindon,
ondoli losse karkane
silda-ránar,
minga ránar,
lanta-ránar,
ve kaivo-kalma;
hiro ulmula,
mandu tíma?*

*Man kiluva lómi sangane,
telume lungane
tollalinta ruste,
vea qalume,*

*mandu yáme,
aira móre ala tinwi
lante no lanta-mindon?*

*Man tiruva rusta kirya
laiqa ondolissen
nu karne vaiya,
uri nienaité hise
pike assari silde
óresse oilima?*

*Hui oilima man kiluva,
hui oilimaite?*

Последний корабль

*Кто увидит
белый челн, уходящий
в никуда под стоны
бледных призраков на борту
стоны горестные?*

*Кто узреет
этот призрачный челн
в море кипучем,
в море бурунном,
в море пенистом,
на крыльях парящий,
на сверкающих крыльях
в свете меркнущем?*

*Кто услышит,
как воеет ветер, листва шелестит,
как камни рычат*

*под луной тоскливой,
луной увядающей,
луной умирающей,
мертвенно-бледной;
поджидающей бездны
движение тяжкое?*

*Кто увидит,
как сгущаются тучи,
как клонится небо
к изможденным холмам;
пучину вздыбленную,
бездну разверстую
и тьму, нисходящую
с вековечных небес
на развалины башен?*

*Кто узреет
ладейный остов
на зеленых камнях,
блики тусклые
на костях белесых
утром последним?*

Кто узреет закат последний?

Nieninque

*Norolinde pirukendea
elle tande Nielikkilis,
tanya wende nieninqea
yar i vilya anta miqilis.
I oromandin eller tande
ar wingildin wilwarindeën,*

*losselie telerinwa,
tálin paptalasselindeën.*

Как легко заметить, это скорее песня, чем просто стихотворение. Дословно она переводится следующим образом: «Легко и радостно, вприпрыжку, шла малютка Ниэле, девушка-снежинка (*Nieninqe*), и ветерок срывал поцелуи с ее уст. А навстречу ей — лесные духи и феи вод, что кружились бабочками, светлые жители Волшебной Страны, и палая листва звенела в такт их шагам».

А вот пример более строгого, метрического слога:

Earendel

*San ninqeruvisse lütier
kyriasse Earendel or vea,
ar laiqali linqi falmari
langon veakyrio kirier;
wingildin o silqelosseën
alkantamèren úrio
kalmainen; i lunte linganer,
tyulmin talalinen aiqalin
kautáron, i suri laustaner.*

Буквальный перевод таков: «На белом коне плыл Эарендел, в ладье по морю стремил свой путь, и волны зеленые рассекала носом ладья. Пенные девы плескались в волнах, и волосы их белоснежные сверкали в лучах солнца; ладья гудела, как натянутая струна, и мачта гнулась под напором ветра, наполнявшего парус». (Ветер не «ревел» и не «завывал», а всего лишь «дул постоянно».)

Стихотворный же перевод будет звучать так:

Эрендел у руля

Белый скакун волну раздвигает,
 Белый корабль путь пролагает,
 Эрендел у руля.
 Седые валы грядут вереницей,
 Белая пена в клочья дробится,
 Брызги на солнце блестят.
 Всадники пенные — кудри льняные —
 Мчатся по-над волнами, шальные,
 Дикую песнь завели.
 И, голосам ликующим вторя,
 Зыблется, плещет зеленое море,
 Берег исчез вдалеке.
 Выгнулся парус, ветром богат,
 Струнами снасти тугие звенят,
 И нет предела пути.
 Эрендел у руля.
 Вперяет взор в бескрайний простор,
 Правит к Западу он.

В завершение процитирую еще один фрагмент, принадлежащий той же мифологической традиции, однако составленный на ином языке, пускай и родственном тому, о котором говорилось выше.

*Dir avosaith a gwaew hinar
 engluid eryd argenaid,
 dir Tumledin hin Nebrachar
 Yrch methail maethon magrad haid.
 Damrod dir hanach dalath benn
 ven Sirion gar meilien,
 gail Luithien heb Eglavar
 dir avosaith han Nebrachar.*

«В угрюмых, мрачных горах, где задувает ледяной ветер, от Небрахара до Тамледина (Ровной долины), воспрянули орки и пустились по следу. Дамрод (охотник) прошел разлогом и спустился, громко смеясь, к подножию гор, к пенному Сириону (река). И узрел он над мрачным Небрахаром прекрасную Лютиэн, чья красота затмевала сияние звезд».

* * *

Разумеется, ни эти фрагменты, ни весь цикл «мифологических» текстов не исчерпывают тех возможностей, которые открывает перед автором измышленный язык. На то, чтобы исчерпать подобные возможности во всем их многообразии, не хватит человеческой жизни; эти фрагменты лишь позволяют ощутить удовольствие, доставляемое поэтическим творчеством, и, как мне кажется, обостряют это удовольствие, делая его более осозанным. Комбинирование звуков ради удовольствия — занятие захватывающее: пробуя возникшее слово «на вкус», чувствуешь вдохновение сродни поэтическому. Фонетика безусловно уступает полифоничностью музыке (особенно в ее современном варианте); однако, применительно к языкотворчеству, она по-прежнему остается надежным, точным и эффективным инструментом.

Вдобавок в процессе языкотворчества «фонетическое удовольствие» укрепляется и обостряется другим, менее явным, — а именно удовольствием от определения и установления новых отношений между означающим и означаемым, между звуком и смыслом.

В поэзии, которая в наши дни строится почти исключительно на едва уловимых смысловых вариациях,

подчиняющих себе звуковой ряд, — в поэзии главным считается игра смысла, выявление истинного значения слова через раскрытие его многозначности. Словесная музыка, более или менее складная, своя у каждого поэта, крайне редко осознается автором и удостаивается его просвещенного (или непросвещенного) внимания. Лишь иногда мы вдруг задумываемся над тем, почему наше впечатление от какой-либо строчки или строфы не соответствует буквальному значению вереницы слов, ее составляющих, и принимаемся рассуждать о магии поэтического слова и сыпать наперебой иными, столь же бессмысленными выражениями. Как правило, под словесной музыкой мы понимаем самые грубые, самые доступные ее проявления — ритмику и аллитерацию, поэтому нам и невдомек, что слух или случай могут подсказать поэту мелодию строки — тогда и возникнет пресловутая «поэтическая магия», обостряющая восприятие подобно тому, как негромкая музыка, под которую человек читает или размышляет, обостряет впечатление от прочитанного или дает новое направление мыслям.

А с традиционными языками дело обстоит и того хуже, поскольку они, как сложилось исторически, целиком ориентированы на выражение смысла, и лишь изредка, по невероятно счастливой случайности, можно произнести на таком языке слово или фразу, которые сами лягут на мелодию.

К сожалению, дни, когда можно было исказить смысл слова в угоду «благозвучию», остались в далеком прошлом. А ведь так поступал, к примеру, тот же Гомер, да и в «Калевале», скажем, можно найти немало «фонетических» строк: «*Enkä lähe Inkerelle, Penkerelle, pänkerelle*» или «*Ihvenä, ahvenia, tuimena,*

taimenia», где *pänkerelle*, *ihveniä*, *taimenia* — «бес-содержательные» комбинации звуков, введенные в текст для рифмовки с «содержательными» *penkerelle* и *tuimenia*.

Построив искусственный язык на определенных принципах, твердо их придерживаясь и решительно отвергая искушение переделать то или иное правило под ту или иную конструкцию (о, это искушение единоличных властителей, безжалостно попирающих законы!), — соблюдая все эти условия, вы можете создавать на вашем языке стихотворные тексты, лишь немногим уступающие — или не уступающие вовсе — стихотворениям на языке традиционном. От «настоящей» поэзии эти тексты будут отличаться разве что вашей приверженностью эпическому канону (особенно если вы возьмете за основу сохранившиеся до наших дней древнеисландские или древнеанглийские фрагменты). Храня верность упомянутому канону, вы не сумеете передать многозначность: разумеется, ваши слова будут иметь значение, но опоры на реальный мир, насыщающий слово многосмысленностью, им не обрести, ибо они принадлежат ушедшей эпохе. Этой многосмысленности лишены, между прочим, и те традиционные языки, которые интересуют ныне только филологов — староанглийский, старонорвежский и даже, вопреки распространенному мнению, древнегреческий и латынь.

Тем не менее, едва вы придадите словам своего языка мало-мальски внятный смысл, перед вами откроются поистине необозримые горизонты. Вы ощутите себя наследниками минувших эпох. Вам не придется мучительно изобретать новое прилагательное, сходного по значению с которым нет ни в одном из

существующих языков. Достаточно будет сказать: «зеленое солнце» или «мертвая жизнь» — и отпустить на волю свою фантазию.

Язык дисциплинирует и питает воображение и, одновременно, обретает через него подлинную свободу. Что достовернее, что точнее — то, что новое прилагательное порождает в сознании диковинные и невообразимо прекрасные образы, или то, что эти причудливые, благолепные образы дают жизнь новому прилагательному?

ЛИСТ НИГМА

Перевод Юрия Соколова

Жил некогда маленький человек — назовем его Нигглом, а иначе Простецом, — которому предстояло долгое путешествие. Он не хотел трогаться в путь, уже сама мысль об этом казалась ему неприятной, но выбора у него не было. Он знал, что настанет время и придется сниматься с места, однако ж не спешил с приготовлениями.

Наш Ниггл был художником — не из тех, что имеют успех, — слишком много находилось у него разных дел. По большей части дела эти казались ему попросту нудными, но исполнял он их добросовестно — если только не удавалось отвертеться, что на его взгляд выходило нечасто, потому что законы в стране, где он жил, были довольно строгими. Находились и иные помехи. Во-первых, временами он просто лодырничал и ничего не делал. Во-вторых, он был в известной степени мягкосердечен. Знаете, как бывает с добрыми людьми: мягкое сердце скорее лишит их покоя, чем заставит что-либо сделать; всякий раз, совершая какой-либо поступок, Ниггл

ворчал, сердился, а то даже ругал самого себя. Но в то же время сердце частенько подвигало его на разнообразные труды в помощь соседу — хрому мистеру Пэришу, иначе Ближнему. Иногда он помогал и кое-кому из более далеких — если те приходили сами и просили о помощи. Время от времени Ниггл вспоминал о предстоящем путешествии и начинал паковать вещи, но как-то небрежно, и в такие времена ему было не до живописи.

Он написал много картин, только по большей части они были слишком велики и честолюбивы для его мастерства. Ниггл был из тех художников, которым листья удаются лучше, чем деревья. И обычно он подолгу вырисовывал один-единственный лист, пытаясь в точности передать его форму, оттенок... даже бусинки росинок на краях. Однако он мечтал нарисовать целое дерево — так, чтобы все листья были сразу и похожи и в то же время различны.

В особенности вдохновляла его воображение такая картина. Начиналась она с подхваченного ветром листка, тот становился деревом, дерево росло, разбрасывало бесчисленные ветви и буравило землю невероятно корявыми и причудливыми корнями. К нему прилетали и опускались на ветви странные птицы, их тоже следовало изобразить. А затем вокруг Дерева и за ним, в прорехах между листвой и ветвями, начинали открываться окрестности: по земле шествовал лес, над ним маячили увенчанные снегом вершины. Ниггл вовсе потерял интерес к другим сюжетам, а те, от которых не получалось отделаться, старался пристроить где-нибудь возле краев своей огромной картины. Вскоре холст сделался таким большим, что ему пришлось завести лестницу, и Ниггл сновал по ней вверх и

вниз, нанося и убирая мазки. Когда к нему приходили люди, он держал себя вежливо, и только крутил карандаши, оказавшиеся на столе. Ниггл терпеливо выслушивал все, что ему говорили, но думал при этом лишь о гигантском полотне, ожидавшем своего создателя в высоком сарае, который он сам же и построил в саду — на месте грядки, где прежде выращивал картошку.

Ниггл никак не мог избавиться от своего мягко-сердечия.

— Эх, быть бы мне потверже, — иногда говорил он себе самому... И это означало: неплохо, чтобы беды других людей поменьше задевали меня. Но ведь ему уже давно никто особенно не мешал.

— В любом случае, я должен еще написать свою картину, свою истинную картину, прежде чем придется отправляться в это паскудное путешествие. — Однако он уже начинал подозревать, что бесконечно откладывать столь значительное событие невозможно. Так что ему пришлось ограничить размеры картины, чтобы только получить возможность наконец закончить ее.

Однажды Ниггл стоял в нескольких шагах перед своей картиной и, забыв обо всем, разглядывал ее самым придирчивым и тщательным образом. Он не знал, что думать о ней, и жалел, что не имеет друга, способного подсказать ему какие-нибудь идеи. С одной стороны, картина абсолютно не удовлетворяла его, и все же она казалась по-настоящему живописной, единственной истинно прекрасной картиной на свете. Ему хотелось в этот миг одного: войти сейчас в студию, похлопать по плечу себя самого — стоящего у картины, — и с полной искренностью сказать: «А знаешь, великолепно! Кто-кто, а уж я понимаю, чего ты добиваешься. Так продолжай же,

твори и ни о чем не думай. А я выхлопochу тебе почетный пенсион».

Однако до пенсии не дошло. Более того, стало ясно одно: чтобы закончить картину, даже при ее нынешних размерах, необходимо сосредоточиться и поработать — усердно и не отвлекаясь. Ниггл закатал рукава и начал сосредотачиваться. Несколько дней он старался даже не думать ни о чем другом. Но потом неприятности хлынули дождем. В доме его все ломалось; к тому же приходилось еще ездить в город и участвовать в заседаниях суда; заболел далекий друг; мистер Пэриш слег с прострелом; наезжали все новые и новые гости. Была весна, и всем хотелось попить чайку на свежем воздухе, а Ниггл жил далеко от города — в уютном маленьком домике. В душе он ругал приезжих, но нельзя было отрицать, что он сам и пригласил их, — еще зимой, когда посещение магазинов и чай со знакомыми не казались ему досадной докукой. Он попытался ожесточить свое сердце — но без успеха. Увы, существовало много такого, от чего нельзя было отказаться, пусть и не все подобные дела он считал обязательными для себя. Некоторые из посетителей намекали, что он запустил свой сад и что ему может нанести визит *инспектор*. Конечно, немногие знали о его картине, но и знай они — особенной разницы не было бы. Сомневаюсь, чтобы эти люди сумели усмотреть в картине нечто существенное. Осмелюсь сказать — она была не слишком уж хороша, хотя попадались в ней и неплохие находки. Например, само Дерево — прелюбопытная штука, уникальная, даже... по-своему. Впрочем, как и сам Ниггл, человек весьма ординарный и даже несколько недалекий.

Наконец время для Ниггла действительно сделалось драгоценностью. Его знакомые, обитавшие в далеком городе, начали вспоминать, что маленькому человеку предстоит хлопотное путешествие, некоторые даже принялись вычислять, насколько он сумеет еще затянуть отъезд. Все гадали, кому достанется дом, и жалели, что сад настолько запущен.

Пришла осень с сильными дождями и ветром. Маленький художник работал в своем сарае. Он стоял на лестнице, пытаясь уловить отблески закатного солнца на снеговой вершине, которую успел заметить слева от усыпанной листьями верхушки одной из ветвей Дерева. Он знал, что пора в дорогу — быть может, в начале следующего года — и что времени едва хватит на завершение картины, и то на скорую руку: оставались уголки, где ему приходилось ограничиваться лишь намеком на то, что хотелось бы изобразить.

В дверь постучали.

— Войдите! — бросил Ниггл и спустился с лестницы, продолжая вертеть в руках кисть. Явился сосед, мистер Пэриш, единственный настоящий сосед его, все остальные жили далеко. И все же этот человек не очень нравился Нигглу — отчасти оттого, что так часто попадал впросак и нуждался в помощи; отчасти же потому, что мистер Пэриш, не разбираясь в живописи, весьма придирчиво относился к садам. И глядя на участок Ниггла — это случалось часто — замечал на нем одни лишь сорняки, а оказываясь перед картиной — что бывало много реже — усматривал на ней лишь зеленые и серые пятна да черные линии, а смысла в них никакого не находил. О сорняках он упомянуть не забывал — по праву соседа, — а вот о картине

предпочитал не высказываться. Он полагал, что тем самым проявляет снисхождение к Нигглу, не понимая, что если и проявляет доброту, то все же в недостаточной мере: следовало помочь с прополкой и похвалить картину.

— Ну, Пэриш, что там у вас? — спросил Ниггл.

— Понимаю, что мне не следовало бы беспокоить вас, — проговорил Пэриш, даже не глянув на картину. — Конечно, вы такой занятой человек.

Ниггл как раз собирался сказать именно нечто в этом же роде, но не успел. А потому ограничился коротким «да».

— Но, кроме вас, мне просто не к кому обратиться, — продолжал Пэриш.

— Это так, — согласился Ниггл со вздохом из разряда тех, которыми выражают чувства, не стараясь сделать их незаметными. — Чем же я могу помочь вам?

— Моя жена больна уже несколько дней, и я начинаю тревожиться, — начал Пэриш. — Потом ветер сорвал половину черепиц с крыши, и в спальне протек потолок. По-моему, нужно вызвать врача. И строителей тоже, только они всегда так тянут с приездом. Я хотел узнать, не найдется ли у вас досок и холста, чтобы залатать кровлю, тогда я бы сумел протянуть день-другой. — И он глянул на картину.

— Дорогой мой! — проговорил Ниггл. — Как вам не везет. Надеюсь, что у вашей жены обычная простуда. Я немедленно забегу к вам, чтобы мы смогли перевести страдалицу вниз.

— Весьма благодарен, — довольно прохладным тоном отвечал Пэриш, — но у нее не простуда, а лихорадка. Я не стал бы тревожить вас ради какого-то пустяка. Моя жена лежит внизу — не при моей ноге бегать вверх-вниз с подносами. Но вижу —

вы заняты. Извините, что побеспокоил. Я надеялся, что, понимая мое положение, вы сможете выделить время и съездить за врачом... и за строителями тоже, раз у вас нет подходящей холстины.

— Конечно, — отвечал Ниггл, хотя в сердце его звучали другие слова; впрочем, оно по-прежнему оставалось мягким. — Почему бы не съездить... съезжу, раз вы действительно так волнуетесь.

— Волнуюсь, — отвечал Пэриш, — и еще как. Не был бы я хром!..

И Ниггл пошел. Вы понимаете, что иначе он не мог поступить. Пэриш был его соседом, все прочие люди жили весьма и весьма далеко. Кроме того, велосипед был у Ниггла, а не у Пэриша. Да тот бы и не смог съездить, потому что был хром — по-настоящему, — и больная нога досаждала ему... об этом не следовало забывать, глядя на кислую физиономию и выслушивая неприятный голос. Конечно, у Ниггла была его картина, и времени на завершение работы уже не оставалось, но с этим следовало считаться скорее Пэришу, а не Нигглу. Пэриш же вообще был невысокого мнения о картинах, и Ниггл с этим ничего поделать не мог.

— Черт! — сказал он себе самому, выкатывая велосипед.

День был ветреный и сырой, уже вечерело.

«На сегодня работа окончена!» — подумал Ниггл, и по дороге он все ругал себя, представлял прикосновения кисти к той самой, окутанной лиственной пеной горе, которую впервые увидел весной. Пальцы его дергались, не выпуская рукоятки руля. Оставив свой сарай, он тут же сообразил, как нарисовать ту весеннюю зелень, обрамлявшую далекие горы. Но в сердце его шевелились плохие предчувствия: он опасался, что не сумеет доделать намеченное.

Ниггл отыскал врача и оставил записку строителю: контора была закрыта, владелец отправился к домашнему очагу. Ниггл насквозь промок и простудился. А доктор и не подумал спешить. Явился он только на следующий день — тем паче что в двух соседних домах его ожидали уже двое пациентов. Ниггл с высокой температурой лежал в постели и в голове его и на потолке удивительным образом переплетались ветви и листья. Он узнал, что у миссис Пэриш обыкновенная простуда, что жена соседа начала вставать, но это его не утешило. Ниггл повернулся к стене и зарылся лицом в листву.

Какое-то время он провел в постели, ветер по-прежнему дул. Он сорвал с крыш еще не одну черепицу, и теперь кровля потекла и у самого Ниггла. Строитель не явился, но Ниггла это не беспокоило — день или два. А потом он выполз из дома, чтобы поискать еды (жены у Ниггла не было). Пэриш к нему не заходил — хромяя нога разболелась от сырости, а миссис Пэриш собирала тряпкой воду с пола и жаловалась, дескать, Ниггл-то не захотел заглянуть к строителю. Конечно, если бы ей самой вдруг потребовалось бы занять что-нибудь полезное у художника, тогда — с ногой или без ноги — мистер Пэриш немедленно отправился бы к соседу; но ей ничего не было нужно, и Ниггла предоставили самому себе.

Лишь в конце недели Ниггл направился в свой сарай. Он попытался подняться на лестницу, но голова закружилась. Он сел и принялся разглядывать картину, но мысленный взор его в тот день не видел ни листьев, ни далеких гор. Он сумел бы нарисовать разве что песчаную пустыню — вид издали — но сил не было.

На следующий день он почувствовал себя лучше, взобрался на лестницу и начал рисовать. И едва погрузился в дело, как в дверь постучали.

— Черт! — сказал Ниггл. Но дверь отворилась, словно он вежливо пригласил: «Заходите». На этот раз вошел очень высокий и совершенно незнакомый художнику мужчина.

— Это частная студия, — проговорил Ниггл. — Я занят. Уходите.

— Я инспектор домостроения, — заявил мужчина, показывая визитную карточку, так чтобы Ниггл смог с лестницы увидеть ее.

— Ох! — только и произнес Ниггл.

— Дом вашего соседа находится в неудовлетворительном состоянии, — продолжил инспектор.

— Знаю, — отвечал Ниггл. — Записку строителям я отнес довольно давно, но они так и не явились. А потом я заболел.

— Понимаю, — отвечал инспектор. — Но сейчас то вы не больны.

— Я не строитель. Пэриш мог бы написать жалобу в Городской совет и попросить, чтобы к нему направили бригаду ремонтников.

— У них там дела посерьезнее, чем у вас, наверно, — проговорил инспектор. — В долине случилось наводнение, многие семьи лишились крова. Вам следовало помочь соседу, временные меры могли бы предотвратить дальнейшее разрушение крыши и облегчить последующий ремонт. Таков закон. Материала вполне хватило бы: здесь есть холст, доски, водостойкая краска.

— Где вы все это видите? — вознегодовал Ниггл.

— Вот! — инспектор показал на картину.

— Но это моя картина! — воскликнул Ниггл.

— Согласен, — ответил инспектор. — Но дом — дело более важное. Таков закон.

— Но я не могу... — Ниггл не договорил, потому что в этот самый миг в студию вошел другой мужчина. Он был очень похож на инспектора, — почти двойник: высокий и весь в черном.

— Пошли! — сказал он. — Я — Возница.

Ниггл скатился с лестницы. Лихорадка как будто вернулась, голова пылала, и его сотрясал озноб.

— Возница? Возница? — бормотал он. — Какой еще Возница?

— Вашей кареты, — сказал мужчина. — Ее заказали для вас довольно давно. И вот она наконец ждет вас. Знайте — сегодня вы отправляетесь в путешествие.

— Эй! — окликнул инспектор. — Вы должны ехать, однако, нельзя пускаться в путь, не окончив дел. Впрочем, теперь мы хотя бы сможем воспользоваться вашим холстом.

— Боже! — проговорил бедный Ниггл со слезами на глазах. — А я даже не окончил картину!

— Как это не окончил? — переспросил Возница. — Напротив, картина завершена, — хотя бы потому, что вы к ней более отношения не имеете. Пошли.

И Ниггл пошел — без особого возмущения. Возница не дал ему времени на сборы, сказав, что ими следовало заниматься раньше, а теперь можно опоздать на поезд; поэтому Ниггл сумел прихватить лишь крохотный чемоданчик, стоявший в коридоре. В нем обнаружили краски и альбом с его же собственными набросками: ни еды, ни свечей. Но на поезд они успели. Ниггл очень устал, ему так хотелось спать, что когда его погрузили в купе, он даже не огляделся по сторонам. Ему было все равно, он за-

был и куда направляется, и зачем ему это понадобилось. Поезд сразу же провалился в темный туннель.

Пробудился Ниггл на очень большом и едва освещенном вокзале. Вдоль платформы шествовал Носильщик, но выкрикивал он не название станции, а фамилию Ниггла.

Тот поспешно выскочил наружу, при этом позабыв чемоданчик в купе, и едва повернулся, как поезд уже тронулся.

— А, вот и вы! — сказал Носильщик. — Вам сюда! Что? Нет багажа? Значит — на исправительные работы.

Нигглу стало худо, и он лишился чувств прямо на платформе. Вызвали «скорую помощь» и его отвезли в больницу при исправительной колонии.

Лечение ему не понравилось. Все лекарства были горькими. Персонал оказался недружелюбен, молчалив и строг; кроме них он никого не видел, только изредка заходил суровый доктор. В общем, он скорее находился в тюрьме, а не в госпитале. Ему приходилось много работать в отведенное для этого время: копать, плотничать, красить доски — в один цвет. Из дома его не выпускали, и все окна были обращены на внутренний двор. Ниггла подолгу держали в темноте, как говорили — «чтобы подумал», и он потерял счет времени. Но лучше себя чувствовать не стал — если судить по тому, что ничто здесь не приносило ему удовольствия... Даже отдых, когда можно было лечь в постель.

Поначалу — в течение первого столетия или около того (я просто передаю его впечатления), он продолжал бесцельно переживать прошлое. И часто приговаривал, лежа в темноте: «Эх, если б я только заглянул к Пэришу сразу, когда задул сильный ветер.

Я же и сам хотел это сделать. Когда сорвались только первые черепицы, все можно было легко поправить. Тогда миссис Пэриш даже не простудилась бы. Как и я сам. Тогда у меня бы осталась еще неделя». А потом он забыл, зачем ему была нужна эта неделя. Теперь его беспокоили только собственные труды в больнице. Он стал планировать их: прикидывал, сколько времени уйдет на то, чтобы укрепить эту доску, перевесить ту дверь, починить ножку того стола. Наверно, он сделался и в самом деле полезным, хотя об этом ему никто не говорил. Но конечно, держали там нашего маленького человека по иной причине. Должно быть, ожидали, когда ему сделается «легче» — по каким-то загадочным медицинским стандартам.

В любом случае жизнь не приносила бедному Нигглу удовольствия, точнее того, в чем он сам привык находить радость. Ничего веселого здесь не было. Но трудно отрицать: он начал чувствовать, скажем, удовлетворение, — скорее хлеб, чем джем. Он мог взяться за работу прямо со звонком и отложить ее в сторону, едва услышав отбой, — чтобы снова приняться за дело, когда настанет время. Теперь за день Ниггл успевал сделать многое, и всегда аккуратно заканчивал небольшие работы. Личного времени у него не было — за исключением проводимого в спальне — и все же он стал хозяином его; Ниггл начал понимать, что с ним — с этим временем — следует делать. Спешки не было, он успокоился, и научился отдыхать по-настоящему в свободное время.

А потом вдруг ему изменили весь распорядок: находиться в постели более не позволяли, освободили от плотницкого дела и велели просто копать — день за днем. Он не возражал. И даже не

стал рыться в памяти, отыскивая почти позабытые проклятия.

Он копал до тех пор, пока спина не стала надламываться... наконец он сбил себе руки и понял, что уже не поднимет лопату. Никто не подумал поблагодарить его. Только доктор зашел, чтобы поглядеть на Ниггла.

— Все, — сказал он. — Теперь полный отдых — во тьме.

Ниггл отдыхал лежа в темноте; он ничего не чувствовал и не думал, даже не мог понять, сколько лежит — час или многие годы. И тут он услышал Голоса — но не те, которые слышал до этого. Шел медицинский консилиум, или же заседание бюро расследований. Все происходило где-то рядом в соседней комнате — при открытых дверях наверно — но света он не видел.

— А теперь дело Ниггла, — сказал Голос, куда более строгий, чем докторский.

— И что же с ним случилось? — проговорил Второй Голос, который, пожалуй, можно было назвать кратким, только мягким он не был: в нем слышалась власть, но в то же время печаль и надежда. — Что же случилось с Нигглом? Сердце у него было на месте.

— Да, но работало не совсем хорошо, — произнес Первый Голос

— И голова тоже — он ею почти и не пользовался. Сколько же времени потратил даром, и даже себя не потешил. Он так и не приготовился к Путешествию. Жил как вполне обеспеченный человек, но сюда явился совсем разоренным, пришлось даже поместить его в крыло для бедняков. Скверный случай, боюсь ему придется побыть здесь подольше.

— Возможно, от этого не будет вреда, — проговорил Второй Голос. — Но Ниггл, увы, всего лишь

маленький человек. Он не предназначался на важную роль, и сильным никогда не был. Посмотрим в Записях. Там есть кое-что свидетельствующее в его пользу.

— Безусловно, — согласился Первый Голос, — но тщательную проверку выдержат немногие доказательства.

— Итак, — продолжил Второй Голос. — Он был художником по природе своей. Конечно не из одаренных, однако листья, нарисованные Нигглом, имеют определенное очарование. Он потратил много труда на листья — просто так, ради них самих, и при этом никогда не считал, что это делает его сколько-нибудь значительной фигурой. В Записях не упомянуто, чтобы он даже в собственных мыслях пренебрегал требованиями закона по этой причине.

— И все-таки он не выполнил слишком многого, — продолжил Первый Голос.

— Тем не менее он много раз отвечал на Зов.

— Процент невелик, выбирал, что полегче и еще называл Помехами. В Записях это слово встречается повсюду, вместе с изрядным количеством жалоб и дурацких проклятий.

— Верно; но конечно же ему, бедному маленькому человечку, все это казалось помехой. И еще вот что: в отличие от многих, он никогда не рассчитывал на компенсацию. Возьмем дело Пэриша — он поступил позднее. Пэриш приходился Нигглу соседом, но ни разу не пошевелил ради него пальцем, даже благодарил нечасто. Но в Записях не говорится о том, что Ниггл рассчитывал на благодарность Пэриша, похоже, ему это и в голову не приходило.

— Да, это говорит в его пользу, — отвечал Первый Голос, — но не слишком. Скорее всего обнару-

жится, что Ниггл обычно просто забывал обо всем, что делал для Пэриша.

— Но вот в последнем отчете, — проговорил Второй Голос, — числится эта поездка на велосипеде в дождь и ветер. Я бы подчеркнул последнее обстоятельство, поскольку вижу в этом поступке истинное самопожертвование: ведь Ниггл уже догадывался, что уже не получит возможности дописать картину... кроме того, он отдавал себе отчет в том, что Пэриш проявил чрезмерную мнительность.

— Полагаю, что ты сгущаешь краски, — проговорил Первый Голос. — Но последнее слово за тобой. Это твоя обязанность трактовать факты самым выгодным для них образом. Иногда это соответствует истине. Что же ты предлагаешь?

— Я думаю, что пора переходить уже к мягкому исправлению.

Нигглу казалось, что он не слышал ничего благодатнее этого голоса. В двух словах — «мягкое исправление» — слышались богатые дары, приглашение на царский пир. Его словно похвалили при людях, причем все — и он сам в том числе, — знали, что хвала не заслужена. Стыд свой Ниггл укрыв под грубым одеялом.

Наступило молчание. Потом совсем рядом Первый Голос обратился к Нигглу.

— Ты слышал?

— Да, — отвечал Ниггл.

— Ну и что ты можешь сказать?

— А что с Пэришем? — спросил Ниггл. — Мне хотелось бы встретиться с ним. Надеюсь, теперь он не очень болен? А ногу его можно вылечить? Она все время так досаждала ему. И пожалуйста не беспокойтесь о наших взаимоотношениях. Он был очень хорошим соседом и продавал мне по

дешевке великолепную картошку, что сохранило мне целую кучу времени.

— В самом деле? — спросил Первый Голос. — Рад это слышать.

Снова наступило молчание. Голоса, как слышал Ниггл, удалились.

— Хорошо, согласен, — проговорил Первый Голос. — Переходим к следующему этапу. Завтра, если ты хочешь.

Проснувшись, Ниггл обнаружил, что плотные шторы подняты и его маленькая каморка полна солнечного света. Он встал и обнаружил возле постели вполне удобную и не больничную одежду. После завтрака врач посмотрел его стертые руки и помазал их какой-то мазью, сразу исцелившей болячки. Потом дал Нигглу добрый совет и бутылку тоника — на всякий случай, если потребуется. Ближе к полудню Ниггла угостили бисквитом и налили бокал вина, а потом снабдили билетом.

— Вы можете немедленно отправляться на станцию, — сказал врач. — А там Носильщик покажет. До свидания.

Ниггл выскользнул из главной двери и заморгал: солнце оказалось неожиданно ярким. Кроме того, он рассчитывал обнаружить перед собой крупный город, под стать вокзалу, но вышло иначе. Он стоял на вершине холма, зеленой, безлесной, продуваемой свежим ветром. Вокруг ничего не было. Далеко внизу поблескивала крыша вокзала.

Он решительно, но без особой спешки направился к станции. Там его сразу же заметил Носильщик.

— Сюда! — сказал он и отвел Ниггла к перрону, возле которого уже дожидался симпатичный пригородный поезд: один вагончик с небольшим парово-

зиком. Оба яркие, чистые, только что выкрашенные. Похоже было, что им предстоит первый рейс. Даже железнодорожный путь казался новеньким, рельсы блестели, подушки были выкрашены зеленой краской, а прогревшиеся на солнце шпалы испускали восхитительный запах свежей смолы. Вагончик был пуст.

— Куда же идет этот поезд, Носильщик? — поинтересовался Ниггл.

— Едва ли это место уже успело получить имя, — ответил тот. — Но вы сразу узнаете его.

Он закрыл дверь и поезд немедленно тронулся с места. Ниггл откинулся на спинку сиденья. Паровозик пыхтел в глубокой выемке с зелеными высокими откосами, вверху крыши голубело небо. Прошло не так уж много времени, и паровозик присвистнул, скрипнули тормоза, поезд остановился. Не было ни станции, ни таблички, лишь вверх по откосу тянулась лестница. Заканчивалась она калиткой в опрятной зеленой изгороди. Возле калитки стоял велосипед; по крайней мере нечто совершенно неотличимое от него. К рулю была привязана желтая табличка с выведенной на ней крупными черными буквами фамилией:

НИГГЛ.

Распахнув настежь воротца, Ниггл вскочил на велосипед и покатил вниз по освеженному весенним солнышком склону. Вскоре он обнаружил, что исчезла тропинка, по которой он начинал свой путь, и теперь под колесами велосипеда оказался дивный дерн: зеленый и плотный, хотя в нем можно было различить любую травинку. Где-то он видел этот лужок... или трава эта приснилась ему когда-то. Местность становилась знакомой. Да, сперва она

выровнялась, как и должно быть, а потом, конечно же, пошла на подъем. Огромная зеленая тень заслонила от него солнце. Ниггл поглядел вверх и свалился с велосипеда.

. Перед ним стояло Дерево, его Дерево — наконец завершенное, если можно сказать такое о живом дереве... листья его трепетали, а ветви шевелил ветерок, о котором Ниггл так часто догадывался и даже ощущал временами, но тем не менее почти никогда не умел изобразить. Он глядел на Дерево, а потом неторопливо поднял руки и широко развел их.

— Это — дар! — проговорил он. Имел он в виду искусство вообще, а в частности — результат, но словом воспользовался в буквальном смысле.

Он все глядел на Дерево. Листья, над которыми он трудился, оказались на своем месте, и притом были они не такими, какими он изобразил их, а какими видел. Попадались и такие листья, что только грезились ему, много находилось и тех, что еще только могли бы пригрезиться, будь у него для этого время. На них ничего не было написано, на роскошной-то зелени. И все-таки на каждом из них словно была проставлена дата из календаря. Некоторые из самых прекрасных... самых характерных, самых совершенных примеров стиля Ниггла значились созданными в соавторстве с мисте-ром Ближним — именно так.

А на дереве гнездились птицы. Удивительные птицы: как же они пели! Они ухаживали друг за другом, проклевывались из яиц, отращивали перья, и, распевая, прямо на глазах его улетали в Лес. Теперь Ниггл увидел и Лес, разбегавшийся в обе стороны, уходивший вперед. Вдалеке над ним сверкали Горы.

Спустя некоторое время Ниггл повернулся к Лесу. Не потому, что Дерево ему надоело, напротив, оно словно запечатлелось в его голове, и он видел Дерево внутренним взором, даже когда не глядел в его сторону. Отойдя от него, Ниггл заметил странную вещь: Лес, конечно же, оставался далеким, однако при том к нему можно было приблизиться, даже войти, не утратив этого ощущения. Прежде он никогда не мог приблизиться к далям, не преобразовав их сперва в простые окрестности. Подобные фокусы воображения добавляли немало привлекательности пешеходным прогулкам в сельской местности. Он шел, открывались все новые дали, их можно было удвоить, утроить, учетверить, тем самым удваивая, утраивая и учетверяя очарование. Можно было идти и идти, и земля вокруг становилась садом — или картиной, если уж использовать это слово. Можно было идти и идти — но, наверно, не беспредельно. Там далеко впереди были Горы. Они приближались, но очень медленно. Картине они не принадлежали, скорее связывали ее с чем-то иным, словно бы между деревьев проглядывало нечто далекое — следующий этап, другая картина.

Ниггл шагал, но не праздно гуляя: он приглядывался к окрестностям. Дерево было закончено, хоть нельзя было сказать, что сделал это он сам.

— Просто теперь оно видится по-другому, — заключил Ниггл. Однако в лесу оказалось множество незавершенных уголков, требовавших работы и мысли. Не было нужно что-то менять, все было правильно, — но работу следовало продолжить, чтобы достичь определенного результата. И Ниггл в каждом случае ясно видел конечную цель.

Он сел под прекрасным далеким деревом — вполне самостоятельной вариацией на тему его Великого

Дерева; впрочем, если уделить ему внимание, отличия можно было и подчеркнуть — и стал размышлять: с чего начать, где окончить, и сколько времени потребуется на все дело. Однако все как-то не складывалось.

— Конечно! — проговорил Ниггл. — Мне необходим Пэриш. О земле, растениях и деревьях он знает куда больше, чем я. Здесь не мой личный сад, мне нужны совет и помощь, и чем быстрее, тем лучше.

Он встал и направился к тому месту, откуда решил начать работу и снял пальто. И вдруг, в теневой низинке он увидел человека, озиравшегося в изрядном недоумении. Тот стоял, опершись на лопату, но очевидно, не знал, что ему делать. Ниггл окликнул его.

— Пэриш!

Тот подошел, взяв на плечо лопату. Пэриш все еще прихрамывал. Они не сказали друг другу ни слова, просто кивнули, как делали, встречаясь в аллее, а потом пошли рядом — рука об руку. По-прежнему молча, Ниггл и Пэриш дружно выбрали место, на котором им предстояло поставить небольшой дом и разбить садик, казавшийся здесь просто необходимыми.

Когда они приступили к работе, стало ясно, что теперь уже Ниггл лучше распоряжается и делом, и временем. Как ни странно, теперь именно он был поглощен строительством и садоводством. Пэриш же часто любовался деревьями — и особенно Деревом.

Однажды днем Ниггл высаживал зеленую изгородь, а Пэриш лежал рядом, внимательно разглядывая прекрасный желтый цветочек среди зеленой травы. Давным-давно Ниггл в изрядном количестве поместил их возле корней Дерева. Вдруг Пэриш по-

глядел вверх, лицо его лоснилось на солнце, он улыбался.

— Великолепно! — проговорил он. — Но если честно, мне здесь не положено быть. Спасибо, что вы замолвили за меня слово.

— Ерунда, — проговорил Ниггл. — Не помню, что я там говорил, все было совсем не так.

— Нет же, — возразил Пэриш. — Поэтому меня выпустили скорее. Второй Голос послал меня сюда, потому что вы захотели видеть меня. Я в долгу перед вами.

— Нет, — возразил Ниггл. — Это мы оба в долгу перед Вторым Голосом.

Так они жили и работали вместе... Не знаю, сколько времени это продлилось. Не следует отрицать: поначалу они, бывало, даже спорили, в особенности, когда уставали. Сперва они еще уставали. А потом вспомнили, что их снабдили тонизирующим средством. На каждой бутылочке было написано: «Несколько капель перед отдыхом накапать в воду, взятую из Ключа».

Родник они обнаружили в самом сердце Леса; когда-то давно Ниггл задумал его, но так и не нарисовал. А теперь он понял, что Ключ этот питает тихое озеро, поблескивавшее вдалеке, и поит все, что росло вокруг. Несколько капель тоника делали воду чуть вяжущей, пожалуй, горькой, но бодрящей, прояснявшей голову. Попив, они отдыхали — разойдясь поодаль — а потом поднимались и весело принимались за дело. Тогда-то Нигглу представлялись чудесные новые цветы и растения, а Ближний всегда в точности угадывал, где и как посадить их, чтобы вышло лучше. В тонизирующем эликсире они перестали нуждаться задолго до того, как он кончился. Пэриш перестал хромать.

Работа приближалась к концу, и они уже могли позволить себе побродить вокруг, поглядеть на деревья и цветы, краски и очертания леса. Иногда они пели вместе, но Ниггл обнаружил, что глаза его теперь все чаще и чаще обращаются к Горам.

Настало время, когда и дом в низине, и сад, и трава, и озеро — словом, вся местность — обрели окончательный облик, и все стало таким, как и следовало быть. Великое Дерево оделось цветами.

— Сегодня к вечеру мы закончим, — однажды сказал Пэриш. — А завтра хорошенько пройдемся.

Они вышли с утра и шагали, пока не добрались наконец до края. Конечно, никакой видимой линии, забора или стены, там не было, однако им было понятно, что страна их закончилась. Вниз по травянистому склону горы к ним спускался мужчина — с виду пастух.

— Вам нужен проводник? — спросил он. — Вы направляетесь дальше?

На миг между Нигглом и Пэришем пролегла тень — потому что Ниггл знал, что идти не хочет, но в известном смысле обязан; а Пэриш идти не хотел, потому что не был готов к пути.

— Я должен подождать жену, — сказал Пэриш Нигглу. — Ей будет здесь одиноко. Мне намекнули, что ее рано или поздно пошлют следом за мной, — когда настанет срок, и я все здесь для нее приготавлию. Дом построен, мы старались, и мне бы хотелось показать его ей. Она сумеет поправить жильё изнутри, сделать его уютнее. Надеюсь, что ей понравятся и здешние края.

Он повернулся к пастуху.

— Вы здесь проводник? — спросил Пэриш. — А не скажете ли вы мне, как называется эта земля?

— Разве вы не знаете? — ответил мужчина. — Это страна Ниггла. Или Картина Ниггла, если назвать ее в целом, а малая доля этой земли теперь именуется Садам Пэриша.

— Картина Ниггла! — удивился Пэриш. — И все это выдумали вы, Ниггл? Вот уж не предполагал за вами такого ума. Почему вы мне сразу не сказали об этом?

— Он уже давно пытался сказать вам, — сказал человек, — но вы не желали его слушать. В те дни под рукой у него были лишь краски да холст, а вы хотели починить свою крышу его картиной. А теперь находитесь в ней... помните, вы с женой именовали ее Блажью Ниггла или Той Самой Мазней.

— Но тогда все выглядело иначе, не было столь реальным, — проговорил Пэриш.

— Да, тогда вы могли увидеть лишь далекий отсвет, — проговорил мужчина. — Но вы все-таки могли бы заметить его, если бы сочли необходимым сделать усилие.

— Но я ничем не помог вам в этом, — проговорил Ниггл. — И ни разу не попытался объяснить. А про себя называл вас Старым Кротом. Но что в том? Мы жили и работали вместе. Все могло бы сложиться иначе, но лучше — едва ли. Тем не менее боюсь, что мне придется идти. Мы встретимся снова, не сомневаюсь, мы еще многое сделаем вместе.

— До свидания! — Он тряхнул руку Пэриша — добрую, твердую и честную. Потом обернулся и поглядел назад. Цветы на Великом Дереве горели словно пламя. Птицы детали над ним и пели. Он улыбнулся и, кивнув Пэришу, шагнул к пастуху.

Теперь Нигглу предстояло многое узнать об овцах и о высоких пастбищах, а еще заглянуть в широкое небо, продвигаясь все выше и выше — к Горам. Не могу вам сказать, что было с ним дальше. Далекие Горы эти маленький Ниггл видел еще из своего старого дома, краем своим их вершины попали и на его картину; однако на что похожи они на самом деле, и что за ними лежит, может сказать лишь тот, кто поднимался на них.

— А я думаю, что он был просто никчемным ничтожеством, — сказал советник Томкинс. — Какую пользу принес он обществу?

— Ох, не знаю, — проговорил Аткинс, человек не из видных, простой директор школы. — Но я не стал бы высказываться настолько решительно: все зависит от того, что понимать под пользой.

— Ни практической, ни коммерческой пользы, — продолжил Томкинс. — Смею сказать, из него мог бы получиться вполне пригодная к делу мелкая сошка, если б вы, учителя, знали свое дело. Но когда вы с ним не справляетесь, мы получаем подобных ему бесполезных людишек. Если бы в этой стране распоряжался я, то приставил бы его вместе с подобным сбродом к какому-нибудь посильному для них занятию — например, мыть посуду в общественной столовой или что-либо в этом роде. Да еще пришлось бы приглядывать, чтобы они ничего не напутали. А лучше вообще отослать их подальше. Уж его-то я отослал бы давным-давно.

— Подальше? Вы хотите сказать, что смогли бы до срока снарядить его в Путешествие?

— Да, если вам угодно употреблять бессмысленное и затасканное выражение. Прямо в туннель, на Груды Мусора, вот что я хотел сказать.

— Значит, вы полагаете, что живопись ничего не стоит — даже того, чтобы ее хранили, улучшали... даже пользовались ею.

— Нет, конечно, живопись — вещь полезная, — проговорил Томкинс. — Это его картину невозможно использовать. Другое дело молодые художники с их кругозором, они-то не боятся новых идей, новых методов. А его старомодная мазня? Пустяк, личные мечтания! Да он и ради жизни своей не сумел бы нарисовать стоящего плаката. Вечно возился с листьями и цветами. Я спросил его однажды — зачем? Он ответил, потому что они-де красивы! Можете представить? Так и сказал — красивы! Это они-то — пищеварительные органы... гениталии растений? Я так ему и сказал, и он не смог ничего возразить. Глупец, дурак.

— Дурак, — вздохнул Аткинс. — Да, бедный маленький человек, он так и не сумел ничего закончить. Конечно, после того как он уехал, холсты его нашли себе «лучшее» применение. Но я, Томкинс, совсем не уверен в этом. Помните ту большую картину, которая пошла на починку дома его соседа, после всех потопов и ураганов? Я нашел в поле оторванный от нее уголок. Он был поврежден, но все было понятно — там из листовенной пены выростала гора. И я не могу выбросить ее из головы.

— Разве она у вас есть? — возразил Томкинс.

— О ком вы оба? — спросил Перкинс, вмешавшийся, чтобы утихомирить страсти, так как Аткинс изрядно побагровел.

— Не стоит вспоминать, — отвечал Томкинс. — Не знаю, зачем это мы о нем заговорили, собственно он и не жил в городе.

— Нет, — отвечал Аткинс. — Вы говорите так потому, что вам приглянулся его домик. Тогда вы все

ходили к нему, пили его чай и смеялись над ним. Что ж, теперь сельский дом этого человека принадлежит вам вместе с городским, и вы рады забыть его имя. Мы разговариваем о Ниггле, если вы, Перкинс, знали его.

— О, бедняга Ниггл, — отвечал Перкинс, — а я и не знал, что он рисовал.

Так, наверно, в последний раз помянули Ниггла в разговоре. Однако Аткинс сохранил обрывок картины. Большая часть красок осыпалась, в конце концов на куске холстины остался один только прекрасный листок. Аткинс вставил его в рамку, а потом отдал в городской Музей. Там картина с подписью «Лист. Ниггл» долго висела в запасниках, а потому была доступна редкому взору. Потом случился пожар, вместе с музеем сгорел и лист, и тогда о картине и Ниггле забыли уже навсегда.

— Весьма полезная мера, — проговорил Второй Голос. — И праздник, и развлечение. Прекрасное занятие для выздоравливающих, и не только для них. Для многих самый удобный путь к Горам пролегает именно здесь. А с некоторыми буквально творятся чудеса. Теперь я посылаю многих этой дорогой и редко кто возвращается обратно.

— Так, — согласился Первый Голос. — Полагаю, пора дать этой местности имя. Что ты предлагаешь?

— Носильщик все уладил давным давно, — отвечал Второй Голос. — Он уже кричит: «Кому в Пэриш-Ниггл? Поезд на “Приют Простеца” подан к платформе!» Пэриш-Ниггл... Приют Простеца... Я известил обоих.

— И что же они сказали?

— Смеялись. Что там — хохотали... так что эхо разносилось от Гор.

Произведения Дж.Р.Р. Толкиена

КНИГИ О СРЕДИЗЕМЬЕ

· The Hobbit, or There and Back Again (1937) — **Хоббит, или Туда и обратно.**

· The Fellowship of the Ring: being the first part of The Lord of the Rings (1954) — **Хранители: Первая часть трилогии «Властелин Колец».**

· The Two Towers: being the second part of The Lord of the Rings (1954) — **Две твердыни: Вторая часть трилогии «Властелин Колец».**

· The Return of the King: being the third part of the Lord of the Rings (1955) — **Возвращение государя: Третья часть трилогии «Властелин Колец».**

· The Silmarillion (1977) — **Сильмариллион.**

The Unfinished Tales of Numenor and Middle-Earth (1980) — **Неоконченные сказания о Нуменоре и Средиземье.**

The Book of Lost Tales-I (1983) — **Книга забытых сказаний-I.**

The Book of Lost Tales-II (1984) – **Книга забытых сказаний-II.**

The Lays of Beleriand (1985)– **Песни Белерианда.**

The Shaping of Middle-Earth (1986) – **Очертания Средиземья.**

The Lost Road and Other Writings (1987) – **«Забывтая дорога» и другие произведения.**

The Return of the Shadow: The History of The Lord of the Rings-I (1988) – **Возвращение тени: История «Властелина Колец», ч. 1.**

The Treason of Isengard: The History of the Lord of the Rings-II (1989) – **Измена Айсенгарда: История «Властелина Колец», ч. 2.**

The War of the Ring: The History of the Lord of the Rings-III (1990) – **Война Колец: История «Властелина Колец», ч. 3.**

Sauron Defeated: The History of the Lord of the Rings-IV (1992) – **Саурон Побезденный: История «Властелина Колец», ч. 4.**

Morgoth's Ring: The Later Silmarillion, Part One: The Legends of Aman (1993) – **Кольцо Моргота: После «Сильмариллиона». Часть 1: Легенды Амана**

The War of the Jewels: The Later Silmarillion, Part Two : The Legends of Beleriand (1994) – **Война самоцветов: После «Сильмариллиона». Часть 2: Легенды Белерианда.**

The Peoples of Middle-Earth (1996) – **Народы Средиземья.**

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

- Leaf by Niggle (1945) – **Лист Ниггла.**
- Farmer Giles of Ham (1949) – **Фермер Джайлс из Хэма.**
- The Smith of Wootton Major (1967) – **Кузнец из Большого Вуттона.**
- The Father Christmas Letters (1976) – **Письма Рождественского Деда.**
- Mr. Bliss (1982) – **Мистер Блажь.**
- Roverandom (1998) – **Роверэндом.**

СБОРНИКИ СТИХОТВОРЕНИЙ

- Songs for the Philologists (1936) – **Песни для филологов (вместе с Э.В.Гордоном и др.).**
- The Adventures of Tor Bombadil and Other Verses from The Red Book (1962) – **«Приключения Тома Бомбадила» и другие стихотворения из Алой книги.**
- The Road Goes Ever On (1967) – **Дороге нет конца (вместе с Д.Сюонном).**
- Mythopoeia - **Мифопоэзия. В кн.: Tree and Leaf: Including the Poem Mythopoeia (1989).**

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

- The Battle of the Eastern Fields – **Битва на Восточной равнине (журнал «The King Edward»s School Chronicle», т. XXVI, №186, март 1911 г.).**
- From the Many-Willow'd Margins of the Immemorial Thames – **Темза! Как во время оно, ивы**

клонятся к воде... (журнал «The Stapledon Magazine», т. IV, №20, декабрь 1913 г.).

· Goblin Feet — **Шаги гоблинов** (ежегодник «Oxford Poetry» за 1915 г.).

The Happy Mariners — **Счастливые мореходы** (журнал «The Stapledon Magazine», т. V, №26, июнь 1920 г.).

The City of the Gods — **Град богов** (журнал «The Microcosm», т. VIII, №1, 1923 г.).

Light as a Leaf on Lindentree— **Легка как липовый листок** (журнал «The Gryphon», т. VI, №6, июнь 1925 г.).

The Nameless Land — **Безымянный край** (антология «Realities». GH, 1927 г.).

The Dragon's Visit — **Появление дракона** (журнал «The Oxford Magazine», т. V, №11, февраль 1937 г.).

The Lay of Aotrou and Itroun — **Песнь об Эотру и Итрун** (журнал «The Welsh Review», т. IV, №4, декабрь 1945 г.).

Imram — **Имрам** (журнал «Time & Tide», декабрь 1955 г.).

For W. H. A. — **У.Х.О.** (журнал «The Shenandoah», т. XVIII, №2, 1967 г.; стихотворение посвящено Уистену Хью Одену).

ПРОЧИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

A Middle English Vocabulary (1922) — **Словарь среднеанглийского языка** — приложение к труду К. Сайзема «Поэзия и проза четырнадцатого века».

· On Fairy Stories (1947) — **О волшебных историях.**

·The Homecoming of Beorhtnoth Beorhthelm's Son (1953) – **Возвращение Беорхтнота, сына Беорхтельма.**

Guide to the Names in The Lord of the Rings – **Указатель к именам и названиям во «Властелине Колец»** – впервые опубликовано Дж.Лобделлом в книге «Толкиеновский путеводитель» (1975).

The Monsters and the Critics and Other Essays (1983) – **«Чудовища и критики» и другие статьи.**

Bilbo's Last Song (1974) – **Последняя песня Бильбо.**

·The Letters of J.R.R.Tolkien (1981) – **Письма Дж.Р.Р.Толкиена.**

Содержание

ШАГИ ГОБЛИНОВ	
<i>Перевод Кирилла Королева</i>	5
ХОББИТ, или ТУДА И ОБРАТНО	
<i>Перевод Кирилла Королева</i>	7
КУЗНЕЦ ИЗ БОЛЬШОГО ВУТТОНА	
<i>Перевод Андрея Лактионова и Тахира Велимеева</i>	307
ФЕРМЕР ДЖАЙЛС ИЗ ХЭМА	
<i>Перевод Галины Усовой</i>	347
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА БОМБАДИЛА и другие стихи из Алой Книги	
<i>Перевод Владимира Тихомирова.....</i>	409
ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕОРХТНОТА, сына Беорхтхельма	
<i>Перевод Владимира Тихомирова.....</i>	463
ПОСЛЕСЛОВИЕ автора к «Возвращению Беорхтнота»	
<i>Перевод Владимира Тихомирова.....</i>	498

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Перевод Кирилла Королева 507

ТАЙНЫЙ ПОРОК

Перевод Дениса Афиногенова 533

ЛИСТ НИГГЛА

Перевод Юрия Соколова 569

ПРИЛОЖЕНИЕ

Произведения Дж.Р.Р. Толкиена

597

Литературно-художественное издание

Джон Роналд Руэл Толкиен
ХОББИТ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО
Избранные произведения

Ответственный редактор *О. Клокова*
Выпускающий редактор *С. Абовская*
Редакторы *А. Етоев, А. Лактионов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Л. Подъячева*
Корректор *В. Саранчева*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Тима Хильдебранта*

Подписано в печать с готовых монтажей 18.10.2002.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,92.
Доп. тираж IV 10 100 экз. Заказ 5194

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус».
Лицензия ЛР № 066477.
190121, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1 «Б»
Электронные адреса: WWW.TF.RU. E-mail: TERRAFAN@TF.RU

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — Info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00**

Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС».
103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgil@logosgroup.ru
ООО «КИФ «ДАКС». 140005, М. О., г. Люберцы, ул. Красноармейская, д. 3а.
Тел. 503-81-63, 796-06-24. E-mail: kif_daks@mtu-net.ru

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83.

Любите читать?

Нет времени ходить по магазинам?

Хотите регулярно пополнять домашнюю библиотеку и при этом экономить деньги?

**Тогда каталоги Книжного клуба
“ЭКСМО” – то, что вам нужно!**

Раз в квартал вы **БЕСПЛАТНО** получаете каталог с более чем 200 новинками нашего издательства!

Вы найдете в нем книги для детей и взрослых: классику, поэзию, детективы, фантастику, сентиментальные романы, сказки, страшилки, обучающую литературу, книги по психологии, оздоровлению, домоводству, кулинарии и многое другое!

Чтобы получить каталог, достаточно прислать нам письмо-заявку по адресу: **101000, Москва, а/я 333.**

Телефон "горячей линии" **(095) 232-0018**

Адрес в Интернете: **<http://www.eksmo.ru>**

E-mail: **bookclub@eksmo.ru**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Серию

"ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ"

Э серию вошли
проверенные
временем шедевры
золотого фонда
фантастики,
признанные
классикой жанра.
Читателей ждет
встреча с
супермастерами!

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ЛЕТА – 2002:

А. Азимов «Сны роботов»

А. Д. Фостер «Чародей с гитарой» (в 2 тт.)

Р. Шекли «Паломничество на Землю»

Все книги объемом 400-500 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Серию

“АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ”

**ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕР**

**ЕВГЕНИЙ
ГУЛЯКОВСКИЙ**

**ЛАБИРИНТ
МИРОВ**

В эту популярную серию входят произведения мастеров

остросюжетной фантастики. Это книги, которые нравятся всем!

**БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ЛЕТА – 2002:**

- Ю. Брайдер, Н. Чадович
«Гвоздь в башке»
- В. Головачев
«Война с джиннами»
- М. Ахманов
«Я – инопланетянин»

Все книги объемом 400-500 стр., твердый, целлофанованный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»
Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Серию

Мистика

Самые
оригинальные,
стильные и
романтические
истории о вампирах –
детях ночи.

Спрашивайте в магазинах

**Э. Райс «Царица проклятых»
Э. Райс «Повесть о похитителе тел»**

Все книги объемом 400-500 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок

Книги можно заказать по почте:

101000 Москва, д.я 333 Книжный клуб «ЭКСМО»
Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Джон
Рональд Руэл

ТОЛКИЕН

J.R.R. Tolkien

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС